

ISSN 1680-1709 (print)

ISSN 2713-0630 (online)

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»

**ВЕСТНИК
ЧУВАШСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. И. Я. ЯКОВЛЕВА**

Научный журнал

№ 1(114)

январь – апрель 2022 г.

Учредитель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Чувашский государственный
педагогический университет
им. И. Я. Яковлева»

Издается с ноября 1997 г.

Периодичность выхода –
4 номера в год

Зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-58093 от 20.05.2014)

Включен в Перечень рецензируемых
научных журналов и изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 39898

Адрес издателя:

428000, г. Чебоксары,
ул. К. Маркса, 38

Адрес редакции:

428000, г. Чебоксары,
Президентский бульвар, 19А

Тел.: (8352) 22-28-71, доб. 1182

E-mail: redak_vestnik@chgpu.edu.ru

www: <http://vestnik.chgpu.edu.ru>

© Чувашский государственный
педагогический университет
им. И. Я. Яковлева, 2022

Главный редактор *В. Н. Иванов*, д-р пед. наук, профессор

Ответственный редактор *Л. Н. Улюкова*

Ответственный секретарь *М. В. Ганин*, канд. филол. наук

Редакционная коллегия:

редакционный совет:

Адягаши К., д-р филол. наук, профессор (г. Дебрецен, Венгрия);
Автухович Т. Е., д-р филол. наук, профессор (г. Гродно, Беларусь);
Байрам Б., д-р филол. наук, доцент (г. Кыркларэли, Турция);
Болбас В. С., д-р пед. наук, профессор (г. Мозырь, Беларусь);
Дыбо А. В., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);
Катермина В. В., д-р филол. наук, профессор (г. Краснодар);
Кожанов И. В., д-р пед. наук, доцент (г. Чебоксары);
Кусаль К. Ч., д-р филол. наук, профессор (г. Лодзь, Польша);
Луутонен Й., PhD, адъюнкт-профессор (г. Турку, Финляндия);
Мотова Г. Н., д-р пед. наук, доцент (г. Йошкар-Ола);
Мухтарова Ш. М., д-р пед. наук, доцент (г. Караганда, Казахстан);
Сааринен С., PhD, профессор (г. Турку, Финляндия);
Тер-Минасова С. Г., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);
Хрисанова Е. Г., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Шаклеин В. М., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);

члены редакционной коллегии:

Гурьев А. С., PhD, постдокторант (г. Женева, Швейцария);
Драндров Г. Л., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Дурмуш О., д-р филол. наук, доцент (г. Эдирне, Турция);
Жамсаранова Р. Г., д-р филол. наук, доцент (г. Чита);
Закиев М. З., д-р филол. наук, профессор (г. Казань);
Зиновьева Е. И., д-р филол. наук, профессор (г. Санкт-Петербург);
Иванова А. М., д-р филол. наук, доцент (г. Чебоксары);
Кельмаков В. К., д-р филол. наук, профессор (г. Ижевск);
Ломакина О. В., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);
Масалимова А. Р., д-р пед. наук, доцент (г. Казань);
Мудрак О. А., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);
Мышкина А. Ф., д-р филол. наук, профессор (г. Чебоксары);
Пьянзин А. И., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Сарбаш Л. Н., д-р филол. наук, профессор (г. Чебоксары);
Старыгина Н. Н., д-р филол. наук, профессор (г. Йошкар-Ола);
Фахрутдинова Г. Ж., д-р пед. наук, профессор (г. Казань);
Янурик С., PhD, старший преподаватель (г. Будапешт, Венгрия).

УДК 821.512.142-312.6.09

DOI 10.26293/chgpu.2022.114.1.001

Р. Я. Бадахова, М. Х. Чотчаева

АВТОБИОГРАФИЗМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ МУССЫ БАТЧАЕВА

*Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева,
г. Карачаевск, Россия*

Аннотация. В статье исследуются способы и формы проявления автобиографизма в произведениях М. Батчаева. Писатель взялся за неразработанную область карачаевской художественной прозы, поскольку до М. Батчаева практически не было автобиографических в своей основе произведений. Задача осложнялась и тем, что ему предстояло объективно показать трагедию карачаевского народа. В повести «Солнце светит всем...» М. Батчаев обращается к теме насильственного выселения карачаевцев в Казахстан и Киргизию. Эта тема долгое время замалчивалась. М. Батчаев избирает автобиографическую форму повествования, где исторические события и факты поведаны читателю семилетним героем-рассказчиком. Такой художественный прием давал возможность писателю несколько смягчить акценты и при этом достоверно воспроизвести трагическую судьбу своего народа. Переплетение исторического документального материала и биографических сведений героя-повествователя составило особенность автобиографизма повести «Солнце светит всем...». Ввиду недостаточной изученности автобиографизма художественной прозы карачаевского писателя представляется необходимым исследование данного аспекта его творческих изысканий. Результаты исследования связаны с раскрытием образа автобиографического героя, близкого М. Батчаеву психологически и духовно. В ходе исследования выявлен автобиографизм как принцип изображения мира и человека в батчаевском художественном мире. Его произведения написаны в традиционной для художественно-биографической прозы форме воспоминаний о детстве. Творческие изыскания М. Батчаева были освоены писателями народов Карачаево-Черкесии. Сделанные в статье обобщения и выводы могут быть использованы при дальнейшем изучении приемов автобиографизма в литературах народов Северного Кавказа.

Ключевые слова: автобиографизм, композиция, психологизм, авторская биография, повествование

R. Ya. Badakhova, M. Kh. Chotchaeva

AUTOBIOGRAPHISM OF FICTION PROSE BY MUSSA BATCHAEV

Karachay-Cherkess State University, Karachayevsk, Russia

Abstract. The article considers the ways and forms of manifestation of autobiographism in the works of M. Batchaev. He took up the unexplored area of Karachay fiction prose as before M. Batchaev

there were practically no works which had autobiographical base. The task was complicated by the fact that he had to show objectively the tragedy of the Karachay people. In the story “The Sun Shines On Everyone...”, M. Batchaev addresses the topic of forced deportation of Karachay people to Kazakhstan and Kyrgyzstan. This topic has been hushed up for a long time. M. Batchaev chooses an autobiographical form of narration where historical events and facts are told to the reader by a seven-year-old narrator. Such a technique made it possible for the writer to soften the accents and at the same time faithfully reproduce the tragic fate of his people. The interweaving of historical documentary material and biographical information of the hero-narrator made up the peculiarity of the autobiographism of the story “The Sun Shines On Everyone...” . Due to the insufficient study of the autobiographical prose of the Karachay writer, it seems necessary to study this aspect of his creative research. The results of the study are connected with the disclosure of the image of an autobiographical hero, psychologically and spiritually close to M. Batchaev. In the course of the study, autobiographism was revealed as the principle of depicting the world and man in Batchaev’s fiction world. His works are written in the form of memories of childhood, which are traditional for fiction and biographical prose. The creative research of M. Batchaev was creatively mastered by the writers of Karachay-Cherkessian peoples. The generalizations and conclusions made in the article can be employed in further research on the methods of autobiographism in the literatures of the North Caucasian peoples.

Keywords: *autobiographism, composition, psychologism, author’s biography, narration*

Введение. Предметом наших изысканий стали произведения М. Батчаева, в которых наиболее ярко проявились принципы автобиографизма карачаевского писателя. Автобиографизм художественной прозы М. Батчаева рассматривается как способ отражения реальных фактов и событий в жизни автора. Целью статьи является теоретическое осмысление природы и функций автобиографизма в художественной прозе карачаевского писателя.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования заключается в обращении к вопросам автобиографизма в литературе сквозь призму творчества М. Батчаева, в котором контуры «автобиографического» проявляются весьма своеобразно. Выбранный аспект батчаевских художественных изысканий изучен недостаточно. Повесть М. Батчаева «Солнце светит всем...» рассматривается впервые.

Материал и методы исследования. Материалом исследования послужили произведения М. Батчаева, в которых наиболее выпукло прослеживаются приемы автобиографизма. Методология проведения работы определяется целью исследования. Автором применена методика комплексного анализа. В исследовании использованы принципы историко-генетического изучения произведения, концептуальный анализ, обобщение.

Результаты исследования и их обсуждение. Феномен автобиографизма понимается как связь с жизненной и творческой биографией писателя, проецируемой на героев и события произведения. Автобиографизм – константное качество литературы, поскольку произведение так или иначе связано с личностью творца, его психологией и мировидением. Но события и факты из жизни автора подвергаются художественной трансформации, предполагающей наличие элемента вымысла.

Автобиографизм в литературе проявляет себя по-разному. Он может присутствовать в произведении открыто, когда писатель появляется под собственным именем или приводит реальные факты из жизни. Принцип автобиографизма часто выражается имплицитно [6], и сложно определить связь между автором и героем. М. Медарич определяет автобиографизм как «стилистически маркированный литературный прием, представляющий собой эхо жанра автобиографии» [8, с. 5].

Творчеству карачаевского писателя Муссы Батчаева присущ принцип автобиографизма, выполняющий разные функции. В повести «Серебряный дед» (1968) автобиографический метод проявляется в выборе героя, событий и углубленном психологическом анализе, когда основой этого становится биография писателя. Детство, опаленное войной... Невыдуманный трагизм его М. Батчаев воспроизводит бережно и психологически полно.

Детство самого писателя пришлось на годы войны, и он скажет: «У моего поколения не было детства. Война не дала нам как следует вырасти. Мы на целую голову ниже тех, кто родился после Победы» [2, с. 21].

Автобиографический цикл его произведений «Серебряный дед», «Хочалай и Хур Хур» (1969), «Алибек – сын Дыгаласа» (1969) – повествования о поразительной выносливости детской души, ее возмужании. Война испытывает на прочность детский характер на пределе его возможностей.

События, положенные в основу повести «Серебряный дед», приобретают более трагическую окраску оттого, что «схвачены» и пережиты со всей остротой и бескомпромиссностью детского мировосприятия. Используемая автором «традиционная для художественно-биографического жанра форма повествования от первого лица, принимающая характер лирической исповеди, позволяет достичь непосредственности изложения, создать правдоподобие рассказываемого, проследить за процессом нравственного становления героя» [1, с. 11]. При этом автор нигде не нарушает принципа непосредственного видения происходящего героем-повествователем, возможность его выхода за пределы своего знания о тех событиях, о которых он рассказывает. Для него очень важна строгая соотнесенность языка рассказчика с его кругозором, с особенностями его мировосприятия и психологического состояния. «Каким бы пасмурным день ни был, плохая весть действует больно, но когда день такой солнечный и ясный, то она действует вдвойне. Пришла плохая весть. Сердце мое встрепенулось в тот день, как одна из тех птиц, что на подоконнике, и сегодня оно впервые дало о себе знать, в мои восемь лет... Вскоре пошел дождь. И я, словно ожидавший его, выхожу на улицу и направляюсь домой. Есть одна хорошая особенность, когда плачешь под дождем. Слезы, катящиеся по лицу, похожи на капли дождя, и никто не замечает, что ты плачешь...» [4, с. 41].

Автобиографизм в творчестве М. Батчаева становится основным принципом изображения мира и человека. Главной особенностью его автобиографических в своей основе произведений было достоверное изображение жизни карачаевского народа, вовлеченного в историю страны. Писатель поставил перед собой непростую задачу – исследовать и объективно показать целую историческую полосу в жизни карачаевцев. Трагическую судьбу своего народа М. Батчаев показывает в годы Великой Отечественной войны. «Мы были малы для войны. Воевать ушли наши отцы. Сколько их ушло от нас – не знаю. Знаю – больше двухсот в аул не вернулось. Для моего аула Кумыш это было много. Слишком много» [2, с. 21], – скажет он в предисловии к своему сборнику «Быть человеком».

В то время как верные сыны карачаевского народа сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны, получали высшие награды и звания за заслуги перед Родиной, весь народ был объявлен предателем и насильственно выслан в Казахстан и Киргизию. Долгих четырнадцать лет карачаевский народ тосковал по родной земле. М. Батчаев вынес тяготы военного детства, депортации и считал своим долгом достоверно поведать читателю о пережитом. К этой же теме обращается Х. Байрамукова в автобиографическом романе под названием «Четырнадцать лет». Здесь, несмотря на то что «повествование ведется от лица автора, все перипетии сюжета пропущены через сознание главного героя» [10, с. 60].

Формы автобиографизма в произведениях М. Батчаева многообразны. Писателю доступна как форма художественной автоинтерпретации, так и несколько завуалированная, т. е. имплицитная. Видимо, тема депортации карачаевского народа была столь значима для писателя, что он сознательно избирает форму выражения личностных установок. М. Батчаев пишет повесть под поэтичным названием «Солнце светит всем...» (1977). Название произведения дает установку на что-то светлое, радостное и возвышенное. Но стихи балкарского поэта Кайсына Кулиева, взятые эпиграфом к повести, обнажают проблему произведения и настраивают на драматизм событий.

Когда лишились хлеба мы и песен,
Когда мы скалы на плечах несли,
Нас тяжесть горя придавила б, если
Нам солнце не мерещилось вдали... [3, с. 143].

В повести «Солнце светит всем...» М. Батчаев не скрывает подлинности имен героев и автобиографичности событий, связанных с насильственным переселением карачаевцев. Повествование ведется от первого лица, семилетнего мальчика, имя которого мы узнаем в конце произведения. Трагические страницы истории карачаевского народа М. Батчаев передает глазами ребенка.

Писатель выделяет наиболее значимое для детского мировосприятия. Мальчик-рассказчик начинает свою историю с того, что его впервые в жизни – «за все мои семь лет» – разбудили рано. «Было еще темно, но пока не рассвело – над горами алела узкая полоса, что была, наверное, точной серединой утра и ночи» [3, с. 143]. В середине ночи «трое незнакомцев в зеленых гимнастерках, с винтовками» [3, с. 143] спешно грузили людей в большие грузовики. Мальчик с болью говорит о своем псе Добаре, который метался на цепи и рычал. Людей торопили так, что не было возможности отвязать Добара. Когда они выехали на дорогу, впереди и позади была непрерывная цепь грузовиков, набитых людьми. Их было так много, что, сколько ни смотрел мальчик [7], «... не смог увидеть ни конца, ни начала этой цепи» [3, с. 144].

Люди не понимали происходящего, не знали, в каком направлении их везут и для чего. Женщины «плакали усердно» и, как подметил рассказчик, «в свой плач вставляли такие вопросы и восклицания» [3, с. 144], которыми вызывали еще больше слез. Безутешной была соседка героя старая Фатима, поскольку ее сына не было дома. Как он найдет теперь свою мать? Где будет искать? Не зря вопрошала бедная мать. Она так и умрет на чужбине в одиночестве от голода и неизбывной тоски по сыну.

Проезжая мост через родную реку Кубань, увидели множество людей, которые смотрели и плакали. Это были осетины, провожавшие своих соседей, карачаевцев, в никуда. За этим грустным сообщением рассказчика следует другое, наверное, более значимое для ребенка: «Впереди всех на круче я видел маленькую красивую девочку в красивом белом платье. Сколько лет ей? – думал я. – Может быть, пять, а может быть, и шесть...» [3, с. 145]. Но здесь, возможно, присутствует и авторское желание немного смягчить акценты, так как детской душе понимание масштаба происходящего недоступно. В связи с этим значим и образ солнца, сопровождающий мальчика повсюду. «Мы были уже далеко от аула, когда из-за гор навстречу нам взошло солнце, круглое и красивое» [3, с. 145].

Повесть М. Батчаева «Солнце светит всем...», написанная в художественно-биографической форме, представляет собой как бы собрание небольших главок, в каждой из которых сообщается о каком-то отдельном событии. Создается впечатление некой фрагментарности повествования, что не свойственно художественной манере М. Батчаева. Думается, автор избирает такую форму сознательно, поскольку вместить судьбу целого народа на крутом переломе истории в небольшое по объему произведение было бы невозможно. Наверное, кто-то скажет, что жизнь карачаевцев на чужбине в течение четырнадцати лет не может вместиться в пространство повести. Но в творчестве М. Батчаева уже были малые формы эпоса, емкие по содержанию («Лепешки», «Дом победителя», «Самое главное» и др.). Кроме того, следует учесть и тот факт, что история поведана семилетним мальчиком, который из событийной канвы выхватывает наиболее значимое, с его точки зрения, и подает крупным планом. В повести «Солнце светит всем...» мы имеем дело с произведением, в котором выбранная форма соответствует содержанию.

Несколько скупо описывает герой прибытие в Киргизию и семью, приютившую переселенцев. Но в памяти его остались слова, произнесенные кузнецом Ахьей. На вопрос

встречавшего их киргиза о названии старой Родины карачаевцев Ахья отрезал: «Родины старой или новой не бывает... Она одна и всегда прекрасна» [3, с. 146].

Видимо, одним из важных для героя событий был его первый день в школе, так как он описан скрупулезно. Мальчик столкнулся с нерадушным приемом, насмешками за свой необычный вид. Это было новое испытание, которое герой выдержал с достоинством. Отцовская косматая шапка, шуба, сшитая из остатков дедова тулупа, «...и взбухшие, набитые сеном чубуры» на ногах его – все было необычно, что вызвало хохот и подтрунивания одноклассников. После уроков мальчик, стыдясь своего вида, вышел после всех. Но гурия мальчишек поджидала его за воротами. Рыжий сосед его по парте был впереди всех, пропел песенку с нелестным содержанием, после чего раздался дружный смех. В тот день рассказчик вернулся домой с разбитым носом, но сказал, что упал по дороге. Вскоре между рыжим Семей, прозванным в школе Подсолнухом, и героем завязалась крепкая дружба.

Событием, врезавшимся в память рассказчика, был случай, когда оголодавшие женщины начали выкапывать посаженные семена картофеля. Выкрики женщин, что они мрут, как мухи, что у одной дочь больна и ничего «давно не кушала» произвели на мальчика сильное впечатление. Так тянулись безрадостные дни вдали от родной земли...

В один из весенних дней на белом коне «скакал незнакомый мальчишка» и кричал на всю улицу о конце войны. Бывшие фронтовики-карачаевцы возвращались после Победы не в Карачай, а к своим семьям в Казахстан и Киргизию. Первым возвратился с войны отец мальчика-рассказчика. Это был самый счастливый день в его жизни.

Автобиографизм, как утверждает О. А. Большев, «бросает свет на подводную часть айсберга личности автора» [5, с. 170]. В произведениях, которым присущ автобиографизм, «количество проецируемого сокровенно-личностного переходит в качество, а установка (нередко бессознательная) на исповедь становится доминирующей, возникает эффект прикосновения с болевыми точками» [5, с. 170]. Нечто подобное происходит в повести М. Батчаева «Солнце светит всем...», поскольку герой говорит о самом сокровенном. Мальчик-рассказчик пишет стихи. Впервые толстую тетрадь, исписанную стихами, он показал своей учительнице Марии Ивановне. Учительницу тронуло одно стихотворение, которое, как она верно поняла, было не закончено:

Счастья нет под инозвездным небом,
Горек хлеб с немилых нам полей,
Ни цветов не надо и ни хлеба
Мне без гор, без Родины моей.
Не могу чужим огнем я греться,
Не цветут в чужих краях поля,
Здесь постиг я и умом, и сердцем,
Что такое отчая земля... [3, с. 156].

Прочитав стихотворение, Мария Ивановна сказала: «Та земля, что зовется в этих стихах Родиной, – только начало твоей Родины... Не сужай свой мир, не обкрадывай себя...» [3, с. 157]. Художественно убедительно, психологически обоснованно показывает автор процесс духовного становления личности. Герой не согласен с учительницей и в подтверждение своей позиции приводит слова кузнеца Ахьи: «...умереть с петлей на шее, зная, что ее заслужил, гораздо легче, чем быть со связанными ногами незаслуженно, по чьей-то вине, по чьей-то ошибке...» [3, с. 157]. Мальчик уверен, что у него отобрали самое дорогое – родную землю и человек не может быть счастлив вдали от отчего дома.

Образ солнца сопровождает героя в грустные и радостные моменты. Пришла радостная весть – возвращение домой. Герой с другом идет к озеру, у которого много лет назад остановился прикативший их сюда поезд. Он наблюдает за журавлями, которые радостно

возвращались назад, и это наводит на мысль о судьбе близких ему людей. Его последние слова перед отъездом – слова повзрослевшего человека: «Прощайте все, чьи крылья сломаны, кто не может завтра лететь с нами. Да будет щедрым солнце к земле, в которой вы останетесь лежать» [3, с. 158].

М. Батчаев часто создает произведения с разомкнутой концовкой: «Когда осуждают предки» (1969), «Когда тает снег» (1971), «Элия» (1976) и др. В повести «Солнце светит всем...» он завершил произведение и применил принцип кольцевой композиции. В финале читаем: «Огромная цепь машин вытянулась на дороге вдоль Кубани... Слева, на высокой круче, помахивая нам шапками, выстроились осетины» [3, с. 158]. И далее: «Впереди всех в белом платье стояла красивая тоненькая девушка...» [3, с. 158].

Рассказчик пишет письмо другу Семе, сообщает, что жизнь налаживается, и просит передать Марии Ивановне строки, которые когда-то ей обещал:

Я в горах!
Поют немые скалы!
Бури-ветры горе замели...
На отчизне мне дороже стала
Вся одна шестая часть земли.
Счастья нет под инозвездным небом,
Нет тепла среди чужих полей...
Без цветов готов я жить, без хлеба,
Если жить на Родине своей... [3, с. 159].

Герой, духовно возмужавший, теперь согласен с учительницей, что есть Родина маленькая и большая. Это поймет человек, который прошел путь, на котором будут «не одни цветы и радуга, а и невзгоды, и лишения» [3, с. 159], «...сам по себе новый топос не формирует и не воспитывает нового человека» [9, с. 90]. Личность формируют обстоятельства. Письмо свое герой завершает словами: «Светит над моей большой Родиной большое солнце. Светит всем ровно» [3, с. 159]. И подписывает: «Твой друг Мусса Батчаев, которому ты можешь написать по адресу: Карачаево-Черкесская автономная область, Карачаевский район, аул Кумыш» [3, с. 159].

Выводы. В повести «Солнце светит всем» М. Батчаев применил менее распространенный прием автобиографизма – указание автора на собственное имя и точный адрес в конце произведения. В повести «Серебряный дед» писатель создает образ автобиографического героя, который в результате художественной типизации приобретает, несомненно, черты лирического героя, воплотившего в своей судьбе биографические сведения автора. Автобиографизм батчаевской художественной прозы в целом характеризуется опорой на фактуальность жизни автора, т. е. достоверность как вымышленных, так и реальных событий и героев. Подобные творческие стратегии осмысления биографии в контексте истории страны и народа оказались весьма продуктивны в литературе и, в частности, в художественном мире карачаевского писателя Муссы Батчаева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадахова Р. Я. Творчество М. Батчаева в контексте нравственных исканий северокавказских литераторов 60–80-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02. – Карачаевск, 1999. – 20 с.
2. Батчаев М. Быть человеком. Повести, рассказы, новеллы. – М. : Современник, 1987. – 253 с.
3. Батчаев М. Солнце светит всем. Полное собрание сочинений. – М. : Эльбрус-ИД, 2012. – 496 с.
4. Батчаев М. Х.-К. Быть человеком. Рассказы, новеллы, повесть. – Ставрополь : Ставрополь. кн. изд-во, 1968. – 118 с.
5. Большев А. О. Исповедально-автобиографическое начало в русской прозе второй половины XX века : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. – СПб., 2003. – 282 с.

6. Горбунова А. Н. Автобиографизм и автобиографические жанры в творчестве А. И. Герцена 1840–1850-х годов // Движение времени и законы жанра: XVIII Всерос. науч.-практ. конф. словесников «Лейдермановские чтения». – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2014. – С. 15–21.

7. Мамчуева Ф. О. Этноментальные аспекты прозы Муссы Батчаева в свете жанрово-стилевых исканий карачаевской литературы второй половины XX столетия : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02. – Нальчик, 2010. – 180 с.

8. Медарич М. Автобиография / автобиографизм // Автоинтерпретация : сб. ст. по рус. лит. XII–XX вв. / под ред. А. Муратова, Л. Иезуитовой. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998. – С. 5–32.

9. Польш Д. В., Геганова А. А. Герои и антигерои производственного романа (на примере романа «Соть» Л. Леонова) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2020. – № 1(106). – С. 83–192.

10. Чотчаева М. Х. Время и пространство в романе Х. Байрамуковой «Четырнадцать лет» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 7(73), ч. 2. – С. 57–62.

Статья поступила в редакцию 16.02.2022

REFERENCES

1. Badahova R. Ya. Tvorchestvo M. Batchaeva v kontekste нравstvennykh iskanij severokavkazskikh literatur 60–80-h godov : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.02. – Karachaevesk, 1999. – 20 s.

2. Batchaev M. Byt' chelovekom. Povesti, rasskazy, novelly. – M. : Sovremennik, 1987. – 253 s.

3. Batchaev M. Solnce svetit vsem. Polnoe sobranie sochinenij. – M. : El'brusoid, 2012. – 496 s.

4. Batchaev M. H.-K. Byt' chelovekom. Rasskazy, novelly, povest'. – Stavropol' : Stavropol'. kn. izd-vo, 1968. – 118 s.

5. Bol'shev A. O. Ispovedal'no-avtobiograficheskoe nachalo v russkoj proze vtoroj poloviny XX veka : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.01.01. – SPb., 2003. – 282 s.

6. Gorbunova A. N. Avtobiografizm i avtobiograficheskie zhanry v tvorchestve A. I. Gercena 1840–1850-h godov // Dvizhenie vremeni i zakony zhanra: XVIII Vseros. nach.-prakt. konf. slovesnikov «Lejdermanovskie chteniya». – Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2014. – S. 15–21.

7. Mamchueva F. O. Etnomental'nye aspekty prozy Mussy Batchaeva v svete zhanrovo-stilevykh iskanij karachaevskej literatury vtoroj poloviny XX stoletiya : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.02. – Nal'chik, 2010. – 180 s.

8. Medarich M. Avtobiografiya / avtobiografizm // Avtointerpretaciya : sb. st. po rus. lit. XII–XX vv. / pod red. A. Muratova, L. Iezuitovoj. – SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1998. – S. 5–32.

9. Pol' D. V., Gaganova A. A. Geroi i antigeroy proizvodstvennogo romana (na primere romana «Sot'» L. Leonova) // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2020. – № 1(106). – S. 83–192.

10. Chotchaeva M. H. Vremya i prostranstvo v romane H. Bajramukovoj «Chetyrnadcat' let» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2017. – № 7(73), ch. 2. – S. 57–62.

The article was contributed on February 16, 2022

Сведения об авторах

Бадахова Рита Яковлевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева, г. Карачаевск, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-5354-8895>, badahova.rita@yandex.ru

Чотчаева Мариза Хыи́саевна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой литературы и журналистики Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева, г. Карачаевск, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-6401-2084>, marizachot@mail.ru

Author Information

Badakhova, Rita Yakovlevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Literature and Journalism, Karachay-Cherkess State University, Karachayevsk, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-5354-8895>, badahova.rita@yandex.ru

Chotchaeva, Mariza Khyisaevna – Candidate of Philology, Head of the Department of Literature and Journalism, Karachay-Cherkess State University, Karachayevsk, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-6401-2084>, marizachot@mail.ru

УДК [811.512.111+811.161.1]’373

DOI 10.26293/chgpu.2022.114.1.002

Л. В. Борисова, А. М. Иванова, Э. В. Чуева

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОВ)

*Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить национально-культурные особенности семантики инвективной лексики русского и чувашского языков. Исследование инвективной лексики актуально, поскольку в современных реалиях язык часто используется для реализации вербальной агрессии, что, безусловно, требует скрупулезного научного изучения. Работа выполнена на материале, отобранном из лексикографических и фольклорных источников. Анализ языкового материала осуществляется на основе положений когнитивно-дискурсивного подхода, сформулированных Е. С. Кубряковой. В работе использованы такие методы, как дистрибутивный анализ, кластерный анализ, концептуальный анализ, компонентный анализ, сопоставительный метод. Исследование показало, что к эффективным способам выявления этнокультурной специфики языковой картины мира можно отнести анализ инвективной лексики в когнитивном аспекте. Исследование позволило выявить четыре основные группы инвективной лексики через семантические ряды с выражаемыми обобщенными значениями. Сформулирован вывод о том, что в русском и чувашском языках инвективы с компонентами, относящимися к фаунистической лексике, используются наиболее активно, при этом обнаруживаются единицы, полностью идентичные, частично схожие, различные и противоположные с точки зрения семантического и образного наполнения. Постулирована возможность расширения границ исследования национально-культурной специфики языковой картины мира посредством когнитивного изучения инвективной лексики в сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: *дискурс, инвективная лексика, когнитивная лингвистика, национально-культурная специфика, репрезентация, русская языковая картина мира, сопоставительная семантика, чувашская языковая картина мира*

L. V. Borisova, A. M. Ivanova, E. V. Chueva

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICS OF INVECTIVE VOCABULARY (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND CHUVASH LANGUAGES)

I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article attempts to identify the national and cultural features of the semantics of the invective vocabulary of the Russian and Chuvash languages. The study of invective vocabulary is relevant since in modern realities the language is often used to implement verbal aggression, which requires scrupulous scientific study. The study was carried out on the material selected from lexicographic and folklore sources. The analysis of the language material is based on the provisions of the cognitive-discursive approach put forward by E. Kubryakova. The paper employs such methods as distributive analysis, cluster analysis, conceptual analysis, component analysis, and the comparative method. The study showed that the analysis of invective vocabulary in the cognitive aspect can be attributed to the effective ways of identifying the ethno-cultural specifics of the linguistic picture of the world. The study allowed us to identify four main groups of invective vocabulary through semantic series with expressed generalized meanings. The conclusion is that in the Russian and Chuvash languages, lexical and phraseological means with components-zoonyms are most actively used as expressively and stylistically colored invectives, while there are the units that are completely identical, partially similar, different and opposite from the

point of view of semantic and figurative content. The possibility of expanding the boundaries of the study of the national-cultural specifics of the linguistic picture of the world through the cognitive study of invective vocabulary in a comparative aspect is postulated.

Keywords: *discourse, invective vocabulary, cognitive linguistics, national and cultural specifics, representation, Russian language picture of the world, comparative semantics, Chuvash language picture of the world*

Введение. Настоящая работа посвящена сопоставительному когнитивному исследованию инвективной лексики на материале русского и чувашского языков. К инвективной лексике относятся слова и выражения, которые заключают в своем значении, эмоциональной окраске намеки на оскорбление личности адресата либо прямое оскорбление, а также намерение в резкой или скрытой форме оскорбить, унижить, опозорить своей речью оппонента.

Цель данной работы – провести сопоставительное когнитивное и лингвокультурологическое исследование семантики русских и чувашских лексем-инвектив.

Объектом исследования является инвективная лексика русского и чувашского языков, отраженная в художественной литературе, фольклоре, словарях. Предметом исследования является национально-культурная специфика семантики инвективной лексики.

Актуальность исследуемой проблемы. Современная лингвистика уделяет повышенное внимание изучению языка в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах [10, р. 35]. В связи с этим исследование инвективной лексики особенно актуально, поскольку в современных реалиях язык достаточно часто используется для реализации вербальной агрессии, что, безусловно, требует скрупулезного научного изучения.

Исследования, посвященные инвективной лексике, в современном отечественном языкознании немногочисленны. Термин «инвектива» подробно проанализирован в работе М. Л. Степко [7]. К исследованию инвективной лексики обращались А. Г. Бакиев [1], В. И. Жельвис [4], Г. С. Иванченко [6]. Для настоящей работы весьма значимы результаты исследований, проведенных Ю. А. Бельчиковым [2], Т. А. Золотаренко [5], А. Г. Файзуллиной [8].

Научная новизна данной работы обоснована двумя факторами: 1) изучением инвективной лексики в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах; 2) сопоставительным анализом инвективной лексики на материале двух неродственных языков, различных с точки зрения типологической структуры.

Материал и методы исследования. Исследование выполнено на материале лексико-фразеологических единиц, отобранных из толковых и фразеологических словарей русского языка, «Словаря чувашского языка», составленного Н. И. Ашмариным, «Чувашско-русского словаря», опубликованного под редакцией М. И. Скворцова, сборников русских и чувашских пословиц и поговорок, а также из произведений русской и чувашской художественной литературы. В процессе работы были применены следующие методы исследования: дистрибутивный анализ, кластерный анализ, концептуальный анализ, компонентный анализ, лингвокультурологический анализ, сопоставительный метод.

Результаты исследования и их обсуждение. Проведенный в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах сопоставительный анализ позволил выделить основные группы инвективной лексики:

1. Инвективы лексико-семантической группы «животный мир». Значительную часть инвективной лексики в обоих языках занимают зоосемантические метафоры, которые употребляются носителями языка с инвективной интенцией. К лингвокультурологическому анализу животных и птиц мы неоднократно обращались в своих предыдущих работах [3].

Инвективы «овца» (чув. *сурăх*) и «баран» (чув. *така*) используются для обозначения глупого человека, ассоциируются с интеллектуальными недостатками человека. Сравните: *тупая овца* (чув. *тăнсăр сурăх*). В чувашском языке данные лексемы имеют и другую семантику, близкую к инвективной, например, слово «овца» употребляется при обозначении робкого, безответного человека (сравните: *сурăх пек чётрет* «дрожит, как овца») и людей, слепо следующих за кем-, чем-либо (сравните: *сурăх кётёвё пек сурресё* «ходят, как стадо баранов»).

В сниженном стиле русской и разговорной речи для обозначения тучной, неповоротливой женщины часто используется лексема «корова» (чув. *ёне*). Например: *Да ты корова толстая, никогда тебе не похудеть!* Сравните также русское выражение *корова на льду* и чувашское *ёне пек утать* (букв. «ходит, как корова»).

И в русском, и в чувашском языках в качестве инвектив широко употребляются лексемы «собака» (чув. *йытă*), «сука» (чув. *йытă ами*), «кобель» (чув. *йытă аси*). Собакой называют злого, наглого, неблагодарного, подлого, бессовестного человека, а также человека распутного, порочного. Сравните: *Вăт йытă, – терё Дарья Степановна ура сине тăрсан, – хайне апат ситересшёнччё, вăл мана чышкă туянтарчё*. «Вот собака, – сказала Дарья Степановна, встав на ноги, – хотела его накормить, а он меня ударил» (Г. Н. Желтухин, «Юрататан пулсан»).

Змея (чув. *сёлен*) в обеих анализируемых лингвокультурах символизирует коварство, жестокость, подлость. Сравните русские и чувашские поговорки: *Льстивый человек – змея под цветами; Тайшман – сёлен, аяна ан ёнен*. «Враг – змея, не верь ему» [9].

В русском дискурсе для обозначения глупого и упрямого человека используется лексема «осел», а чуваша глупого человека назовут совой (чув. *тăмана*).

Слово «курица» (чув. *чăхă*) в русской культуре используется для обозначения жалкого, бесхарактерного человека (*мокрая курица*), слабоумного, невнимательного (*слепая курица*), а также человека глупого (*куриные мозги*). В последнем случае речь чаще всего идет о женщине. В чувашском языке слово «чăхă» не относится к инвективной лексике.

Названия таких насекомых, как вошь, моль, муха, мошка, блоха, тля и т. п., в обоих языках широко употребляются для обозначения мелких, ничтожных людей. Сравните: *Бешенство охватило его. Сыпнотифозная вошь! Гадина* (В. Гроссман, «Жизнь и судьба»). Приставучего, вечно ноющего человека чуваша называют осой (*сăпса пек нăйласа сурен* «ноешь, как оса»), слепнем (*пăван пек явăсрăн ман сума* «пристал ко мне, как слепень»).

Червь (чув. *ăман; сёр хурчё*) в обоих анализируемых языках символизирует ничтожного человека, достойного презрения. Сравните: *Ан сухăр! Тухса кай кунтан! Эсё нимён пёлмен сёр хурчё, сапах манпа калаçма сурен тата!* «Не кричи! Уходи отсюда! Ты червяк, который ничего не знает, еще смеешь разговаривать со мной!» (Г. Г. Кабакова, «Палламан сын»).

Исследование показало, что многие инвективы рассматриваемой группы в обоих языках демонстрируют полностью совпадающую семантическую структуру. Например, лексема «свинья» (чув. *сысна*) в обоих языках обозначает грязного, нечистоплотного, неряшливого человека (сравните: *грязная свинья; сысналла пурнан* «живешь в грязи»), подлого, наглого человека (сравните: *вести себя по-свински; сысналла хăтлан* «вести себя нагло»). В обоих анализируемых языках полного человека с целью оскорбления могут назвать свиньей (чув. *сысна*). Сравните русское выражение *жирная свинья* и чувашское *эсё сысна пек мăнтăр* «ты толстый, как свинья». С лошастью в обоих языках ассоциируются представления о тяжелом труде (*лаша пек ёçле* «работать, как лошадь»), с овцой – глупость (*анра сурăх* «глупый человек»).

Проведенное сопоставительное исследование позволило выявить и определенные расхождения, связанные с национально-культурными особенностями.

Только в русской лингвокультуре лексема «гнида» используется для обозначения ничтожного, мерзкого человека.

Инвектива *тăмана* «сова» в чувашском языке символизирует глупость, имеет отрицательную коннотацию. Сравните: *тăмана йăранĕ* «олух, бестолочь», *уй тăмани* «болван». К тому же данная лексема в чувашском языке используется для обозначения вялого, нерасторопного человека. Так, например, говорят: «*Эй, тăмана, çавна та сисеймерен-çке!*» (букв.: Эх, ротозей, даже это не смог заметить!). В русской культуре слово «сова» лишено отрицательной коннотации. Сова в русской культуре – это символ мудрости, вещая птица.

Лексема «ворона» (чув. *ула курак*) в русском языке используется в качестве оскорбительного слова, выражая значение ‘зевака, ротозей’, в чувашском языке соответствующая лексема используется только для обозначения птицы, не применяется по отношению к человеку.

Что касается лексемы «ворон» (чув. *çăхан*), в русском языке нами не были найдены примеры инвективного употребления данного слова, а в чувашском языке данная инвектива обозначает прожорливого, ненасытного человека.

Ненасытность, обжорство обозначает в чувашском языке и лексема *шампа* «налим». В качестве примера можно привести выражение *шампа хырăм* «ненасытная утроба» (букв.: налимий живот).

В чувашской национальной культуре голодранца, босяка называют летучей мышью (чув. *çара çерси*). Сравните: *Çара çерси нек* «как голодранец» (букв.: как летучая мышь) [9, с. 47]. В русском языке данное слово лишено инвективной составляющей.

2. Инвективы лексико-семантической группы «растения».

В русском языке лексема «лопух» выражает переносное значение ‘простоватый, несообразительный человек’. Лопухами в русской культуре называют простых, неопытных, доверчивых людей, которых очень легко обвести вокруг пальца.

В русском языке лексема «дуб» может выражать значение ‘глупый человек’ (сравните: *он дуб дубом*).

Об обидчивом, изнеженном человеке в русской культуре отзываются как о «мимозе», вероятно, из-за того, что данное растение имеет свойство скручивать свои листья при прикосновении к ним. Сравните пример из произведения А. Куприна «Поединок»: «– *Вы смешной: чуть вас тронешь, вы и завяли. Такая вы стыдливая мимоза*».

Многочисленны в русской литературе сравнения людей с грибами, особенно с ядовитыми. Подлую женщину называют поганкой. Сравните: *С этой поганкой ядовитой лучше не связываться*. Лексема «мухомор» в русском языке может употребляться для обозначения старого человека. Сравните: *Живая легенда – сколько историй с ним связано! Сейчас вроде бы обычный пенсионер-мухомор, но если присмотреться – ан нет, не обычный!* (Д. Корецкий, «Менты не ангелы»). При сравнении человека со сморчком мы невольно представляем старого, малосильного, сморщенного человека. Сравните поговорку: *Сморчком глядит, а богатырем кашу уплетает*.

Для обозначения старого человека также используется лексема «хрен». Сравните: *Ах ты, старый хрен, за молодой ухлестываешь?*

Как о «горькой полыни», представители обоих рассматриваемых народов отзываются об опротивевшем, надоевшем человеке. Сравните: *опротиветь хуже горькой полыни; армути нек йăлăхтар* «надоесть, как полынь». Также о таком человеке русские говорят: «*Опротивел хуже горькой редьки*».

В чувашской языковой картине мира наиболее ярким примером инвективной лексики с компонентом-фитонимом является лексема *ана пыйти* «липучка». Она выражает переносное значение ‘ничтожество (о человеке)’.

3. Инвективы лексико-семантической группы «бытовые реалии».

Для обозначения вялого, слабохарактерного человека в русской культуре используется лексема «размазня». Сравните: *Мы...и в том числе, разумеется, я первый – были порядочной размазней и трухой* (Н. Данилевский, «Россия и Европа»). Первоначально слово «размазня» использовалось лишь для обозначения жидкой каши (сравните: *сварить гороховую размазню*).

Лексема «колпак» в русском языке выражает переносное значение «недалекий человек, простак», а лексема «шляпа» – переносное значение «растяпа (о человеке)».

Слово «квашня», обозначающее деревянную кадушку для теста, в русской лингвокультуре может использоваться для презрительного наименования толстого, неповоротливого, нерасторопного человека.

Бесхарактерного, слабовольного человека русские презрительно называют *тряпкой*, а человека вялого, медлительного, безвольного – *тюфяком*.

Лексема «шваль», выражающая значение «негодная вещь, вещи», в русской культуре может использоваться и в переносном значении – «негодный, ничтожный человек».

Глупого, несообразительного человека русские презрительно называют *болваном*, *чурбаном*, *чуркой* (основное значение этих лексем – «обрубок бревна»), *дубиной*, а чуваша – *пнем* (чув. *тунката*) и *глиняным сосудом* (чув. *тăм кушле*).

4. Инвективы лексико-семантической группы «демононимы».

Архаический пласт инвективной лексики обоих языков составляют демононимы – наименования злых духов, связанные с дохристианскими религиозными верованиями.

Как бранное слово функционирует в русском языке лексема «черт». Сравните: *А ты, старый черт, о чем думал?*

Бранным наименованием человека является в русской культуре и лексема «кикимора», которая в русских дохристианских верованиях обозначала злого духа дома – маленькую женщину-невидимку, беспокоящую по ночам маленьких детей. В русском просторечии кикиморой называют уродливую, некрасиво одетую женщину.

О ком-либо, вызывающем негодование и злость, русские отзываются как о «лешем». Сравните: *А он здоров и силен, леший*.

Верховным предводителем всех злых духов в чувашских дохристианских верованиях считался *шуйттан* «злой дух, черт, сатана». В современном чувашском языке эта лексема широко представлена в составе различных ругательств: *шуйттан сүри!* «чертенок!» и других.

В качестве инвективы в чувашской лингвокультуре функционирует лексема *йёрёх*, являющаяся названием домашнего духа, который может как оказывать помощь, покровительство, так и вредить. В современном чувашском языке данная лексема является бранным словом, выражающим значение «подлец, негодяй».

Лексема *арсүри* «леший» в чувашском языке выражает переносное значение «бесенок, шалун, баловник». Это слово функционирует в речи как бранное.

Лексема *вупкăн* «злой дух, приводящий к разорению, нищете» также широко используется чувашами в качестве ругательства. Сравните: *Вупкăн!* «(о человеке) проклятый; ненасытный; обжора».

Злыми духами змеиной природы в чувашских дохристианских верованиях были *вёре сёлен* «змея-призрак», *астаха* «дракон», *юхха* «прекрасная девушка, в которую превращается дракон *астаха*, прожив тысячу лет». Наименования этих вредоносных для человека злых духов в чувашском языке являются инвективами, приблизительно соответствующими русским словам «гадина», «негодяй», «мерзавец».

Согласно чувашским дохристианским верованиям, с водной стихией был связан злой дух *алпастă*, который насыляет болезни, ночные кошмары, вредит роженицам и новорожденным. В современном чувашском языке наименование этого злого духа является бранным словом, выражающим переносные значения «неряха», «пустомеля», «озорник, шалун».

Следует отметить, что представленная нами классификация инвектив не является исчерпывающей. Расширение фактического материала, привлечение к исследованию новых лексико-семантических групп, отобранных из более широкого круга источников, безусловно, дополнят и обогатят данную классификацию.

К перспективам дальнейшего исследования инвективной лексики можно отнести также анализ диалектной лексики с точки зрения функционирования в ней инвектив и обращение к политическому дискурсу.

Выводы. Анализ инвективной лексики в лингвокультурологическом, когнитивном аспектах можно отнести к эффективным способам выявления этнокультурной специфики языковой картины мира.

Инвективная лексика – это слова, которые заключают в своей семантике интенцию оскорбить адресата. Инвективы частично вбирают в себя стилистически сниженную литературно-разговорную речь, просторечие, а также лексику грубую, бранную. Нейтральные слова также могут иметь инвективный подтекст. Инвективная лексика реализует экспрессивную функцию языка.

Результаты межъязыкового сопоставления свидетельствуют о том, что в русском и чувашском языках лингвистические единицы с компонентами, относящимися к фаунистической лексике, наиболее активно используются как экспрессивно и стилистически окрашенные инвективы. Исследование позволило выявить как полностью или частично идентичные инвективы, так и инвективы, различные и противоположные с точки зрения семантического и образного наполнения.

Этническая специфика инвективного состава того или иного языка отражает историческую индивидуальность и культурную самобытность каждого языкового коллектива. Однако это национально-культурное своеобразие не исключает определенных совпадений, обусловленных как экстралингвистическими факторами (устойчивостью реалий жизни и быта, схожим жизненным опытом), так и факторами собственно языковыми (калькированием, общими семантическими процессами, некоторыми психолингвистическими факторами и т. п.).

Все вышесказанное позволяет констатировать, что когнитивное, лингвокультурологическое изучение инвективной лексики в сопоставительном аспекте на материале русского и чувашского языков расширяет границы исследования национально-культурной специфики языковых картин мира обоих этносов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакиев А. Г. Природа вербальной агрессии // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18, № 1. – С. 162–165.
2. Бельчиков Ю. А. Инвективная лексика в контексте некоторых тенденций в современной русской речевой коммуникации // Филологические науки. – 2002. – № 4. – С. 66–74.
3. Борисова Л. В. Мир сквозь призму языка (русско-чувашские параллели) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2012. – № 3(75). – С. 21–24.
4. Жельвис В. И. Инвектива в парадигме средств фатического общения // Жанры речи. – Саратов : Литература, 1997. – С. 77–79.
5. Золотаренко Т. А. Уровни инвективной сущности // Вестник Волгоградского университета. Серия 2. Языкознание. – 2013. – № 1(17). – С. 142–145.
6. Иванченко Г. С. Инвектива / оскорбление: аспекты квалификации в экспертной практике // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 129–134.
7. Степко М. Л. Определение объема и границ понятия «инвектива» в отечественной лингвистике // Язык и межкультурная коммуникация : сб. ст. I Междунар. конф. – Астрахань : Астрахан. гос. ун-т, 2007. – С. 46–47.
8. Файзуллина А. Г. Номинация как методологическая основа исследования инвективной лексики // Вестник Чувашского университета. – 2008. – № 4. – С. 253–255.
9. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ваттисен сăмахĕсем / О. Н. Терентьева пухса хатĕрленĕ. – Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 2007. – 493 с.

10. Keller R. A Theory of Linguistic Signs. – Oxford, 2018. – 264 p.

Статья поступила в редакцию 01.09.2021

REFERENCES

1. Bakiev A. G. Priroda verbal'noj agressii // Vestnik Bashkirskogo universiteta. – 2013. – T. 18, № 1. – S. 162–165.
2. Bel'chikov Yu. A. Invektivnaya leksika v kontekste nekotorykh tendencij v sovremennoj russkoj rechevoj kommunikacii // Filologicheskie nauki. – 2002. – № 4. – S. 66–74.
3. Borisova L. V. Mir skvoz' prizmu yazyka (russko-chuvashskie paralleli) // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2012. – № 3(75). – S. 21–24.
4. Zhel'vis V. I. Invektiva v paradigme sredstv faticheskogo obshcheniya // Zhanry rechi. – Saratov : Literatura, 1997. – S. 77–79.
5. Zolotarev T. A. Urovni invektivnoj sushchnosti // Vestnik Volgogradskogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie. – 2013. – № 1(17). – S. 142–145.
6. Ivanchenko G. S. Invektiva / oskorblenie: aspekty kvalifikacii v ekspertnoj praktike // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 3. – S. 129–134.
7. Stepko M. L. Opredelenie ob'ema i granic ponyatiya «invektiva» v otechestvennoj lingvistike // Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikacija : sb. st. I Mezhdunar. konf. – Astrahan' : Astrahan. gos. un-t, 2007. – S. 46–47.
8. Fajzullina A. G. Nominaciya kak metodologicheskaya osnova issledovaniya invektivnoj leksiki // Vestnik Chuvashskogo universiteta. – 2008. – № 4. – S. 253–255.
9. Chăvash halăh pultarulăhě. Vattisen sâmahěsem / O. N. Terent'eva puhsa hatěrleně. – Shupashkar : Chăvash kěh. izd-vi, 2007. – 493 s.
10. Keller R. A Theory of Linguistic Signs. – Oxford, 2018. – 264 p.

The article was contributed on September 1, 2021

Сведения об авторах

Борисова Людмила Валентиновна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/000-0002-5909-0296>, ljudmila-borisova@yandex.ru

Иванова Алена Михайловна – доктор филологических наук, доцент, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, заведующая кафедрой чувашской филологии и культуры, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-1562-2147>, amivano@rambler.ru

Чуева Эльвира Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-0635-2619>, 570065@mail.ru

Author Information

Borisova, Lyudmila Valentinovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Literature, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-5909-0296>, ljudmila-borisova@yandex.ru

Ivanova, Alena Mikhailovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Russian and Chuvash Philology and Journalism, I. Ulyanov Chuvash State University, Head of the Department of Chuvash Philology and Culture, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-1562-2147>, amivano@rambler.ru

Chueva, Elvira Vitalyevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-0635-2619>, 570065@mail.ru

М. З. Валиева

**СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ АНТОНИМОВ
В ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА XVII–XVIII вв.
(НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘СƏЛАМƏТЛЕК’ – ‘ЧИР’ («ЗДОРОВЬЕ» – «БОЛЕЗНЬ»))**

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

Аннотация. В статье на материале татарских письменных источников XVII–XVIII вв. рассмотрено функционирование языковых антонимов со значением ‘сəламəтлєк’ – ‘чир’ («здоровье» – «болезнь»). Вопрос об антонимии привлекает внимание ученых на каждом новом этапе развития науки и требует отдельного рассмотрения. Актуальность нашей работы обусловлена еще и тем, что семантико-стилистические и функциональные особенности парадигматических отношений, в том числе антонимов в письменных источниках XVII–XVIII вв., изучены недостаточно.

Автором был проведен обзор публикаций, посвященных проблемам антонимии в татарском языкознании, рассмотрены особенности функционирования лексических единиц со значением ‘сəламəтлєк’ – ‘чир’ («здоровье» – «болезнь»), состоящих в антонимических отношениях. Исследование показало, что в письменных памятниках XVII–XVIII вв. лексические единицы со значением ‘сəламəтлєк’ – ‘чир’ («здоровье» – «болезнь») образовались не только из тюрко-татарских слов, но и с помощью арабских и персидских заимствований, многие из которых на сегодняшний день не используются в татарском литературном языке.

Ключевые слова: татарский язык, письменные источники, лексика, семантика, антоним, арабские и персидские заимствования

M. Z. Valieva

**SPECIFICS OF FUNCTIONING OF LINGUISTIC ANTONYMS
IN WRITTEN MONUMENTS OF THE TATAR LANGUAGE
OF THE 17TH – 18TH CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF LEXICAL UNITS
WITH THE MEANING “SALAMATLEK” – “CHIR” (“HEALTH” – “DISEASE”))**

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia*

Abstract. Based on the material of the Tatar written sources of the 17th-18th centuries, the article considers the functioning of language antonyms with the meaning “salamatlek” – “chir” (“health” – “disease”). The issue of antonymy attracts the attention of scientists at each new stage in the development of this science and requires some specific consideration. The relevance of our study is also due to the fact that the semantic-stylistic and functional features of paradigmatic relations including antonyms in the written sources of the 17th-18th centuries are not studied properly.

The author of the article studied the works on the problems of antonymy in the Tatar linguistics, considered the specificity of functioning of lexical units with the meaning “salamatlek” – “chir” (“health” – “disease”), which are in antonyms. The study showed that in the written monuments of the 17th-18th centuries lexical units with the meaning “salamatlek” – “chir” (“health” – “disease”) were formed not only from Turkic-Tatar words, but also with the help of Arab-Persian borrowings, many of which are not used today in the Tatar literary language.

Keywords: Tatar, written sources, vocabulary, semantics, antonym, Arab-Persian borrowings

Введение. Явление антонимии – разновидность парадигматических отношений, возникающих между словами, имеющими общую инвариантную основу. В татарском языкознании лексико-семантическую классификацию антонимов одним из первых предложил Г. Х. Ахатов [1, б. 38–39]. Позднее увидела свет статья Ш. С. Ханбиковой, посвященная энантиосемии. В ней она отмечает, что это явление бывает двух типов: противоречие в составе одного слова и противоречие в составе одного значения [13, б. 3–6]. Далее в татарском языкознании антонимические отношения изучила Ф. С. Сафиуллина. Она, наряду с выявлением пяти смысловых типов антонимов, дает сведения о таких стилистических фигурах, как оксюморон, антитеза, катахреза, возникающих на основе антонимических отношений [8, б. 51–56]. В трудах М. Б. Хайруллина [12, с. 105–108], Х. Р. Курбатова [6, б. 87–89], Л. Г. Хабибова [11], Р. М. Закировой [5] тоже освещаются антонимы. В 2010 г. И. Б. Баширова отметила, что в татарском языке контрастное значение можно выразить двумя словами, противоположными по смыслу. Автор довольно широко осветила явление антонимии [2, б. 232–264]. В монографическом издании «Татар лексикологиясе» (2015) дается определение явлениям антонимии, энантиосемии, а также выявляются их виды и стилистические функции [9, б. 167–188].

Актуальность исследуемой проблемы. Письменные памятники являются основными источниками в изучении гуманитарных наук, в особенности в изучении проблем, связанных с языком, литературой, историей. Обращение к письменным памятникам в области исторической лексикологии, исторической ономастики, изучение на их основе языковых единиц, анализ развития смысловых особенностей и, исходя из этого, изучение направлений, связанных с языковой картиной мира, являются сегодня особо важными [3]. Актуальность анализа антонимических отношений на основе богатого фактического материала, отраженного в татарских письменных памятниках XVII–XVIII вв., определяют перечисленные выше факторы.

Цель данного исследования – выявить особенности функционирования лексических антонимов в татарских письменных источниках XVII–XVIII вв.

Материал и методы исследования. В ходе работы применялись семантический анализ, методы лексической интерпретации. Предметом изучения являются лексические антонимические оппозиции лексем со значением ‘саламәтлек’ – ‘чир’ («здоровье» – «болезнь»), отобранные из татарских письменных памятников XVII–XVIII вв. Материалом для анализа послужили произведения Муслими «Таварих-и Булгария», анонимных авторов «Дафтар-и Чингиз-наме», «Маджмуг аль-хикаят», стихи Мавля Кулыя. Научная новизна и теоретическая значимость исследования состоят в анализе сущности антонимии путем раскрытия особенностей функционирования лексических антонимов, выявлении роли лексических антонимов в формировании структурно-семантического единства текста. Материалы и результаты исследования могут быть использованы для разработки учебника и учебных пособий по исторической лексикологии.

Результаты исследования и их обсуждение. Из лексических единиц, связанных со здоровьем человека, в литературных памятниках XVII–XVIII вв. встречаются следующие слова и словообразования, которые являются арабо-персидскими заимствованиями: *шифа* (исцеление, целебность): *шифа табу* (получение исцеления), *шифа кыйлу* (лечить; исцелить); *гыйлаж* (лекарство, средство): *гыйлаж әйләү* (лечить; найти лекарства), *гыйлаж идү* (лечить; исцелить); *сыйхәт* (целебное свойство): *сыйхәт алу* (вылечиться; оздоровление); *дару* (лекарство, снадобье, средство): *дару кыйлу* (лечить), *дару-дәрман* (лекарства, снадобья); *дәрман* (снадобье; сила, мощь): *дару-дәрман* (лекарства, снадобья).

В качестве антонимов перечисленных лексических единиц в письменных источниках встречаются следующие лексемы: *сырхау* (больной): *сырхаулык* (недомогание, болезнь), *сырхау улмыш* (заболеть); *зәгыйфь* (слабый, больной): *зәгыйфь улмыш* (слабость; болезненность); *мәраз* (болезнь, хворь).

В письменных памятниках довольно часто встречаются названия некоторых болезней: *бүсер захмәте* (грыжа), *сары захмәте* (желтуха); *фалиж захмәте* (паралич); *агыргы, эч авыргы* (болезни брюшной полости); *ваба* (холера, чума); *тагун* (чума); *үләт* (чума) и др.

Из наиболее активно употребляемых в письменных памятниках XVII–XVIII вв. – лексема *шифа* (выздоровление, излечение; лечебное средство).

В «Татарском толковом словаре» («Татар теленең аңлатмалы сүзлегендә») лексема *шифа* зафиксирована в двух значениях: 1. *Савыктыргыч, терелтү үзлегенә ия булган, сәламәтлек өчен файдалы* (оздоровительный, обладающий свойством оздоровления, полезный для здоровья). 2. *Дару ясау яки дөвалану өчен кулланыла торган* (то, что используется для создания лекарства или применяется для оздоровления) [10, б. 684].

В письменных памятниках слово *шифа* первоначально используется в словосочетаниях *шифа табу* и *шифа эстәү*: *Бу Шаһим шаһына бер көн эч агыргы пәйда булды, ул чиймәнәң суыны эчеп шифа табды* (У этого шаха Шахима однажды случилось три болезни, он нашел исцеление, испив родниковой воды) [7, б. 13]. *Һәр каюсы монда шифа табдылар* (Каждый здесь нашел исцеление) [7, б. 26].

В этих примерах словосочетание *шифа табу* (найти исцеления) обладает семантикой ‘дөвалану, савыгу, тәнгә-жанга сихәт алу’ (лечение, оздоровление, исцеление организма). А в следующем предложении словосочетание *шифа кыйту* отражает понятие ‘дөвалау, терелтү’ (лечение, оздоровление кого-то): *Хан әйде, аңа шифа кыйлсаңыз, бән сезнең динегезне кабул идәрмен, диде* (Хан сказал, если его оздоровите, я приму вашу религию) [7, б. 26].

Арабские заимствования *гыйлаж* (лекарство, средство), *сыйххәт* (здоровье, лекарство), персидское слово *дару* в письменных памятниках соответствуют понятиям «дөвалау, савыктыру, сәламәтләндерү» (лечение, оздоровление), используются в словосочетаниях *гыйлаж әйләү, гыйлаж идү, сыйххәт алу, дару кыйту* (делать лекарство, лечить, оздоровлять): *Айдар хан әйде, ул табибларны өндәгел, килсенләр, кызым Туйбикәгә гыйлаж әйләсенләр, диде* (Хан Айдар сказал, позовите этих врачей, пусть придут, сделают лекарство моей дочери Туйбике) [7, б. 26]. *Һәр ни гыйлаж идеб уңалмады* (Как ни лечил, не удалось) [7, б. 26]. *Мәзкүр сәхабәләр Болгарда чук мәрәзләрә дару кыйлдылар* (Вышеупомянутые современники Мухаммеда в Булгаре нашли лечение многим болезням) [7, б. 26]. *Ул кыз сихәт табыб хан сараена егереб кайтды* (Эта девушка, излечившись, в ханский дворец прибежала) [7, б. 27].

В качестве антонимической пары к вышеприведенным лексическим единицам *шифа, гыйлаж* в письменных памятниках отмечены арабские заимствования *рәнеж* (болезнь), *мәраз* (болезнь, хворь) со значением ‘чир’ (болезнь, хворь, недуг). Правда, эти лексемы в значении ‘чир, хасталык’ (хворь, болезнь, недуг, болезненность, недомогание) выпали из употребления в современном татарском языке: *Аның суындан әтрафындагы илләр мәразларындан шифа эстәрләр ирде* (От этой воды близлежащие страны получали исцеление от болезней) [7, б. 13]. *Болгарда чук мәрәзләр дару кыйлынды* (В Болгаре от многих хворей делали снадобья) [7, б. 26]. Также *шифа кыйту* (лечить), *гыйлаж идү* (оздоровление) с дериватом *сырхаулык* и со словосочетанием *сырхау улмыш* находятся в антонимических отношениях: *Ул моның сырхаулыкны белмәк өчен кешесен йибәрде* (Он послал человека узнать о его болезни) [7, б. 85]. *Сырхау улмышдыр, хәл эчендәдер, диде* (Он болел, сказал, причина была в животе) [7, б. 85]. Будет правильно сказать, что в этих примерах говорится не только о конкретной болезни, но и дается представление о физическом и душевном состоянии человека. Даже когда лексема *сырхау* используется сама по себе, речь идет не только об отдельной болезни, а возникает представление о самом человеке, его болезненной внешности: *Ул хәйлә төзде, үзене сырхау кыйлды* (Он задумал хитрость, превратился больным) [7, б. 85].

Нездоровое состояние также передает арабское заимствование *зэгыйфь*, что означает ‘гарип, физик яктан житешсез’ (изувеченный, физически неполноценный): *Ул көн хәрәбдә бик каты эссе ирде, аякларының диресе эсселектән пешеб кабарыб, каты зэгыйфь улдылар* (В тот день на войне было очень жарко, от жары у него распухли ноги, стали нездоровыми) [7, b. 14].

Антонимичная пара *дарман* – *дармансызлык* (сила, мощь, лекарство, средство, облегчение – бессилие, слабость, неомощность, упадок сил) в письменных памятниках означает ‘авырып китү, хәл булмау’ (болезненное состояние, бессилие). Лексема *дару* (лекарство) из словосочетания *дару кыйлу* присутствует и в парном слове *дару-дарман*. В словарях у персидского слова *дарман* наряду с понятиями «көч, куәт; эмәл, чара» (сила, мощь, средство, способ, мера) зафиксировано и значение ‘дару’ (лекарство, снадобье). В следующем примере вполне возможно, что лексема *дарман* использована в значении ‘дару’: *Әжәл йитеп килсә, дару-дарман булмас ирмеш* (Если смерть придет, якобы лекарства не будет) [4, b. 71].

Дериват *дармансызлык* отражает понятие «көч, куәт, хәл булмау» (бессилие): *Ачлыкдин, дармансызлыкдин би углы Балина бер ботка бирделәр* (От голода, бессилия сыну бия Балину дали кашу) [4, b. 72].

Понятие «авыру, чир» (болезнь, хворь) в письменных источниках выражает и арабское заимствование *захмәт*. Эта лексема, как правило, используется в составе словосочетания и служит для конкретного названия хвори. В «Таварих-и Булгария» Муслими упоминаются следующие названия болезней: *бүсер захмәте* (грыжа), *сары захмәте* (желтуха), *фалиж захмәте* (в значении паралич): *Бәнем бүсер захмәтем вардыр* (У меня, наверное, есть грыжа) [7, b. 14]. *Ул килде, күрде кем Аксак Тимер сары захмәте берлә хәлсез булып йатыр* (Он пришел, увидел, как Аксак Тимер болеет желтухой) [4, b. 85]. *Әл-кыйсса, бер көн Айдар ханның кызы Туйбикәгә фалиж захмәте пәйда булды* (Однажды у дочери хана Айдара Туйбике случился паралич) [7, b. 26].

Лексема *агыргы* в литературных памятниках используется в значении ‘болезнь’: *Бу Шаһим шаһына бер көн эч агыргы пәйда булды* (живот заболел), *ул чиймәнәң суыны эчәб ишфа табды* (У этого шаха Шахима однажды заболел живот, выпил родниковой воды и поправился) [7, b. 13].

В письменных памятниках есть также и примеры названий болезней *ваба*, *тагун*. В «Таварих-и Булгария» представлены арабские заимствования *ваба* и *тагун*, которые означали болезнь чуму, унесшую в древние времена и Средневековье много человеческих жизней. В этом случае они выглядят абсолютными синонимами: *Бер заман Әндрай кальгасенә ваба керде, ягъни тагун илә Сәлсан шәһәре һәлак улдылар* (Однажды в крепость Андрай пришла ваба, т. е. из-за тагуна погиб город Салсан) [7, b. 48]. В «Дафтар-и Чингиз-наме» встречается и слово *үләт* (падеж, эпидемия, мор, падаль): *Андин соң тарих мең дә алтмыш бишдә ирде, үләд булды, йылкы йылы ирде* (Затем был тысяча шестьдесят пятый год, был мор, это был год лошади) [4, b. 91].

Выводы. Материал, изложенный выше, позволяет прийти к следующим выводам:

1. Татарские письменные памятники XVII–XVIII вв. богаты на антонимы. Антонимических пар становится больше за счет дериватов лексических единиц и словосочетаний, образованных с их участием.

2. Как видно из фактологического материала, в возникновении антонимов велика роль арабских и персидских заимствований.

3. Большинство из активно используемых в XVII–XVIII вв. лексических единиц, например, *гыйлаж* (лечение; лекарство, средство), *мәраз* (болезнь, хворь), *фалиж захмәте* (паралич), *тагун* (чума) и др., выпало из употребления в современном татарском языке.

4. Среди лексических единиц, которые в XVII–XVIII вв. активно использовались в письменных памятниках, есть такие, которые на сегодняшний день испытали семантические изменения, и значения их существенно сузились. Например, в современном татарском языке слово *дәрман* утратило значение ‘дару, дэва’ (лекарство), а используется в значении ‘көч-куәт, хәл’ (сила, мощь).

5. Выяснилось, что в письменных памятниках в качестве текстуального антонима к слову «чир» использовались лексемы «шифа, сихәт».

Таким образом, татарские письменные памятники XVII–XVIII вв. чрезвычайно богаты на языковые антонимы, что требует их дальнейшего изучения в качестве стилистических средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Әхәтов Г. Х. Татар телендә антонимнар // Совет мәктәбе. – 1977. – № 2. – Б. 38–39.
2. Бәширова И. Б. Татар әдәби теле. Семасиология. – Казан : Б. и, 2010. – 532 б.
3. Валиева М. З. Имена исторических личностей в письменных источниках татарского языка (на материале XVII–XVIII вв.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, вып. 6. – С. 1768–1771.
4. Дәфтәре Чыңгызнамә // Миранстан биш сәһифә: XVII–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкярләре / Төзүче С. Гыйләжев. – Казан : Тат. кит. нәшр., 2011. – 38–96 б.
5. Закирова Р. М. Антонимы в татарском языке: Лексико-грамматические, семантические и стилистические особенности употребления : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. – Казань, 2001. – 21 с.
6. Курбатов Х. Р. Татар теленә лингвистик стилистикасы һәм поэтикасы. – Казан : Мәгариф, 2002. – 200 б.
7. Мөслими Г. Тәварихы Болгария / Төзүче С. Гыйләжев. – Казан : Иман нәшрияты, 1999. – 101 б.
8. Сафиуллина Ф. С. Хәзерге татар әдәби теле. Лексикология (югары уку йортлары студентлары өчен). – Казан : Хәтер, 1999. – 288 б.
9. Татар лексикологиясе: өч томда / проект җит. М. З. Зәкиев; ред. Г. Р. Галиуллина. – Казан : ТӘҺСИ, 2015. – Т. I. – 167–188 б.
10. Татар теленә аңлатмалы сүзлегә / баш. ред. Ф. А. Ганиев. – Казан : Матбугат йорты, 2005. – 848 б.
11. Хабибов Л. Г. Структурно-семантические особенности антонимов в татарском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. – Уфа, 1984. – 26 с.
12. Хайруллин М. Б. Проблемы развития лексической системы татарского литературного языка. – Казань : Фикер, 2000. – 128 с.
13. Ханбикова Ш. С. Сүздәге антонимик мәгънәләр // Лексика и стилистика татарского языка. – Казань, 1981. – 3–6 б.

Статья поступила в редакцию 14.01.2022

REFERENCES

1. Әхәтов Г. Х. Татар telendә antonimnar // Sovet мәктәбе. – 1977. – № 2. – Б. 38–39.
2. Bəshirova I. B. Tatar әдәби tele. Semasiologiya. – Kazan : B. i., 2010. – 532 b.
3. Valieva M. Z. Imena istoricheskikh lichnostey v pis'mennykh istochnikah tatarskogo yazyka (na materiale XVII–XVIII vv.) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2021. – T. 14, vyp. 6. – S. 1768–1771.
4. Dəftəre Chyngyznamə // Mirastan bish səhifə: XVII–XIX gasyrlar әдәби-tarihi yadkyarləre / Təzyche S. Gyləjev. – Kazan : Tat. kit. nəshr., 2011. – 38–96 b.
5. Zakirova R. M. Antonimy v tatarskom yazyke: Leksiko-grammaticheskie, semanticheskie i stilisticheskie osobennosti upotrebleniya : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.02. – Kazan', 2001. – 21 s.
6. Kurbatov H. R. Tatar teleneң lingvistik stilistikasy һәм poetikasy. – Kazan : Məgarif, 2002. – 200 b.
7. Məslimi G. Təvərihy Bolgariya / Təzyche S. Gyləjev. – Kazan : İman nəshriyatı, 1999. – 101 b.
8. Safiullina F. S. Həzerge tatar әдәби tele. Leksikologiya (yugary uku jortlary studentlary өчен). – Kazan : Həter, 1999. – 288 b.
9. Tatar leksikologiyase: өч tomda / proekt җит. M. Z. Zəkiev; red. G. R. Galiullina. – Kazan : TƏhSI, 2015. – T. I. – 167–188 b.
10. Tatar teleneң aңlatmalı syzlege / bash. red. F. A. Ganiev. – Kazan : Matbugat jortı, 2005. – 848 b.
11. Habibov L. G. Strukturno-semanticheskie osobennosti antonimov v tatarskom yazyke : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.02. – Ufa, 1984. – 26 s.

12. Hajrullin M. B. Problemy razvitiya leksicheskoy sistemy tatarskogo literaturnogo yazyka. – Kazan' : Fiker, 2000. – 128 s.
13. Hanbikova Sh. S. Syzdäge antonimik mäg"nələr // Leksika i stilistika tatarskogo yazyka. – Kazan', 1981. – 3–6 b.

The article was contributed on January 14, 2022

Сведения о авторе

Валиева Милеуша Закиевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия, <https://orcid.org/000-0001-7128-1442>, miliy21@mail.ru

Author Information

Valieva, Mileusha Zakievna – Candidate of Philology, Senior Researcher, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia, <https://orcid.org/000-0001-7128-1442>, miliy21@mail.ru

В. В. Волохова

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В СТРОИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Национальный исследовательский

Московский государственный строительный университет, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу немецких текстов строительной тематики и выявлению их лексических и синтаксических особенностей. Автор изучал статьи из интернет-ресурсов www.bauingenieur24.de, www.hausbauhelden24.de, www.db-bauzeitung.de, www.hausbau.de, www.redshift.autodesk.de, ориентированные на профессионалов и непрофессионалов строительной индустрии, применяя методы наблюдения, описания и сопоставления. На основании проведенного исследования был сделан вывод, что тексты строительной тематики современного немецкого языка характеризуются лексическими и синтаксическими особенностями, такими как употребление строительных терминов, прилагательных, образованных при помощи суффиксов *-bar*, *-los*, *-reich*, глаголов с приставками, технических сокращений, англицизмов, распространенных словосочетаний, состоящих из существительных, причастий и причастных оборотов, безличных предложений, страдательного залога и его эквивалентов, придаточных предложений цели, относительных и условных предложений. Современные тексты немецкого языка в строительной сфере не имеют собственного синтаксиса. Отличие от обычного языка заключается в предпочтении и частоте использования определенных синтаксических средств.

Ключевые слова: *профессиональный язык, повседневный язык, профессиональный термин, профессиональная лексика, синтаксические особенности*

V. V. Volokhova

LEXICAL AND SYNTACTIC FEATURES OF THE MODERN PROFESSIONAL GERMAN LANGUAGE IN THE CONSTRUCTION INDUSTRY

National Research Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russia

Abstract. This article analyzes the German texts on construction topics and reveals their lexical and syntactic features. The author studied the articles of Internet resources www.bauingenieur24.de, www.hausbauhelden24.de, www.db-bauzeitung.de, www.hausbau.de, www.redshift.autodesk.de aimed at professionals and non-professionals of the construction industry, using methods of observation, description and comparison. Based on the research, it was concluded that the construction texts of the modern German language are characterized by lexical and syntactic features such as the use of construction terms, adjectives formed with suffixes *bar-*, *los-*, *reich*, verbs with prefixes, technical abbreviations, anglicisms, common phrases consisting of nouns, participles and participial phrases, impersonal sentences, passive voice and its equivalents, clauses of purpose, relative and conditional sentences. Modern German texts in the construction industry do not have their own syntax. The difference from ordinary language lies in the preference and frequency of use of certain syntactic means.

Keywords: *professional language, everyday language, professional term, professional vocabulary, syntactic features*

Введение. Данная работа посвящена анализу современного профессионального немецкого языка в строительной сфере с позиций лексических и синтаксических особенностей, составляющих главное отличие профессионального языка от повседневного, которое характеризуется большой степенью употребления профессиональных терминов, сложных предложений и типичных конструкций текста, что редко встречается в общеразговорном языке. Несмотря на эти свойства, по мнению немецких лингвистов (W. Schmidt, L. Hoffmann), профессиональный язык не является независимым от повседневного языка. Выбранный в качестве объекта исследования профессиональный язык в современном немецком языке находится в центре внимания многочисленных исследований (W. Schmidt, L. Hoffmann, H. Bußmann, F. Patocka и многих других немецких лингвистов). При всей своей значимости данные работы рассматривают профессиональный язык в широком смысле, что не позволяет отнести все его отличительные черты к современному немецкому языку строительной сферы.

Актуальность исследуемой проблемы объясняется прежде всего повышенным интересом лингвистов к профессиональному немецкому языку, а также отсутствием на сегодняшний день специальных исследований в области профессионального немецкого языка строительной сферы. В связи с этим цель настоящей статьи заключается в выявлении и характеристике лексических и синтаксических особенностей текстов строительной тематики в современном немецком языке. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: дать определения повседневного и профессионального языков; выявить отличия профессионального языка от повседневного; определить понятие «профессиональный термин»; установить характерные лексические и синтаксические особенности текстов в современном немецком языке, связанных с темой «Строительство».

Материал и методы исследования. Материалом исследования послужили тексты строительной тематики, отобранные методом сплошной выборки из интернет-сайтов для профессионалов-строителей и непрофессионалов на немецком языке: www.bauingenieur24.de, www.hausbauhelden24.de, www.db-bauzeitung.de, www.hausbau.de, www.redshift.autodesk.de. Анализ фактического материала проводился с использованием комплексной методики лингвистического анализа, включающей в себя традиционные методы наблюдения, описания и сопоставления. Указанные методы позволили определить лексические и синтаксические особенности современного немецкого языка в строительной сфере.

Результаты исследования и их обсуждение. Прежде чем перейти к анализу профессионального языка, необходимо дать определения повседневного и профессионального языков. С точки зрения немецких лингвистов (L. Hoffmann, D. Möhn, R. Pelka, W. Schmidt), повседневный язык – это вариант общего языка, которым владеют все языковые участники, и их письменное или устное владение в общественных и частных ситуациях служит в первую очередь для коммуникации на ежедневные, социальные и личные темы. Повседневный язык определяется как понятный всем членам языкового сообщества язык для общего, непрофессионального, обмена высказываний [14, s. 141]. Профессиональный язык, в свою очередь, определяется как общение между профессионалами [17, s. 16]. По Хоффманну, профессиональный язык – это совокупность всех языковых средств, которые используются в профессиональной области общения и служат для общения между людьми, работающими в определенной сфере, и для установления контакта с некоторыми непрофессионалами [13, s. 170]. На наш взгляд, приведенные выше определения повседневного и профессионального языков наиболее правильные, поскольку главное отличие этих языков заключается в том, что профессиональный язык – это язык, существующий для определенной профессиональной сферы.

Поскольку профессиональные языки возникли и развивались на базе общелитературного языка, основу профессиональных языков составляют лексика, словообразование, грамматика общелитературного языка, на принципах которых создаются лексическая, грамматическая, словообразовательная подсистемы рассматриваемых языков [15, s. 11].

Как правило, профессиональная языковая система распознается по особенностям определенной лексики [7, s. 21]. Под словарным запасом или лексикой понимается совокупность всех слов, которые человек может использовать или которые принадлежат определенному языку. Гетц и Хесс-Лютрих считают, что отличительной особенностью профессионального языка является их лексика, т. е. каждый профессиональный язык характеризуется своим собственным специализированным словарем, служащим для обозначения объектов, содержания, фактов [11, s. 618]. Следует различать профессиональную лексику, или профессионализмы, и профессиональные термины. Отличие заключается в том, что профессионализмы свойственны определенной профессиональной группе, другими словами, это лексика, используемая в речи людей, объединенных общей профессией, для неформального общения. Именно неофициальность, разговорный характер, экспрессивность являются основными семантическими маркерами профессиональных слов [4, с. 2]. Профессиональный термин от обычного языка отличает его значение. Согласно Рельке [16, s. 56–57], профессиональный термин – это слово или словосочетание и в то же время свободно используемая лингвистическая единица профессиональной языковой системы. Иначе говоря, профессиональные термины являются официальными научными наименованиями специальных понятий. Отличительными чертами термина служат его однозначность и стилистическая нейтральность. Кроме того, значение термина должно быть определенным и принятым специалистами данной сферы деятельности, а его употребление – устойчивым [5, с. 87]. В данной статье мы не проводим разграничения терминов и профессионализмов, а включаем эти два понятия в одно и трактуем как профессиональную лексику или профессиональные слова, реализуемые в текстах на строительную тематику, для которых характерны лексические особенности, направленные на профессиональную коммуникацию [1].

Как показывает анализ теоретической литературы, профессиональному языку свойственны определенные лексические и синтаксические конструкции. В результате нашего исследования мы выделили наиболее характерные особенности профессионального немецкого языка в строительной сфере. К лексическим особенностям мы отнесли следующие моменты:

- большое количество профессиональных слов: *die Bandbrücke* – эстакада для ленточного транспортера, *der Zapfhahn* – водоразборный кран, *die Vollmontagebauweise* – полносборное строительство, *das Neigungsverhältnis* – тангенс угла наклона, *das Hagusta-Filter* – стальной фильтр с эбонитовым покрытием (для трубчатых колодцев), *der Fehlmann-Brunnen* – лучевой водозабор с устройством горизонтальных скважин по методу Фельмана, *der Fachwerkbau* – каркасное строительство, каркасное сооружение, постройка с несущим каркасом, *die Decken-Hohlraum-Strahlungsheizung* – потолочное лучистое отопление со змеевиком, расположенным в воздушной прослойке (между перекрытием и подшивным потолком), *der Cippus* – четырехугольная суживающаяся кверху колонна [6], [8];

- использование прилагательных, образованных при помощи суффиксов *-bar*, *-los*, *-reich* и т. д.: *umfangreich* – обширный, *unmittelbar* – непосредственный, *realisierbar* – реализуемый, *verwendbar* – пригодный для использования, *feststellbar* – определяемый, *justierbar* – регулируемый, *abgasarm* – с низким уровнем выбросов, *leicht transportierbar* – легко транспортируемый, *frei verfahrbar* – свободно перемещаемый, *zahlreich* – многочисленный, *formlos* – бесформенный, *endlos* – бесконечный, *fugenlos* – бесшовный, *wasserreich* – богатый водой, *elektrosmogarm* – низкий уровень электросмога [9], [12];

- частое использование составных слов, которые состоят из нескольких существительных, глаголов и существительных, прилагательных и существительных: *die Massivholzmöbelstücke* (*Massivholz* + *Möbel* + *Stücke*) – мебель из твердого дерева, *die Gipsfaserplatten* (*Gips* + *Faser* + *Platten*) – гипсокартон, *die Wärmedämmung* (*Wärme* + *Dämmung*) –

теплоизоляция, *das Gebäudeenergiegesetz* (Gebäude + Energie + Gesetz) – закон об энергии здания, *der Selbstbauverband* (selbst + Bau + Verband) – ассоциация «Построй сам», *der Fertighaushersteller* (fertig + Haus + Hersteller) – производитель сборных домов, *der Wohn-Ess-Kochraum* (wohnen + essen + kochen + Raum) – гостиная-столовая-кухонная зона, *die Lese- und Rückzugsecke* (lesen + Rückzug + Ecke) – зона для чтения и уединения, *die Hilfs- und Wiederaufbaumaßnahmen* (Hilfe + Wiederaufbau + Maßnahmen) – работы по оказанию помощи и восстановлению, *die Straßen- und Schienenverbindungen* (Straßen + Schienen + Verbindungen) – автомобильное и железнодорожное сообщение, *die Fahrbahnverbreiterung* (Fahrbahn + Verbreiterung) – расширение дороги [9], [18];

– множество глаголов с приставками, как отделяемыми, так и неотделяемыми: *abbrechen* – ломать, *verschweißen* – сваривать, *ausstatten* – оборудовать, *herstellen* – производить, *erarbeiten* – разрабатывать, *erwirtschaften* – генерировать, *erweitern* – расширять, *ersetzen* – заменять, *fertigstellen* – заканчивать, *abreißen* – сносить, *überdeckeln* – покрывать, *erstellen* – создавать, *wiederverwenden* – использовать повторно, *ausgießen* – выливать, *eindringen* – проникать, *aufsaugen* – поглощать, *bebauen* – застраивать, *entwerfen* – проектировать [6], [8], [18];

– использование технических сокращений: *BNB* (*das Bewertungssystem Nachhaltiges Bauen*) – система оценки устойчивого строительства, *ISO 14025* (*die Internationale Standardisierungsorganisation*) – Международная организация по стандартизации, *KfW* (*Kreditanstalt für Wiederaufbau*) – кредитный институт реконструкции, *EPD* (*Environmental Protection Department*) – департамент охраны окружающей среды, *KI* (*die “Künstliche Intelligenz”*) – «искусственный интеллект» (ИИ), *SCA* (*die selektive Zementaktivierung*) – селективная активация цемента, *Deutsche Einheit Fernstraßenplanungs- und -bau* (*DEGES*) – немецкое общество проектирования и строительства автомагистралей, *Arbeitsgemeinschaft* (*ARGE*) – рабочая группа, *DEN* (*das Deutsche Energieberater-Netzwerk*) – немецкая сеть консультантов по энергетике, *GIH* (*Bundesverband Gebäudeenergieberater Ingenieure Handwerker*) – федеральная ассоциация инженеров – мастеров-консультантов по строительной энергетике [6], [12];

– замена немецких слов английскими. Употребление англицизмов вполне оправданно в современном обществе. Заимствованная лексика позволяет с помощью минимального языкового использования наиболее точно передать желаемое понятие в профессиональном общении [2, с. 198]. Наглядно продемонстрируем примеры англицизмов: *Tiny-Häuser* (на немецком – “*klein*”, “*winzig*”, что означает «маленькие, крошечные дома»), *Contour Crafting* вместо *Gliederungserstellung* (создание контура), *Group* вместо *Gruppe* (группа), *Industry Manager Industrial Machinery* вместо *Branchenmanager Industriemaschinen* (менеджер по промышленному оборудованию), *Design* вместо *der Entwurf* (проектирование), *Manufacturing Group* вместо *Herstellungsgruppe* (производственная группа), *German Design Award Special* вместо *Sonderpreis Deutscher Entwurf* – специальная награда Германии в области проектирования, *diverse Statuen* вместо *verschiedene Figuren* (разнообразные статуэтки), *Homeoffice* вместо *Heimbüro, von zuhause aus arbeiten* (домашний офис, работать из дома) [9], [12].

Сущность вышеизложенного сводится к тому, что профессиональные словари играют очень важную роль для обогащения словарного состава современного немецкого языка. Следует отметить, что отличие профессионального языка от обычного заключается в его особом словарном запасе. На протяжении времени для специализированных областей были разработаны технические словари или специальные энциклопедии. Профессиональные термины объясняются не только в рамках терминологических систем, но и в специализированных словарях, создание которых является одной из задач по работе с терминологией.

Тексты строительной тематики, как и научные тексты, обладают рядом особенностей как в лексическом, так и синтаксическом плане, которые позволяют отличить этот вид текста от текста других жанров [3, с. 59]. Что касается профессиональных текстов, посвященных теме «Строительство», то, с одной стороны, они включают в себя общую лексику, общенаучную лексику и специальную строительную лексику. С другой стороны, они не имеют специальный синтаксис. Так, например, Гетце и Хесс-Лютрих исходят из того, что профессиональные языки представляют собой выборку из структур общеязыкового синтаксиса. Она четко структурирована, например, с помощью союзов. Части предложения всегда длиннее благодаря атрибутам или составным словам, которые дополняют существительные. Кроме этого, вместо придаточных предложений используются существительные и именные выражения [11, s. 622].

Сущность данной теории сводится к тому, что профессиональные языки не имеют собственного синтаксиса. Синтаксические структуры такие же, как в обычном языке. Отличие от обычного языка заключается в предпочтении и частоте использования определенных синтаксических средств [10, s. 204–205]. Синтаксические особенности, предпочитаемые в профессиональных языках, повышают ясность и анонимность [16, s. 89].

Исходя из нашего анализа интернет-статей, следует различать следующие синтаксические особенности современного немецкого языка в строительной области:

- распространенные словосочетания существительных вместо придаточных предложений: *die für den täglichen Bedarf erforderliche Infrastruktur* – инфраструктура, необходимая для повседневных нужд; *auf Seiten der Stadt hat man auf die Frage der Koordination und Umsetzung des Wiederaufbaus mit dem Beschluss zur Gründung einer Aufbau- und Entwicklungsgesellschaft reagiert* – со стороны города на вопрос согласования и реализации реконструкции ответили решением о создании компании по строительству и развитию; *die Koordination und Durchführung der Hilfs- und Wiederaufbaumaßnahmen* – координация и осуществление мер по оказанию помощи и реконструкции [6], [18];

- причастия и причастные обороты вместо относительных придаточных предложений: *die provisorisch errichteten Gebäude und Anlagen* – временно возведенные здания и сооружения; *die entstandenen Schaden* – нанесенный ущерб; *die bisher erstellten Elemente* – изготовленные до сих пор элементы; *die speziell für den Hybridbau weiterentwickelten und im Massivbau längst bewährten Decken* – потолки, специально разработанные для гибридных конструкций и уже давно опробованные в монолитных конструкциях; *alle anderen nachwachsenden natürlichen Baustoffe* – все другие возобновляемые природные строительные материалы [8], [12];

- безличные предложения с местоимением *man* и конструкцией *es ist* + прилагательное + *zu* + Infinitiv: *Hier ist es sehr wichtig realistisch zu planen und sich genau mit dem bauausführenden Unternehmen auszutauschen* – здесь очень важно реалистично планировать и обмениваться информацией со строительной компанией; *Mit einem Solarcarport kann man seinen eigenen, kostenlosen Solarstrom erzeugen* – с солнечным навесом можно вырабатывать свою собственную бесплатную солнечную энергию [9], [12];

- употребление страдательного залога и его эквивалентов (*sein* + *zu* + Infinitiv, *sich* + *lassen* + Infinitiv): *Auch im privaten Bereich soll der erforderliche Wiederaufbau für eine Optimierung vor allem der Wohngebäude genutzt werden* – также в частном секторе необходима реконструкция для оптимизации прежде всего жилых зданий; *Das Fahrzeug wurde speziell für den Einsatz in der Kommunalwirtschaft, in der Industrie, im Bauwesen und im innerbetrieblichen Gütertransport entwickelt* – автомобиль был специально разработан для использования в коммунальном хозяйстве, промышленности, строительстве и внутренних грузовых перевозках; *Nach der Verbesserung der Bauart lässt sich die Leistungsfähigkeit der Maschine auf das Doppelte erhöhen* – после усовершенствования конструкции производительность

машины может быть увеличена в два раза; *Mit vier Meter Länge ist ein Bauteil noch gut zu handeln* – компонент длиной четыре метра по-прежнему прост в обращении [9], [12];

– придаточные предложения цели с союзом *damit* и инфинитивной группой *um ... zu*: *Für die anschließende Planung ist eine Materialliste sinnvoll, damit die Kosten am Ende nicht das Budget sprengen* – список материалов необходим для последующего планирования, чтобы затраты в итоге не превышали смету; *Beim Einbau der Fenster kommt es auf den korrekten Einbau an, um die Wärmedämmung zu gewährleisten* – при установке окон важно правильно их установить, чтобы обеспечить теплоизоляцию [6], [18];

– относительные придаточные предложения. По мнению некоторых немецких лингвистов (Fluck, Hoffmann), относительные придаточные предложения в профессиональных языках чаще всего заменяются распространенными причастиями в роли определения, однако в нашем исследовании мы обнаружили наряду с распространенными причастиями большое количество относительных придаточных предложений, что позволяет говорить об отличии немецкого языка в строительной сфере от остальных профессиональных языков: *Das sind die Dimensionen eines Fassadenelements, das mit einem der weltweit größten 3D-Drucker gefertigt wurde* – это размеры элемента фасада, изготовленного на одном из крупнейших в мире 3D-принтеров; *Konkret handelt es sich bei dem Bauprojekt um eine integrale Stahlverbund-Brücke mit einer Spannweite von rund 60 Metern, die mit gebohrten Betonsockeln an die Widerlager anschließt* – в частности, строительный проект представляет собой цельный стальной композитный мост с пролетом около 60 метров, который соединяется с опорами висячими бетонными основаниями [8], [12];

– условные придаточные предложения: *Bauherren erhalten finanzielle Zuschüsse, wenn bestimmte energiepolitischen Ziele erreicht werden* – строители получают финансовые субсидии, если достигаются определенные цели энергетической политики; *Erst wenn der Faktor Arbeit noch knapper und somit teurer wird, werden die Investitionen im Bauhauptgewerbe deutlich steigen* – только если трудовой фактор станет еще более дефицитным и, следовательно, более дорогим, инвестиции в основные отрасли строительства значительно увеличатся; *Falls die moderne Bautechnik auf der Baustelle angewendet wird, so nimmt der Bauvorgang nicht viel Zeit in Anspruch* – если на строительной площадке используются современные технологии строительства, процесс строительства не занимает много времени [6], [18].

Исходя из вышесказанного, наиболее часто используемые типы предложений в немецких текстах строительной сферы – это повествовательные, а не вопросительные и восклицательные предложения. Значимые типы придаточных предложений – это предложения цели, а также условные и относительные придаточные предложения.

Таким образом, в области синтаксиса современного немецкого языка строительной тематики можно выделить различные особенности, которые отличают его от общего языка, а также от других профессиональных языков. Выбор синтаксических конструкций особенно четко проявляется в типах предложений, причастий, функциональных глаголов, сложности предложения и ряде других явлений. При этом понятность, экономия и анонимность также являются наиболее важными функциями профессионального языкового общения в строительной сфере.

Выводы. Средством профессионального общения в строительной сфере, как и в другой отрасли, является профессиональный язык, с помощью которого возможно развитие систематических знаний в определенной области. Профессиональные языки – это прежде всего средство общения специалистов, которое используется для сообщения сложных фактов. Соответственно, они связаны с конкретными профессиональными способами мышления и действия, которые характеризуют их языковые проявления. Этот профессионализм выражается, в частности, в стремлении добиться максимально возможной точности и ясности в представлении профессиональной информации, в нашем исследовании – строительной информации.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что современный немецкий язык в строительной области обладает лексическими и синтаксическими особенностями, которые включают в себя частое использование профессиональных терминов, прилагательных, образованных при помощи суффиксов -bar, -los, -reich, составных слов, глаголов с приставками, технических сокращений, англицизмов, распространенных словосочетаний, состоящих из существительных, причастий и причастных оборотов, безличных предложений, страдательного залога и его эквивалентов, придаточных предложений цели, относительных и условных предложений. Профессиональный язык противопоставлен повседневному языку в том отношении, что он связан с определенной научной концепцией: в профессиональном языке отражаются результаты научных исследований в строительной сфере и их теоретическое осмысление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волохова В. В. Профессиональный язык и один из способов обогащения его словарного состава (на примере строительной лексики немецкого языка) // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10, № 1 (34). – С. 331–335.
2. Гольцова Т. А., Смирнова И. Г. Англицизмы как составляющая компьютерной терминологии в немецком языке // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Лингвометодические проблемы и тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе : материалы VI Междунар. науч.-метод. конф. (Омск, 22 мая 2020 г.). – Омск, 2020. – С. 197–200.
3. Каримова Р. Х. Лексико-грамматические особенности научного текста на немецком языке // Современные парадигмы лингвистических исследований: методы и подходы : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Стерлитамак, 14–15 ноября 2019 г.). – Стерлитамак, 2019. – С. 56–62.
4. Локтионова Н. М., Животкова И. А. К вопросу о профессиональной лексике // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 2. – URL : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=11729> (дата обращения: 24.01.2022).
5. Соловьева Н. Н. Английские термины железнодорожного транспорта как образец свойств профессиональной лексики (на фоне русской терминосистемы) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2019. – № 4 (25). – С. 87–90.
6. Bauzeitung Online [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.db-bauzeitung.de> (дата обращения: 11.12.2021).
7. Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. – Stuttgart : Kröner, 2002. – 28 s.
8. Fachportal für Architektur, Bauwesen [Электронный ресурс]. – URL : <https://redshift.autodesk.de> (дата обращения: 10.01.2022).
9. Fachportal für Hausbau [Электронный ресурс]. – URL : <https://hausbau24.de/> (дата обращения: 12.01.2022).
10. Fluck H. R. Fachsprachen: Einführung und Biographie. – Tübingen, 1996. – 224 s.
11. Götte L., Hess-Lütlich E. Grammatik der deutschen Sprache // Sprachsystem und Sprachgebrauch. – München : Bertelsmann Lexikon Verlag, 1999. – S. 611–627.
12. Hausbau Community [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.hausbauhelden.de> (дата обращения: 14.12.2021).
13. Hoffmann L. Kommunikationsmittel Fachsprache. – Tübingen : Narr Verlag, 1985. – 307 s.
14. Möhn D., Pelka R. Fachsprachen: Eine Einführung // Germanistische Arbeitshefte. – Т. 30. – Tübingen : Niemeyer, 1984. – 171 s.
15. Patocka F. [Электронный ресурс]. – URL : <https://qdoc.tips/fachsprachenfachkommunikationsondersprachen-ws12-patocka-pdf-free.html> (дата обращения: 15.09.2021).
16. Roelcke T. Fachsprachen. – Erich Schmidt Verlag: Berlin 2010. – 111 s.
17. Schmidt W. Charakter und gesellschaftliche Bedeutung der Fachsprache. – In: Sprachpflege. Zeitschrift für gutes Deutsch, VEB Bibliographisches Institut Leipzig, I/1969. – S. 10–21.
18. Zeitschriften – Magazine, Journale, Publikationen für Bauingenieure im Bauwesen [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.bauingenieur24.de> (дата обращения: 21.12.2021).

Статья поступила в редакцию 26.01.2022

REFERENCES

1. Volohova V. V. Professional'nyj yazyk i odin iz sposobov obogashcheniya ego slovarnogo sostava (na prime-re stroitel'noj leksiki nemeckogo yazyka) // Baltijskij humanitarnyj zhurnal. – 2021. – Т. 10, № 1 (34). – S. 331–335.

2. Gol'cova T. A., Smirnova I. G. Anglicizmy kak sostavlyayushchaya komp'yuternoj terminologii v nemeckom yazyke // Problemy modernizacii sovremennogo vysshego obrazovaniya: lingvisticheskie aspekty. Lingvo-metodicheskie problemy i tendencii prepodavaniya inostrannyh yazykov v neyazykovom vuze : materialy VI Mezhdunar. nauch.-metod. konf. (Omsk, 22 maya 2020 g.). – Omsk, 2020. – S. 197–200.
3. Karimova R. H. Leksiko-grammaticheskie osobennosti nauchnogo teksta na nemeckom yazyke // Sovremennyye paradigmy lingvisticheskikh issledovaniy: metody i podhody : sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Sterlitamak, 14–15 noyabrya 2019 g.). – Sterlitamak, 2019. – S. 56–62.
4. Loktionova N. M., Zhivotkova I. A. K voprosu o professional'noj leksike // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. – 2013. – № 6. – S. 2. – URL : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=11729> (data obrashcheniya: 24.01.2022).
5. Solov'eva N. N. Anglijskie terminy zheleznodorozhnogo transporta kak obrazec svoystv professional'noj leksiki (na fone russkoj terminosistemy) // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. – 2019. – № 4 (25). – S. 87–90.
6. Bauzeitung Online [Elektronnyj resurs]. – URL : <http://www.db-bauzeitung.de> (data obrashcheniya: 11.12.2021).
7. Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. – Stuttgart : Kröner, 2002. – 28 s.
8. Fachportal für Architektur, Bauwesen [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://redshift.autodesk.de> (data obrashcheniya: 10.01.2022).
9. Fachportal für Hausbau [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://hausbau24.de/> (data obrashcheniya: 12.01.2022).
10. Fluck H. R. Fachsprachen: Einführung und Biographie. – Tübingen, 1996. – 224 s.
11. Götze L., Hess-Lütlich E. Grammatik der deutschen Sprache // Sprachsystem und Sprachgebrauch. – München : Bertelsmann Lexikon Verlag, 1999. – S. 611–627.
12. Hausbau Community [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://www.hausbauhelden.de> (data obrashcheniya: 14.12.2021).
13. Hoffmann L. Kommunikationsmittel Fachsprache. – Tübingen : Narr Verlag, 1985. – 307 s.
14. Möhn D., Pelka R. Fachsprachen: Eine Einführung // Germanistische Arbeitshefte. – T. 30. – Tübingen : Niemeyer, 1984. – 171 s.
15. Patocka F. [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://qdoc.tips/fachsprachenfachkommunikationsondersprachen-ws12-patocka-pdf-free.html> (data obrashcheniya: 15.09.2021).
16. Roelcke T. Fachsprachen. – Erich Schmidt Verlag: Berlin 2010. – 111 s.
17. Schmidt W. Charakter und gesellschaftliche Bedeutung der Fachsprache. – In: Sprachpflege. Zeitschrift für gutes Deutsch, VEB Bibliographisches Institut Leipzig, I/1969. – S. 10–21.
18. Zeitschriften – Magazine, Journale, Publikationen für Bauingenieure im Bauwesen [Elektronnyj resurs]. – URL : <http://www.bauingenieur24.de> (data obrashcheniya: 21.12.2021).

The article was contributed on January 26, 2022

Сведения об авторе

Волохова Вера Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Национального исследовательского Московского государственного строительного университета, г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-4915-947X>, volokhovavv@yandex.ru

Author Information

Volokhova, Vera Vasilyevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, National Research Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-4915-947X>, volokhovavv@yandex.ru

Дабыт Абдылбары уулу

**ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ЭПОСЕ «МАНАС»
(НА ПРИМЕРЕ СКАЗАНИЯ ЖУСУПА МАМАЯ)
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХ**

*Институт этнической литературы Китайской академии социальных наук,
г. Пекин, Китай*

Аннотация. Тибетский героический эпос «Гэсэр», киргизский эпос «Манас», монгольский эпос «Джангар» – все они объединены под названием «Три великих героических эпоса национальных меньшинств Китая». «Манас» – это героический эпос киргизского народа, вставший в ряд самых объемных эпосов в мире из-за количества томов сочинения. В эпосе прославляется героический дух главного героя Манаса, который всю жизнь сражался в кровопролитных войнах за свободу и честь народа. В статье приведен анализ особенностей эпохи, отраженных в именах собственных в первой части известного народного эпоса «Манас» сказителя Жусупа Мамай, содержащей около 52 тысяч стихотворных строк. Актуальность работы обусловлена научным интересом к исследованию вопросов семантики имен собственных, функционирующих в древнейших эпосах, а также со- и противопоставлению их смысловых значений. О новизне проведенного исследования свидетельствует тот факт, что в рамках настоящей работы впервые проведен анализ имен собственных, функционирующих в героическом эпосе «Манас», с точки зрения их исторической обусловленности. Материалом исследования послужили тексты сказителя Жусупа Мамай. В работе использованы такие методы исследования, как анализ, синтез, сравнение. В результате проведенного исследования установлено происхождение некоторых имен собственных, функционирующих в сказании: из языка гуннов, тюркского, китайского, монгольского, персидского, арабского и других языков алтайской, сино-тибетской и индоевропейской языковых семей. В ходе анализа выявлено, что имена собственные отражают те исторические события, которые представлены в текстах героического эпоса «Манас», охватывающего несколько исторических эпох.

Ключевые слова: *героический эпос «Манас», имя собственное, черты эпохи, история, эпос*

Dabyt Abdylbary uulu

**PROPER NAMES IN THE EPIC “MANAS” (ON THE EXAMPLE OF THE LEGEND
OF ZHUSUP MAMAI) IN THE CONTEXT OF HISTORICAL EPOCHS**

*Institute of Ethnic Literature, Chinese Academy of Social Sciences,
Beijing, China*

Abstract. The Tibetan folk heroic epic “Gesar”, the Kirgiz heroic epic “Manas”, the Mongolian heroic epic “Jangger” are collectively referred to as the three heroic epics of Chinese minorities. “Manas” is the heroic epic of the people of Kirgiz, and it ranks among the longest epics in the world because of its voluminous chapters. The epic mainly praises the heroic spirit of the warriors headed by the protagonist Manas who had been fighting for the freedom and dignity of the people. This article discusses and analyzes the characteristics of the times reflected in the proper names in the first songbook of Zhusup Mamai, a famous singer of “Manas” in China (about 52,000 lines of poems). The relevance of the work is due to the scientific interest in the study of the semantics of proper names functioning in the most ancient epics, as well as the comparison and opposition of their semantics. The novelty of the study is evidenced by the fact that within the framework of this work, for the first time there has been made the analysis of proper names functioning in the heroic epic “Manas” from the point of view of their historical conditionality. The texts of the storyteller Zhusup Mamai served as a source of material for the work. The study

employed such research methods as analysis, synthesis, comparison. As a result of the study of the material, the origin of some proper names functioning in the legend was established: from the language of the Huns, Turkic, Chinese, Mongolian, Persian, Arabic and other languages of the Altaic, Sino-Tibetan and Indo-European language families. The analysis revealed that proper names reflect those historical events that are presented in the texts of the heroic epic “Manas” covering several historical eras.

Keywords: *heroic epic “Manas”, proper name, characteristics of the epoch, history, epic*

Введение. Предметом наших изысканий стали особенности эпохи, отраженные в именах собственных в первой части известного народного эпоса «Манас» сказителя Жусупа Мама, содержащей около 52 тысяч стихотворных строк. Цель исследования состоит в анализе качественного состава имен собственных названного сказания, характеристике их происхождения и значений, оценке степени их исторической обусловленности.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования обусловлена низким уровнем изученности поднятой в работе проблемы, научным интересом к исследованию вопросов семантики имен собственных, функционирующих в древнейших эпосах, а также со- и противопоставлению их значения.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужила первая часть известного народного эпоса «Манас» сказителя Жусупа Мама, содержащая около 52 тысяч стихотворных строк. В работе использованы описательный метод, методы контекстуального анализа, синтеза, сравнения.

Результаты исследования и их обсуждение. Уникальные имена собственные отражают отношение людей к окружающему их миру и природе, осознание этого мира, культурные и политические связи с другими людьми, экономические связи, влияние языковой составляющей и исторических событий. В связи с этим антропонимика не только притягивает взор представителей ученого сообщества, но и привлекает внимание поклонников разных временных эпох. Эволюция и обогащение имен собственных тесно связаны с нашей историей, традициями и обычаями, поэтому мы можем разделить ее на периоды, этапы, эпохи и другие временные промежутки.

Автор книги «Имена собственные – богатство народа» профессор Жапаров выделил в эволюции киргизских имен собственных следующие периоды:

1. Период гуннов. Схожесть с именами в тюркских и монгольском языках (нет подтверждения).
2. Алтайский период (до III века н. э.); есть сходство с именами собственными в алтайских языках.
3. Тюркский период (после III века н. э.).
4. Средние века или киргизско-алтайский период (до и после IX века н. э.); имеют место сходства с именами собственными алтайцев, тувинцев и хакасов, проживавших в Сибири.
5. Новое время (XVI–XIX вв.).
6. Новейшее время (XX–XXI вв.) [4, с. 150].

Для понимания исторической последовательности образования имен собственных в героическом эпосе «Манас» можно разделить их на четыре группы:

1. Древние киргизские имена.
2. Имена собственные тюркского периода.
3. Имена периода исламизации Центральной Азии и захвата земель Чингисханом.
4. Имена собственные джунгарского периода.

Черты эпохи, отраженные в именах собственных, тесно связаны с историей, политикой и культурой. Одним из показательных примеров являются изменения имен собственных после распространения в Центральной Азии ислама. Когда арабско-персидская

культура в Центральной Азии стала превращаться в массовую, местное население добровольно приняло многие ее элементы, что отразилось в именах собственных.

Исследуя черты эпохи в именах собственных, использованных в эпосе, необходимо проводить анализ с точки зрения исторического языкознания. В ходе анализа исторической последовательности имен собственных авторитетные словари могут стать важным инструментом исследования. Рассмотрим имена собственные в аспекте отражения особенностей эпох.

Период древности включает в себя время с III века до н.э. до IV века н.э. В то время киргизы были кочевым народом на севере Центральной Азии и упоминались под названием «гэкунь». Они основали каганат в Сибири и поддерживали в этот период тесные связи с гуннами и другими народами. Эти исторические сведения впервые описаны в книге великого историка Сыма Цяня «Исторические записки», который приводит следующее описание:

«На севере покорены царства народов хуньюй, цюйшэ, динлин, гэкунь (кыргызы), синьли. Таким образом уважаемый Моду шаньюй одержал победу» [16, с. 358].

Несмотря на то что связи и контакты между племенами древних кочевников, которые постоянно перемещались, были не настолько устойчивыми и тесными, как сегодня, их отношения и взаимовлияние отличались от обыденных. Исходя из многочисленных исторических материалов, мы можем сделать вывод, что древние киргизы были очень активны как в политической, так и в военной сферах [6, с. 21]. Подобные политические контакты отразились на общественной, экономической, культурной и других сферах, при такой коммуникации антропонимика также непрерывно развивалась.

Эволюция имен собственных в первую очередь связана с эволюцией языка. Известный турецкий лингвист, тюрколог Джафэроглу выделил в истории развития тюркских языков следующие семь периодов: 1. Алтайский период. 2. Тюркские языки в древности. 3. Тюркские языки в Античности. 4. Тюркские языки в раннем Средневековье (VI–IX века н.э.). 5. Тюркские языки в средневековье (X–XVI века н.э.). 6. Тюркские языки в Новое время (XVI–XX века н.э.). 7. Современные тюркские языки [19, с. 51–62]. Первый этап, выделенный Джафэроглу, – это Алтайский период.

Польский ученый В. Котвич (W. Kotwicz) считает, что алтайский праязык – это тюркский, монгольский и маньчжурский языки, отличные друг от друга, но типологически схожие, которые использовали во времена до нашей эры кочевья тунгусов, расположившиеся на севере Китая. В процессе непрерывного переселения некоторые общины отделялись от кочевья и постепенно изолировались, а их язык под влиянием нового базового уровня языковых элементов приобретал собственные особенности. Котвич также соглашается, что, возможно, в древности эти три языковые семьи имели единый языковой фундамент и только позднее из-за различия языковых элементов нижнего уровня разделились на тюркский, монгольский и маньчжурский – три языковые семьи тунгусов [9, с. 35–36].

В героическом эпосе «Манас» есть имена собственные, принадлежащие к древнему киргизскому периоду, например, текечи (tekeci – козел + суффикс имени собственного), акбалта (aqbalta – белый топор), козубек (qozubek – ягненок + составная часть имени собственного), калька (qalqa – преграда), кюльбай (kölbay – озеро и богатый) и прочие принадлежат к Алтайскому периоду развития имен собственных. Есть ученые, утверждающие, что основные компоненты в этих именах собственных: «teke» (козел), «qozu» (ягненок), «qalqa» (преграда), «balta» (топор), «köl» (озеро) – относятся к лексике Алтайского периода [5, с. 48–49].

Профессор Института монголоведения Университета Внутренней Монголии У Цилату проводил исследования языка гуннов. Он воспроизвел 45 слов, словосочетаний, 8 фраз и их составных частей из записей китайской исторической литературы согласно стандартам монгольского языка. По предварительным данным, гунны использовали монгольский

язык [17]. Известный лингвист, специализировавшийся на тюркских языках, Э. Тенешев (Edgam Teneshev) называет односложные и двусложные слова “min” (я), “sin”, (ты), “in” (он), “biz” (мы), “do” (четыре), “e” (этот), “te” (тот) лексикой с морфологическими характеристиками алтайской семьи языков [18, с. 7–10]. Другие ученые приводят сведения о том, что вполне возможно, что гунны разговаривали на тюркских, монгольских и тунгусских языках [2, с. 3–7]. На основании данного подхода мы можем предположить, что язык гуннов принадлежал к алтайской семье языков. В героическом эпосе есть имя собственное *tümön*. У древних гуннов было имя *tümen* [10, с. 2]. Это объясняет нам, что человек с именем *tümön* жил во времена гэкунь. Гэкунь и гунны жили в одно время в северо-восточной Азии.

Тюркский период – это пять веков (с IV по IX век н.э.), когда произошла ассимиляция киргизов тюркским родом Ашина, под политическим влиянием которого они находились. В это же время между киргизами, уйгурами, татарами и другими народами происходили междоусобные войны. Киргизы разбили уйгурский каганат и присоединили к себе окружающие кочевья и территории. Важнее всего то, что они сохранили тесные дружеские отношения с Восточно- и Западно-тюркским каганатами, Тибетом и династией Тан [1, с. 530–554].

Одним из имен собственных, принадлежащих к тюркскому периоду, является *baqay* – имя, широко распространенное в тюркских и монгольских языках, старинное и имеющее скрытый смысл, составленное из двух отдельных слов “baga” и “aqay”. Касательно этого имени собственного в «Манас энциклопедии» написано следующее: «baga» – это устаревшее слово из индоевропейских языков, наиболее часто встречается в обиходе народов, говорящих на языках индоевропейской семьи, это слово до сих пор распространено и зафиксировано в древнем индийском языке, где имело значение «повелитель», «филантроп», а в славянских языках встречается в обозначении «бог». В персидском языке, языке, который использовали жители западного края, имевшие одно происхождение и испытывавшие влияние Согдианы, также есть значение «повелитель», «бог», поэтому они также иногда использовали это слово для составления имен собственных, титулов или эпитетов» [11, с. 201]. Согласно «Манас энциклопедии» имя собственное *baqay* начало употребляться с III века н.э. и от согдианцев пришло к потомкам центральноазиатских народностей. Оно обозначало титул для лучших умов, дававших советы каганам, а также служило названием для знатных и высокопоставленных лиц в годах, сохранивших бодрость и энергичность, несмотря на преклонный возраст. В слове “baqay” (*baga* + *aqay*) (при условии гаплогонии в слове остается один из двух одинаковых слогов (-ga- и -qa-) сохранился глухой звук “q” [11, с. 201–202].

Некоторые ученые считают, что с точки зрения археологии между киргизскими и восточными тюркскими именами собственными нет большого различия. Эти доступные для анализа нити и документы взяты из енисейских эпитафий и алтайских памятников письменности, в них можно обнаружить много похожих имен [4, с. 37].

Имена собственные алтайцев, тувинцев и хакасов, проживавших на территории Сибири до и после IX века н.э., тоже очень похожи. Другими словами, киргизские имена собственные *baatir* – герой, *mergen* – охотник, *torqo* – шелк, *baltabay* – топор + богатство, *qoʻʻu* – чабан и другие можно также найти и в вышеупомянутых языках (только с разным произношением).

В эпосе рассказывается про *ʻoʻn mergen* – известный охотник, *qaraʻoʻro qambil alp* – черный воин, дюжий великан, *döddür alp* – много болтающий великан и других героев. В исторических документах тюркских языков также неоднократно встречаются имена собственные с частицей *alp* [3, с. 37].

Кроме того, известный киргизский историк XX века Б. Солтоноев считает имя одного из предков Манаса, возникшее в героическом эпосе «Манас», *böyön han*, очень похожим на имя с эпитафии кагана Бумина, написанной на тюркском языке (*böyön < böön < bümön < bumīn*) [14, с. 438–439]. Если мы признаем его точку зрения достоверной, то к списку имен собственных тюркского периода можно будет добавить имя *böyön han*.

По мере проникновения исламской культуры в Центральную Азию в киргизских именах собственных появилось много арабско-персидской лексики. С 751 года н.э., когда разразилась Таласская битва, арабско-персидская культура день за днем стала занимать господствующее положение в обществе [13, с. 47–49]. Процесс распространения арабско-персидской культуры в Центральной Азии, как говорил знаменитый ученый того времени Махмуд Кашгари, был похож на состязание: «Тюркские наречия идут наравне с арабским языком, подобно двум коням на скачках» [12, с. 55]. Это ясно свидетельствует о конкуренции в культуре. Однако арабско-персидская культура все-таки заняла главенствующее положение. Это легко можно понять по имени самого Махмуда Кашгари.

Арабско-персидская культура очень сильно повлияла на повседневную жизнь киргизов того времени. В «Юань ши» остались записи о содержании подарка, который киргизы преподнесли двору Юаньской династии:

“既而野牒亦纳里部、阿里替也儿部，皆通使来献名鹰。” [15, с. 26]

(«Вскоре после этого Альдаяр принес в дар сокола».)

Здесь «阿里替也儿» (Альдаяр) – это имя человека. Читается как «Альдаяр». Имя «Альдаяр» пришло из арабского и персидского языков, в них пишется “*alla yar*”. В арабском языке “*alla*” означает ‘Allah’, “*yar*” в персидском языке значит ‘сопровождать’, ‘спутник’. Значение этого имени – ‘сопровождающий Аллаха’. Человек, носивший это имя, был в те времена предводителем киргизов. В связи с этим мы с уверенностью можем сказать, что в то время среди киргизов, особенно в высших слоях общества, уже были широко распространены имена собственные из арабского и персидского языков.

Упоминаемые в эпосе имена собственные: *aalī* – высочайший, *zulayqa* – девушка, милая, *iskender* – храбрый, *qambar* – жаворонок, *qanat* – удовлетворенный, *qasije* – святой, *magdīm* – уважаемый, *madī* – справедливый, честный, тот, кто направляет, *muhammet* – прославленный, *salamat* – здоровый, *ümöt* – верующий, *šükür* – благодарный, *sulayman* – восхищаться, *semet* – вечный, *alīmseyit* – автор + счастливый, *ümötaalī* – верующий + высочайший, *jusur* – плачущий, скорбящий, *jaqīr* – преследователь, последний, *ürüstöm* – мужественный, *alban* – многочисленный, *kerben* – караван, *šay* – совершенный правитель и другие – все относятся к периоду исламизации Центральной Азии.

В период захвата территорий Чингисханом у имен собственных была одна отличительная черта: в это время в именах многих людей была составная часть «*taу*». Составная часть «*taу*» появилась под влиянием монгольского языка на тюркские языки, но стоит упомянуть другой аргумент из сочинения известного ученого, изучающего историю племен, Сапарбека Закирова, «Племена киргизов», в котором есть отрывок о Чингисхане. В этом сочинении рассказывается история беков *čibītaу*, *sabatay*, *muratay*, которые принадлежали к господствующим классам во времена Чингисхана [7, с. 545–546]. Это объясняет, что частое появление составной части “*taу*” в киргизских именах во времена Чингисхана отнюдь не случайно, поэтому несложно заметить решающее влияние монгольского языка на киргизские имена собственные в то время.

В эпосе можно также встретить имена собственные, пришедшие из китайского языка. Проникшие в киргизский язык через монгольский китайские слова служили в героическом эпосе именами собственными. Например, *jaуsaң* (寨桑 – господин), *ajujaңjün* (阿依将军 – луна + генерал), *künjaңjün* (坤将军 – солнце + генерал).

По мнению известного киргизского лингвиста Кусаина Карасаева, в современном киргизском языке много лексики из персидского и монгольского языков, которая проникла в киргизский язык, когда киргизы, изгнанные из Джунгарского ханства в Гиссар (на территории современного Таджикистана), Кулюб (Таджикистан, Западная часть столицы Душанбе и Хатлонская область), нашли приют у таджиков и были под управлением джунгар [8, с. 162]. Согласно этой точке зрения мы можем сделать вывод, что в джунгарский период киргизский язык обогатился не только монгольской, но и персидской лексикой. Другими словами, персидско-таджикский язык повлиял на киргизский в два этапа: первый этап – исламизация Центральной Азии, в это время появились языковые контакты, в киргизском языке появилось много заимствований из арабско-персидской лексики. Второй этап, когда многие киргизы вынуждены были бежать от джунгар в Таджикистан, получили влияние таджикского языка, которое постепенно затронуло и имена собственные.

Выводы. Героический эпос «Манас» – это грандиозный народный эпос, который на протяжении тысячелетия передавался из уст в уста; появляющиеся в эпосе имена собственные происходят из множества источников и относятся к разным историческим периодам. В именах собственных кроме специальных слов, используемых киргизским народом, также встречаются слова, пришедшие из языка гуннов, тюркского, китайского, монгольского, персидского, арабского и других языков алтайской, сино-тибетской и индоевропейской языковых семей. К тому же историческое развитие имен собственных охватывает длительный период. Рассмотренные в аспекте отражения особенностей эпохи имена собственные героического эпоса «Манас» имеют большое значение для дальнейшего изучения творческой истории произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В. В. История Средней Азии // В. Бартольд. Собрание сочинений : в 9 т. – Т. 2, ч. 1 (Перевод Чжан Ли). – Ланьчжо : Изд-во Ланьчжоуского ун-та, 2013. – 519 с.
2. Гэн Шимин. А эр тай гон тон юй, сенну юй тань тао (Исследование Алтайского общего языка, языка гуннов) // Юйан йу фани (Язык и перевод). – 2005. – № 2. – С. 3–7.
3. Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. – Л. : Наука, 1969. – 677 с.
4. Жапаров Ш. Адам аттары эл байлыгы (Народное сокровище – личные имена). – Бишкек : «Текник» ББ, 2009. – 343 с.
5. Жумалиев С. С. «Манас» эпосундагы Алтай дооруна таандык лексикалык катмар (Лексический слой в эпосе «Манас» алтайского периода) // Кыргыз тили жана адабияты (Кыргызский язык и литература). – 2013. – № 24. – С. 48–49.
6. Жусупов К. Байыркынын издери (Древние следы). – Бишкек : Турар, 2017. – 328 с.
7. Закиров С. Кыргыз санжырасы (Кыргызская генеалогия). – Урумчи : Синьцзянское народное изд-во, 2006. – 569 с.
8. Карасаев Х. К. Накыл сөздөр: Тил казынасынан баян (Притчи: Очерк о языке). – Фрунзе : Издательство Кыргызстан, 1987. – 368 с.
9. Ли Сянжуй, Ниу Руджи. А эр тай суэ лунь сон (ди и жи) (Сборник статей по изучению Алтая. 1 т.). – Урумчу, 1994. – 325 с.
10. Мамбетакун М. Хан вэн шы жи жон дэ кэ эр кэ зэ зу лыо суань и (Киргизские письменные источники в китайской исторической литературе). – Урумчи : Синьцзянское народное изд-во, 2014. – 349 с.
11. «Манас» энциклопедиясы (Энциклопедия Манаса). – Бишкек : Кыргызстан Энциклопедический центр, 1995. – 432 с.
12. Махмуд ал-Кашири. Диван Лугат ат-Турк (Сборник языков тюрков) / пер., предисл. и коммент. А. М. Ауэзовой. – Алматы : Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.
13. Ронг Дэжи. Да луо сы жан и бянси (Анализ Таласской битвы). Хунан кэзци суэюань суэбао // Вестник Хунаньского научно-технического института. – 2006. – № 6. – С. 47–49.
14. Солтоноев Б. Кызыл кыргыз тарыхы (История красных киргизов). – Урумчи : Синьцзянское народное издательство, 2000. – 564 с.
15. Сон Лян. Юаньшы (История династии Юань). – Пекин : Книжный магазин Чжунхуа, 2011. – 1011 с.
16. Сыма Цянь. Шы жи (Исторические записки). – Пекин : Шан-у, 2017. – С. 358.
17. Учралт. Сенну юй янжю (Исследование языков гуннов). – Хух-Хото : Изд-во Университета Внутренней Монголии, 2013. – 376 с.

18. Языки мира: Тюркские языки / отв. ред. Э. Р. Тенешев. – М. : Издательский дом «Кыргызстан», 1996. – 543 с.
19. *Caferoğlu A. Türk Dili Tarixi (I–II)* (История тюркского языка I–II). – Istanbul : Enderun Kitabevi, 1984. – 215 s.

Статья поступила в редакцию 11.02.2022

REFERENCES

1. Bartol'd V. V. *Istoriya Srednej Azii* // V. Bartol'd *Sobranie sochinenij* : v 9 t. – T. 2, ch. 1 (Perevod Chzhan Li). – Lan'chzho : Izd-vo Lan'chzhouskogo un-ta, 2013. – 519 c.
2. Gen Shimin. *A er taj gon ton yuj, sennu yuj tan' tao* (Issledovanie Altajskogo obshchego yazyka, yazyka gunnov) // *Yujan ju fani* (Yazyk i perevod). – 2005. – № 2. – S. 3–7.
3. *Drevnetyurkskij slovar'* / red. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak. – L. : Nauka, 1969. – 677 s.
4. Zhaparov Sh. *Adam attary el bajlygy* (Narodnoe sokrovishche – lichnye imena). – Bishkek : «Teknik» BB, 2009. – 343 s.
5. Zhumaliev S. S. «Manas» eposundagy Altaj dooruna taandyk leksikalyk katmar (Leksicheskiy sloj v epose «Manas» altajskogo perioda) // *Kyrgyz tili zhana adabiyaty* (Kyrgyzskij yazyk i literatura). – 2013. – № 24. – S. 48–49.
6. Zhusupov K. *Bajyrkynyn izderi* (Drevnie sledy). – Bishkek : Turar, 2017. – 328 s.
7. Zakirov S. *Kyrgyz sanzhyrasy* (Kyrgyzskaya genealogiya). – Urumchi : Sin'czyanskoe narodnoe izd-vo, 2006. – 569 s.
8. Karasaev H. K. *Nakyl sozdor: Til kazynasynan bayan* (Pritchi: Ocherk o yazyke). – Frunze : Izdatel'stvo Kyrgyzstan, 1987. – 368 s.
9. Li Syanzhuj, Niu Rudzhi. *A er taj sue lun' son* (di i zhi) (Sbornik statej po izucheniyu Altaya. 1 t.). – Urumchu, 1994. – 325 s.
10. Mambetakun M. *Han ven shy zhi zhon de ke er ke ze zu zy lyao suan' i* (Kirgizskie pis'mennye istochniki v kitajskoj istoricheskoy literature). – Urumchi : Sin'czyanskoe narodnoe izd-vo, 2014. – 349 s.
11. «Manas» enciklopediyasy (Enciklopediya Manasa). – Bishkek : Kyrgyzstan Enciklopedicheskij centr, 1995. – 432 s.
12. Mahmud al-Kashgari. *Divan Lugat at-Turk* (Sbornik yazykov tyurkov) / per., predisl. i komment. A. M. Aue-zovoj. – Almaty : Dajk-Press, 2005. – 1288 s.
13. Rong Dzhi. *Da luo sy zhan i byansi* (Analiz Talasskoj bitvy). Hunan kezci sueyuan' suebao // *Vestnik Hunan'skogo nauchno-tehnicheskogo instituta*. – 2006. – № 6. – S. 47–49.
14. Soltonoev B. *Kyzyl kyrgyz taryhy* (Istoriya krasnyh kirgizov). – Urumchi : Sin'czyanskoe narodnoe izdatel'stvo, 2000. – 564 s.
15. Son Lyan. *Yuan'shy* (Istoriya dinastii Yuan'). – Pekin : Knizhnyj magazin Chzhunhua, 2011. – 1011 c.
16. Syma Cyan'. *Shy zhi* (Istoricheskie zapiski). – Pekin : Shan-u, 2017. – S. 358.
17. Uchralt. *Sennu yuj yanzhyu* (Issledovanie yazykov gunnov). – Huh-Hoto : Izd-vo Universiteta Vnutrennej Mongolii, 2013. – 376 s.
18. Языки мира: Тюркские языки / отв. ред. Э. Р. Тенешев. – М. : Издательский дом «Кыргызстан», 1996. – 543 с.
19. *Caferoğlu A. Türk Dili Tarixi (I–II)* (История тюркского языка I–II). – Istanbul : Enderun Kitabevi, 1984. – 215 s.

The article was contributed on February 11, 2022

Сведения об авторе

Dabyt Abdylbary uulu – кандидат филологических наук, постдоктор Института этнической литературы Китайской академии социальных наук, г. Пекин, Китай, <https://orcid.org/0000-0001-5823-5417>, dabyt@cass.org.cn

Author Information

Dabyt, Abdylbary uulu – Candidate of Philology, Postdoctoral Research Fellow, Institute of Ethnic Literature, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China, <https://orcid.org/0000-0001-5823-5417>, dabyt@cass.org.cn

УДК 81'37:82-313оля

DOI 10.26293/chgpu.2022.114.1.006

Е. Л. Зайцева, М. В. Емельянова, Т. Ю. Гурьянова

РОМАН Э. ЗОЛЯ «ЗАПАДНЯ»: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ

*Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу языковых средств романа Э. Золя «Западня» и их систематизации. Целью исследования является анализ стилистических средств, а также фамиллярной лексики в произведении. Предметом исследования стала интерпретация одних и тех же смысловых единиц в разных речевых ситуациях. Центральный персонаж романа – Жерве-за, ставшая жертвой среды и наследственности, ее запрограммированная трагическая судьба в условиях тяжелого быта и нищеты. В романе «Западня» 13 глав, из которых главу 7 можно считать точкой «до» и «после». Результаты исследования показывают, что роман «Западня» построен на системе оппозиций (человек – животное, семья Гуже – семья Лорилле, столица – провинция, тело – дух, обильные пиршества – нищета), которая передается через использование автором романа арго и фамиллярной лексики, сравнений и метафор на основе образов животных. Через такие метафоры реализуется принцип натурализма: цель писателя – правда и объективность, автор показывает реальность, какая она есть.

Ключевые слова: оппозиция, Золя, арго, зоонимическая метафора, роман о рабочих, моральный распад

E. L. Zaytseva, M. V. Emelyanova, T. Yu. Guryanova

E. ZOLA'S "L'ASSOMOIR": ASPECTS OF LANGUAGE ANALYSIS

I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article is the author's take on the meaning of linguistic means in E. Zola's novel "L'Assomoir" and their systematization. The aim of the article is to study and analyze stylistic means as well as familiar vocabulary in the novel. The subject of the study is supposed to be the interpretation of one and the same semantic units in different speech situations. The central character of the novel is Gervaise, a victim of the environment and heredity, her programmed tragic fate was caused by hard life and poverty. In the novel "L'Assomoir" there are 13 chapters, of which chapter 7 is considered to be a dividing point for "before" and "after". The results of the study show that the novel "L'Assomoir" is built on the system of oppositions (man – animal, the Gouget – the Lorilleux, capital – province, body – spirit, abundant feasts – poverty), which is transmitted through the author/s use of argot and familiar vocabulary, comparisons and metaphors based on animal images. Through such metaphors, the principle of naturalism is implemented: the writer's goal is truth and objectivity, reality as it is.

Keywords: opposition, Zola, argo, zoonymic metaphor, novel about workers, moral decay

Введение. Целью исследования является анализ сравнений и метафор на основе образов животных, а также использование арго и фамиллярной лексики в романе Э. Золя «Западня». Предметом изысканий также стала интерпретация одних и тех же смысловых единиц в разных речевых ситуациях.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования обусловлена научным интересом лингвистов, филологов к художественному описанию с использованием зоонимических метафор и арготизмов как экспрессивных средств, а также недостаточным количеством работ по их исследованию как важных текстообразующих элементов художественного повествования. Во многих европейских языках, в особенности во французском, зоонимические метафоры, наряду с арготизмами, представляют собой наиболее важный вид выразительной лексики, основным назначением которого, наряду с обозначением предмета действительности, является характеристика в качественном аспекте.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования был выбран роман Э. Золя «Западня» (*l'Assomoir*), а также литературные и лингвистические исследования творчества Э. Золя зарубежных (С. Becker, P. Bonnefis, J. Borie, P. Cogne, P. Hamon, F. C. Ramond, A. Verret) и отечественных философов и филологов (Е. П. Кучборская, Д. Х. Шишков, Е. А. Чечиль). Кроме того, обширный фактический материал, анализ крупнейших произведений Э. Золя, характеристику его мировоззрения и творческого метода содержат литературоведческие работы М. К. Клемана, Б. Г. Реизова, А. И. Пузикова, С. П. Емельяникова, Н. В. Мелик-Саркисовой, М. М. Владимировой, которые также были изучены при написании статьи. Поскольку автор уделяет особое внимание социальной проблематике, методом исследования послужил социологический и описательно-аналитический анализ.

Действие романа Э. Золя «Западня» (*l'Assomoir*) начинается в 1850 г. в Париже, куда из Прованса перебрались Жервеза Маккар и Огюст Лантье со своими двумя детьми [7], [9], [10]. Лантье бросает семью, забрав свои вещи и последние деньги Жервезы. Он уезжает с Адель. От горя Жервеза подралась в прачечной с Виржини, сестрой Адель. Эта первая драка служит своеобразной инициацией Жервезы в жестокую парижскую жизнь. Во враждебном ей городе Жервеза, покинутая мужем и отцом своих детей, должна справиться и выжить.

Весь роман построен на противопоставлениях: тело – дух, плотское – духовное, машина – человек, гуже – лорилле (лорийе), человеческое – животное. На протяжении всего романа читатель видит Жервезу как центрального персонажа. Э. Золя сделал женщину главной героиней романа о рабочей среде (*roman ouvrier*) [5]. По мнению автора, «роман должен был показать, как в действительности живет простой народ, объяснить через условия жизни нравы народа, как пьянство, разложение семьи, драки, привыкание к любой срамоте и любой нищете зарождается из-за тяжелых условий труда, из самой среды существования рабочих, распущенности и равнодушия... одним словом, очень точная картина жизни народа с его непристойностями, небрежностью, грубым языком» [12]. В журнале «La Tribune» (1868) Э. Золя пишет, что «рабочие задыхаются в узких грязных кварталах, в которых они вынуждены тесниться... город облагораживают, но не для них: каждый новый бульвар бросает их в старые дома на окраинах. Приходит воскресенье, и они не имеют возможности пойти куда-нибудь глотнуть воздуха и устраиваются за столиками в кабаках... Когда денег не хватает, а перспектив никаких, получают удовольствие от того, что под рукой» [4].

Результаты исследования и их обсуждение. В романе «Западня» 13 глав, из которых глава 7 является как бы точкой «до» и «после». Первые шесть глав – это развитие личности Жервезы, глава 7 – это одновременно и высшая точка в жизни героини, и начало ее падения, главы 8–13 подробно и детально описывают деградацию Жервезы как личности. Жервеза – представительница рабочего класса, но ее как бы выдернули из другой среды, сельской: она покинула родную деревню и попыталась закрепиться в растущей индустриальной зоне Парижа [2]. В романе два типа рабочих: одни, как Гуже, работают

300 дней в году, не имеют долгов и не пьют; другие (Купо под конец своей жизни) – работают 170 дней и постоянно пьяные [1], [3], [6], [8]. Народ в романе «Западня» показан живущим только для удовлетворения своих плотских потребностей, а также участвующим в распространении слухов: *Отцы, матери, дети – все спят общей тушей, как скоты / les gens couchés comme des bêtes en tas, pères, mères, enfants* [11]. В XIX–XX вв. в художественные произведения проникает натуралистическая установка о животной природе человека. В прозе Золя нередко встречаются зооморфные образы, используемые для характеристики главных героев. При этом у Золя наблюдается четкое противопоставление: «герои – звери» и герои, сумевшие взять под контроль телесные инстинкты.

Наследственный алкоголизм – центральная тема в цикле «Ругон-Маккары»: Жервеза – дочь алкоголика, старика Маккара, который в пьяном угаре не затушил свою трубку и умер в таком нечаянном пожаре (роман «Доктор Паскаль»); Жервеза с матерью позволяла себе выпить анисовки, но однажды Жервеза чуть не умерла от этого и с тех пор у нее неприязнь к алкоголю: *avec sa mère elle buvait de l'anisette mais elle faillit en mourir un jour* [11] (заслуживает внимания тот факт, что в начале романа Жервезе 22 года, до 16 лет она жила с родителями). Купо – сын алкоголика, умершего от пьянства: *il s'était écrabouillé la tête...un jour de ribote / он разбил себе голову...в день очередной попойки* [11]; от пьянства попал в тюрьму и отец Гуже. Создавая роман, Э. Золя консультировался с доктором В. Маньяном (*V. Magnan De l'alcoolisme, de diverses formes du délire alcoolique et de leur traitement*) о последствиях алкоголизма. В «Западне» описывается медленная деградация Купо: на первом свидании с Жервезой он не понимает, как вообще можно тратить время на выпивку: *Quant au vitriol ...et aux autres cochonneries... Il n'en fallait pas / Находясь в пьяном угаре... и напиваясь до свинского состояния... Не стоило этого делать* [11], затем находит в ней удовольствие и уход от проблем (Купо упал с крыши и не может работать), а под конец своей жизни полностью погружается в алкогольный дурман, становится жестоким по отношению к дочери и жене и умирает в приступах белой горячки. Кабак является центральным пространством романа: он появляется уже в первой главе, Жервеза смотрит в окна кабака и видит рабочих, уже пьяных в выходной день (*déjà gagnés*), и хозяев, продающих выпивку. Здесь автор использует арготизм *déjà gagnés / уже в стельку пьяные* для передачи своего отвращения к потреблению.

Автор посвящает длинное сосредоточенное описание перегонному аппарату (глава 2): в этом описании чувствуется беспокойство и предостережение: *издавая подземный хрип / ronflement souterrain*, машина напоминает дьявола. Купо и Жервеза, едва перешагнув порог трактира, уже заинтригованы и увлечены тем, как работает перегонный аппарат, но чувствуют неприязнь ко всей обстановке кабака. Жервеза называет пьянство «мерзостью»: *Oh ! C'est vilain de boire* [11]. Постепенно Купо и Жервеза увязают все дальше в этой своеобразной западне, и в главе 10 показано крушение Жервезы: она сидит за столиком с Купо и остальными рабочими и покоряется тому чувству легкости, которое приносит алкоголь: *она хотела вдыхать запах, напиться до свинского состояния / elle aurait voulu renifler l'odeur ; goûter à la cochonnerie* [11]. Так через описание пьянства автор в затухающем виде показывает классовое неравенство: неумеренное потребление алкоголя в народной среде обрисовано детально, а ответственность представителей элиты за это не описывается. Э. Золя кладет конец литературной традиции, когда, например, в произведениях Ф. Рабле и Ф. Вийона вино было в почете, пьяница был героем увлекательных комических сюжетов. В «Западне» алкоголь – больше не божественный дар, он не просветляет. Алкоголя так много, что автор сравнивает его с рекой (а также океаном): *А вино...лилось рекой, как вода в Сене, и сразу исчезало, как исчезает ручей в пересохшей земле / Et le vin...ça coulait...comme l'eau coule à la Seine. Un vrai ruisseau, lorsqu'il a plu et que la terre a soif* [11], а *перегонный аппарат / l'alambic* – с адом / *cuisine d'enfer* [11] со всеми его

ужасами: *дьявольское пойло / source de poison, тень от машины вырисовывала на стене мерзости, хвостатые фигуры и чудовища, открывающие свои пасти, чтобы слопать носетимелей / l'ombre d'un appareil dessinait des abominations, des figures avec des queues, des monstres ouvrant leurs mâchoires comme pour avaler le monde* [11].

При создании романа Э. Золя работает со словарем «*Dictionnaire de la langue verte: argot parisien comparé*» А. Дельво (1886). Как правило, издания романа на французском языке имеют постраничные объяснения к арго и фамильярной лексике. Употребление арго, с одной стороны, способствует созданию образа рабочего класса как неграмотного и необразованного, с другой – это дань почести народу-самоучке, создавшему собственный язык в условиях разложения нравов и стирания всех приличий. Особенно много арготизмов посвящено теме алкоголя. Так, для описания водки приводятся слова *schnick, riquiqui, brûlot, fil-en-quatre, rogomme, vitriol, chien*. Чем больше деградирует Жервеза, тем больше просторечий и арго со значением безнадежности появляется в романе (таблица):

Арго в романе Э. Золя «Западня»

Оригинал в романе	Перевод оригинала	Нейтральное соответствие	Перевод нейтрального соответствия
<i>Lalie...faisait sonner le sapin</i>	Лали вот-вот испустит дух	n'avait plus longtemps à vivre	Недолго оставалось жить
<i>béquiller</i>	Ходить на костылях, лопать	manger	Есть
<i>braise</i>	Раскаленные угли	monnaie	Деньги
<i>gnognote</i>	Дрянь	chose sans valeur	Ничего не стоящая вещь
<i>claquer</i>	Лязгать зубами	manger	Есть
<i>riva son cou</i>	Заткнул ей рот	fit taire	Заставил замолчать
<i>sans-touche</i>	Не касаясь	jour de paie	День полочки

Отдельное место в романе отводится Парижу: границы города – это скотобойня, с одной стороны, и лечебница – с другой. Таким образом, этот город отовсюду несет гибель: даже в лечебнице, куда под конец своей жизни попадает Купо, ему бессильны помочь, он умирает. Парижу как городу смерти противопоставляется деревня, провинция: когда Купо, уже ставший пьяницей, уезжает работать в провинцию, он возвращается оттуда излеченный, ни разу не выпив за три месяца: *пьяницам полезно расставание с Парижем, где на улицах висит водочный туман / ça désaltère les pochards de quitter l'air de Paris où il y a dans les rues une vraie fumée d'eau-de-vie* [11]. Жервеза не выходит за границы своего квартала, и если ее жизнь с Купо начинается с посещения музея, то под конец горизонт ограничивается для нее конуркой папаши Брю, в которой ее и находят. Благоустройство города, описанное в романе через название улицы *Золотая капелка / Goutte d'Or*, и падение Жервезы составляют очередное противопоставление в романе: новый благоустраиваемый город с бульварами и увеселительными заведениями на любой вкус не приемлет нищих и нищету, в нем нет места Жервезе: *под все возрастающей роскошью Парижа убожество окраин издыхало и было как строительная грязь на лице нового города / sous le luxe montant de Paris la misère de faubourg crevait et salissait ce chantier d'une ville nouvelle* [11].

Для стиля романа характерно использование сравнений и метафор на основе упоминания животных, своеобразный бестиарий. В самом начале романа автор описывает рабочих, идущих на завод, используя для этого метафору *монот стада / piétinement de troupeau* [11], таким образом передается доведение рабочего класса до скотского состояния, его оскотинивание и отупение, смирение и покорность. В описании драки Жервезы и Виржини в прачечной автор использует сравнения с обезьяной / *singe, guenon*. Нана

в 15 лет *вырастает как теленок / comme un veau*, все в районе зовут ее *курочка / la petite poule*. Виржини и Лантье сравниваются с кошками / *chats*, Купо – с обезьяной / *singe*, семья Лорилле – с мокрицами / *cloportes*. Разложение персонажей, их моральное падение показано в романе как возвращение к животному состоянию, как эволюция наоборот, от высшего к низшему: папаша Бажар, угробивший свою дочь Лали, трясет головой, как *животное, которое кусают мухи / animal qui a de l'embêtement* [11], Купо в припадках пьяной горячки кричит как *зверь, которому оторвали лапу / bête dont ou avait arraché une patte* [11], Жервеза возвращается с работы домой по привычке, как коровы возвращаются к себе в стойло / *de l'air bête des vaches qui rentrent chez elles* [12], жизнь Жервезы заканчивается в комнате, похожей на нору или конуру / *niche* [12]. В кульминационной главе 7 автор подробно описывает гуся, которого подают к столу. Гусь – метафора, *за нежно-белой кожей* которого / *peau blonde* [11] скрывается Жервеза: как гусь, которого подают на блюде и съедают (остаются кости, которые сгрызает кот, пробравшийся после пира в незакрытое окно), не может ожить и становится главной «жертвой» пира, так и Жервеза – главная жертва в романе – так и не смогла остановить свое падение. Такое анималистичное описание, когда люди приравняются к животным, способствует восприятию читателем всей этой неприкрытой горестной обстановки, среды, в которой живет народ.

Другой момент в романе – описание человеческого тела и плотских желаний, также построенный на противопоставлениях: это аппетит к пище плотской, а не духовной, чревоугодие на грани обжорства в описании именин Жервезы: и щелканье зубами от голода / *dances devant un buffet vide* [11], и телесные мучения Лали (*по ребрам тонкими фиолетовыми зебрами спускались до бедер ирамы от плетки, не тело, а одни кости, протыкавшие кожу / sur les côtes de minces zébrures violettes descendaient jusqu'au cuisses, les cinglements du fouet, plus de chaire, les os trouaient la peau*) [11].

В романе приводятся описания торжеств: сначала свадьба Жервезы и Купо, крестины Нана, именины Жервезы, первое причастие Нана. Все эти торжества роднят рабочую и буржуазную среду (подобные события отмечают и простые люди, и знатные), однако в рабочей среде собрания сконцентрированы именно вокруг стола и еды во всех своих излишествах, крайностях и неумеренности. Именины, крестины, венчание – все они теряют свой сакральный смысл в угоду плотскому. Описывая пиршества, угощения, особенно на именинах Жервезы (которая собирает гостей, имея при этом немалый долг перед Гуже), автор показывает, что Жервеза соревнуется с нищетой: кто кого? Таким образом, праздники в романе – это не временная перестановка в жизненном цикле, это низвержение Жервезы и ее семьи: празднование первого причастия Нана было последним нормальным днем / *le dernier beau jour du ménage* [11]. Так же, как во время карнавала разрешается отступление от правил и порядка, празднование именин Жервезы служит своеобразным предвестником беспорядка (Жервеза приглашает гостей на именины на рабочее место, в прачечную, где по определению должен быть порядок). Труд, семья, размеренная жизнь Жервезы до именин – все это могло бы возобновиться после пиршества, но Жервеза выбирает свое падение, ее устраивает грязь и безденежье, лишь бы ничего не делать, она буквально избегает предпринять что-то, что могло бы остановить ее разложение: *даже грязь была для нее тепленьким гнездышком...ее больше не волновали ее долги...каждые 10 шагов она была должна кому-нибудь / même la saleté était un nid chaud...ses dettes ne la tourmentaient plus...elle avait des poufs tous les dix pas* [11]. Возможно, так Э. Золя показывает, что рабочих устраивает их положение и никаких революций в обществе не будет.

Выводы. Жервеза умирает в конурке, похожей на нору, в которой до нее умер папаша Брю. Вся жизнь Жервезы проходит в окружении трех Б: дедушка Брю – олицетворение неизбежности бесславного бытия, который выходит по ночам просить милостыню; могильщик Базуж, живущий за перегородкой от Жервезы и олицетворяющий поджидающую Жервезу бесславную смерть; папаша Бижар – воплощение зла, приносимого алкоголем.

Персонажи эти не являются главными действующими лицами. В ходе работы не было найдено объяснения такому совпадению; возможно, начальная буква Б взята автором от французских слов *bête* (животное), *brut* (скотина, грубиян), *bas* (низ). Э. Золя заканчивает свой роман словами могильщика Базужа, это своеобразный *bilan* – итог, результат жизни, но также и предостережение для читателя.

Падение Жервезы описывается через постепенное сужение пространства: сначала это целая улица Goutte d'Or, в конце романа – нора. Через весь роман проходят метафоры: западня /*assomoir* – это и название кабака, и алкоголь, и последствия алкоголя, но также и все жизненные трудности, и сама жизнь. *Trou* / каморка – это и спокойный мирок Жервезы, и нора, в которой она умирает, и падение Жервезы от ее счастливого мирка в темную конуру. Через такие метафоры реализуется принцип натурализма: цель писателя – правда и объективность, автор показывает реальность, какая она есть: неэстетичная, некрасивая, неприятная, даже отталкивающая (в данном случае – Жервеза, персонаж из народа в городской среде), в ней люди приравниваются к животным, и никакой романтической идеализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кучборская Е. П. Реализм Эмиля Золя. – М. : Изд-во МГУ, 2004. – 428 с.
2. Шишков Д. Х. Эстетика французского натурализма второй половины XIX века как конкретно-историческое явление : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.04. – Кострома, 2005. – 166 с.
3. Becker C. Les “campagnes” de Zola et ses lettres ouvertes / Cahiers de l'Association internationale des études françaises. – 1996. – № 48. – P. 75–90. [Электронный ресурс]. – URL : https://www.persee.fr/doc/caief_0571-5865_1996_num_48_1_1238 (дата обращения: 06.12.2021).
4. Becker C., Gourdin-Serveni re G., Lavielle V. Dictionnaire d'Emile Zola. – Paris : ed. Robert Laffont, 1993. – 700 p.
5. Bonnefis P. L'Innombrable, essai sur l'oeuvre d'Emil Zola. Sedes, 1984. – 179 p.
6. Borie J. Zola et les mythes ou de la naus e au salut. – Paris : ed. Hachette, 2003. – 361 p.
7. Cogny P. Zola et “Le Sublime” de Denis Poulot, dans Cahiers de L'Association internationale des  tudes fran aises. – 1972. – № 24. – P. 113–129. [Электронный ресурс]. – URL : https://www.persee.fr/doc/caief_0571-5865_1972_num_24_1_1004 (дата обращения: 06.12.2021).
8. Hamon P. Le Personnel du roman: le syst me du personnage dans les Rougon-Macquart d' mile Zola. – Gen ve : Droz, coll. “Titre courant”, 2011. – 329 p.
9. Ramond F. C. Les Personnages des Rougon-Macquart. Pour servir   la lecture et   l' tude de l' uvre de  mile Zola [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.as.wvu.edu/mlastinger/pers.htm> (дата обращения: 01.12.2021).
10. Verret A. Monstres et Monstrueux dans l' uvre d' mile Zola. Litt rature, Universit  Sorbonne Nouvelle. – Paris, 2015.
11. Zola E. L'assomoir// ЭБС «Лань». – 2013. – 329 с. [Электронный ресурс]. – URL : https://e.lanbook.com/book/57652?category_pk=10018 (дата обращения: 01.12.2021).
12. Zola E. L'assomoir. – Paris, Ed. Fasquelle, 1906. – P. 25. – [Электронный ресурс]. – URL : http://classes.bnf.fr/bonheuresdames/grand/bon_129.htm (дата обращения: 01.12.2021).

Статья поступила в редакцию 08.12.2021

REFERENCES

1. Kuchborskaya E. P. Realizm Emilya Zolya. – M. : Izd-vo MGU, 2004. – 428 с.
2. Shishkov D. H. Estetika francuzskogo naturalizma vtoroj poloviny XIX veka kak konkretno-istoricheskoe yavlenie : dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.04. – Kostroma, 2005. – 166 с.
3. Becker C. Les “campagnes” de Zola et ses lettres ouvertes / Cahiers de l'Association internationale des  tudes fran aises. – 1996. – № 48. – P. 75–90. [Elektronnyj resurs]. – URL : https://www.persee.fr/doc/caief_0571-5865_1996_num_48_1_1238 (data obrashcheniya: 06.12.2021).
4. Becker C., Gourdin-Serveni re G., Lavielle V. Dictionnaire d'Emile Zola. – Paris : ed. Robert Laffont, 1993. – 700 p.
5. Bonnefis P. L'Innombrable, essai sur l'oeuvre d'Emil Zola. Sedes, 1984. – 179 p.
6. Borie J. Zola et les mythes ou de la naus e au salut. – Paris : ed. Hachette, 2003. – 361 p.
7. Cogny P. Zola et “Le Sublime” de Denis Poulot, dans Cahiers de L'Association internationale des  tudes fran aises. – 1972. – № 24. – P. 113–129. [Elektronnyj resurs]. – URL : https://www.persee.fr/doc/caief_0571-5865_1972_num_24_1_1004 (data obrashcheniya: 06.12.2021).

8. Hamon P. Le Personnel du roman: le système du personnage dans les Rougon-Macquart d'Émile Zola. – Genève : Droz, coll. "Titre courant", 2011. – 329 p.
9. Ramond F. C. Les Personnages des Rougon-Macquart. Pour servir à la lecture et à l'étude de l'œuvre de Émile Zola [Elektronnyj resurs]. – URL : <http://www.as.wvu.edu/mlastinger/pers.htm> (data obrashcheniya: 01.12.2021).
10. Verret A. Monstres et Monstrueux dans l'œuvre d'Émile Zola. Littérature, Université Sorbonne Nouvelle. – Paris, 2015.
11. Zola E. L'assomoir// EBS «Lan'». – 2013. – 329 s. [Elektronnyj resurs]. – URL : https://e.lanbook.com/book/57652?category_pk=10018 (data obrashcheniya: 01.12.2021).
12. Zola E. L'assomoir. – Paris, Ed. Fasquelle, 1906. – P. 25. – [Elektronnyj resurs]. – URL : http://classes.bnf.fr/bonheurdesdames/grand/bon_129.htm (data obrashcheniya: 01.12.2021).

The article was contributed on December 8, 2021

Сведения о авторах

Зайцева Елена Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-2223-2956>, 917elena@mail.ru

Емельянова Маргарита Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-4482-2818>, marg_emel@yahoo.com

Гурьянова Татьяна Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-3440-4479>, vgurtat@yandex.ru

Author Information

Zaytseva, Elena Lvovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology and Translation Studies, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2223-2956>, 917elena@mail.ru.

Emelyanova, Margarita Valentinovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology and Translation Studies, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-4482-2818>, marg_emel@yahoo.com.

Guryanova, Tatyana Yuryevna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor of the Department of Foreign Languages № 1, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-3440-4479>, vgurtat@yandex.ru.

¹О. В. Зарубкина, ²Е. Л. Зайцева, ²Т. Ю. Гурьянова

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ**

¹*Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург, Россия*

²*Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности перевода учебников “World History: The Modern Era” (США) и “Twentieth Century: The History of the World, 1901 to the Present” (Великобритания), выполненных научным студенческим обществом МГИМО МИД России. Материалом исследования послужили главы данных учебников о Великой Отечественной войне и их переводы на русский язык. Актуальность данной работы обусловлена тем, что особенности перевода англоязычных учебников по истории недостаточно изучены в лингвистике и, в частности, в переводоведении нет объективного подхода к переводу такого рода литературы. Настоящее исследование проводилось с целью выявить и систематизировать переводческие решения при переводе исторических учебных текстов на русский язык. Авторы статьи приходят к выводу, что в русскоязычном издании сохранена адекватность при переводе, без оценок и комментариев со стороны авторов перевода, а наиболее часто используемыми переводческими трансформациями при переводе рассматриваемых учебников стали лексико-семантические замены. Подобный факт не только имеет объективное внутриязыковое объяснение, но и может быть обусловлен экстралингвистическими факторами.

Ключевые слова: перевод, переводческая трансформация, Великая Отечественная война, история, учебник

¹O. V. Zarubkina, ²E. L. Zaytseva, ²T. Yu. Guryanova

**FEATURES OF TRANSLATION OF EDUCATIONAL TEXTS
ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR FROM ENGLISH INTO RUSSIAN**

¹*Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,
Saint Petersburg, Russia*

²*I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia*

Abstract. The article is the authors' insight in the features of translating history textbooks from English into Russian. The authors analyze the use of translation transformations in the translations of “World History: The Modern Era” (USA) and “Twentieth Century: The History of the World, 1901 to the Present” (Great Britain) performed by the MGIMO Students' Scientific Society. The chapters of these textbooks dedicated to the Great Patriotic War and their Russian translations have become the research material. This work is urgent and acute as the peculiarities of the translation of English-language history textbooks are insufficiently studied in linguistics and, in particular, there is no objective take to the translation of such a literature in translation studies. The present article aims at identifying and systematizing translation solutions when translating educational historical texts into Russian. The authors came to the conclusion that Russian translators preserved adequacy in translation with no commenting or rating the facts

presentation. Lexico-semantic substitutions have become the most frequently used transformations in the translation of the textbooks under consideration, such a fact having not only an objective intra-linguistic explanation, but being also explained by extra linguistic factors.

Keywords: *translation, translation transformation, Great Patriotic War, history, textbook*

Введение. Перевод учебной литературы – один из самых сложных видов перевода, так как помимо обязательной передачи информации переводчику нужно сохранить форму, жанровое своеобразие с учетом сохранения большого количества терминов и, возможно, авторский стиль оригинала [3]. Целью работы является изучение переводческих трансформаций при переводе учебников по истории. Материалом исследования послужили главы, посвященные периоду Второй мировой войны, из учебников “World History: The Modern Era” (Elisabeth Gaynor Ellis, США) и “Twentieth Century: The History of the World, 1901 to the Present” (J. M. Roberts, Великобритания) и их переводы на русский язык, выполненные и изданные научным студенческим обществом МГИМО МИД России. Отметим, что авторы пытались сделать исследование чисто лингвистическим, не делать выводы об объективности в англоязычных учебниках (хотя мы не согласны с зарубежной манерой представления информации о войне), а точка зрения зарубежной историографии известна уже давно: *Of course, the start of the war had been shaped by a Nazi-Soviet pact to carve up the lands in between their borders... the Soviet Union under Stalin also had the blood of millions on its hands* [9] / «Конечно, начало войны было обусловлено нацистско-советским пактом о разделе земель... У Советского Союза при Сталине также руки в крови» (перевод авторов). Следует особо отметить тот факт, что используемые в учебном процессе за рубежом учебники по истории на английском языке не были переведены на русский язык, перевод научного студенческого общества МГИМО МИД России является единственным общедоступным изданием на сегодняшний день.

Актуальность исследуемой проблемы. Настоящее исследование проводилось с целью выявить переводческие решения при переводе учебных исторических текстов на русский язык. Актуальность данной работы обусловлена тем, что особенности перевода англоязычных учебников по истории, приемы, методы и трансформации, используемые в процессе перевода, недостаточно изучены в лингвистике и, в частности, в переводе нет объективного подхода к переводу такого рода литературы.

Материал и методы исследования. В ходе работы использовался метод сопоставления текстов перевода и оригинала. Теоретической основой исследования послужили научные труды В. Н. Комиссарова, в которых переводческие трансформации классифицируются как собственно лексические (транскрибирование, транслитерация, калькирование), лексико-семантические (конкретизация, генерализация, модуляция), грамматические (изменение формы слова, части речи или члена предложения при переводе, синтаксическое уподобление, членение предложения, объединение предложений), лексико-грамматические (антонимический перевод, экспликация и компенсация) [4, с. 172–173].

Результаты исследования и их обсуждение. В учебнике “World History: The Modern Era” события 1939 года описываются следующим образом: *In 1939 Hitler stunned the world by announcing a nonaggression pact with his great enemy Joseph Stalin – a Soviet dictator. By joining with Hitler, Stalin tried to protect the Soviet Union... and grabbed a chance to gain land in Eastern Europe* [6, p. 567] / «В августе 1939 года Гитлер потряс мир своим заявлением о подписании Пакта о ненападении со своим главным врагом – советским диктатором И. Сталиным. Заключив пакт с Гитлером, Сталин пытался защитить Советский Союз от возможной войны с Германией, а также получить территории в Восточной Европе» [1, с. 9].

Глагол со сниженным значением *grabbed* (имеет пометку “*informal*”, *to take something for yourself, especially in a selfish or greedy way* [7] / дословно: схватить, сцапать что-л. эгоистично, с жадностью) переводится с использованием такой лексико-семантической замены, как генерализация. Этот же глагол (*grabbing*) генерализируется в следующем примере:

While Germany attacked from the west, Stalin's forces invaded from the east, grabbing areas promised under the Nazi-Soviet Pact [6, p. 568] / «В то время как немцы атаковали с запада, советские войска вторглись в страну с востока, захватывая земли, обещанные СССР по Пакту о ненападении» [1, с. 10]. В обоих случаях за счет генерализации в русском языке переводчики избегают употребления сниженного глагола «сцапать», следовательно, в оригинале позиция СССР подается в более разговорном стиле, с использованием сниженной лексики, а стиль перевода более научный. В следующем примере описывается начало войны на территории СССР (с точки зрения автора учебника, оборона Брестской крепости и крушение немецких планов о блицкриге внимания не заслуживают):

Hitler unleashed a new blitzkrieg in the Soviet Union. The Germans caught Stalin unprepared... By autumn, the Nazis had smashed deep into the Soviet Union and were poised to take Moscow and Leningrad. There, however, the German advance stalled. Like Napoleon's Grand Army in 1812, Hitler's forces were not prepared for the fury of "General Winter" [6, p. 571–572] / «Гитлер начал “молниеносную войну” против Советского Союза... Сталина застали врасплох... К осени гитлеровские силы продвинулись вглубь страны и уже стояли на подступах к Москве и Ленинграду. Однако тут продвижение немцев застопорилось. Как и наполеоновская армия в 1812 году, гитлеровские войска не были готовы к встрече с суровым “Генералом Морозом”» [1, с. 13].

В переводе данного примера наблюдается генерализация глагола *unleashed* (*to suddenly let a strong force, emotion, etc. be felt or have an effect* [7] / дословно: развязать, выпустить, высвободить) за счет перевода нейтральным глаголом «начал», что способствует ослаблению стилистического эффекта. Напротив, предлог *in* конкретизируется: в оригинале война начата в СССР, а в переводе – против СССР. Заимствование из немецкого языка *blitzkrieg* переводится на русский язык как молниеносная война (дословно: *blitz* – молния, *krieg* – война). Авторы перевода используют грамматическую замену при переводе двусоставного предложения *The Germans caught Stalin unprepared* (дословно: Немцы застигли Сталина неподготовленным) односоставным неопределенно-личным. Таким образом, в русском варианте не называется, кто конкретно застал Сталина врасплох. Глаголы *smashed* (*to hit something very hard and break it, in order to get through it* / дословно: размазать, разбить вдребезги), *were poised* (*to be or hold something steady in a particular position* / дословно: балансировать), *stalled* (*to stop suddenly because of a lack of power* / дословно: заглохнуть, остановиться) также переводятся при помощи генерализации, за счет этого приема в русском варианте снимается категоричность оригинала (например, перевод мог быть «К осени немцы размазали Советский Союз и продвинулись...»). Слово *fury* (ярость, неистовство, бешенство) в переводе подвергается грамматической замене и семантическому развитию и переводится как «встреча с суровым».

Блокада Ленинграда описывается в учебнике так: *The Soviets, meanwhile, suffered appalling hardships. In September 1941, the two-and-a-half-year siege of Leningrad began. Food was rationed to two pieces of bread a day. Desperate Leningraders ate almost anything* [6, p. 572] / «Тем временем советские люди испытывали невероятные трудности. В сентябре 1941 года началась блокада Ленинграда, продлившаяся порядка двух с половиной лет. Ежедневный рацион сократился до двух кусков хлеба в день. Отчаявшиеся жители города ели все, что только можно» [1, с. 13].

В данном примере авторы перевода прибегают к конкретизации: так, *The Soviets* (Советы, СССР, органы власти в СССР) – это «советские люди», глагол *began* получает

семантическое развитие и переводится как «началась, ...продлившаяся»; *Food*/еда переводится как «Ежедневный рацион», *was rationed*/нормированный – «сократился», при этом особого внимания заслуживает употребление местоимения *anything*, которое имеет значение *any thing at all, when it does not matter which* [7] (все, что угодно) и предполагает наличие всего, т. е. наличие еды (возникает вопрос к автору: что помешало написать *Desperate Leningraders ate almost anything eatable they could find*).

Тегеранская конференция описывается следующим образом:

At a conference in Tehran, Iran, in late 1943, Churchill and Roosevelt yielded to Stalin by agreeing to let the borders outlined in the Nazi-Soviet Pact stand [6, p. 579] / «На конференции в Тегеране в конце 1943 года Черчиллю и Рузвельту пришлось согласиться со Сталиным по вопросу о признании границ, указанных в советско-нацистском пакте» [1, с. 18].

Дословно этот фрагмент можно перевести как «уступили, соглашаясь...», т. е. западные союзники действуют легко и самостоятельно. Авторы русского перевода изменяют модальность фразы за счет добавления глагола «пришлось», что показывает нежелание США и Великобритании считаться с мнением СССР.

Три абзаца американский учебник посвящает Сталинградской битве, в этой части можно выделить следующие переводческие трансформации:

Hitler was determined to capture Stalin's namesake city. Stalin was equally determined to defend it... In November, the Soviets encircled their attackers [6, p. 580] / «Гитлер страстно желал захватить город, названный в честь Сталина, а Сталин столь же страстно желал защитить его... В ноябре советские войска окружили немцев» [1, с. 19].

В данном примере можно говорить о лексико-семантической замене сказуемого *was determined* / был полон решимости и прямого дополнения *namesake city (a person or thing that has the same name as somebody/something else* [7] / город, имеющий такое же имя, как у Сталина, тезка). Подлежащее *Soviets* (Советы) конкретизируется в «советские войска», а прямое дополнение *attackers* (нападавшие) – в «немцев» (хотя под Сталинградом участвовали и румынские армии).

Параграф, посвященный Ялтинской конференции, озаглавлен *Uneasy Agreement at Yalta* (Непростое соглашение в Ялте), что на русский язык переведено как «Ялтинское соглашение»:

Uneasy Agreement at Yalta... Stalin insisted that the Soviet Union needed to maintain control of Eastern Europe to be able to protect itself from future aggression. Churchill and Roosevelt favored self-determination for Eastern Europe [6, p. 583] / «Сталин настаивал на том, что Советскому Союзу необходимо поддерживать контроль над Восточной Европой, чтобы защищать себя от возможной будущей агрессии. Черчилль и Рузвельт склонялись к самоопределению Восточной Европы» [1, с. 21].

В данном примере можно говорить о лексико-семантической замене – опущении слова *Uneasy* в русском переводе. Кроме того, авторы русского перевода смягчают категоричность английского варианта: так, для перевода глагола *favored* (способствовали, одобряли, поддерживали) они выбирают значение «склонялись к».

Окончание войны описано в единственном предложении:

On May 7 Germany surrendered. Officially, the war in Europe ended the next day, which was proclaimed V-E Day (Victory in Europe) [6, p. 586] / «7 мая Германия капитулировала. Официально война в Европе завершилась на следующий день, 8 мая 1945 года, который был назван Днем Победы в Европе» [1, с. 23].

В русском переводе используется более официальный глагол «капитулировала», тогда как глагол *surrendered* в американском варианте предполагает сдачу после борьбы или сопротивления (*implies a giving up after a struggle to retain or resist* [10]) и может переводиться как «седалась». В английском языке есть глагол *capitulate*, который подчеркивает

именно прекращение сопротивления из-за безнадежности перед противостоящей силой (*stresses the fact of ending all resistance and may imply hopelessness in the face of an irresistible opposing force* [10]), но автор не использует его, видимо, исходя из собственных предпочтений. Далее в русском переводе наблюдается прием семантического добавления – «8 мая 1945 года», в американском варианте дата отсутствует.

В учебнике британского автора начало войны представлено следующим образом: *With only a handful of neutral states left in Europe, the USSR supplying Germany with the war materials it asked for, no ally left on the continent* [8, p. 414] / «В Европе осталось всего несколько нейтральных государств. СССР поставлял Германии все материалы военного назначения, о которых его просили. У Великобритании не было ни одного союзника на континенте» [1, с. 32].

В данном примере можно говорить о синтаксической замене, когда одно предложение на английском языке разбивается при переводе на несколько предложений. Кроме того, подобные предложения (Absolute Participle) традиционно переводятся на русский язык с использованием придаточных причины (Так как в Европе осталось всего несколько нейтральных государств, а СССР поставлял Германии все материалы военного назначения, о которых его просили, у Великобритании не было ни одного союзника на континенте), чего не делают авторы перевода на русский язык (подобный перевод соответствовал бы представлениям о войне в западной историографии, но не реальным фактам). Кроме того, авторы используют генерализацию при переводе слова *handful* (горсть, пара, т. е. ничтожно малое количество возможных союзников Великобритании) как «всего несколько».

In December 1940 detailed German planning began for an invasion of Russia in the following May. Until then, the Soviet Union appeared to have done well out of its agreements with Hitler, notably making important gains on its western frontiers. The Soviet occupation of Poland had been the first step. ...Stalin was beginning to go beyond the old tsarist frontiers [8, p. 416] / «В декабре 1940 года Германия начала детальную разработку плана по вторжению в Советский Союз, исполнение которого было намечено на май 1941 года. До этого времени СССР удавалось извлекать выгоду из соглашений с Гитлером: в частности, Москва смогла отодвинуть свою восточную границу. Первым шагом стала оккупация советскими войсками территории Польши... завоевания Сталина стали выходить за пределы бывшей царской России» [1, с. 33–34].

В русском варианте переводчики используют модуляцию: перевод «исполнение которого было намечено» логически выводится из значения '*in the following*' (*coming after* / следующий). Далее в переводе авторы используют и лексические, и грамматические трансформации: членение английского предложения и добавление подлежащего Москва (в английском варианте – только одно подлежащее *the Soviet Union*); модуляцию «отодвинуть свою восточную границу» при переводе *making important gains on its western frontiers* (дословно: делая значительные приобретения на своих западных границах) с заменой *western* на антоним «восточный»; добавление (расширение) «завоевания Сталина» при переводе подлежащего *Stalin*.

There were immediate and remarkable German successes; the Soviet forces proved woefully unprepared [8, p. 417] / «Германия добилась мгновенных и значительных успехов. Советские войска оказались совершенно неподготовленными» [1, с. 35].

В этом примере перевод *woefully* (*with deep or inconsolable grief or misery* / дословно: прискорбно, траурно) генерализируется как «совершенно».

... At the beginning of December, the first successful Soviet counter-attacks announced that Germany was pinned down; the Soviet government, which had left Moscow for Kiubyshev, 500 miles to the east, was back in the capital 10 days before Christmas. German strategy had lost the initiative, as well as nearly a million men [8, p. 417] / «В начале декабря первая успешная

советская контратака показала, что Германия загнана в угол. Советское правительство, которое покинуло Москву и уехало в Куйбышев (800 км к востоку от Москвы), вернулось в столицу за 10 дней до Рождества. Инициатива ушла из рук немцев. Их потери составили почти миллион человек» [1, с. 35].

В английском варианте название города *Kuibyshev* приводится в неправильной транслитерации (*Kuybyshev, Kuibyshev* [10]). В переводе данного отрывка авторы используют транскрипцию, но заменяют множественное число *counter-attacks* на единственное (контратака); приближенный перевод при переводе реалии *500 miles* (800 км), членение одного предложения оригинала на два предложения в русском варианте, при этом добавляется подлежащее (инициатива, потери; дословный перевод: Германская стратегия потеряла инициативу, а также около миллиона человек).

Выводы. СССР в обоих учебниках показывается как коалиционный Германии в начале военных действий (приобретение территорий, поставки Германии из СССР) и поэтому виновный в войне вообще (языковая манифестация образа СССР в обоих учебниках сопровождается соответствующим визуальным материалом в западном духе). Наиболее используемыми переводческими решениями при переводе рассматриваемых учебников стали лексико-семантические замены, вызванные не только различиями в словоупотреблении и синтаксисе русского и английского языков (в русском языке, в отличие от английского, возможны неопределенно-личные предложения), но и желанием авторов перевода сохранить историческую правду [2], [5]: СССР ничего не «сцапал с жадностью», поэтому авторы перевода не используют при переводе сниженную лексику; все тяготы войны несли не абстрактные «Советы», а советские люди и войска; потери СССР были огромными, но это не были похороны СССР, Германия не сдалась по своему желанию, а была разгромлена и капитулировала). На синтаксическом уровне наиболее частой трансформацией является членение английских предложений при переводе, что ведет к добавлению подлежащих. Добавления и перестановки используются для сохранения норм русского языка, но при переводе на русский язык авторам удалось полностью сохранить адекватность и структуру оригинала. Стиль американского учебника более непринужденный и тяготеет к разговорному (и сопровождается визуализацией текстового материала), английский учебник выдержан в формальном стиле, а авторы перевода на русский язык представили свой вариант в рамках научного стиля. Война в иностранных учебниках подается именно так, и это объясняется неязыковыми причинами, но авторы считают своим долгом дать анализ именно лингвистической репрезентации войны, что будет объектом исследования в последующих работах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вторая мировая война в зарубежных учебниках истории : хрестоматия / под ред. О. И. Рещикова и М. С. Слонской. – М. : МГИМО, 2017. – 152 с.
2. Грибан И. В. Пакт Молотова – Риббентропа в современном медиаполитическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2018. – № 1. – С. 131–138.
3. Дзюба Е. В., Ерёмкина С. А. Представление исторического прошлого и настоящего России в учебных материалах по русскому языку: зарубежный взгляд // Политическая лингвистика. – 2020. – № 3. – С. 119–138.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков. – М. : Альянс, 2013. – 250 с.
5. Кошкарлова Н. Н., Руженцева Н. Б. На пути к правде, ведущем ко лжи: феномен постправды в современной политической коммуникации // Политическая лингвистика. – 2019. – № 1. – С. 50–56.
6. Gaynor Ellis E. World History: The Modern Era. – New Jersey Edition, 2007. – P. 562–594.
7. Oxford Online Dictionary [Электронный ресурс]. – URL : https://www.oxfordlearners-dictionaries.com/definition/english/grab_1?q=grab (дата обращения: 09.01.2022).
8. Roberts J. M. Twentieth Century: The History of the World, 1901 to the Present. – Allen Lane, The Penguin Press. – P. 410–432.

9. The Independent [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.independent.co.uk/news/world/the-soviet-union-helped-save-the-world-from-hitler-a7020926.html> (дата обращения: 09.01.2022).

10. Webster Online Dictionary [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.merriam-webster.com/dictionary/surrender#synonym-discussion> (дата обращения: 09.01.2022).

Статья поступила в редакцию 21.01.2022

REFERENCES

1. Vtoraya mirovaya vojna v zarubezhnyh uchebnikah istorii : hrestomatiya / pod red. O. I. Reshchikova i M. S. Slonskoj. – M. : MGIMO, 2017. – 152 s.

2. Griban I. V. Pakt Molotova – Ribbentropa v sovremennoy mediapoliticheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. – 2018. – № 1. – S. 131–138.

3. Dzyuba E. V., Eryomina S. A. Predstavlenie istoricheskogo proshlogo i nastoyashchego Rossii v uchebnyh materialah po russkomu yazyku: zarubezhnyj vzglyad // Politicheskaya lingvistika. – 2020. – № 3. – S. 119–138.

4. Komissarov V. N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) : uchebnik dlya studentov institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov. – M. : Al'yans, 2013. – 250 s.

5. Koshkarova N. N., Ruzhenceva N. B. Na puti k pravde, vedushchem ko lzhi: fenomen postpravdy v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika. – 2019. – № 1. – S. 50–56.

6. Gaynor Ellis E. World History: The Modern Era. – New Jersey Edition, 2007. – P. 562–594.

7. Oxford Online Dictionary [Elektronnyj resurs]. – URL : https://www.oxfordlearners-dictionaries.com/definition/english/grab_1?q=grab (data obrashcheniya: 09.01.2022).

8. Roberts J. M. Twentieth Century: The History of the World, 1901 to the Present. – Allen Lane, The Penguin Press. – P. 410–432.

9. The Independent [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://www.independent.co.uk/news/world/the-soviet-union-helped-save-the-world-from-hitler-a7020926.html> (data obrashcheniya: 09.01.2022).

10. Webster Online Dictionary [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://www.merriam-webster.com/dictionary/surrender#synonym-discussion> (data obrashcheniya: 09.01.2022).

The article was contributed on January 21, 2022

Сведения об авторах

Зарубкина Ольга Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-7001-3822>, zovru77@mail.ru

Зайцева Елена Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-2223-2956>, 917elena@mail.ru

Гурьянова Татьяна Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-3440-4479>, vgurtat@yandex.ru

Author Information

Zarubkina, Olga Viktorovna – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint Petersburg, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-7001-3822>, zovru77@mail.ru

Zaytseva, Elena Lvovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology and Translation Studies, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-2223-2956>, 917elena@mail.ru

Guryanova, Tatyana Yuryevna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor of the Department of Foreign Languages № 1, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-3440-4479>, vgurtat@yandex.ru

УДК 811.111'42:070.449

DOI 10.26293/chgpu.2022.114.1.008

Д. В. Козловский

ИНФОРМАТИВНАЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЙ ДОМИНАНТЫ НОВОСТНОГО МЕДИАДИСКУРСА

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению особенностей функционирования языковых средств выражения эвиденциальности в пространстве новостного медиадискурса. Обращение к модусной категории «эвиденциальность» обусловлено необходимостью маркировки источника сведений, а также характеристики передаваемой информации субъектом коммуникации в процессе развертывания дискурса. Цель данной статьи заключается в представлении роли информативной эвиденциальности в процессе актуализации интенциональной доминанты новостного медиадискурса. К задачам статьи относятся выявление нейтрального и скрытого видов информативной эвиденциальности, а также описание специфики репрезентации указанных эвиденциальных видов в дискурсивном пространстве массмедиа. В связи с этим материалом исследования послужили 1000 новостных эвиденциальных контекстов, взятых из электронной версии британского журнала “The Economist” и полученных методом сплошной выборки. Актуальность статьи продиктована отсутствием исследований категории «эвиденциальность» в подобном ракурсе, а также важностью спецификации и дифференциации аксиологических эвиденциальных смыслов, формируемых автором новостного отрывка в процессе конструирования дискурса с целью оказания определенного воздействия на потенциального читателя. В ходе исследования автор определяет интенциональную доминанту медиадискурса и обосновывает релевантность обращения к эвиденциальной семантике при изучении новостного дискурса. Исследователь приходит к выводу о том, что в качестве доминирующей коммуникативной стратегии новостного медиадискурса выступает информативная стратегия, что позволяет представить дефиницию информативной эвиденциальности, а также описать два вида данной категории, посредством которых осуществляется воздействие на адресата, – информативную и скрытую эвиденциальность.

Ключевые слова: *эвиденциальность, модусная категория, медиадискурс, интенциональная доминанта, автор*

D. V. Kozlovskiy

INFORMATIVE EVIDENTIALITY AS A TOOL FOR IMPLEMENTING THE INTENTIONAL DOMINANT OF NEWS MEDIA DISCOURSE

Saratov State Academy of Law, Saratov, Russia

Abstract. This article is devoted to the peculiarities of the functioning of linguistic evidential means in the space of news media discourse. The study of this modus category is aligned with the need to mark the source of information, as well as to characterize the transmitted information by the communication subject in the process of discourse deployment. The purpose of this article is to present the role of informative evidentiality in the process of updating the intentional dominant of the news media discourse. The objectives of the article include the identification of neutral and hidden types of informative evidentiality, as well as the description of the specifics of the representation of these evidential types in the discursive space of mass media. In this regard, the material of the study is presented by 1000 news evidential contexts taken from the electronic version of the British magazine “The Economist” and obtained by continuous sampling method. The relevance of the article is the lack of studies of the category “evidentiality”

in a similar perspective, as well as the importance of specification and differentiation of axiological evidential meanings formed by the author of a news passage in the process of constructing a discourse in order to have a certain impact on a potential reader. In the course of the study, the author determines the intentional dominant of the media discourse and substantiates the relevance of referring to evidential semantics in the study of news discourse. The researcher comes to the conclusion that the informative strategy acts as the dominant communicative strategy of the news media discourse, which makes it possible to present the definition of informative evidentiality, as well as describe two types of this category (informative and hidden evidentiality), through which the impact on the addressee is carried out.

Keywords: *evidentiality, modus category, media discourse, intentional dominant, author*

Введение. Происходящие в настоящее время изменения новостного интернет-пространства наряду с ростом тенденции к формированию нового информационного общества оказываются связанными с цифровизацией дискурса. Данные изменения приводят к пересмотру социальных границ интернет-пространства – публичное может становиться личным, местное – глобальным, а приватное – общедоступным [1]. В подобном ракурсе новостной дискурс выступает в качестве информационной, коммуникативной и виртуальной системы массмедиа и отражает современную форму представления и восприятия информации [5, с. 34]. Итогом процесса цифровизации пространства новостного дискурса массмедиа является становление новых дискурсивных регуляторов организации содержания новостных отрывков, репрезентирующих языковую картину мира автора, его восприятие и оценку передаваемых сведений и определяющих особенности воздействия на потенциального читателя. Особая роль отводится анализу характера актуализируемой информации, маркировке ее источника, а также рассмотрению коммуникативной направленности сведений. Перечисленные смыслы являются ключевыми индикаторами, позволяющими говорить об эвиденциальной семантике дискурса, и обуславливают необходимость исследования функционирования эвиденциальных средств в дискурсивном пространстве.

В общем виде под эвиденциальностью принято понимать «любой способ экспликации источника информации с помощью специальных маркеров» [11, р. 184]. Таким образом, категория «эвиденциальность» может обладать семантикой явного и скрытого указания на источник информации [7]. При этом эвиденциальная семантика далеко не всегда закреплена за конкретной языковой формой и может случайным образом репрезентироваться формами, базовое значение которых связано с выражением иных смыслов [12, р. 360].

Современные лингвистические исследования предполагают рассмотрение эвиденциальности как модусной категории [4], [8]. Помимо маркировки источника сведений, она включает в себя интерпретирование и квалификацию информации автором/субъектом коммуникации и характеризуется эксплицитным либо имплицитным набором языковых средств выражения, к числу которых принадлежат глаголы, наречия, модальные вводные слова, существительные, прилагательные, а также устойчивые словосочетания. Указанные средства образуют 10 групп эвиденциальных операторов: уверенности в знании (*clear, evident, sure*), усиления значимости высказывания (*argue, claim, declare*), мыслительной деятельности (*contemplate, dream, imagine*), выражения мнения (*believe, consider, be of opinion*), предчувствия (*expectation, forecast, predict*), сомнения (*admit, doubt, hesitation*), неявного указания (*allude, hint, imply*), явного указания (*inform, remark, state*), чувственного восприятия (*feel, notice, listen*), умственного восприятия (*cite, flashback, unforgettable*) [7, с. 124].

Необходимо отметить, что подобное расширение функционального поля эвиденциальности за счет модусных функций, выражающих отношение автора к источнику информации, а также подчеркивающих роль субъекта коммуникации в процессе выбора и формирования высказываний в структурном и модусном плане особенно важно в ходе исследования

массмедийного дискурса, в рамках которого, помимо указания информации об источнике сведений, ключевое значение приобретает характеристика автором/субъектом коммуникации сообщаемой информации [9, с. 105], [6, с. 93]. В связи с этим целью настоящего исследования является выявление роли информативной эвиденциальности в ходе представления интенциональной доминанты новостного дискурса массмедиа.

Актуальность исследуемой проблемы. Изучение процессов интерпретации, передачи и восприятия сведений давно вызывает интерес лингвистов и представителей различных сфер научного знания. «В ходе развертывания дискурса автор может обращаться к средствам эвиденциальности для оказания необходимого воздействия на адресата/читателя», при этом характер подобного воздействия определяется коммуникативными интенциями автора, а также жанровой спецификой новостного дискурса [7, с. 122]. Необходимость уточнения и разграничения эвиденциальных значений, выражаемых автором в ходе репрезентации сведений в рамках того или иного новостного отрывка с целью оказания необходимого воздействия на читателя, а также недостаточная изученность категории «эвиденциальность» в подобном ракурсе обуславливает актуальность настоящего исследования.

Материал и методы исследования. Для проведения экспериментального исследования репрезентации нейтрального и скрытого подвидов информативной эвиденциальности нами были использованы следующие материалы: словарные дефиниции из словаря Longman Dictionary of Contemporary English для обоснования значений эвиденциальных операторов [13], а также 1000 дискурсивных эвиденциальных контекстов из электронной версии британского журнала “The Economist” [14], [15], объединяющих речевой и ситуационный компоненты и содержащих описание тех или иных событий.

Для проведения экспериментального исследования был выбран лингвосинергетический метод анализа. Указанный метод представляет собой способ изучения особенностей функционирования эвиденциальности в дискурсивной системе в рамках конкретной коммуникативной ситуации. Кроме того, данный метод оказывается связанным с рассмотрением специфики взаимопроникновения и взаимодополнения полимодальных смыслов вследствие осуществления процесса лингвосинергетического взаимодействия эвиденциальных операторов и маркеров других модусных категорий в пространстве новостного дискурса. Реализация обозначенных принципов связана с последовательным осуществлением двух фаз во время развертывания эвиденциального высказывания – профазы и эпифазы. Профаза отражает коммуникативный замысел автора, актуализируется посредством определенного эвиденциального оператора и является переходным этапом к эпифазе, представляющей практический этап, в рамках которого производится интерпретация и трансформация передаваемой информации с учетом авторских интенций, а также особенностей исследуемого дискурсивного эвиденциального контекста. Таким образом, принцип взаимопроникновения модусных смыслов относится к области профазы, а принцип взаимодополнения – к области эпифазы эвиденциального высказывания. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что принцип взаимопроникновения модусных значений служит для оказания явного, направленного авторского воздействия на адресата, а принцип взаимодополнения, напротив, выражает неявное, опосредованное воздействие. Иначе говоря, метод лингвосинергетического эвиденциального анализа требует тщательного изучения полимодальных эвиденциальных смыслов, репрезентирующих прагма-семантическое целое и порождаемых языковыми средствами в определенном контексте.

При этом эвиденциальное высказывание не является итоговым объектом анализа. Обязательное условие использования лингвосинергетического метода – исследование эвиденциального дискурсивного контекста, вносящего основополагающий вклад в процесс смыслопорождения. Эвиденциальный контекст обладает субъектным и ситуационным компонентом, учет которых способствует пониманию внутреннего мира автора, отражающего реальную, ирреальную либо квазиреальную картину мира.

Как было упомянуто выше, заключительным объектом восприятия в рамках лингвосинергетического метода анализа эвиденциальной семантики выступает читатель, перцепирующий и квалифицирующий полученную информацию. Немаловажно, что автор продвигает, ориентирует и модифицирует восприятие сведений читателем, дифференцируя визуальный план выражения от вербального, а также точку зрения субъекта коммуникации от видения ситуации автором при помощи дисквалификации последнего от репрезентируемых посредством рассматриваемого дискурсивного контекста сведений.

В силу того что маркировка источника передаваемой информации относится к важнейшим составляющим новостного дискурса, целесообразность проведения лингвосинергетического анализа функционирования категории «эвиденциальность» в дискурсивном контексте массмедиа не вызывает никаких сомнений. Кроме того, в связи с тем что основной функцией модусных категорий является демонстрация субъективного отношения автора в процессе отражения картины мира, эвиденциальность можно рассматривать как аксиологическую дискурсивную константу, вербализируемую при помощи системы языковых показателей.

Результаты исследования и их обсуждение. Комбинирование принципов взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов, а также полимодальных значений в процессе развертывания эвиденциального дискурсивного контекста увеличивает суггестивный эффект воздействия на читателя и детерминируется авторским выбором тех или иных эвиденциальных операторов, а также спецификой рассматриваемой ситуации. Следовательно, особенности передачи авторских эвиденциальных смыслов в ходе репрезентации интенциональной доминанты сообщения могут быть наиболее подробно изучены в рамках обращения к различным жанрам дискурса. В русле настоящего исследования в качестве такого жанра нами был выбран новостной массмедийный дискурс.

В качестве основополагающей характеристики, позволяющей разграничивать медиажанры, Т. В. Шмелева рассматривает интенциональную доминанту. В своих работах она описывает пять базовых интенций, присущих медиасфере: «информировать, разъяснять с опорой на анализ и оценки, убеждать, рационально и эмоционально воздействуя, развлекать, привлекать и побуждать» [10, с. 43]. В процессе развертывания эвиденциального дискурсивного контекста авторские интенции играют ключевую роль, определяя специфику воздействия на передаваемые сведения и маркировку их источника, что в конечном счете формирует то или иное восприятие информации потенциальным читателем. Несмотря на бесспорную «гибридизацию» и «диффузность» жанров, можно предположить, что в контексте новостного дискурса массмедиа доминирующей интенцией служит стремление автора информировать, развлекать и разъяснять, анализируя и оценивая сведения [2]. Данное предположение соответствует воззрениям Л. Р. Дускаевой, которая выделяет информационный жанр, призванный ориентировать адресата в мире событий и идей [3, с. 53].

Таким образом, репрезентация тех или иных эвиденциальных смыслов непосредственным образом связана с интенциональностью дискурсивного жанра, определяющей выбор эвиденциальных операторов автором в процессе актуализации лингвосинергетического взаимодополнения и взаимопроникновения модусных значений. Результатом данного процесса является формирование полимодальной эвиденциальной семантики, оказывающей определенное воздействие на читателя дискурсивного отрывка. В процессе развертывания эвиденциального высказывания посредством выбора эвиденциального оператора и создания определенной эвиденциальной семантики автор может достигать поставленных целей и задач, обусловленных коммуникативной стратегией дискурса. При этом в рамках новостного массмедийного дискурса осуществляется информативная стратегия, связанная с передачей автором фактической информации с минимальным искажением концептуального содержания сообщения. Учет данной стратегии предполагает обращение

к определенной эвиденциальной семантике в ходе передачи сообщений и указания их источника и позволяет говорить об актуализации значений информативной эвиденциальности в пространстве новостного дискурса.

Информативная эвиденциальность связана с репрезентацией автором/субъектом коммуникации фактического содержания сообщения и квалификации его источника на основании непосредственного восприятия сведений, информации, полученной от третьих лиц, а также различных выводов и умозаключений. Кроме того, данный эвиденциальный вид служит для описания ситуаций, характеризующихся отсутствием уверенности автора в точности и достоверности информации и ее источника. При этом авторские/субъектные высказывания могут обладать эксплицитным либо имплицитным характером. Базовой функцией информативной эвиденциальности в рамках новостного массмедийного дискурса является функция сообщения, заключающаяся в передаче автором фактической информации потенциальному читателю новостного отрывка. При помощи информативной эвиденциальности удовлетворяется потребность читателя в получении релевантной информации, находящейся в соответствии с его интересами и воздействующей на ценностные установки и особенности восприятия действительности адресатом. В зависимости от коммуникативной стратегии исследуемого новостного отрывка представляется возможным выделить следующие подвиды информативной эвиденциальности:

1. Нейтральная эвиденциальность. Данный эвиденциальный подвид используется для передачи неинтерпретированной, надежной и безоценочной информации, а также маркировки ее источника для удовлетворения потребности потенциального читателя в получении сведений. Тем не менее указанное обстоятельство не означает, что представляемая информация обязательно лишена тональности и эмоциональной окраски. Автор привлекает внимание конечного адресата при помощи фактической засвидетельствованности различных аспектов происходящих событий, при этом ответная реакция может проявляться как в форме поддержки, так и критики со стороны читателя. Приведем пример:

*Shell announced a big change to its corporate structure, with plans to move its tax residency from the Netherlands to Britain, dump its dual-share structure and remove the legacy "Royal Dutch" from its legal name. The oil giant is under pressure to increase returns to investors. Relocating its tax base to Britain gives it more freedom on share buy-backs. Shell is keeping several big divisions, such as global upstream, in the Netherlands. Nevertheless the Dutch government said it was "unpleasantly surprised" by the news [15] / Shell **объявила** о крупных изменениях в своей корпоративной структуре, планируя перенести свое налоговое представительство из Нидерландов в Великобританию, отказаться от своей структуры, предполагающей дублирование акций и удалить обозначение «Royal Dutch» из своего юридического названия. Нефтяной гигант находится под давлением, пытаясь увеличить доходность своих инвесторов. Перемещение налоговой базы в Великобританию предоставит больше свободы при выкупе акций. Shell сохранит в Нидерландах несколько крупных подразделений, таких как Глобальная геолоразведка и добыча. Тем не менее правительство Нидерландов **сообщило**, что оно «неприятно удивлено» этой новостью.*

Настоящий дискурсивный отрывок представляет фрагмент новостной статьи, посвященной важнейшим событиям из мира бизнеса.

Эвиденциальность в данном контексте выражается при помощи оператора явного указания *announce/объявлять* (to officially tell people about something, especially about a plan or a decision [13] / *официально сообщать* людям о чем-либо, особенно о планах или решениях), а также оператора явного указания *say/сообщать* (to express an idea, feeling, thought etc. using words [13] / *выражать* идею, чувство, мысль посредством слов), обладающих значением косвенной опосредованной эвиденциальности и используемых автором (C1) для передачи потенциальному читателю (O) сведений, полученных от представителей компании Shell (C2), а также правительства Нидерландов (C3).

Рассматриваемый эвиденциальный контекст характеризуется эвиденциальной семантикой (*Evs*) и отражает нейтральный подвид информативной эвиденциальности, что подтверждается официальным характером информации.

2. Скрытая эвиденциальность. Данный подвид эвиденциальности репрезентирует недостоверный характер передаваемой информации и ее источника и вследствие этого отсутствие целостного представления о действительности автором/субъектом коммуникации. Кроме того, скрытая эвиденциальность квалифицирует источник сведений и освещаемые в рамках дискурсивного контекста данные как ненадежные, что может указывать на сомнения автора/субъекта коммуникации. Посредством указанного эвиденциального подвида автор снимает с себя ответственность за истинность передаваемой информации, при этом специфика восприятия описываемых событий потенциальным читателем обусловливается причинно-следственными связями, возникающими по ходу развития событий, а также приведенными автором дополнительными фактами. Таким образом осуществляется скрытое воздействие на мышление и стиль мировосприятия читателя. Рассмотрим следующий пример:

*The summary says clearly that things are getting worse, with **observed** increases in extreme high temperatures on land and in the seas, in torrential rain, in droughts and weather conducive to wildfires. The changes are affecting people, animals and plants, with widespread shifts in the timing of the seasons and with half of the species scientists have looked at moving towards higher latitudes and/or higher altitudes to cool down (though it is **possible** that there is some **bias** there: data may be gathered for species already **thought** to be on the move more than they are for others). It should also be **mentioned** that with temperatures currently 1.1–1.3°C above pre-industrial levels, some natural systems are approaching, or surpassing, their capacity to adapt. Some coral reefs, rainforests, coastal wetlands and polar and mountainous ecosystems are butting up against “hard limits” [14]* / В сводке **ясно говорится**, что ситуация ухудшается, **наблюдается** увеличение экстремально высоких температур на суше и в морях, проливных дождей, засух и погодных условий, способствующих лесным пожарам. Изменения затрагивают людей, животных и растения с повсеместно возникающими сдвигами времен года, и относительно половины популяций ученые могут наблюдать перемещение в более высокие географические широты и/или большие высоты, что связано с потребностью нахождения в более холодном климате (хотя, **возможно**, данное положение не совсем **объективно**: приведенные данные могут охватывать популяции, которые, как **считается**, больше, чем другие, склонны к перемещению). Следует также **упоминать**, что сейчас, когда температура на 1,1–1,3 °C превышает доиндустриальный уровень, некоторые природные системы близки либо уже превышают максимальный уровень адаптации. Некоторые разновидности коралловых рифов, типы тропических лесов, прибрежных водно-болотных угодий, а также полярных и горных экосистем сталкиваются с «**жесткими ограничениями**».

Данный эвиденциальный дискурсивный контекст представляет фрагмент оценочного отчета межправительственной группы экспертов (C2) по изменению климата. Семантика косвенной опосредованной эвиденциальности актуализируется при помощи сочетания операторов явного указания *say/говорить* (to express an idea, feeling, thought etc. using words [13] / *выражать идею, чувство, мысль посредством слов*) и *clearly/явно* (in a way that is easy to see, hear, or understand [13] / *таким образом, что это легко увидеть, услышать или понять*). Данные, содержащиеся в отчете C2, получают дальнейшее представление при помощи оператора чувственного восприятия *observe/наблюдать* (to say or write what you have noticed about a situation [13] / *сказать или написать, что вы заметили по поводу ситуации*), используемого для демонстрации фактического характера сведений. При этом сомнения автора (C1) в истинности передаваемой информации о перемещении

популяций репрезентируются оператором предчувствия *possible/возможно* (a possible event or thing might happen or exist [13] / *возможное событие или вещь может произойти либо существовать*), оператором сомнения *bias/необъективность* (an opinion about whether a person, group, or idea is good or bad that influences how you deal with it [13] / *мнение о том, хорош или плох человек, группа или идея, которое влияет на то, как вы взаимодействуете с ними*), а также оператором мыслительной деятельности *think/считать* (to have a particular opinion or to believe that something is true [13] / *обладать определенным мнением или считать, что что-либо является правдой*). Кроме того, при помощи оператора неявного указания *mention/упоминать* (to talk or write about something or someone, usually quickly and without saying very much or giving details [13] / *говорить или писать о чем-то или о ком-то, обычно мельком и без указания деталей*), обладающего значением косвенной непосредственной эвиденциальности, *CI* отражает имплицитный характер данных об изменении структурных особенностей экосистем.

Немаловажно, что исследуемый эвиденциальный отрывок также характеризуется дополнительной модусной семантикой в рамках реализации принципов лингвосинергического взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов. Так, эвиденциальный оператор *possible/возможно* одновременно является маркером модальности (*M*), отражая принцип взаимопроникновения и способствуя выражению авторской оценки объективности описываемых сведений. Наряду с этим значение экспрессивности (*Ex*) передается с помощью словосочетания *hard limits / жесткие ограничения*, акцентирующего внимание читателя на высказываниях автора относительно последствий повышения температуры окружающей среды. Принадлежность указанного экспрессивного показателя к промежуточной области развертывания эвиденциального дискурсивного контекста позволяет говорить об осуществлении принципа взаимодополнения модусных смыслов.

Подобное комбинирование эвиденциальных операторов в ходе представления информации, а также дополнительная полимодальная семантика ($Evs+Ex+M$), присущая рассматриваемому дискурсивному контексту, позволяет *CI*, с одной стороны, обозначить нейтральный характер сведений и их источника, а с другой – снять с себя ответственность за их точность и достоверность. Обращение *CI* к семантике скрытой эвиденциальности также связано со спецификой освещаемой тематики, предполагающей тщательный выбор языковых средств репрезентации сведений. Таким образом, при сохранении официального характера информации *CI* может оказывать неявное воздействие на читателя (*O*), формируя у него особое восприятие действительности.

В целом анализ функционирования информативной эвиденциальности становится возможным благодаря изучению представленности эвиденциальных операторов в пространстве новостного дискурса массмедиа, дискурсивном контексте.

В рамках исследования было рассмотрено 1000 дискурсивных контекстов, обладающих семантикой информативной эвиденциальности. Анализ примеров демонстрирует следующую частоту выявления эвиденциальных показателей: операторы усиления значимости высказывания (2,2 % примеров), операторы явного указания (21,2 % примеров), операторы уверенности в знании (1,5 % примеров); операторы выражения мнения (5 % примеров), операторы предчувствия (3,7 % примеров), операторы чувственного восприятия (20 % примеров), операторы неявного указания (16 % примеров), операторы сомнения (11 % примеров), операторы мыслительной деятельности (4,4 % примеров), операторы умственного восприятия (15 % примеров). Полученные результаты объясняются интенциональностью нейтральной эвиденциальности, заключающейся в информировании массового адресата об актуальных проблемах и событиях без потребности в квалификации и интерпретации сведений.

Как следует из результатов сопоставительного анализа, в пространстве новостного дискурса массмедиа нейтральная эвиденциальность (60,1 % примеров) значительно

преобладает над скрытой эвиденциальностью (39,9 % примеров), при этом нейтральная эвиденциальность чаще всего актуализируется операторами явного указания (26,6 % примеров), чувственного восприятия (24,1 % примеров) и умственного восприятия (18,3 % примеров), а скрытая эвиденциальность – операторами сомнения (18,8 % примеров) и неявного указания (26,3 % примеров). Реже всего в нейтральной и скрытой подвидах эвиденциальности встречаются операторы мыслительной деятельности (4,7 и 4 % примеров), выражения мнения (5,3 и 4,5 % примеров), предчувствия (2,2 и 6 % примеров), усиления значимости высказывания (2,3 и 2 % примеров), а также уверенности в знании (1,5 и 1,6 % примеров соответственно).

Расхождения в количественной представленности эвиденциальных операторов обусловлены различной прагматической направленностью эвиденциальных подвидов. В случае нейтральной эвиденциальности информативная функция осуществляется явно – автор передает адресату/читателю сведения, представляющие основное содержание события, а также маркировку источника информации, в то время как скрытая эвиденциальность предполагает неявное выражение данных, что связано с сомнениями автора в их релевантности.

Анализ репрезентации информативной эвиденциальности в новостном дискурсе массмедиа также предполагает изучение особенностей формирования полимодальной эвиденциальной семантики.

Как показало исследование, приобретение эвиденциальным дискурсивным контекстом со значением информативной эвиденциальности вспомогательного модального значения наблюдается в 57,2 % случаев. Эвиденциальность в чаще всего выражается при помощи базовой эвиденциальной семантики – *Evs* (42,8 % примеров), сочетания эвиденциальности – *Ev* и экспрессивности – *Ex* (18,2 % примеров), эвиденциальности – *Ev* и отрицания – *D* (13,5 % примеров), эвиденциальности – *Ev* и модальности – *M* (9,8 % примеров), что обусловлено стремлением автора к точности и стандартности в процессе передачи сообщения и предполагает объективный подход к излагаемым фактам, отсутствие эмоциональности и оценочности. Подобный способ представления сведений может негативно сказываться на простоте восприятия сведений читателем и приводит к обращению к дополнительной модальной семантике, которую уместно рассматривать в рамках функционирования нейтрального и скрытого подвидов информативной эвиденциальности.

Нейтральная эвиденциальность характеризуется преобладанием базовой эвиденциальной семантики – *Evs* (55,5 % примеров), а также вспомогательной экспрессивной семантики – *Ex* (22,2 % примеров), что связано с необходимостью точного и подробного представления сведений, а также стремлением автора привлечь внимание читателя. Напротив, основное смысловое значение скрытой эвиденциальности – *Evs* (32,3 % примеров) зачастую дополняется экспрессивностью – *Ex* (15 % примеров), отрицанием – *D* (19,1 % примеров) и модальностью – *M* (15,5 % примеров). Обращение к указанным категориям связано с отсутствием до конца сформированного восприятия картины действительности автором, его неуверенностью в достоверности источника сведений и вследствие этого неготовностью к непосредственной передаче информации читателю.

Согласно результатам сопоставительного анализа, скрытая эвиденциальность (55 % примеров) преобладает над нейтральной эвиденциальностью (45 % примеров), что обусловлено спецификой операторов, выражающих нейтральную и скрытую эвиденциальность, а также особенностями реализации принципов взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов.

Необходимо отметить, что ограниченный объем статьи не позволяет представить анализ большого количества эвиденциальных дискурсивных контекстов. Рассмотренные выше дискурсивные отрывки выступают примерами реализации интенциональной доминанты новостного медиадискурса в контексте информативной эвиденциальности.

Выводы. Как показало проведенное исследование, в процессе передачи тех или иных сведений и в зависимости от коммуникативной направленности рассматриваемого новостного отрывка автор обращается к семантике информативной эвиденциальности, выступающей в качестве инструмента реализации интенциональной доминанты новостного медиадискурса. При этом информативная эвиденциальность служит не только средством маркировки источника информации, но и одновременно используется для интерпретации и модификации данных, что делает возможным оказание необходимого воздействия на читателя за счет различного представления действительности автором. Такая дифференциация сведений становится возможной благодаря обращению к показателям нейтральной и скрытой эвиденциальности. Следовательно, при сохранении нейтрального и официального характера сведений и в ходе актуализации базовой интенциональной доминанты новостного медиадискурса, связанной с необходимостью фактической передачи информации читателю, информативная эвиденциальность одновременно отражает сенсорный образ действительности автора, формируя в сознании адресата картину мира, явившуюся результатом тщательного отбора, оценки и модификации сведений в зависимости от установки автора. Необходимо отметить, что реализация интенционального потенциала эвиденциального сообщения в контексте новостного дискурса массмедиа может приводить к обращению к вспомогательным модусным смыслам, позволяющим более точно сформулировать объективное содержание новостного сообщения, а также способствующим детальной интерпретации информации и ее источника. Итогом возникающей синергии модусных смыслов является усиление суггестивного эффекта воздействия на читателя.

В целом реализация полимодального смыслового значения информативной эвиденциальности идентична выражению подобного значения в новостном дискурсе массмедиа, что позволяет сделать вывод о том, что семантика информативной эвиденциальности наиболее характерна для данного жанра дискурса и отражает его интенциональную доминанту, связанную с оказанием воздействия на адресата посредством эксплицитной и имплицитной передачи содержания сообщения без учета субъективного отношения автора к излагаемому материалу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Горошко Е. И.* Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете : попытка рефлексии // Жанры речи. – Саратов, 2009. – Вып. 6: Жанр и язык. – С. 111–127.
2. *Добросклонская Т. Г.* Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. – Белгород, 2016. – С. 13–22.
3. *Дускаева Л. Р.* Журналистский дискурс в аспекте речевых жанров // Жанры речи. – 2013. – № 1 (9). – С. 51–58.
4. *Ермакова Л. В.* Аксиологичность дискурса СМИ // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – Т. 5, № 3. – С. 67–77.
5. *Иванова С. В.* Дискурсивная адаптация культурно-обусловленных языковых знаков в политическом дискурсе СМИ (на материале политического массмедийного дискурса США) // Политическая лингвистика. – 2017. – № 1(61). – С. 31–42.
6. *Кобрин О. А.* Категория эвиденциальности в современном английском языке: семантика и средства выражения : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. – СПб., 2003. – 159 с.
7. *Козловский Д. В.* Особенности взаимодействия модусной категории «эвиденциальность» с категориями «авторизация» и «аппроксимация» в дискурсивном пространстве массмедиа // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2021. – Т. 27, № 4. – С. 122–130.
8. *Лунина Т. П.* О средствах выражения косвенной эвиденциальности в русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 5(148). – С. 92–97.
9. *Сабанеева М. К.* Эпистемическая модальность высказывания в ракурсах прагматики и формальной логики // Язык и речевая деятельность. – 1999. – Т. 2. – С. 103–112.
10. *Шмелева Т. В.* Медийное речеведение : сб. ст. [Электронный ресурс] // Portal.novsu. – URL : <http://www.novsu.ru/file/1145792> (дата обращения: 27.09.2021).
11. *Bybee J.* Morphology : a study of the relation between meaning and form. – Amsterdam, Philadelphia, 1985. – 246 p.

12. Lazard D. On the grammaticalization of evidentiality // Journal of Pragmatics. – 2001. – № 33. – P. 359–367.
13. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 23.07.2021).
14. The Economist. New IPCC Report : Over 3bn People Face Rising Climate-Change Threat [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.economist.com/science-and-technology/2022/02/28/new-ipcc-report-over-3bn-people-face-rising-climate-change-threat/21807939> (дата обращения: 28.02.2022).
15. The Economist. The World This Week. Business [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.economist.com/the-world-this-week/2021/11/18/business> (дата обращения : 23.12.2021).

Статья поступила в редакцию 03.03.2022

REFERENCES

1. Goroshko E. I. Internet-zhanr i funkcionirovanie yazyka v Internetе : popytka refleksii // Zhanry rechi. – Saratov, 2009. – Vyp. 6: Zhanr i yazyk. – S. 111–127.
2. Dobrosklonskaya T. G. Novostnoj diskurs kak ob'ekt mediallyingvisticheskogo analiza // Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, social'noj praktiki i obrazovaniya. – Belgorod, 2016. – S. 13–22.
3. Duskaeva L. R. Zhurnalistskij diskurs v aspekte rechevykh zhanrov // Zhanry rechi. – 2013. – № 1 (9). – S. 51–58.
4. Ermakova L. V. Aksiologichnost' diskursa SMI // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. – 2019. – T. 5, № 3. – S. 67–77.
5. Ivanova S. V. Diskursivnaya adaptatsiya kul'turno-obuslovlennykh yazykovykh znakov v politicheskom diskurse SMI (na materiale politicheskogo massmediynogo diskursa SShA) // Politicheskaya lingvistika. – 2017. – № 1(61). – S. 31–42.
6. Kobrina O. A. Kategoriya evidencial'nosti v sovremennom anglijskom yazyke: semantika i sredstva vyrazheniya : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04. – SPb., 2003. – 159 s.
7. Kozlovskij D. V. Osobennosti vzaimodejstviya modusnoj kategorii «evidencial'nost'» s kategoriyami «avtorizatsiya» i «aproximatsiya» v diskursivnom prostranstve massmedia // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. – 2021. – T. 27, № 4. – S. 122–130.
8. Lunina T. P. O sredstvakh vyrazheniya kosvennoj evidencial'nosti v russkom yazyke // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2020. – № 5(148). – S. 92–97.
9. Sabaneeva M. K. Epistemicheskaya modal'nost' vyskazyvaniya v rakursah pragmatiki i formal'noj logiki // Yazyk i rechevaya deyatel'nost'. – 1999. – T. 2. – S. 103–112.
10. Shmeleva T. V. Medijnoe rechevedenie : sb. st. [Elektronnyj resurs] // Portal.novsu. – URL : <http://www.novsu.ru/file/1145792> (data obrashcheniya: 27.09.2021).
11. Bybee J. Morphology : a study of the relation between meaning and form. – Amsterdam, Philadelphia, 1985. – 246 p.
12. Lazard D. On the grammaticalization of evidentiality // Journal of Pragmatics. – 2001. – № 33. – P. 359–367.
13. Longman Dictionary of Contemporary English [Elektronnyj resurs]. – URL : <http://www.ldoceonline.com/> (data obrashcheniya: 23.07.2021).
14. The Economist. New IPCC Report : Over 3bn People Face Rising Climate-Change Threat [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://www.economist.com/science-and-technology/2022/02/28/new-ipcc-report-over-3bn-people-face-rising-climate-change-threat/21807939> (data obrashcheniya: 28.02.2022).
15. The Economist. The World This Week. Business [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://www.economist.com/the-world-this-week/2021/11/18/business> (data obrashcheniya : 23.12.2021).

The article was contributed on March 3, 2022

Сведения об авторе

Козловский Дмитрий Валентинович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-1413-8882>, kozlovskydv@yandex.ru

Author Information

Kozlovskiy, Dmitry Valentinovich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department Foreign Languages, Saratov State Academy of Law, Saratov, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-1413-8882>, kozlovskydv@yandex.ru

УДК 811.163'373.2

DOI 10.26293/chgpu.2022.114.1.009

И. В. Кузнецова

**ОРИЕНТАЛИЗМЫ, НАЗЫВАЮЩИЕ ГОЛОВНОЙ УБОР И ОБУВЬ,
В БОСНИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ
(НА ФОНЕ ДРУГИХ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)**

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются устаревшие и активно употребляющиеся в наши дни на территории Боснии и Герцеговины фразеологические единицы с компонентом ориентального происхождения, относящимся к тематической группе «Одежда». Ввиду обширности материала в статье анализируются фразеомобразующий потенциал и семантико-функциональные особенности лексических единиц – номинаций головного убора или обуви. Заимствованию ориентальной лексики способствовали исторические события и языковые контакты. Язык османских турок – это не только источник лексических заимствований, но и посредник проникновения слов арабского и персидского происхождения в языки балканских народов. Эти заимствования интересны как в лингвистическом аспекте, так и в плане истории, этнографии, духовной культуры, так как слово часто осваивается вместе с чужеродной реальностью быта. Предметы гардероба часто связаны с имущественным положением, социально-культурным статусом или половой принадлежностью человека. При семантической адаптации в языке-реципиенте может быть расширение или сужение значения слова по сравнению с языком-источником. В статье приводятся некоторые культурологические и историко-этимологические комментарии к фразеологическим единицам, толкуется значение оборотов и компонентов, входящих в них. В качестве дополнительного применяется метод структурно-семантического моделирования, позволяющий выявить универсальность или национальную специфику фразеологической единицы.

Ключевые слова: *фразеология, боснийский язык, южнославянские языки, восточные заимствования, турецкий язык, тематическая группа, наименования головных уборов и обуви*

I. V. Kuznetsova

**ORIENTALISMS DENOTING HEADWEAR AND SHOES
IN BOSNIAN PHRASEOLOGISMS
(AGAINST THE BACKGROUND OF OTHER SOUTH SLAVIC LANGUAGES)**

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Abstract. The article examines outdated and actively used today in the territory of Bosnia and Herzegovina phraseological units with a component of the thematic group “Clothes” of oriental origin. Due to the vastness of the material, the article analyzes the phraseme-forming potential and semantic and functional features of lexical units that name headwear or shoes. Historical events and language contacts contributed to the borrowing of orientalisms. The language of the Ottoman Turks is not only a source of lexical borrowings, but also an intermediary for the penetration of words of Arabic and Persian origin into the language of the Balkan peoples. These borrowings are interesting both in the linguistic aspect and in terms of history, ethnography, spiritual culture, since the word is often mastered together with the extraneous realities of everyday life. Wardrobe items are often associated with a person's property status, social and religious status, or gender. With semantic adaptation in the recipient language, there may be an expansion or narrowing of the meaning of the word in comparison with the source language. The article provides possible cultural and historical-etymological comments on phraseological units, interprets the meaning of turns and components included

in them. As an additional there was employed the method of structural and semantic modeling, which allows to identify the universality or national specificity of phraseology.

Keywords: *phraseology, Bosnian language, South Slavic languages, oriental borrowings, Turkish, thematic group, headwear and shoes names*

Введение. Любой язык отражает историю народа – носителя этого языка. После османского завоевания «наряду с миром *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* на Балканах формируется еще один Славяно-мусульманский мир» [18, с. 81] со своим менталитетом и культурой. Это славяне-мусульмане Боснии и Герцеговины (босняки, бошняки), западной Македонии (торбеши) и сменившие свою веру болгары (помаки). То, что в султанской Турции только приверженцы государственной религии (ислама) занимали привилегированное положение, пользовались всей полнотой прав, – факт истории; немусульманское население хотя и могло исповедовать свою веру, но облагалось многочисленными непомерными налогами, поэтому часть южных славян приняла ислам как вынужденную необходимость, «не под натиском завоевателей, а с целью сохранения или получения положения в обществе, новых земельных владений и привилегий» [18, р. 81]. Наследием пятивекового присутствия османских турок и их культуры на Балканах является наличие в активной и пассивной лексике славянских народов полуострова тематически разных османизмов – заимствований из турецкого языка (и его диалектов) периода Османской империи, в котором был значителен и пласт слов иностранного происхождения, в частности арабского и персидского. В результате перехода в магометанство и рецепции частью балканских славян материальной и духовной культуры исламского мира, традиций и устоев султанской Турции их языки обогатились не только османизмами, но и другими ориентализмами (от лат. *orientalis* ‘восточный, присущий странам Востока’), в первую очередь арабизмами и персизмами.

Экстралингвистическая реальность – духовная и бытовая жизнь османских турок – расширила корпус лексики материальной культуры южных славян, так как частотный процесс при заимствовании – освоение слова вместе с реалией чужого быта. Цель данной работы – показать в лингвокультурологическом ракурсе фразеологический потенциал османизмов-наименований головных уборов и обуви в составе боснийских фразеологических единиц (ФЕ) на фоне других южнославянских языков.

Актуальность исследуемой проблемы. Лексические заимствования из языка османских турок славянами Балканского полуострова представляют интерес как в лингвистическом, так и в историко-этнографическом плане. Отмечая, что «наличие турцизмов – существенная черта словарей всех языков, входящих в балканский языковой союз», И. А. Седачкова подчеркивает: «Изучение турцизмов, по мнению многих ученых, является одной из самых актуальных задач балканистики» [15, с. 557]. Если ориентализмы, называющие человека по разным основаниям (титулам, званиям, интеллекту и пр.), как компоненты боснийских ФЕ были уже объектом описания [9] (равно как язык и фразеология Боснии [18]), то османизмы тематической группы «Одежда» в составе ФЕ региона таковыми не являлись, что и обусловило наш интерес к теме.

Материал и методы исследования. Необходимый для анализа материал извлечен из нескольких источников [25], [26], [27]. Основные методы обработки фразеологического материала – метод компонентного анализа, синхронно-описательный и сравнительно-сопоставительный методы, также иногда применялся метод структурно-семантического моделирования.

Результаты исследования и их обсуждение. Названия предметов одежды в составе ФЕ и паремий все чаще привлекают внимание лингвистов. В большинстве случаев анализируются ФЕ на материале одного языка: русского [5], [6], [16], [17, с. 195–205], крымскотатарского [1], арабского [11], немецкого [4, с. 98–100], реже – на материале двух

языков [23]. Головным уборам как предметам гардероба посвящены отдельные работы [7], [12]. Ввиду обширности материала мы ограничимся номинациями головных уборов и обуви ориентального происхождения, ставших компонентами боснийских ФЕ.

Названия головных уборов ориентального происхождения в составе ФЕ и паремий. У народов мусульманского Востока неотъемлемый элемент традиционной одежды – *чалма*, мужской головной убор, представляющий собой длинное полотнище тонкой ткани, обмотанной поверх другого головного убора (фески или другой специальной шапочки). У христианских народов чалма стала символом перехода в магометанство. Будучи обязательной частью одежды мусульман и атрибутом служителей культа, она стала знаком приверженности к исламу; ношение чалмы было обязательно для славян-мусульман, занимающих высокое положение, ее надевали и при вступлении в должность, что мотивировало возникновение босн. *zaviti (vezati) čalmu* ‘перейти в ислам; принять мусульманство; отуречиться’. ФЕ известна и другим южным славянам: серб. *vezati (zaviti) čalmu*; макед. *врза (зави) чалма [на главата]*. Близкая по форме болг. ФЕ *навивам | навия чалма на главата* (на някого) имеет семантику ‘заставить кого-л. быть более покладистым; укротить, усмирить, заставить покориться; победить’. В русском языке выражение *надеть чалму* (= ‘стать предателем’) не фразеологизировалось, но встречается в литературе с пояснениями: Он сказал ему еще, что я *надел чалму*, вот эту, – сказал Хаджи-Мурат, указывая на чалму на папaxe, – и что это значит, что я передался Шамилу. <...> Недавно генерал-майор Ахмет-Хан уведомил меня, что ты изменник, что ты *надел чалму*, что ты имеешь сношения с Шамилем, что ты научил народ не слушать русского начальства (Толстой Л. Н.. Хаджи-Мурат. 1912).

Чалма ассоциируется с имущественным положением и социально-культовым статусом человека, что отражено в ФЕ и паремиях южных славян (примеры см. в [8, с. 462–463]).

Босн. пословица *Ne zna čalma šta pati glava* – полный эквивалент серб. *Не зна чалма, шта пати глава* (букв. Не знает чалма, что мучит голову, от чего болит голова) ‘о том, кто имеет проблемы, но не желает поделиться рассказать о них даже самым близким’, а ироничная реплика тому, кто считает себя таким, каким на самом деле не является, – *Kad li čalmu steče?* – представляет собой часть серб. *Kad li se prije poturči, kad mi čalmu stече?*; при паремии Вук Ст. Карацић дает пояснение: «Рассказывают, как некий турок насмешки ради потихоньку снял недоуздок с кобылы Херо, которую Херо вел за собой, набросил его себе на голову и вместо кобылы пошел за Херо. Когда турок один раз остановился и затянул узду, Херо оглянулся и, увидев вместо кобылы турка, сказал: «Когда же перешла в мусульманство, когда же чалму приобрела?» [3, с. 119].

Турцизм *чалма* этимологизируется как причастие от *çalmak* ‘обмотать, замотать’ [27, s. 161]. В языке-реципиенте произошло сужение семантического объема слова: босн. *çalma* ‘легкое полотно, обмотанное вокруг фески или другого похожего головного убора; сарук, тюрбан, ахмедия’ < осм.-тур. *çalma* – ‘кража’; ‘игра, исполнение, концерт’; ‘украденный’; ‘йогуртовый напиток’; ‘вид тюрбана’; кул. ‘омлет, яичница’; отглагольное существительное от глагола *çalmak* – ‘красть воровать’; ‘ударять, бить’; ‘бросать, кидать’; ‘играть, исполнять’ [26, s. 129]. Надо отметить, что данный головной убор в Македонии и Болгарии фразеологически гораздо активнее, чем в Боснии, что, вероятно, связано с более длительным нахождением этих стран под игом осман: Македония – с 1371 г., Болгария – с 1363 г.

Слово *тюрбан* зафиксировано только в босн. *Jedan turban ne trpi više hodža* (букв. Один тюрбан не терпит нескольких ходжей), ср. с араб. *يُف ناساً ر دجوي ال* теН *عمامة واحدة* двух голов в одном тюрбане; В одной чалме не бывает двух голов). По А. Шкальичу, *turban* < нем. *Turban* < тур. *tülbent* < перс. *dülbend* [27, s. 624].

Язык османских турок был посредником проникновения лексем арабского и персидского происхождения в языки южных славян: босн. *fes* (болг., макед., серб. *фес*) ‘мужской

головной убор без полей с тульей в форме усеченного конуса с плоским верхом (обычно из фетра (войлока) красного цвета, с кисточкой), который преимущественно носили мусульмане; фес, феска' < осм.-тур. *fes* 'феска' < араб. فاس 'феска' от *F'as* 'Фес, город в Марокко, где было развито производство фесок'). В конце XII в. Фес стал одним из крупнейших городов исламского мира. На протяжении веков после захвата города в XV в. турками-сельджуками феска была самым узнаваемым элементом гардероба подданных Османского государства, который прижился у турок-мусульман: «Феска как головной убор без полей идеально подходила для ритуала мусульманских молитвенных поклонов, когда верующий должен касаться пола лбом. Также феска легко превращалась в основу для тюбана любой формы. <...> Турецкие солдаты и бюрократический аппарат в Турции, включая султана, за исключением определенных духовных сановников, носили фески без тюбана» [2]. С 1826 г. феска стала деталью формы османских чиновников и военных вместо тюбана. В боснийских частях армии Австро-Венгрии фески носили рядовые.

В Боснии слово встречается в ФЕ *nakriviti fes* (букв. надеть феску набекрень) – 1) 'быть веселым, радостным'; 2) 'перестать беспокоиться о чем-л., стать беззаботным; прийти к согласию'. В Болгарии ФЕ *кривя (накривявам | накривя) си феса* (разг.) имеет значения 'о том, кто живет припеваючи, не беспокоится, не заботится ни о чем'; 'о том, кто доволен своим положением, кому нечего больше желать', 'о том, кто крайне независим, смел в своих действиях, поступках, мыслях и т. п.'. По этой же структурно-семантической модели (ССМ) образованы ФЕ и в других южнославянских языках. Слово *капа (кара)* 'головной убор вообще (шапка, кепка, колпак, фуражка)' зафиксировано в болг. *кривя (накривявам | накривя) си капата*; макед. *накриви капа*; *ја накриви капата*; серб. *накривити капу*; хорв. *nakriviti кару*, лексема *шапка* – в болг. *кривя (накривявам | накривя) си шапката*; макед. *[си] ја накриви шапката*. Есть и другие лексические варианты: макед. *накриви шеширот (шешир 'шляпа')*; болг. *кривя (накривя) си калпака (калпак 'колпак' < тур. *kalpak* – 'солдатская шапка с меховой опушкой'; 'высокая цилиндрическая меховая шапка'; 'каска, шлем')*; *кривя си капелата (капело (устар. капела) 'шляпа с широкими полями' < итал. *cappello* < гр. *καπέλλο*)*. Ср. с рус. *сдвинуть шапку набекрень* и *заломить шапку* 'сильно сдвинуть шапку на затылок или набок', характеризующих ухара.

В болгарском языке лексема *феска* встречается и в других ФЕ: *на феса ми (на кирливия ми фес) разправай* (букв. моей (грязной) феске расскажи, где прилагательное образовано от устар. и диал. *кир* 'грязь, наслоения от кожи, пота, жира, выделяемых телом человека' < тур. *kir*) с той же ССМ, что и разг. *на калпака ми разправай*; *разправай на шапката ми*; *разправай ги тия (това) на старата (ланската, вехтата, съдраната) ми шапка* (букв. расскажи это моей старой (прошлогодней, ветхой, разорванной) шапке); *разправай ги тия (го това) на гуглата ми!*, где *гугла* – 1) островерхий капюшон, обычно у *емурлука* (= длинная, толстая мужская верхняя деревенская одежда, чаще безрукавная, защищающая от дождя и холода; пастушечий плащ (накидка) из грубой овечьей шерсти); болг. *ямурлук* < тур. *yağmurluk* 'верхняя одежда от дождя; дождевик' < тур. *yağmur* 'дождь' + тур. суффикс *-luk*; 2) диал. островерхая мужская шапка, обычно барашковая или овечья, с мехом наружу; то же, что болг. *калпак*. В русском языке им соответствуют ФЕ *не рассказывай сказки*; *брось заливать*; *не морочь мне голову* и т. п.

Цвет головного убора и его символика мотивировали появление болг. *ходя на (по) ален фес* (букв. хожу в алой феске) – 'о бездельнике'; 'об аморальном человеке'; 'о человеке, которому безразлично мнение окружающих о нем' и *испращам на ален фес* 'отправить гулять'. В этих ФЕ содержится прилагательное *ален* < тур. *al* < перс. *āl* с тем же значением.

Босн. *zaboravljati k(a)o mahalusa šamiju* 'быть забывчивым' содержит два ориентализма. Первый – *šamija* 'цветной платок с набивным рисунком из тонкой хлопчатобумажной ткани, которым женщины (обычно мусульманки) повязывали голову' (< осм.-

тур. *şāte* < перс. *šāte* ‘женский платок, шаль, шамия’; мед. ‘перепонка, мембрана’). Платки «были двух видов – домашние, небольшие, незатейливо украшенные, и “на выход”, большего размера и с богатым рисунком. Девушки и молодые женщины повязывали домашнюю шамию на затылке, пожилые женщины спереди. Для выхода на улицу поверх домашней шамии надевали ещё одну большего размера и с более богатым рисунком. Был и такой способ носить шамию: на темя надевали маленькую феску, а сверху повязывали шамию» [21]. Слово известно и другим южным славянам (макед., серб. *шамия*; болг. *шамия*), но в составе ФЕ встречается лишь в макед. устар. *носи (врзе) црвена шамија околу вратот* (букв. носить (завязать) красный галстук вокруг шеи) ‘быть (стать) пионером, пионеркой’, где имеет значение ‘пионерский галстук – красная шейная косынка, завязываемая спереди узлом, обязательный атрибут пионера’; у ФЕ есть вариант *носи (врзе) црвена марама околу вратот*; < тур. *mahrata, makrata* < араб. *miqrātā*). Второй ориентализм – *mahaluša* – относится к женщине, которая старается узнать в мельчайших подробностях обо всем происходящем вокруг (и у которой это получается), сплетнице, разносящей слухи, а также означает ‘кофе, за которым собираются пообщаться женщины со всей махаллы’. Слово является производным от *mahala* – 1) ‘часть города, городской квартал, населенный пункт’; ‘часть села; селение’; ‘улица, переулок’; 2) перен. пейор. ‘место, где с легкостью можно узнать все обо всем и каждом’; ‘консервативное общество с ограниченными взглядами’ (< осм.-тур. *mahalle* < араб. *maḥalla* ‘место жительства; лагерь; городской квартал, махалля’).

Названия обуви ориентального происхождения в составе ФЕ и паремий. Немаю в языках южных славян и ФЕ с наименованиями обуви, вошедшей в их быт во время османского владычества. Турцизм *çizme* ‘сапог’ (рис. 1) при заимствовании расширил объем значения: босн. *čizma* (серб. *чизма*) – 1) ‘высокая обувь (обычно из кожи или резины) до или выше колена, сапог с загнутым носом, остроносый’; 2) устар. ‘мера, соответствующая количеству помещаемого в сапог; единица измерения’; 3) перен. ‘военная сила, притеснение, незаконное применение силы, гнет, тирания’.

Рис. 1. Чизме. Музей Бруса Безистан в Сараево (<https://bih-ru.com/obuv/>)

В Боснии известны ФЕ *držati pod čizmom* ‘управлять насильственными средствами, методами, диктаторски’; *zgaziti čizmom* (букв. растоптать сапогом) ‘покорить, подчинить, завоевать’. ФЕ *lizati (ljubiti) kome čizme (cipele)* ‘прислуживаться; угодничая, унижаться, раболепствовать, пресмыкаться’ образована по той же ССМ (с варьированием названия обуви), что и рус. *лизать (целовать – редко) сапоги кому, [у] кого*; укр. *лизати чоботи (черевики, патинки) кому, у кого*; болг. *ближа (лижа) ботушите* на някого; польск. *lizać buty komuś*; чеш. *lízat boty komu*. В модели может быть деталь обуви: голенище – укр.

лизати халяву (халяви) кому, у кого, подошва – болг. *ближа (лижа) подметките* на някого; *лижа праха (калта) от подметките* на някого (букв. лизать пыль (грязь) с подметок).

Босн. *željezna čizma* ‘оккупационный военный режим, захватнические войска, враг’ = болг. *железния ботуш*; в модели может быть отэтнонимичное прилагательное: болг. *турският ботуш*; хорв. *mađarska čizma*; польск. *pruski but*. Символику порабощения, военного притеснения обувь имеет у многих народов: рус. *быть под сапогом*; болг. *съм под ботуша*; *попадам | попадна под ботуша*; хорв. *biti (nalaziti se, stenjati) pod čizmom* koga, čega (čijom); польск. *być (siedzieć i in.) czyimś butem*; фр. *sous la botte*.

Серб. *шпанска (шпањолске) чизме* = рус. *испанский сапог (сапожок)*; ФЕ отражает исторический факт и восходит к названию жестокой пытки и ее орудия во времена Средневековья, когда в Западной Европе и особенно в Испании свирепствовала инквизиция.

Название этого вида обуви встречается также в сербских пословицах *Није свака чизма за сваку ногу*; *Не иде та чизма на ту ногу* с семантикой ‘кто угодно не подходит для любой работы’. Босн. *Čizma glavu čuva, subara je kvari* (букв. Сапог голову бережет, меховая шапка ее портит) соответствует рус. *Держи ноги в тепле [, живот в голоде], а голову в холоде*; вариант этой поговорки – *Cipela glavu čuva, a kara je kvari*. Противопоставление обуви селян и горожан содержит крылатое выражение хорватского писателя А. Дукича (1867–1952) *Kad opanak postane cipela, misli da je čizma* (букв. Когда опанак становится башмаком, думает (мнит) о себе, что он сапог), где *опанок* – охватывающая стопу легкая крестьянская обувь из сыромятной кожи, прикрепляемая к ноге ремешками или веревкой; в Боснии и Герцеговине подошва была из грубой кожи, а верх – из шерстяных нитей или кожаных полосок.

Босн. *uvaj opanke dok ne stekneš čizme* (букв. Береги опанки, пока не приобретешь сапоги) переключается с крым.-тат. *Чызма кийдим деп, чарыгъынъны котерип атма!* (букв. ‘натянув сапоги, постолы не выбрасывай!’) ‘приобретя что-то новое, не спеши избавляться от старого’, где *чызма* – мужские хромовые, реже сафьяновые сапоги с высоким голенищем (до и выше колен) черного, иногда красного цветов, которые были популярны среди зажиточных крымских татар [20, с. 119]. В крымскотатарском языке слово *чызма* встречается в ФЕ *Эки ягъыны бир чызмагъа сокъар* (букв. ‘обе ноги затолкнет в один сапог’) ‘браться за несколько дел одновременно’ [1, с. 8–9]; *эки аягъыны бир чызмагъа сокъмакъ* (букв. обе ноги засовывать в один сапог) ‘ставить в затруднительное положение кого-либо’ [22, с. 46]; *эки аягъыны бир чызмагъа сокъмакъ кимнинъ* (букв. обе ноги всовывать в один сапог) ‘жестоко наказывать кого-либо’ [22, с. 50].

Мы не можем согласиться с предположением З. З. Авамиловой, что «вероятнее всего, данная лексема является исконно крымскотатарской, так как в остальных тюркских языках употребляется лексема *этик (итек)* в значениях ‘сапоги’, ‘обувь’» [1, с. 8], и разделяем резюме А. М. Эмировой, что «значительная часть крымскотатарской фразеологии относится к общетюркскому фонду» [22, с. 107]. Не надо забывать и о том, что Крымское ханство 299 лет было протекторатом турецкого султаната, а часть полуострова вошла в состав собственно Османской империи. Заметим, что ввиду определенных исторических событий название данного вида обуви известно и многим славянам, хотя и не стало компонентом ФЕ: укр. *чизми* ‘венгерские сапоги с загнутым носом, черные или красные’; зап.-укр. ‘кожаные сапоги, которые носило состоятельное население Бойковщины Украинских Карпат’ (< венг. *csizma* и польское посредничество из турецкого языка; Венгрия находилась под османами 192 года, Польша – 96 лет); болг. *чизма* ‘сапог’; польск. *ciżma* ‘вид обуви из мягкой кожи, часто с загнутым сверху острым носом’. В Словакии и сейчас слово употребляется в ФЕ *sedemmil'ové čizmy* ‘сапоги-сороходы’; *čizmy tu kašu (jesť, piť) pýtajú* = рус. *сапоги каши просят* ‘о дырявой обуви’. Устойчивое сравнение дает представление о цвете обуви: *čizmy červené ako líška* (букв. чизмы красные, как лисица). В книге

А. П. Затурецкого [28], изданной в 1897 г., зафиксировано 9 ФЕ и паремий с этим компонентом (варианты оборотов мы не учитывали); в сборнике народных изречений, изданном в Чехии в 1947 г. [24], – лишь 5, причем 4 из них – заимствования из словацкого языка.

В современной Боснии *pariṣa* (< осм.-тур. *pariṣ*, *pabiṣ*, *pārīṣ* < перс. *pā* ‘нога’ и перс. *pīṣ* – в сложных словах: ‘одежда, покров’, *pīṣīdan* ‘одеть, обуть’; перс. *pārīṣ* ‘папуче, обувь’) – 1) ‘вид открытой летней обуви из разных материалов (кожи, пластика, ткани)’; ‘вид обуви, которую носят дома, шлепанцы’; 2) ‘подножка, на которую встают, заходя в какой-н. вид транспорта или выходя из него’. Название обуви через посредство турецкого языка вошло и в другие славянские языки, напр.: рус. *бабуши* ‘туфли, калоши баз задников, верхняя обувь’; в новгородском и архангельском диалектах *панпуши* и *пампуши* – ‘простые грубые башмаки’; укр. *пануць*; польск. *pariś* ‘домашняя обувь, обычно мягкая, на плоской подошве, шлепанцы’. В составе боснийских ФЕ слово встречается только в значении ‘обувь’: *ni pariṣe (oranke, cipele) [pred nogom] da kome okrene* ‘быть недостойным кого-н.’; *biti pod pariṣom* ‘полностью подчиняться супруге’; *držati (koga) pod pariṣom* ‘держат кого-л. в подчиненном, зависимом положении (в семейных отношениях)’; *strpati (koga) pod pariṣi* ‘поставить кого-л. в подчиненное, зависимое положение’ (обычно в семейных отношениях). ФЕ с ССМ «быть + под + название обуви (часть обуви)» известны многим народам, напр.: рус. *быть (находиться) под башмаком (каблуком)* [(у) жены, супруги, тещи]; *попасть под башмак (каблук)* [жены]; *попасть под бабий башмак (каблук)*; *держат под башмаком (каблуком)* [супруга, мужа]; укр. *бити (знаходиться, перебувати и т. п.) під чоботом (каблуком, закаблуком)* у кого, кого, чийм; *бути (опинитися)* [в жінки] *під черевиком*; *держати* кого-н. *під черевиком*; серб. *под папучу стрпати* кога; *под папучом бити (држати)* кога; хорв. *biti (živjeti) ispod čije pariṣe*; *biti (živjeti) pod pariṣom* čijom (koga); *držati pod pariṣom* koga; чеш. *být pod pantoflem*; нем. *j-n unter dem Pantoffel stehen*; *j-n unter dem Pantoffel haben*; *j-n unter den Pantoffel kommen (geraten)*; *j-n unter den Pantoffel bringen*; *den Pantoffel führen (schwingen)*; фр. *être sous la pantoufle* и т. д. Объясняя происхождение русской ФЕ, профессор Д. И. Иловский пишет: «Башмак – слово татарское и обозначает вообще обувь, сделавшуюся у нас в известном своем виде принадлежностью специально женской обуви. В дополнение к этому объяснению напомним обычай восточных, т. е. азиатских деспотов повергать на землю побежденного и пленного государя и предводителя и наступать на него ногою в знак своей полной над ним власти. Откуда и у нас сохраняется выражение “быть под пятою”, т. е. “быть под игом”» [10, с. 289]. В Сербии бытует также ФЕ *рана папуча, касни сватови* с семантикой ‘капризную, взбалмошную, своенравную девушку трудно выдать замуж’.

Согласно «Путеводителю по Боснии и Герцеговине» подошва папуч всегда кожаная, а верхняя часть чаще тканевая, хотя может быть и кожаной; эти тапочки-шлепки украшали бисером или вышивкой, они могли быть на плоской подошве и с каблучком, с загнутым или округлым носом; их носили внутри дома [19], а по двору ходили в *нануле* (серб. *нануле*, босн. *nanula* < осм.-тур. *nalın* < араб. *na 'laun* от ед. ч. *na 'l* – ‘сандалия, туфля, папуче; подошва; подметка; деревянная колодка (сапожная)’ [27, с. 485–486]) – деревянных сандалий (обычно их делали из древесины ореха) с каблуками спереди и сзади, похожими на маленькие скамеечки, украшенные резьбой, кусочками перламутра, с кожаным ремнем в виде перехвата сверху, декорированным бисером, плетением, вышивкой (рис. 2). Эта обувь могла быть разной высоты; сначала ее носили только в традиционной турецкой бане, так как «в хаммаме без нануле было не обойтись: обогрев шел под полом, и ходить по нему было горячо. Высокие нануле защищали ноги от высокой температуры. А еще пол в купальном помещении был постоянно мокрым и скользким, и босиком было легко поскользнуться» [13], потом на улице. Подобные деревянные сандалии (ходули) в Крыму носили женщины, реже мужчины; высота женских *налын* могла достигать до 15 см [1, с. 119]; описание изделия см. в работе Г. Радде [14, с. 12]. Название обуви в составе ФЕ встречается

лишь в боснийских источниках: шутл. *fale kome samo dženetske nanule* (букв. не хватает (кому) только райских нануле) ‘выглядеть плохо, болезненно, обычно после бессонной ночи’. Прилагательное образовано от существительного *dženet* – в исламе это ‘место пребывания на другом свете после Судного дня праведников (ахират), где они будут жить в вечном блаженстве; райские сады’ (< осм.-тур. *cennet* < араб. جنة ‘сады’, *ğanna* ‘сад; рай, джаннат’).

Рис. 2. Нануле. Музей хаммама в Мостаре (<https://bih-ru.com/obuv/>)

Выводы. Влияние турецкого языка османской эпохи на лексику славян в лексико-семантических группах «Головные уборы» и «Обувь», связанных с бытом и религией, достаточно сильно. Часть этой лексики настолько усвоена южными славянами, что давно не воспринимается чужеродной. Однако некоторые реалии устарели и встречаются только в составе ФЕ. Национальная и культурно-историческая маркированность ФЕ часто затрудняет их перевод на другие языки в силу отсутствия в этих языках данных реалий. Материал демонстрирует разный фразеологический потенциал ориентализмов, называющих предметы гардероба, у славян, а также его ареальную проекцию (или отсутствие таковой). Варианты ФЕ иллюстрируют параллельное использование в ССМ славянизмов и ориентализмов. В то же время некоторые слова по понятным причинам вообще не допускают замены (чалма, нануле). Лексика, застывшая в ФЕ, и сами ФЕ показывают, насколько ориентализмы рассмотренных тематических групп пронизывают духовную и материальную стороны жизни славянских народов. В связи с этим в перспективе дальнейшего исследования – описание и других лексем-ориентализмов, называющих предметы гардероба и элементы одежды (напр., *čakšire, ćurak, jaka, džep, gajtan*), в составе ФЕ боснийских мусульман.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авамилова З. З. Семантическая характеристика лексики одежды и аксессуаров в крымскотатарской фразеологии // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. – 2016. – № 3. – С. 3–10.
2. История стамбульской фески – более 500 лет успеха [Электронный ресурс]. – URL : <https://turk.expert/blog/istorija-stambulskoj-feski.html> (дата обращения: 28.02.2022).
3. Караџић Вук Ст. Српске народне пословице и друге различне као оне у обичај узете ријечи. – Беч : Штампарија Јерменског манастира, 1849. – 388 с.
4. Керимов Р. Д. Текстильные концептуальные метафоры в политическом дискурсе ФРГ // Политическая лингвистика. – Вып. 3(23). – Екатеринбург, 2007. – С. 96–107.
5. Ковишова М. Л. К вопросу о культурной референции пословиц (на материале русских пословиц с костюмными компонентами) // Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты : монография. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2017. – С. 84–114.
6. Ковишова М. Л. Костюмные образы в русских пословицах, поговорках и загадках. О нарядном и модном // Язык и мода. – М. : ИНИОН РАН, 2017. – С. 121–145.
7. Ковишова М. Л. Семантика головного убора в культуре и языке: костюмный код культуры. – М. : Гнозис, 2015. – 368 с.
8. Кузнецова И. В. Межкультурная коммуникация как источник пополнения фразеологического фонда (на материале южнославянских языков) // Этнокультурные феномены в образовательном процессе. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2021. – С. 460–469.

9. Кузнецова И. В., Хмелевский М. С. Фразеологизмы с ориентализмами, называющими человека, в речи боснийских мусульман // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2020. – № 4(109). – С. 63–70. – DOI 10.37972/chggu.2020.109.4.007
10. Максимов С. В. Крылатые слова. – М.: ГИХЛ, 1955. – 447 с.
11. Наджим К. Х. Идиоматика как способ репрезентации языковой картины мира (на материале арабских фразеологизмов с компонентом «головной убор») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – Т. 15. – Вып. 3. – С. 38–42.
12. Наджим К. Х. Роль тематической группы «Головные уборы» в формировании русской идиоматики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – Т. 13, № 2. – 2013. – С. 7–10.
13. Нануле // Путеводитель по Боснии и Герцеговине [Электронный ресурс]. – URL : <https://bih-ru.com/nanule/> (дата обращения: 28.02.2022).
14. Радде Г. Крымские татары. – С.-Петербург : Типография товарищества «Общественная польза», 1879. – 52 с.
15. Седакова И. А. Балканизмы и турцизмы: новые подходы к проблеме // Славянский альманах 2013. – М.: Индрик, 2014. – С. 553–562.
16. Тихомирова А. В. Символика наименований одежды и обуви в русской диалектной лексике и фразеологии свадебного обряда // Вестник Пермского университета. – 2013. – Вып. 1(21). – С. 43–50.
17. Фольклорная фразеология: Проблемы лингвокультурологического и лексикографического описания : коллективная монография. – Грайфсвальд ; Санкт-Петербург : Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Institut für Slavistik, 2018. – 253 s.
18. Хмелевский М. С. Отражение истории, культуры и традиций Боснии в языке и фразеологии // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. – 2015. – Т. 60, № 1. – Р. 79–86. – DOI: 10.1556/060.2015.60.1.8
19. Чизме, местве, фирале и другая обувь // Путеводитель по Боснии и Герцеговине [Электронный ресурс]. – URL : <https://bih-ru.com/obuv/> (дата обращения: 28.02.2022).
20. Чубукчиева Л. З. Крымскотатарская традиционная кожаная обувь в собрании бахчисарайского музея-заповедника // Крымский гуманитарный вестник. – Симферополь : ИП Минакир И. Л., 2020. – С. 117–120.
21. Шамия и шамиджия // Путеводитель по Боснии и Герцеговине [Электронный ресурс]. – URL : <https://bih-ru.com/samija-samidzija/> (дата обращения: 15.02.2022).
22. Эмирова А. М. Основы крымскотатарской фразеологии: учеб. пособие. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2012. – 168 с.
23. Benzon I. Pridruživanje frazema s komponentom naziva za odjeću konceptualnim poljima (na građi njemačkog i hrvatskog jezika) // Fluminensia : časopis za filološka istraživanja. – God. 18, br. 2. – Rijek : Filozofski fakultet Sveučilišta u Rijeci, 2006. – S. 85–114.
24. Lidová rčení. Zpracoval Jaroslav Zaorálek. – Praha : Academia, 2000. – 743 s.
25. Lukić Z. Poslovice u Bosni i Hercegovini. – 2001. – 91 s. [Электронный ресурс]. – URL : <https://zlatkolukic.com/wp-content/uploads/2017/06/12.Poslovice1.pdf> (дата обращения: 15.02.2022).
26. Šehović A., Haverić Đ. Leksika orijentalnog porijekla u frazemama bosanskog jezika [Elektronski izvor]. El. knjiga. – Sarajevo : Filozofski fakultet, 2017. – 269 s.
27. Škaljić A. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. – Sarajevo : Svjetlost, 1966. – 662 s.
28. Zátorecký A. P. Slovenské prislovia, porekadlá, úslovia a hádanky. – Bratislava : Slovenský Tatran, – 2005. – 812 s.

Статья поступила в редакцию 05.03.2022

REFERENCES

1. Avamilova Z. Z. Semantičeskaya harakteristika leksiki odezhdy i aksesuarov v krymskotatarskoj frazeologii // Voprosy krymskotatarskoj filologii, istorii i kul'tury. – 2016. – № 3. – С. 3–10.
2. Istoriya stambul'skoj feski – bolee 500 let uspekha [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://turk.expert/blog/istorija-stambul'skoj-feski.html> (data obrashcheniya: 28.02.2022).
3. Karađih Vuk St. Srpske narodne poslovice i druge razlichne kao one u obichaj uzete riječi. – Bech : Shtamparija Jermenskog manastira, 1849. – 388 s.
4. Kerimov R. D. Tekstil'nye konceptual'nye metafory v politicheskom diskurse FRG // Politicheskaya lingvistika. – Vyp. 3(23). – Ekaterinburg, 2007. – S. 96–107.
5. Kovshova M. L. K voprosu o kul'turnoj referencii poslovic (na materiale russkih poslovic s kostyumnymi komponentami) // Poslovice v frazeologicheskom pole: kognitivnyj, diskursivnyj, sopostavitel'nyj aspekty : monografiya. – Vladimir : Izd-vo VIGU, 2017. – S. 84–114.
6. Kovshova M. L. Kostyumnye obrazy v russkih posloviach, pogovorkah i zagadkah. O naryadnom i modnom // Yazyk i moda. – M.: INION RAN, 2017. – S. 121–145.
7. Kovshova M. L. Semantika golovno go ubora v kul'ture i yazyke: kostyumnyj kod kul'tury. – M.: Gnozis, 2015. – 368 s.

8. Kuznecova I. V. Mezukul'turnaya kommunikaciya kak istochnik popolneniya frazeologicheskogo fonda (na materiale yuzhnoslavjanskih yazykov) // *Etnokul'turnye fenomeny v obrazovatel'nom processe*. – Cheboksary : Chuvash. gos. ped. un-t, 2021. – S. 460–469.
9. Kuznecova I. V., Hmelevskij M. S. Frazeologizmy s orientalizmami, nazyvayushchimi cheloveka, v rechi bosnijskih musul'man // *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*. – 2020. – № 4(109). – S. 63–70. – DOI 10.37972/chgpu.2020.109.4.007
10. Maksimov C. V. Krylatye slova. – M. : GIHL, 1955. – 447 s.
11. Nadzhim K. H. Idiomatika kak sposob reprezentacii yazykovoj kartiny mira (na materiale arabskih frazeologizmov s komponentom «golovnoj ubory») // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. – 2015. – T. 15. – Vyp. 3. – S. 38–42.
12. Nadzhim K. H. Rol' tematicheskoy gruppy «Golovnye ubory» v formirovanii russkoj idiomatiki // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. – T. 13, № 2. – 2013. – S. 7–10.
13. Nanule // *Putevoditel' po Bosnii i Gercegovine [Elektronnyj resurs]*. – URL : <https://bih-ru.com/nanule/> (data obrashcheniya: 28.02.2022).
14. Radde G. Krymskie tatory. – S.-Peterburg : Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1879. – 52 s.
15. Sedakova I. A. Balkanizmy i turcizmy: novye podhody k probleme // *Slavyanskij al'manah* 2013. – M. : Indrik, 2014. – S. 553–562.
16. Tihomirova A. V. Simvolika naimenovanij odezhd i obuvi v russkoj dialektnoj leksike i frazeologii svadebnogo obryada // *Vestnik Permskogo universiteta*. – 2013. – Vyp. 1(21). – S. 43–50.
17. Fol'klornaya frazeologiya: Problemy lingvokul'turologicheskogo i leksikograficheskogo opisanija : kollektivnaya monografiya. – Grajfsval'd ; Sankt-Peterburg : Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Institut für Slawistik, 2018. – 253 s.
18. Hmelevskij M. S. Otrazhenie istorii, kul'tury i tradicij Bosnii v yazyke i frazeologii // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – 2015. – T. 60, № 1. – R. 79–86. – DOI: 10.1556/060.2015.60.1.8
19. Chizme, mestve, firale i drugaya obuv' // *Putevoditel' po Bosnii i Gercegovine [Elektronnyj resurs]*. – URL : <https://bih-ru.com/obuv/> (data obrashcheniya: 28.02.2022).
20. Chubukchieva L. Z. Krymskotatarskaya tradicionnaya kozhanaya obuv' v sobranii bahchisarajskogo muzeya-zapovednika // *Krymskij gumanitarnyj vestnik*. – Simferopol' : IP Minakir I. L., 2020. – S. 117–120.
21. Shamiya i shamidzhiya // *Putevoditel' po Bosnii i Gercegovine [Elektronnyj resurs]*. – URL : <https://bih-ru.com/samija-samidzija/> (data obrashcheniya: 15.02.2022).
22. Emirova A. M. Osnovy krymskotatarskoj frazeologii: ucheb. posobie. – Simferopol' : Krymchpedgiz, 2012. – 168 s.
23. Benzon I. Pridruživanje frazema s komponentom naziva za odjeću konceptualnim poljima (na građi njemačkog i hrvatskog jezika) // *Fluminensia : časopis za filološka istraživanja*. – God. 18, br. 2. – Rijek : Filozofski fakultet Sveučilišta u Rijeci, 2006. – S. 85–114.
24. Lidová rčení. Zpracoval Jaroslav Zaorálek. – Praha : Academia, 2000. – 743 s.
25. Lukić Z. Poclalice u Bosni i Hercegovini. – 2001. – 91 s. [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://zlatkolukic.com/wp-content/uploads/2017/06/12.Poslovice1.pdf> (data obrashcheniya: 15.02.2022).
26. Šehović A., Haverić Đ. Leksika orijentalnog porijekla u frazemama bosanskog jezika [Elektronski izvor]. El. knjiga. – Sarajevo : Filozofski fakultet, 2017. – 269 s.
27. Škaljić A. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. – Sarajevo : Svjetlost, 1966. – 662 s.
28. Zátorecký A. P. Slovenské prislovia, porekadlá, úslovía a hádky. – Bratislava : Slovenský Tatran, – 2005. – 812 s.

The article was contributed on March 5, 2022

Сведения об авторе

Кузнецова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования Чувашиского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-2038-5879>, irinak47@yandex.ru

Author Information

Kuznetsova, Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Pedagogics and Methods of Primary Education, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-2038-5879>, irinak47@yandex.ru

УДК 821.161.1.09"19/20"

DOI 10.26293/chgpu.2022.114.1.010

Л. В. Ляпаева

МОТИВ «ВИШНЕВОГО САДА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX–XXI ВЕКОВ (А. ГЕЛАСИМОВ, В. СОРОКИН, В. ПЕЛЕВИН, В. РОПШИН)

*Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье исследуется мотив «Вишневого сада» в романах А. Геласимова «Год обмана», В. Пелевина «Жизнь насекомых», В. Сорокина «Голубое сало» и в повести В. Ропшина «Конь вороной». Сравнительно-сопоставительный подход позволил выявить семантический потенциал мотива «Вишневого сада» и подчеркнуть своеобразие функционирования его в каждом из произведений, относящихся к разным эстетическим системам (реализм – постмодернизм). В романе М. Геласимова «Год обмана» мотив «Вишневого сада» реализуется через образы Шарлотты и Епиходова, создающие новую версию пьесы о чувствах и переживаниях героев. В романе В. Пелевина «Жизнь насекомых» Максим играет Гаева, образ которого насыщен постмодернистскими деталями: аквариум, бамбуковый меч, сапоги. В этом же ракурсе в романе В. Сорокина «Голубое сало» клонированный Чехов создает пьесу «Погребение Аттиса», в которой важен яблоневый сад и старый лакей Антон. Однако полного трагического смысла мотив «Вишневого сада» достигает в повести В. Ропшина «Конь вороной». Полученные результаты позволяют прийти к выводу о том, что мотив «Вишневого сада» полисемантивен и связан с формированием иной реальности, тяготеющей к гармонии, и важен как знак иллюзорности, потерянности, когда человек повержен в атмосферу тьмы и безысходности.

Ключевые слова: *А. Геласимов, А. Чехов «Вишневый сад», В. Сорокин, В. Пелевин, В. Ропшин, мотив, функция*

L. V. Lyapayeva

MOTIF OF “THE CHERRY ORCHARD” IN THE WORKS OF RUSSIAN WRITERS IN THE 20TH – 21ST CENTURIES (A. GELASIMOV, V. SOROKIN, V. PELEVIN, V. ROPSHIN)

I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article examines the motif of “The Cherry Orchard” in the novels “The Year of Deception” by A. Gelasimov, “The Life of Insects” by V. Pelevin, “Blue Fat” by V. Sorokin, and in the story “The Black Horse” by V. Ropshin. The comparative approach made it possible to reveal the semantic potential of “The Cherry Orchard” motif and emphasize the originality of its functioning in each of the works belonging to different aesthetic systems (realism – postmodernism). In M. Gelasimov’s novel “The Year of Deception”, the motif of “The Cherry Orchard” is implemented through the images of Charlotte and Epikhodov, who create a new version of the play about the feelings and experiences of the characters. In V. Pelevin’s novel “The Life of Insects”, Maxim plays Gaev, whose image is full of postmodern details: an aquarium, a bamboo sword, and boots. In the same perspective, in V. Sorokin’s novel “Blue Fat”, the cloned Chekhov creates the play “The Burial of Attis”, in which the apple orchard and the old footman Anton are important. However, the motif of “The Cherry Orchard” in V. Ropshin’s story “The Black Horse” reaches its full tragic meaning. The results obtained allow us to conclude that the motif of “The Cherry Orchard” is polysemantic and associated with the formation of a different reality, gravitating towards harmony and is important as a sign of illusory, dismay, when a person is plunged into an atmosphere of darkness and hopelessness.

Keywords: *A. Gelasimov, A. Chekhov "The Cherry Orchard", V. Sorokin, V. Pelevin, V. Ropshin, motif, function*

Введение. Проблема изучения произведения с точки зрения специфики мотивной структуры представляется достаточно перспективной, особенно когда речь идет о выявлении и функционировании таких дискурсов, которые позволяют рассматривать произведения в их «вертикальной и горизонтальной» рецепции, как считает И. В. Гюббенет [7, с. 3–5]. Обоснование мотивного подхода содержится в ряде работ И. В. Силантьева, И. Багратион-Мухранели [17], [2]. В частности, И. Силантьев считает, что возможности мотивного анализа таковы, что позволяют рассматривать мотив как «интертекстуальный повтор в системе разных повествований» в силу того, что «мотив континуален» [17, с. 113]. Исследование мотивной структуры продуктивно в тех случаях, когда сюжетно-фабульное начало произведений характеризуется слабостью фабульного элемента и преобладанием описательного [11, с. 43–44]. Цель данного исследования – выявить мотив «Вишневого сада» и раскрыть его семантический потенциал в произведениях, созданных в разных жанровых и эстетических системах.

Актуальность исследуемой проблемы. Характеризуя современный литературный процесс, исследователи отмечают, что диалог с классикой становится главной его особенностью [8, с. 28]. Формы, приемы, структура диалога в каждом произведении свои, при этом подчеркивается, что чеховский контекст является одним из значимых. Литературоведы (Т. Буслакова, В. Макарова, Е. Михина, Е. Петухова, А. Щербакова) говорят о «чеховском притяжении», «чеховском претексте», чеховских традициях в современной драматургии, обращаясь к творчеству Л. Петрушевской, Л. Улицкой, А. Слаповского, Н. Коляды [3, с. 15], [12, с. 135], [13, с. 69], [15, с. 106], [19, с. 84]. Исследователи отмечают, что чеховские дискурсы в произведениях драматургов представлены такими формулами, как «звук лопнувшей струны», «недотепа», «в Москву!», «многоуважаемый шкаф», «человек в футляре», «пропала жизнь», «вишневый сад» и другими. Однако мотив «Вишневого сада» представляется недостаточно исследованным именно в прозаических произведениях А. Геласимова В. Пелевина, В. Сорокина, В. Ропшина, что актуализирует избранный курс анализа.

Материал и методы исследования. Объектом исследования становятся произведения писателей XX–XXI вв., в которых чеховский мотив «Вишневого сада» является значимым структурным элементом, при этом он трансформируется, наполняясь новым содержанием в зависимости от специфики произведения и задач художника. Мотив «Вишневого сада» играет важную роль в произведениях А. Геласимова «Год обмана», В. Пелевина «Жизнь насекомых», В. Сорокина «Голубое сало», В. Ропшина «Конь вороной». Структурный и сравнительно-сопоставительный методы становятся основными при изучении данных произведений.

Результаты исследования и их обсуждение. Чеховские образы и мотивы прочно вошли в структуру произведений современных писателей и драматургов (В. Пьецух, Л. Улицкая, Л. Петрушевская). Произведения А. Геласимова «Год обмана» (2003), В. Пелевина «Жизнь насекомых» (1993), В. Сорокина «Голубое сало» (1999), В. Ропшина «Конь вороной» (1923) при всем своеобразии каждого объединяет обращение к пьесе А. Чехова «Вишневый сад» на уровне сюжетных параллелей, идей, цитат, мотивов, включений текстов-прецедентов.

Роман А. Геласимова «Год обмана» наиболее органично связан с пьесой «Вишневый сад». Возникающие параллели не случайны, а вписаны в структуру романа, оправданы сюжетом произведения: главная героиня Марина учится в одном из театральных вузов Москвы, и студенты репетируют дипломный спектакль «Вишневый сад» на даче.

Этот сюжетный ход позволяет и воссоздать общую атмосферу репетиции, и выявить отношение к классике, и увидеть очередную интерпретацию пьесы с новыми акцентами. Комментарии к репетируемой пьесе становятся не только оправданными элементами, но и знаковыми событиями, характеризующими не только современность, но и судьбоносные моменты жизни главных героев – Марины, Михаила Воробьева и Сергея. Этот современный любовный треугольник насыщен не только роскошью быта сына миллионера Сергея и «благородной бедностью» других героев, но и искренностью чувств и обманом, столкновением мечты и действительности. У каждого из героев свои причины отдалиться от правды, запутываясь все глубже в обмане. Так, Сергей, для которого Марина является идеалом (она похожа на Одри Хепберн), не может сказать правды о себе, сочиняет биографию провинциального мальчика-студента из Калуги и следует ей, оставляя, как ему кажется, так свободу выбора для Марины. Михаил, влюбившись в Марину, напротив, изображает состоятельного человека с машиной, не являясь им, потому что таковы условия его службы – слежки у отца Сергея. Сама Марина, несмотря на молодость, много пережила и испытала, потеряла мать, помогает отцу растить младшего брата, заботится о них. Она добра, сострадательна, умна, с удовольствием занимается в институте – этими качествами притягивает людей. Но правды о своих друзьях она не знает и верит тому, что они говорят о себе. Мотив «Вишневого сада» способствует раскрытию характера Марины. Единственным зрителем на репетиции пьесы оказывается Михаил, который не сразу понимает, куда попал, воспринимая реплики из пьесы буквально, но ситуацию поправляет Марина: «Это же Чехов, мы тебя совсем запутали» [5, с. 190]. Михаил вспоминает «Вишневый сад» и понимает, что здесь, в пьесе, расставлены другие акценты, второстепенные герои оказываются интереснее, чем главные, – прежде всего Шарлотта и Епиходов. Марина играла Шарлотту и, как и положено, говорила с немецким акцентом, показывала фокусы и ела огурцы. Но главное в игре Марины – это ее монолог о родителях, об одиночестве, который она произносила так, что «пробирала дрожь». Роль Епиходова тоже пронизана была чувством – актер играл грусть. Эти два образа создавали другую версию пьесы: она становилась пьесой о чувствах и очень личных переживаниях героев, а потом уже пьесой о судьбе вишневого сада. Такая трактовка пьесы Чехова синхронно отражается в сюжете романа и историях Марины, Сергея и Михаила, когда каждый из героев, по сути, является чеховским персонажем полужеста, героем еще не реализованных сил и поворотов судьбы. Герои романа ищут места прежде всего в устройстве частной жизни, профессиональный статус не сформирован. И вот этим «не» герои романа напоминают чеховских с их неторопливостью, бездействием. Структура времени в романе А. Геласимова также напоминает драматическое действие пьесы А. Чехова: временной спектр событий сжат до предела – есть «здесь и сейчас», нет прошлого (оно едва намечено пунктирно у Марины), будущее аморфно и героев, по сути, не интересует. В пьесе Чехова все развивается в настоящем времени, экскурсии в прошлое возникают у Раневской, Гаева, Лопахина, мыслями о будущем заняты только Петя Трофимов и Аня. Однако особенность пьесы, как справедливо замечает А. Генис, в том, что не герои являются центром: «Сад – вершинный образ... Сад – синтез умысла и провидения... Сад – это совершенное сообщество... Сад – это универсальный чеховский символ... Сад – слияние единичного со всеобщим» [4, с. 188]. Эта составляющая пьесы А. Чехова в сюжете произведения А. Геласимова отсутствует, поскольку все сосредоточено на тех доминантных признаках романного мышления, которые формируют, по выражению самого автора, «роман воспитания с эффектом наоборота» [10, с. 210], [20, с. 45].

Пьеса Чехова «Вишневый сад» в другом ракурсе представлена и в постмодернистском романе В. Пелевина «Жизнь насекомых». В контексте беседы двух приятелей возникает экскурс, из которого становится ясно, что Максим задействован в спектакле

«Вишневый сад». Самой постановочной версии спектакля в романе нет, но Максим, которому досталась роль Гаева, рассказывает о предстоящем спектакле и о своей личной актерской задаче: «...не все еще с кульминацией ясно. Я ее до конца не увидел... Это точка, которая высвечивает всю роль. Для Гаева это место, где ему говорят, что должность нашли в банке... в это время все стоят с бамбуковыми палками... И тут ему на голову надевают аквариум. И он роняет бамбуковый меч» [14, с. 170]. На вопрос Никиты, зачем все это (аквариум и бамбуковый меч. – Л. Л.), ибо в пьесе Чехова этого нет, Максим говорит, что этого требует постмодернизм. Отношение Никиты к этой интерпретации выражено через общие размышления о самом постмодернизме, точнее, его неприятии: «А постмодернистов я не люблю. Искусство советских вахтеров. Им на посту было скучно просто так сидеть. Вот они постмодернизм и придумали» [14, с. 170].

В постмодернистском романе «Голубое сало» В. Сорокин изображает «мир распавшихся знаков», разоблачает затвердевшие знаки прошлой культуры, демонстрирует на месте распада пустоту [18, с. 190–191]. Так появляется клонированный Чехов-2, который создает пьесу «Погребение Аттиса», представляющую собой сплетение сюжетных перипетий ряда пьес реального писателя. Отголоски «Вишневого сада» можно увидеть и в том, что основным местом действия становится яблоневый сад, из героев важен старый лакей Антон, который хоронит в саду пса Аттиса и при этом недовольно ворчит. Именно эти детали – сад и старый лакей Антон, напоминающий Фирса, – отсылают к пьесе «Вишневый сад». Игровая стихия распространяется на всю классику, распыляемую в романе, что справедливо подвергалось критике [1, с. 182], [6, с. 198]. Но есть и другое парадоксальное объяснение этой постмодернистской игре, осмысленной Ю. М. Лотманом в работе «Культура и взрыв»: «Искусство расширяет пространство непредсказуемого – пространство информации и одновременно создает условный мир, экспериментирующий с этим пространством и провозглашающий торжество над ним... путь, у которого нет конца, окно в непредсказуемый и лежащий по ту сторону логики и опыта мир» [9, с. 42]. Эта условность преобладает в постмодернизме, в его свободной игре с классикой.

Полного трагического смысла достигает мотив «Вишневого сада» в повести В. Ропшина (настоящие имя и фамилия – Б. Савинков) «Конь вороной». Особенность произведения в том, что оно посвящено изображению событий Гражданской войны не из стана «красных», а из стана «белых». Мотив «Вишневого сада» – один из важнейших мотивов в повести – взаимодействует с мотивами свободы, единения, смерти, передает общую трагедию времени и конкретно отражает судьбу главного героя повести – интеллигента, полковника Юрия Николаевича. Именно для него мотив «Вишневого сада» связан прежде всего с трагической судьбой России, с братоубийственной войной, где нет победителей, правых и виноватых. Осознание происходящей братоубийственной войны, когда все залито «клюквенным соком», происходит через наслоения культурных пластов – Библия, Ницше, Пушкин, Блок и Чехов: «...Мы выросли в вишневом саду... Но мы знали Ницше.... И пальнули в святую Русь» [16, с. 52]. И вместе с тем для Юрия Николаевича мотив «Вишневого сада» – это ностальгический образ прошлого. В произведении «Конь вороной» семантика мотива «Вишневого сада» максимально приближена к Чехову.

Выводы. Несмотря на то что произведения А. Геласимова, В. Пелевина, В. Сорокина, В. Ропшина созданы в разных эстетических системах (реализм – постмодернизм) и разных периодах литературного процесса XX–XXI веков, отражающего события разных лет, мотив «Вишневого сада» формирует некое единое смысловое поле, в котором картина мира определяется его трансформацией. Чеховский мотив «Вишневого сада» многогранен, является структурой, которая каждый раз обновляется, наполняясь новым содержанием, отражая художественный мир произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамович М. Юдифь с головой Олоферна. Псевдоклассика в русской литературе 90-х годов // Новый мир. – 2001. – № 7. – С. 168–186.
2. Багратион-Мухранели И. Мотивная структура как один из способов трансляции традиции // Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия. Серия «Универсалии культуры». Вып. VII : монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. – М. : Флинта : Наука, 2016. – С. 299–316.
3. Буслакова Т. Т. Современная русская литература: тенденции последнего десятилетия. – М. : Высш. шк., 2008. – 128 с.
4. Вайль П., Генис А. Родная речь. Уроки изящной словесности : сб. литературно-критических эссе. – Изд. 2-е, дораб. – М. : Независ. газета, 1992. – 192 с.
5. Геласимов А. В. Год обмана. – М. : Издательство «Э», 2016. – 352 с.
6. Генис А. Лук и капуста. Парадигмы современной культуры // Знамя. – 1994. – № 8. – С. 188–200.
7. Губбенет И. В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – 205 с.
8. Катаев В. Б. Игра в осколки: судьбы русской классики в эпоху постмодернизма. – М. : Изд-во МГУ, 2002. – 251 с.
9. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. – М. : Гнозис, 1992. – 272 с.
10. Ляпаева Л. В. Доминанта романного сознания в «малой прозе» к. XIX – н. XX веков (М. Горький, И. Бунин, Б. Зайцев) // Вестник Брянского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 210–213.
11. Ляпаева Л. В. Некоторые особенности мотивной структуры повести Б. Зайцева «Голубая звезда» // Классика и современность. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – С. 43–48.
12. Макарова В. В. Чеховский интертекст в пьесах неореалистов 2000-х гг.: конструктивное осмысление классики // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. – 2012. – Вып. 10. – С. 135–141.
13. Михина Е. В. Повесть А. П. Чехова «Дама с собачкой» в интертекстуальном зеркале // Литература в контексте современности : материалы III междунар. науч.-метод. конф. (Челябинск, 15–16 мая 2007). – Челябинск, 2007. – С. 64–69.
14. Пелевин В. О. Жизнь насекомых. – М. : АСТ, 2021. – 288 с.
15. Петухова Е. Н. Притяжение Чехова: Чехов и русская литература конца XX века. – СПб. : Изд-во гос. ун-та экономики и финансов, 2005. – 118 с.
16. Ропшин В. Конь вороной. Повести. – Ижевск : Удмуртия, 1990. – 200 с.
17. Силантьев И. В. Поэтика мотива. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 295 с.
18. Сорокин В. Г. Голубое сало. – М. : АСТ CORPUS, 2021. – 512 с.
19. Щербакова А. А. Чеховский текст в современной драматургии // А. П. Чехов: байкальские встречи : сб. науч. тр. / под ред. А. С. Собенникова. – Иркутск, 2003. – С. 83–89.
20. Якобсон Р. О. Доминанта // Хрестоматия по теоретическому литературоведению : в 5 вып. – Вып. 1 / подгот. Игорь Чернов; Тартус. гос. ун-т. – Тарту, 1976. – С. 56–64.

Статья поступила в редакцию 19.02.2022

REFERENCES

1. Adamovich M. Yudif' s golovoj Oloferna. Psevdoklassika v russkoj literature 90-h godov // Novyj mir. – 2001. – № 7. – S. 168–186.
2. Bagration-Muhraneli I. Motivnaya struktura kak odin iz sposobov translyacii tradicii // Russkij tradicionalizm: istoriya, ideologiya, poetika, literaturnaya refleksiya. Seriya «Universalii kul'tury». Vyp. VII : monografiya / otv. red. N. V. Kovtun. – M. : Flinta : Nauka, 2016. – S. 299–316.
3. Buslakova T. T. Sovremennaya russkaya literatura: tendencii poslednego desyatiletia. – M. : Vyssh. shk., 2008. – 128 s.
4. Vajl' P., Genis A. Rodnaya rech'. Uroki izyashchnoj slovesnosti : sb. literaturno-kriticheskikh esse. – Izd. 2-e, dorab. – M. : Nezavis. gazeta, 1992. – 192 s.
5. Gelasimov A. V. God obmana. – M. : Izdatel'stvo «E», 2016. – 352 s.
6. Genis A. Luk i kapusta. Paradigmy sovremennoj kul'tury // Znamya. – 1994. – № 8. – S. 188–200.
7. Gyubbenet I. V. Osnovy filologicheskoi interpretacii literaturno-hudozhestvennogo teksta. – M. : Izd-vo MGU, 1991. – 205 s.
8. Kataev V. B. Igra v oskolki: sud'by russkoj klassiki v epohu postmodernizma. – M. : Izd-vo MGU, 2002. – 251 s.
9. Lotman Yu. M. Kul'tura i vzryv. – M. : Gnozis, 1992. – 272 s.
10. Lyapaeva L. V. Dominanta romannogo soznaniya v «maloj proze» k. XIX – n. XX vekov (M. Gor'kij, I. Bunin, B. Zajcev) // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 2. – S. 210–213.
11. Lyapaeva L. V. Nekotorye osobennosti motivnoj struktury povesti B. Zajceva «Golubaya zvezda» // Klassika i sovremennost'. – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 2007. – S. 43–48.

12. Makarova V. V. Chekhovskij intertekst v p'esah neorealistov 2000-h gg.: konstruktivnoe osmyslenie klassiki // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – 2012. – Vyp. 10. – S. 135–141.
13. Mihina E. V. Povest' A. P. Chekhova «Dama s sobachkoj» v intertekstual'nom zerkale // Literatura v kontekste sovremennosti : materialy III mezhdunar. nauch.-metod. konf. (Chelyabinsk, 15–16 maya 2007). – Chelyabinsk, 2007. – S. 64–69.
14. Pelevin V. O. Zhizn' nasekomyh. – M. : AST, 2021. – 288 s.
15. Petuhova E.N. Prityazhenie Chekhova: Chekhov i russkaya literatura konca XX veka. – SPb. : Izd-vo gos. un-ta ekonomiki i finansov, 2005. – 118 s.
16. Ropshin V. Kon' voronoi. Povesti. – Izhevsk : Udmurtiya, 1990. – 200 s.
17. Silant'ev I. V. Poetika motiva. – M. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – 295 s.
18. Sorokin V. G. Goluboe salo. – M. : AST SORPUS, 2021. – 512 s.
19. Shcherbakova A. A. Chekhovskij tekst v sovremennoj dramaturgii // A. P. Chekhov: bajkal'skie vstrechi : sb. nauch. tr. / pod red. A. S. Sobennikova. – Irkutsk, 2003. – S. 83–89.
20. Jakobson R. O. Dominanta // Hrestomatiya po teoreticheskomu literaturovedeniyu : v 5 vyp. – Vyp. 1 / podgot. Igor' Chernov; Tartus. gos. un-t. – Tartu, 1976. – S. 56–64.

The article was contributed on February 19, 2022

Сведения об авторе

Ляпаева Лариса Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-5228-7662>, lar.lyapaeva@yandex.ru

Author Information

Lyapaeva, Larisa Vasilyevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-5228-7662>, lar.lyapaeva@yandex.ru

УДК 070.41:81'42

DOI 10.26293/chgpu.2022.114.1.011

И. А. Мальцева

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены некоторые аспекты проблемы речевого взаимодействия в современном медиадискурсе. Для анализа были использованы разнообразные по своей структуре и предназначению медиатексты: от записей опросов на улице до материалов различных теле- и радиопрограмм. Автор поднимает такие вопросы, как диалогичность в работе журналиста и интервьюируемого, умение слушать и выстраивать медиапродукт в соответствии с этим и различными речевыми ситуациями. Рассмотрена эффективность такого взаимодействия, а также проблема манипулирования в журналистском творчестве.

Автор полагает, что эффективность слушания во многом определяется психологической установкой представителя СМИ по отношению к своему собеседнику. Журналист с самого начала беседы должен построить разговор так, чтобы стимулировать интервьюируемого к открытости и откровенности, с помощью одного аргументированного и подходящего к данной ситуации вопроса вызвать у него нужную реакцию, чтобы он сам описал событие и проблемы, связанные с этим фактом.

Ключевые слова: *проблема общения, речевое взаимодействие, диалогичность, умение слушать, манипуляция, голосовые контрасты, поведенческий метод, медиадискурс*

I. A. Maltseva

ABOUT THE PECULIARITIES OF SPEECH INTERACTION IN MODERN MEDIA DISCOURSE

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Abstract. This article discusses some aspects of the problem of speech interaction in modern media discourse. For the analysis, media texts of various structure and purpose were used: the records of polls in the street, materials from various television and radio programs. The author describes in detail the issues of dialogue in the work of a journalist and an interviewee, the ability to listen and build a media product in accordance with this and various speech situations; considers the effectiveness of such interaction, various aspects of manipulation in journalistic creative work.

The author believes that the effectiveness of listening is largely determined by the psychological attitude of the journalist towards the interviewee. During the interview, the journalist from the very beginning should build a conversation in such a way as to stimulate the interviewee to openness and frankness, with the help of one reasoned and appropriate question to cause the desired reaction from the interviewee, so that he himself describes the event and the problems associated with this event.

Keywords: *problem of communication, speech interaction, dialogue, listening skills, manipulation, voice contrasts, behavioral method, media discourse*

Введение. Предметом нашего исследования являются вопросы, связанные с проблемами коммуникации в современном медиaprостранстве. Цель исследования – на достаточном эмпирическом материале рассмотреть и проанализировать различные ситуации речевого взаимодействия интервьюера и интервьюируемого, раскрыть особенности такого общения в контексте современного медиадискурса. Умение слушать необходимо

представителям обеих сторон. В статье уделяется особое внимание проблеме диалогичности в журналистских работах на радио и телевидении. Анализ строится на основе разнотипных источников.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования обусловлена распространением в наше время тенденции не выслушать собеседника и помочь телезрителям и радиослушателям разобраться в ситуации, а получить на выходе внешне «красивую» программу, радиопередачу. А за этим стремлением часто теряется смысл работы журналиста.

Материал и методы исследования. Материалом для изучения послужили выпуски теле- и радиопередач последних лет, записи различных опросов и интервью. Анализ строится на основе собственного многолетнего опыта журналиста-практика, осмыслении этого опыта, а также работ исследователей теории и практики журналистики. Автор использует методы наблюдения, обобщения, контент-анализа и др.

Результаты исследования и их обсуждение. Слушание – активный процесс в журналистской деятельности, который требует определенных навыков, являющихся особенностью грамотного профессионального общения. Проблема общения в журналистском творчестве в науке рассматривалась не раз, но до конца она не изучена. Особенно слабо разработан такой аспект, как зависимость эффективности общения от умения представителя СМИ слышать своего собеседника.

Умение выслушать собеседника – немаловажный момент в качественной работе журналиста. Преодолеть барьер в общении – это не значит выслушать и услышать того, с кем говорит журналист [3]. Эффективность слушания определяется психологической установкой интервьюера по отношению к своему собеседнику. Если настрой положительный, то это делает слушающего восприимчивым к информации. От того, сумеет ли журналист выслушать человека, у которого берется интервью, зависит, каким получится материал. Для подтверждения и анализа возьмем следующую ситуацию.

Несколько лет назад работники жилищно-коммунальной сферы вышли на улицы Краснодара с плакатами: «Повысить дворникам зарплату!» Этот митинг собрал большое количество представителей городских и краевых СМИ. Отметим их работу в плане сбора информации.

Протестующие едва успевали говорить о своих проблемах, как журналисты либо отходили в сторону, либо задавали другие вопросы, не услышав ответ еще на первый вопрос. Думается, что из-за неумения выслушать собеседника в итоге всегда страдает материал. Журналист не доносит необходимую информацию в полном объеме до адресата.

Представитель любого СМИ должен помнить, что слушание бывает рефлексивным и нерефлексивным [5]. На ход слушания влияет умение сопереживать и понимать разные чувства собеседника, а также внутреннее состояние журналиста, его недовольство собой или самоодобрение. Влияет на слушание и невербальное общение со своим собеседником. Время диктует, что журналист обязан обладать знаниями и навыками в этой области и успешно этим пользоваться [6].

Мы убеждены, что интонация очень важна для теле- и радиожурналиста, она помогает качественнее и быстрее донести свои тексты до аудитории. Но и для их интервьюеров интонация тоже играет большую роль, особенно если речь идет о соцопросах или интервью с большим количеством людей. Когда невозможно «спрятаться» за картинку, а необходимо создать картину происходящего и погрузить радиослушателя в атмосферу события, интонация приобретает особую силу воздействия. Именно она может дать дополнительную информацию аудитории, например, о настроении человека в данный момент, его характере, интеллектуальном уровне, роде деятельности, отношении к событию и даже к самому журналисту [9]. «Блеклый» голос интервьюера с минимальной выразительностью

интонационных нот в голосе не создаст у адресата благоприятную и эффективную атмосферу для восприятия информации.

В связи с этим мы считаем, что в качестве собеседников необходимо подбирать участников процесса общения, умеющих выразительно говорить и пользоваться возможностями интонации. Их умение расставлять акценты и внимание самого журналиста к деталям помогут донести до аудитории гораздо больше своих мыслей, а самому адресанту – подготовить более качественный материал.

В процессе интервью журналист с самого начала беседы должен построить разговор так, чтобы стимулировать своего собеседника на открытость и откровенность, не тратить время на вопросы и ответы, а с помощью одного аргументированного и подходящего к данной ситуации вопроса вызвать нужную реакцию у интервьюера, чтобы он сам описал событие и проблемы, с ним связанные [10]. Мнения людей – участников события или очевидцев, которые помогают создать картину дня, – аудитория выслушает с большим удовольствием, нежели только мнение одного журналиста. Использование юмора, на наш взгляд, тоже может присутствовать и даже дает возможность разбавить «тяжелую» тему и разнообразить эфир. Корректное и точечное использование юмора только украсит телесюжет или радиоматериал.

Чтобы интервью получилось качественным, журналисту необходимо всегда иметь в запасе интересные вопросы и стараться правильно их формулировать, не давая повод участнику интервью отвечать односложно. Если необходимо опросить большое количество людей, то вопросы лучше задавать короткие. Одно или два предложения, так как теле- и радиослушатели все же хотят услышать участников события, а не мнение журналиста. Исключение составляют аналитические программы.

Задача журналиста – обозначить проблему, а не акцентировать свое мнение. Вопросы должны быть простые и четко сформулированные: «Какова ваша роль в обсуждении этого проекта?» Но даже если журналисту какой-то вопрос кажется последним, лучше не употреблять: «И последний вопрос...» Вопрос может никогда не стать последним, так как ответ собеседника может автоматически вызвать еще один вопрос. Если произошло какое-то происшествие, то, конечно, слушателям будет интересно узнать рассказы очевидцев; если материал связан с проведением выставки или приездом гостя, то важны мнения.

Мы уже писали, что слушателю всегда хочется быть свидетелем события, а потому эффект присутствия, например, на радио просто необходим. И появляется он только в результате доверия. Последнее же возникает, по мнению Б. Барабанова, директора службы информации «Нашего радио», «когда человек слышит в выпуске новостей большое количество разных голосов, которые смонтированы и соединены в единое целое по определенным правилам...» [7, с. 185].

На Би-би-си практикуются вокс-попы. В эфире они, безусловно, необходимы: ведь они создают эффект присутствия, к тому же это еще один источник информации. Нужно задавать такие вопросы, чтобы у человека было пространство для мыслей, чтобы появлялось желание говорить об этом. Но здесь важно соблюдать пропорции голосов, сочетать мужские и женские, высокие и низкие, активно использовать голосовые контрасты. Речь у всех разная и при монтаже, как советуют профессионалы, лучше избегать рефренов не только на уровне слов, но и мыслей [1].

Спортивные теле- или радиопрограммы исследователи коммуникации обычно анализируют с помощью двух методов. Первый и чаще применяемый – это метод использования и удовлетворения. Он главным образом определяет мотивацию и поведение адресата. Сюда входят и социальные предпосылки для того, чтобы считать себя поклонником данной программы и спортивной сферы в целом, и психологический настрой адресата

на просмотр данной программы. То есть метод использования и удовлетворения объясняет поступки и мотивацию зрителя на поглощение информации [2], [4].

Второй, не менее важный, метод – поведенческий. Он направлен на изучение общественного мнения. Этот метод помогает лучше понять чувства зрителя или радиослушателя при выборе данной программы. Главная цель, которую преследует поведенческий метод, – определить факторы, по которым адресант может предложить адресату медиапродукт согласно его интеллектуальному уровню, а также насколько данная передача понравится аудитории и захочет ли она регулярно ее смотреть или слушать.

Влияние текстов на аудиторию проявляется, как правило, структурно. Возьмем в качестве примера спортивную передачу, например, «Биатлон с Дмитрием Губерниевым», в которой ведущий доводит до зрителя новости об удачном выступлении наших спортсменов на турнире. Адресат воспримет такой текст положительно. Можно предположить, что этот факт серьезным образом повлияет на его настроение: оно будет приподнятое, и другую информацию, поступающую после данной передачи, он воспримет тоже положительно и лучше ее усвоит.

Приведем ту же передачу, но другую ситуацию, когда Дмитрий Губерниев подробно рассказывает об определенной проблеме, например, с допинг-скандалами на спортивных состязаниях. Зритель воспримет эту информацию иначе, чем предыдущую. Внимание адресата будет направлено на внутренний поиск решения проблемы.

Таким образом, в процессе работы журналиста в эфире будет происходить взаимодействие эмпирико-теоретического и эмоционального видов содержания в спортивных материалах.

В современной медиакультуре можно наблюдать некоторое соединение контента из разных сфер жизни общества. Далее обратимся к анализу программы, выходящей на телеканале «Культура» и доказывающей нашу мысль, что на сегодняшний день в журналистике происходит соединение двух сфер – культуры и спорта, и эта трансформация может быть удачной.

Программа «Пешком» на телеканале «Культура» сделала определенный прорыв, доказав, что искусство и спорт могут гармонично сочетаться и создавать уникальный журналистский продукт. Примером служит выпуск «Москва футбольная» [8]. Автором программы и ее ведущим является Михаил Жебрак. Прекрасно зная историю Москвы, он старается выстроить свой материал таким образом, чтобы интересные факты о городе и о событиях давать зрителю максимально интересно, но при этом дозированно, постепенно раскрывая факт за фактом. Такую тенденцию мы считаем очень эффективной с точки зрения воздействия на аудиторию. Зрителя держат в напряжении на протяжении всего эфира, но он при этом не испытывает никаких негативных эмоций, только положительные – интерес и удовлетворение.

Манера ведения программы построена на стендапе и полностью соответствует названию «Пешком», что тоже можно отметить в качестве положительного момента. Заранее составляя увлекательный маршрут по улицам города, останавливаясь в определенных знаковых местах, Михаил Жебрак создает у зрителя ощущение, что он не спеша прогуливается по городу вместе с ведущим.

На протяжении всего времени ведущий, образ которого олицетворяет интеллигентность, образованность и культуру, проводит интересную экскурсию по стадионам Москвы: «Лужникам», «Динамо», «ЦСКА» и т. д. Но это не просто лекция об истории создания, а рассказ обо всем, что только с ними связано: интересные факты, реконструкции, устоявшиеся традиции и приметы болельщиков.

Жебрак уделяет также внимание великим футболистам, которые играли за клубы, параллельно идут вставки с их фото и скульптурами. Весь рассказ проходит в контексте

истории, но при этом он не делает ее главным звеном. Ведущий анализирует, вспоминает и, что очень важно, на наш взгляд, дает поводы для гордости и мотивации. Таким образом, реализуется воспитательная функция журналистики. Иногда ведущий даже шутит: «У нас если любят спорт, то до шишек на лбу» [8].

Особенно ценным и интересным для данного формата мы считаем то, что он расшифровывает некоторые футбольные термины (например, «сделать дубль»), объясняет, почему выбраны именно такие цветовые решения для каждого футбольного клуба. Жемаков включает в свой рассказ стихотворения о спорте, футболе. Так, он приводит строки В. Высоцкого о Льве Яшине (знаменитом вратаре «Динамо»), а заканчивает все фразой Л. Бродского о пенальти и голе.

Кроме того, ведущий интерпретирует футбол не только как спорт в чистом виде. Он воспринимает игру в качестве способа времяпрепровождения и выражения гордости за свою страну: «Футбол иногда заменяет книги, но он же заменяет и войну. Пусть лучше страны спорят, был ли офсайд, и гордятся победами на чемпионате мира» [8]. Данный выпуск из цикла «Пешком» – яркое подтверждение тому, что о спорте можно говорить не просто как о сводке голов, побед и поражений, а делать программы, представляющие культурную, историческую и художественную ценность. Диалог ведущего и аудитории это доказывает.

Выводы. Вышесказанное позволяет констатировать, что диалогичность – необходимое качество всех журналистских текстов, так как служит основой для их глубокого осмысления. От умения журналиста выслушать собеседника зависит, каким в результате получится материал. Эффективность слушания во многом определяется психологической установкой представителя СМИ по отношению к своей аудитории. Отрицательная установка, безусловно, скажется в неумении слушать, а пострадает от этого материал. Если установка положительная, то это делает журналиста восприимчивым к информации.

В последнее время в медиасреде все более ярко проявляется тенденция соединять в одной программе разные по содержанию контенты. В итоге мы наблюдаем эффективную журналистскую работу, сочетающую в себе, например, культуру и спорт. В результате получается уникальный и рейтинговый медиапродукт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. Б. О самопрезентации в спортивном дискурсе (на примере дискурса бойцов смешанных единоборств) // Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика. – 2021. – Вып. 4. – С. 387–393.
2. Войтик Е. А. Медиапространство спортивной коммуникации: концептуальный подход в понимании сущности // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. – 2014. – № 1. – С. 235–247.
3. Говорит и показывает кафедра радио и телевидения / под ред. С. Н. Ильченко, В. Г. Осинского, Г. Н. Петрова. – Вып. 2. – СПб. : Ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2004. – 284 с.
4. Дускаева Л. Р. Журналистский дискурс в аспекте речевых жанров // Жанры речи. – 2014. – № 1(9). – С. 50–57. – DOI: 10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-50-57
5. Лебединская В. Г. Русский язык и основы деловой коммуникации: теория и практика : учеб. пособие. – Краснодар : КубГУ, 2021.
6. Сахно О. С., Соломахина Э. В. Межкультурные особенности невербальной коммуникации // Филологические науки: состояние, перспективы, новые парадигмы исследований : материалы IV Междунар. науч. конф. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2021. – С. 233–237.
7. Сомова Е. Г. Приемы «журналистики эмоций» в социальных сетях // Журналистика, мультимедиа: информационный и социокультурный потенциал : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти Г. М. Соловьева. – Краснодар, 2020. – С. 41–47.
8. Телеканал «Россия – Культура» [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.tvkultura.ru> (дата обращения: 28.12.2021).
9. Хуыз И. П., Петренко Ю. А. Дискурсивные категории оценки и диалогичности в академическом дискурсе // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2021. – № 3(112). – С. 120–129.

10. Impact of multimedia components in children magazines on psychological profile: case of russian online edition / O. V. Andronnikova, Yu. E. Nikolaeva, E. V. Kharitonova et al. // *Religación. Revista de Ciencias Sociales y Humanidades*. – 2019. – Vol. 4, № 14. – P. 17–27.

Статья поступила в редакцию 06.02.2022

REFERENCES

1. Alekseev A. B. O samoprezentacii v sportivnom diskurse (na primere diskursa bojcov smeshannyh edinovorstv) // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*. – 2021. – Vyp. 4. – S. 387–393.
2. Vojtik E. A. Mediaprostranstvo sportivnoj kommunikacii: konceptual'nyj podhod v ponimanii sushchnosti // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2014. – № 1. – S. 235–247.
3. Govorit i pokazyvaet kafedra radio i televideniya / pod red. S. N. Il'chenko, V. G. Osinskogo, G. N. Petrova. – Vyp. 2. – SPb. : In-t «Vyssh. shk. zhurn. i mass. kommunikacij», 2004. – 284 s.
4. Duskaeva L. R. Zhurnalisticheskij diskurs v aspekte rechevyh zhanrov // *Zhurny rechi*. – 2014. – № 1(9). – S. 50–57. – DOI: 10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-50-57
5. Lebedinskaya V. G. Russkij yazyk i osnovy delovoj kommunikacii: teoriya i praktika : ucheb. posobie. – Krasnodar : KubGU, 2021.
6. Sahno O. S., Solomahina E. V. Mezhkul'turnye osobennosti neverbal'noj kommunikacii // *Filologicheskie nauki: sostoyanie, perspektivy, novye paradigmy issledovanij : materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. – Ufa : RIC BashGU, 2021. – S. 233–237.*
7. Somova E. G. Priemy «zhurnalistiki emocij» v social'nyh setyah // *Zhurnalistika, mul'timedia: informacionnyj i sociokul'turnyj potencial : materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posv. pamyati G. M. Solov'eva*. – Krasnodar, 2020. – S. 41–47.
8. Telekanal «Rossiya – Kul'tura» [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://www.tvkultura.ru> (data obrashcheniya: 28.12.2021).
9. Hutyk I. P., Petrenko Yu. A. Diskursivnye kategorii ocenki i dialogichnosti v akademicheskom diskurse // *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*. – 2021. – № 3(112). – S. 120–129.
10. Impact of multimedia components in children magazines on psychological profile: case of russian online edition / O. V. Andronnikova, Yu. E. Nikolaeva, E. V. Kharitonova et al. // *Religación. Revista de Ciencias Sociales y Humanidades*. – 2019. – Vol. 4, № 14. – P. 17–27.

The article was contributed on February 6, 2022

Сведения об авторе

Мальцева Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры электронных СМИ новых медиа Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-2963-8705>, pgkubani@mail.ru

Author Information

Maltseva, Irina Anatolyevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Electronic Mass Media of New Media, Kuban State University, Krasnodar, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-2963-8705>, pgkubani@mail.ru

УДК [796.093:004]:81'42

DOI 10.26293/chgpu.2022.114.1.012

И. А. Мальцева, В. Г. Лебединская

**РАЗВИТИЕ КИБЕРСПОРТИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА: ОПЫТ АНАЛИЗА
МЕДИАТЕКСТА РЕГИОНАЛЬНОГО СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ «ЮГА.РУ»**

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Аннотация. В статье приведен подробный анализ материала регионального сетевого издания «Юга.ру» на тему развития киберспорта на Кубани. Авторы подробно разбирают все положительные и отрицательные стороны статьи по киберспортивной журналистике, вопросы взаимодействия автора и читателя в подобной статье, различные стороны манипулирования информацией. Особое внимание уделяется психологическому и коммуникативному аспектам в киберспортивной журналистике. Отмечается, что только грамотное написание текста с учетом всех факторов подготовки спортивной информации может способствовать положительной реакции у аудитории. Именно тогда появится возможность популяризировать данное направление.

Несмотря на то что эта дисциплина имеет огромное количество поклонников по всему миру, до сих пор до конца не выработаны определенные единые правила освещения соревнований по киберспорту. Каждый журналист решает сам, как максимально интересно подать информацию, чаще опираясь на мировой опыт известных игроков, которые занимаются стримами. Специфическое освещение компьютерных игр связано не только с особой терминологией, но и с определенным отношением к ним в обществе. Анализ различных сетевых изданий, популярных в регионе, подтвердил, что в Краснодарском крае киберспорт не освещается широко и эффективно.

Ключевые слова: киберспортивная журналистика, медиaproduct, манипуляция, медиакommunikация, спортивный медиадискурс, психологическое воздействие, популяризация

I. A. Maltseva, V. G. Lebedinskaya

**DEVELOPMENT OF ESPORTS JOURNALISM
IN THE CONTEXT OF FORMATION OF SPORTS DISCOURSE:
EXPERIENCE OF ANALYZING THE MEDIA TEXT
OF THE REGIONAL ONLINE PUBLICATION “YUGA.RU”**

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Abstract. The article offers a detailed analysis of the material of the regional online publication “YUga.ru” on the development of esports in the Kuban. The authors analyze in detail all the positive and negative aspects of an article on esports journalism, issues of interaction between the author and the reader in such an article, various aspects of information manipulation. Special attention is paid to psychological and communicative aspects in esports journalism. It is noted that only competent writing of the text, taking into account all the factors of sports information preparation, can contribute to a positive reaction from the audience. Only by doing that, this direction can be popularized.

Despite the fact that this discipline has a huge number of fans around the world, certain uniform rules for covering esports competitions have not yet been fully developed. Each journalist decides for himself how to present information as interesting as possible, more often relying on the world experience of famous players who are engaged in streams. This is due not only to the special terminology, but also due to a specific attitude in society. In the Krasnodar Territory, esports is not widely and effectively covered. We made such conclusions after studying various online publications popular in the region.

Keywords: *esports journalism, media product, manipulation, media communication, sports media discourse, psychological impact, popularization*

Введение. Киберспортивная журналистика находится в начале своего пути, а в региональных медиа такой материал практически не встречается. Предметом нашего исследования являются особенности киберспортивной журналистики в современном региональном медиадискурсе. Цель работы – в ходе анализа медиатекста регионального сетевого издания на достаточно новую и актуальную тему рассмотреть как положительные, так и отрицательные стороны такой практики.

В статье предпринимается попытка детального, подробного анализа медиатекста, посвященного становлению киберспорта на Кубани, высказываются пожелания по разным аспектам, связанным с популяризацией киберспорта в спортивной журналистике.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что киберспортивная журналистика только начинает зарождаться, поэтому журналистская работа в этой области нуждается в детальном анализе. Немногочисленные статьи журналистов по российскому киберспорту требуют осмысления.

Материал и методы исследования. Материалом для анализа стала статья «О чем мечтают киберспортсмены? Рассказ краснодарских игроков» (материал Насти Гетман и Елены Синеок), опубликованная в региональном сетевом издании «Юга.ру» 11 декабря 2017 года. Авторы используют методы наблюдения, обобщения, контент-анализ и др.

Результаты исследования и их обсуждение. В российском медиапространстве только с 2017 года стала появляться информация, касающаяся развития киберспорта как самостоятельной спортивной дисциплины [9]. В Китае, например, существует государственная программа развития киберспорта. По нашему мнению, освещение киберспортивных состязаний в этой стране достаточно привлекательное с точки зрения аудитории. В комментировании трансляций или печатной версии материалов можно наблюдать заинтересованность адресанта в максимальном освещении подобных мероприятий [9].

Местное правительство включило киберспорт в список новых профессий – «профессиональные игровые операторы» [1, с. 388]. Все материалы, связанные с киберспортом, имеют уважительный тон, без серьезных фактических ошибок. Соревнования освещают журналисты из разряда геймеров-любителей или профессиональные игроки. В нашей стране киберспорт стал развиваться раньше, чем в Китае, но освещение киберспортивных состязаний, мы считаем, происходит не так широко и не так профессионально [6].

Компьютерные игры, бесспорно, имеют специфику в освещении мероприятий и событий. Это связано не только с особой терминологией, но и с тем, что на сегодняшний день не сформировано мнение, что играть в компьютерные игры – это престижно и правильно [3]. В отличие от традиционных видов спорта, компьютерный спорт большинство населения, особенно старшей возрастной группы, продолжают воспринимать как хобби людей, которые не могут найти себя в другом. То есть с самого начала большая часть аудитории настроена скептически к этой категории граждан, соответственно, информацию о киберспорте будут воспринимать настороженно и критически.

Мы считаем, что необходимо эффективно использовать различные приемы работы с аудиторией в освещении событий, связанных с киберспортом, например, с учетом стереотипной первичной модели К. Пехмана [7]. Эта модель мотивирует поведение адресата, поэтому информация, подготовленная с учетом протективной мотивационной теории, позволит сформировать положительный образ события и будет положительно влиять на самого адресата. В таком случае аудитория, интересующаяся интернет-контентом, связанным с киберспортом, будет системно реагировать на все медийные материалы [4]. Любители, прочитав такой материал, смогут в очередной раз убедиться в правильности и социальной нужности своего хобби. Особенно это касается известных личностей, актеров, политиков,

спортсменов, бизнесменов, которые симпатизируют компьютерным играм и киберсоревнованиям в целом, но откровенно стесняются в этом признаться. Когда материалов много и в них содержатся интервью с известными личностями-поклонниками киберспорта, которые высказывают свою точку зрения, подобная аудитория получает медиаподдержку и человек увереннее себя чувствует.

В Краснодарском крае киберспорт не освещается широко и эффективно. Такие выводы были сделаны нами после изучения различных сетевых изданий, популярных в регионе.

Остановимся на материале сетевого издания «Юга.ру» от 11 декабря 2017 года под заголовком *«О чем мечтают киберспортсмены? Рассказ краснодарских игроков»* (материал Насти Гетман и Елены Синеок) [10]. Данный текст интересен для нас тем, что он появился на заре развития киберспортивной журналистики в России.

По нашему мнению, заголовок для привлечения аудитории и популяризации этой дисциплины выбран очень удачно. Само слово в заголовке «киберспортсмены» сможет привлечь внимание поклонников компьютерных игр и непосредственных участников различных баталий как школьного, так и краевого уровня в целом. То есть новости, согласно нашему опыту, будут восприняты ими в полной мере. Безусловно, публикаций на тему киберспорта гораздо меньше политических, экономических и новостей, касающихся культуры.

Глагол «мечтают» тоже, на наш взгляд, использован здесь уместно и эффективно [5]. С точки зрения психологии журналистики данное слово способствует, с одной стороны, привлечению внимания, так как подсознание воспринимает слово «мечтать» как интригу, скрытый смысл, мысли другого человека, которые можно узнать, в нашем случае – прочитать. Это всегда привлекает, а значит, не останется без внимания, причем не только со стороны тех, кто активно играет в компьютерные игры, но и молодой читающей целевой аудитории.

Любой адресат независимо от возраста, читая новостную ленту и настраиваясь на получение новой информации, когда увидит слово «мечтать», то обязательно обратит свое внимание. В то же время глагол «мечтать» имеет позитивный смысл: придумывать образы, представлять их, мысленно предвкушая их скорое осуществление. Поэтому это слово будет восприниматься с психологической точки зрения спокойно, расслабленно, адресат будет испытывать только положительные эмоции.

Таким образом, словосочетание «мечтают киберспортсмены» не останется незамеченным и материал будет обязательно прочитан и усвоен читателем. Данный способ воздействия на аудиторию называется «эффектом бабочки» [7], когда морально подготовленная для получения информации и расслабленная с помощью определенных слов аудитория готова усвоить данный текст и, получив положительные эмоции, делить их с теми, кто находится рядом, воздействуя тем самым на аудиторию вокруг себя.

Второе предложение в заголовке «Рассказ краснодарских игроков» тоже, мы считаем, выбран не случайно и очень удачно. Читатель сразу ориентируется в географии спортсменов. Расширяет свой кругозор, усваивая, что в городе официально есть свои поклонники киберспорта и даже команда [2]. И опять же в положительном ключе воспринимаем словосочетание «краснодарских игроков», испытывая при этом гордость за родной город, даже если сам адресат к этому не имеет прямого отношения.

По нашему мнению, с точки зрения привлечения аудитории и чувства гордости за местных спортсменов более правильным было бы сузить географию участников, подобрать другое словосочетание. Поясним, почему. Читая текст, мы узнаем достаточно много информации о киберспорте. В частности, что его признали официальной дисциплиной более двадцати стран мира и что первой это сделала Россия в 2001 году. К первому предложению текста никаких нареканий нет: подобная информация дает возможность читателю

лучше ориентироваться в ситуации. Второе предложение о том, что спортсмены зарабатывают миллионы долларов, а состязания по "Dota 2" и "Counter-Strike" являются самыми популярными среди игроков, все же стоило бы расширить и объяснить читателю, что это за игры.

«Юга.ру» – популярное сетевое издание, ориентированное на массового читателя, а тема киберспорта, мы полагаем, все-таки не имеет достаточно широкой аудитории, знакомой со всеми тонкостями данной дисциплины. Непосвященному человеку трудно разобраться в незнакомых ему названиях и тем более понять, в чем суть игр и с чем связывают их огромную популярность.

Третье предложение в этом тексте посвящено тому, что журналисты «Юга.ру» *«встретились со студенческой командой КубГУ, которая собралась в 2016 году и сразу же выиграла 1,5 млн. рублей на соревнованиях в Москве»*. Читателю не совсем будет понятна фраза, что команда собралась. Что значит собралась? По какому поводу? Из кого она состоит? С какой целью? и т. д. То есть у адресата сразу возникает большое количество вопросов, а ответов нет. Значит, данная мысль автора будет неправильно передана и не вся усвоится читателем. Во второй части предложения говорится о том, что команда выиграла 1,5 миллиона рублей на состязаниях в столице. Опять возникают вопросы о том, что за соревнования, какого уровня, кто с кем соревновался, кто награждал, кто спонсор, официальное ли мероприятие?

Значит, читатель не может получить точную информацию и, как следствие, не может ею воспользоваться, не говоря о том, что возникающие вопросы в процессе чтения материала вызовут у адресата негативные эмоции – раздражение, непонимание, недоверие. С большой долей вероятности можно говорить о том, что текст не будет прочитан до конца.

Следующий абзац, мы считаем, было бы уместно поставить в начале текста, где шла общая информация о киберспорте, о том, что состязания проходят во многих странах мира, идет их перечисление, суммы призовых фондов, какое количество зрителей следит за финалом соревнования.

Зачем автор текста, перейдя на рассказ о команде из Кубанского государственного университета, дает опять общую информацию, совсем не связанную с игроками вуза? Но даже и в этом случае не совсем ясна мысль автора: в перечисленном перечне стран нет России. Командные это соревнования или личные? И что за финал "The International 2017"? В одном абзаце автор дает информацию в прошедшем времени – *«составил», «получил»,* и в настоящем – *«проходят», «пользуются»,* встречается неопределенная форма глагола. Мы уже писали выше, что материал может читать человек, не владеющий информацией, связанной с компьютерными играми. Итак, стоило бы уточнить, о каком состязании идет речь, и указать статус этого мероприятия.

Описывая любое спортивное состязание, автор должен четко указывать все необходимые данные: названия команд, соревнований, их уровень и т. д. В спортивной журналистике невозможно округлить счет или не назвать дисциплины, в которых участвует атлет. Это грубая ошибка приводит к тому, что текст в лучшем случае вызовет реакцию отторжения и читатель не захочет читать другие материалы данного автора, даже может само издание с этого момента считать некомпетентным.

В четвертом абзаце авторы Настя Гетман и Елена Синеок в двух предложениях формулируют информацию о Всероссийской киберспортивной студенческой лиге и Кубке России по киберспорту, о количестве участников. И только перейдя к пятому абзацу, мы вновь встречаемся с командой из КубГУ и узнаем, в каком году появилась команда, где она участвовала, ее призовое место и сумму выигрыша. Кратко описан состав сборной без упоминания каких-либо лидеров, что в спорте все-таки желательно делать, а также уделено минимум внимания названиям игр "Dota 2", "Counter-Strike: Global Offensive",

”League of Legends”, “Hearthstone”, “FIFA 17”, количеству игроков, принимающих в них участие. Но чем они интересны и как оцениваются победы в этих турнирах, авторы не написали.

В шестом абзаце информация связана уже непосредственно с участниками турнира, но текст тоже выстроен вопреки законам логики и нет точных данных. Авторы говорят о том, что 17 лучших игроков вошли в университетскую сборную. Но уже в следующем предложении цифры меняются, и говорится, что *«в основном составе 18 человек и еще двое в запасе»*. Так сколько же игроков являются членами сборной? – читателю непонятно. Освещение любых спортивных баталий требует от журналиста максимальной точности в подаче цифр, имен и фамилий. Как можно расценить фразу: *«...есть одна девушка – Карина, она учится на географическом факультете на четвертом курсе»*? Сразу же возникает вопрос: у девушки нет фамилии? И как можно в спортивном медиасообщении не писать фамилии с необходимыми уточнениями? Создается ощущение, что читаешь не материал в сетевом издании, которое позиционирует себя как популярное и качественное, а слушаешь рассказ двух юных подруг на скамейке.

И у этого полного ошибок и противоречивых данных текста, напомним, два автора – Настя Гетман и Елена Синеок. Тут даже в именах авторов имеются противоречия. С одной стороны, краткая форма имени Настя, с другой – полное имя Елена.

Полон речевых «сюризов» и предпоследний абзац материала. Прочитаем: *«На выигранные деньги университет закупил технику, а игроки могут распоряжаться по своему усмотрению, каждый получил по 37,5 тыс. рублей (после уплаты налога осталось 32 тыс. рублей)»*. Из этого предложения не совсем понятно, о какой технике идет речь. Уточнение суммы без учета налога вызывает удивление и даже гнев. Как можно не написать главного, что является неременным условием написания текста на спортивную тематику, а вот лишнюю информацию, которая не несет в себе никакого смысла, в тексте указывать?

Заканчивается авторский текст абзацем, состоящим из одного предложения, который в данном случае неуместен и только добавляет отрицательных эмоций в сторону адресанта: данная дисциплина относится к официальной, есть определенные правила, *«где применяются интеллектуальные способности участников и что они тренируются»*. А зачем писать про очевидные вещи – тренировки. Где есть место спорту, там всегда присутствуют тренировки. Авторы отмечают, что эти данные «подтверждает» официальный сайт киберспортивной организации “Team Empire”. Каков уровень этой организации, так и осталось неизвестным для читателя. Только интересующийся спортом человек может знать, что эта авторитетная организация основана еще в 2004 году и имеет свои собственные команды по разным дисциплинам.

Опустим большое количество стилистических и логических ошибок данного материала, но с точки зрения спортивной журналистики текст является пустым, отсутствуют факты, практически нет информации по теме, после его прочтения положительных эмоций читатель точно не испытает и вряд ли захочет читать статьи автора такого спортивного «шедевра». В итоге непонятна цель материала и его суть. Полная информация о событии осталась вне информационного поля адресата.

После данного материала идет фоторепортаж и комментарии некоторых участников турнира. Под фотографиями подпись, и читатель начинает понимать, что Елена Синеок – это фотограф. То есть адресат с самого начала был введен в заблуждение насчет авторов материала. И только благодаря комментариям участников можно прочитать факты, относящиеся к описываемому событию, и вообще понять, что же за турнир освещал или хотел осветить, но так и не смог данный автор. Зато участники турнира и его организаторы в доступной форме снабдили свой комментарий интересной и важной информацией, касающейся проведения спортивного мероприятия.

Например, менеджер команды КубГУ по киберспорту Виталий Талах рассказал о базе для тренировок, питании и препаратах, которые употребляют кибератлеты во время турнира; о том, как появилась команда КубГУ и кто ее участники; о цели победы; для чего ребятам необходимо новое помещение; о высоких гонорарах и привлечении зрителей и т. д. Из комментария видно, что человек переживает за развитие киберспорта в целом и дает четкое понимание, какую роль лично он занимает в этой нише. То есть информации достаточно. Можно сформировать мнение о проведенном мероприятии и даже без привлечения иллюстративного ряда легко представить картину этого события. Такой комментарий непременно найдет отклик у читателя, и с героями захочется встретиться вновь. Но не с автором.

Таким образом, на примере данного журналистского материала – попытки освещения киберспортивного мероприятия – подчеркнем, что только грамотное написание текста с учетом всех факторов подготовки спортивной информации может способствовать положительной реакции у аудитории [8]. Именно тогда появится возможность популяризировать данное направление. В рассматриваемом нами материале удачным и эффективным является только заголовок, а также комментарий участников и организаторов.

Выводы. Проанализировав материалы сетевого издания «Юга.ру» до 01.02.2022, мы не смогли найти никакой другой информации, связанной с киберспортом. Статья, о которой идет речь в нашей работе, является единственной. Данное спортивное направление, которому многие федеральные сетевые средства массовой информации (СМИ) в последние годы отдают предпочтение и о котором охотно размещают информацию, кубанские СМИ не спешат широко освещать. Мы считаем, что освещение киберспортивных событий заслуживает в современном медиадискурсе достойного места, так как киберспорт активно развивается, а параллельно с ним идет развитие киберспортивной журналистики.

Особенность онлайн-среды заключается в том, что она связана с мгновенностью и интерактивностью. Многоканальная связь адресанта и адресата (особенно актуализация блогов, чатов и т. д.) позволяет увеличить аудиторию, переводя потенциальную в разряд реальной. Важная составляющая эффективного освещения киберспорта – это персональный подход к аудитории с учетом ее информационных потребностей и осведомленности. Как правило, в киберспортивных интернет-СМИ существует система рейтингов и оценок, позволяющая мгновенно оценивать тексты, фото- и видеоиллюстрации. Журналисты должны помнить и об инфоцентричности онлайн-среды, с учетом этого правильно структурировать свой материал и делать это профессионально.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. Б. О самопрезентации в спортивном дискурсе (на примере дискурса бойцов смешанных единоборств) // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2021. – Вып. 4. – С. 387–393.
2. Буянова А. В., Козилина В. Киберспорт: история становления, современное состояние и перспективы развития // Социально-политические науки. – 2017. – № 5. – С. 77–80.
3. Викулов В. В. Финансовые потоки в киберспорте как основные факторы возникновения киберспортивной журналистики // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2018. – № 1. – С. 120–123.
4. Войтик Е. А. Актуализация темы «Спорт как бизнес-индустрия» в современной российской прессе // Медиаальманах. – 2013. – № 6. – С. 52–60.
5. Дзюба В. И., Лебединская В. Г. Использование компьютерных программ в процессе изучения русского языка // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 3. – С. 167–169.
6. Жучкова И. И. Тезаурусное моделирование английской спортивной терминологии (на примере семантического поля «football» (футбол)) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2021. – № 3(112). – С. 25–30.
7. Мальцева И. А. Организующие и стабилизирующие факторы в развитии спортивной журналистики // Медийные стратегии современного мира : материалы одиннадцатой междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар, 2017. – С. 81–84.

8. Сомова Е. Г. Новые речевые процессы в современных массмедиа // Инновационные процессы в информационно-коммуникационной сфере : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. – 2021. – С. 33–37.
9. Cybersport.ru. Новостной киберспортивный сайт. [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.cybersport.ru> (дата обращения: 10.01.2022).
10. Yuga.ru. [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.yuga.ru>. (дата обращения: 28.12.2021).

Статья поступила в редакцию 11.02.2022

REFERENCES

1. Alekseev A. B. O samoprezentatsii v sportivnom diskurse (na primere diskursa bojcov smeshannyh edinoobrazstv) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistsika. – 2021. – Вып. 4. – С. 387–393.
2. Buyanova A. V., Kozilina V. Kibersport: istoriya stanovleniya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya // Social'no-politicheskie nauki. – 2017. – № 5. – С. 77–80.
3. Vikulov V. V. Finansovye potoki v kibersporte kak osnovnye faktory vozniknoveniya kibersportivnoj zhurnalistiki // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya» – 2018. – № 1. – С. 120–123.
4. Vojtik E. A. Aktualizatsiya temy «Sport kak biznes-industriya» v sovremennoj rossijskoj presse // Medi-aal'manah. – 2013. – № 6. – С. 52–60.
5. Dzyuba V. I., Lebedinskaya V. G. Ispol'zovanie komp'yuternyh programm v processe izucheniya russkogo yazyka // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2014. – № 3. – С. 167–169.
6. Zhuchkova I. I. Tezaurusnoe modelirovanie anglijskoj sportivnoj terminologii (na primere semanticheskogo polya «football» (futbol)) // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2021. – № 3(112). – С. 25–30.
7. Mal'ceva I. A. Organizuyushchie i stabiliziruyushchie faktory v razvitii sportivnoj zhurnalistiki // Medijnye strategii sovremennogo mira : materialy odinnadcatoy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Krasnodar, 2017. – С. 81–84.
8. Somova E. G. Novye rechevye processy v sovremennyh massmedia // Innovacionnye processy v informacionno-kommunikacionnoj sfere : sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. – 2021. – С. 33–37.
9. Cybersport.ru. Novostnoj kibersportivnyj sajт. [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://www.cybersport.ru> (data obrashcheniya: 10.01.2022).
10. Yuga.ru. [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://www.yuga.ru>. (data obrashcheniya: 28.12.2021).

The article was contributed on February 11, 2022

Сведения об авторах

Мальцева Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры электронных СМИ новых медиа Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-2963-8705>, pgkubani@mail.ru

Лебединская Виктория Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры электронных СМИ новых медиа Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-8815-0545>, lebedinskaya2012@rambler.ru

Author Information

Maltseva, Irina Anatolyevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Electronic Mass Media of New Media, Kuban State University, Krasnodar, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-2963-8705>, pgkubani@mail.ru.

Lebedinskaya, Victoria Grigoryevna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Electronic Mass Media of New Media, Kuban State University, Krasnodar, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-8815-0545>, lebedinskaya2012@rambler.ru

Н. Н. Николаева

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ЧУВАШСКИЙ

*Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В настоящей статье рассмотрена специфика перевода безэквивалентной юридической лексики с русского языка на чувашский язык на основе анализа порядка 807 наиболее употребительных слов в юридической речи, взятых из русско-чувашского словаря под ред. И. А. Андреева и Н. П. Петрова. Установлено, что для перевода безэквивалентной юридической лексики используются три способа перевода: транслитерация, калькирование и описание. Нередки случаи одновременного использования нескольких способов перевода: транслитерации и описания или калькирования и описания. Вследствие этого формируется синонимичный ряд одного понятия: само заимствование, полученное транслитерацией или калькированием, и более детальный и описательный перевод термина. В ходе исследования выявлено, что для получения адекватного перевода, который должен быть ясным, сжатым, точным и отвечать нормам литературного языка, наиболее продуктивным и целесообразным способом передачи безэквивалентной юридической лексики с русского на чувашский язык является транслитерация, в ходе которого чувашский национальный язык обогащается заимствованиями из русского языка. Именно русизмы-заимствования, зачастую западноевропейского происхождения, помогают избежать двусмысленности юридической лексики.

Ключевые слова: *юридическая лексика, транслитерация, безэквивалентные термины, кальки и полукальки, адекватный перевод*

N. N. Nikolaeva

SPECIFICITY OF NON-EQUIVALENT LAW VOCABULARY TRANSLATION FROM RUSSIAN INTO CHUVASH

I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. This article deals with the study of specificity of non-equivalent law vocabulary translation from Russian into Chuvash based on the analysis of about 807 words most commonly used in law speech. The words under consideration were selected from the Russian-Chuvash dictionary by I.A. Andreev and N.P. Petrov. Three ways of translation are found to be used to translate non-equivalent law vocabulary: transliteration, calquing and description. There are frequent cases of simultaneous use of several translation ways: transliteration and description or calquing and description. This results in the formation of a synonymous series of one concept: the borrowing itself obtained by transliteration or calquing and a more detailed and descriptive translation of the term. The study has revealed that for obtaining an adequate translation, which should be clear, concise, accurate and meet the standards of the literary language, the most productive and expedient way to translate non-equivalent law vocabulary from Russian into Chuvash is transliteration, due to which the Chuvash language is enriched with borrowings from the Russian language. It is the Russian borrowings (often of Western European origin) that help to avoid the ambiguity of law vocabulary.

Keywords: *law vocabulary, transliteration, non-equivalent terms, calques and semi-calques, adequate translation*

Введение. В последнее время все чаще и чаще в ходе следственного производства уголовных дел и в судопроизводстве стало актуальным привлечение переводчика с чувашского языка как в устной форме в ходе допросов, слушаний дел в судах, так и для письменных переводов различных юридических документов. Согласно ст. 10 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» языком судопроизводства и делопроизводства федеральных судов общей юрисдикции, у мировых судей и в других судах субъектов Российской Федерации наряду с русским языком может быть государственный язык республики, на территории которой находится суд [12]. Та же статья предусматривает обеспечение права выступать и давать объяснения на родном языке либо на любом свободно избранном языке общения, а также пользоваться услугами переводчика. Официальным языком Чувашской Республики являются русский и национальный чувашский языки [10].

Актуальность исследуемой проблемы. На заседании Совета по межнациональным отношениям Президент России Владимир Путин заметил, что «русский язык – это естественный духовный каркас всей нашей многонациональной страны, и его должен знать каждый» [20, р. 116], но при этом он отметил, что «все, что связано с национальной самобытностью и традициями, – это деликатная и чувствительная сфера, и действовать нужно очень деликатно и разумно» [20, р. 116]. Сегодня в республике все чаще возникает потребность в переводах официальных и юридических документов с русского языка на национальный чувашский язык. Казалось бы, трудностей не должно возникать. Однако практика показывает совершенно иное, в частности, сложности возникают при переводе с русского на чувашский язык узкоспециализированных юридических документов. В условиях диглоссии чувашский язык как официальный используется только в немногочисленных журналах и газетах, на телевидении, читателями и слушателями которых является в основном сельское население Чувашской Республики, а в области права, где делопроизводство ведется на русском языке, он используется крайне редко, лишь по требованию одной из сторон правового процесса. Таким образом, ведение делопроизводства только на русском языке и растущая востребованность перевода узкоспециализированных юридических документов делают актуальной тему специфики перевода безэквивалентной юридической лексики с русского на национальный чувашский язык.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужил русско-чувашский словарь под редакцией И. А. Андреева и Н. П. Петрова, изданный в 1971 году [15]. В работе использованы метод сплошной выборки, метод анализа словарных дефиниций, метод контекстуального анализа, сопоставительный метод и приемы лингвостатистики.

Результаты исследования и их обсуждение. Изучением безэквивалентной лексики в юридической науке занимались такие ученые, как Л. С. Бархударов, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Я. Ц. Рецкер и другие. Рассмотрим позиции авторов относительно данного вопроса.

Согласно точке зрения Е. М. Верещагина [3, с. 123], безэквивалентная лексика – это слова, которые отсутствуют в иной культуре или ином языке. По мнению Г. В. Чернова, безэквивалентная лексика представлена словами, которые невозможно перевести на другой язык [18, с. 38]. Такой же точки зрения придерживается А. Д. Швейцер, который утверждает, что безэквивалентная лексика представлена лексическими единицами, которые необходимы для обозначения реалий культурной жизни и которые не имеют точных соответствий в другой культуре [19, с. 58].

По утверждению В. Н. Комисарова, безэквивалентная лексика включает в себя единицы исходного языка, которые не имеют соответствий при переводе [9, с. 117]. В. Н. Комиссаров отмечает, что безэквивалентная лексика часто встречается среди неологизмов, а также национальных понятий и слов.

С точки зрения Л. С. Бархударова, безэквивалентная лексика представлена словами, которые не существуют в практической деятельности людей, говорящих на другом языке [2, с. 29]. Как считает А. В. Федоров, безэквивалентная лексика включает в себя слова, которые обозначают национальные и в то же время специфические реалии [17, с. 27].

Я. И. Рецкер пишет, что безэквивалентная лексика представлена словами в виде реалий, которые характерны для страны иностранного языка и в то же время чужды другому языку [13, с. 77].

Появление безэквивалентной лексики, согласно лингвисту А. О. Иванову, связано с тремя причинами: отсутствием в жизни народа данного предмета или явления; отсутствием тождественного понятия о предмете или явлении и процессом развития семантических характеристик у лексической единицы оригинала и ее соответствия в языке перевода [7, с. 21].

Несмотря на наличие весомого и авторитетного «Русско-чувашского словаря юридических терминов», опубликованного в 2006 году, авторами которого являются М. И. Скворцов и Д. Ф. Семенов [16], дискуссия относительно правильности и специфики перевода юридических терминов, в частности безэквивалентной лексики юридического пласта, с русского на чувашский язык остается открытой. При существовании единой правовой системы для чувашского и русского языков юридическая речь, изобилующая всякого рода клише, терминами, за неимением эквивалентов в чувашском языке заимствована из русского языка. Даже при наличии эквивалента переводчик использует заимствование, нежели сам эквивалент. В таких случаях он ставит себе вопрос: насколько правильно использование того или иного заимствования из русского языка при наличии чувашского эквивалента? Например, слово «адвокат». Правильно ли использование заимствования «адвокат», как указано в словаре [15, с. 23], при наличии эквивалента-кальки «хӱтӧлевсӧ»? Какой способ перевода более предпочтителен для юридической речи: транслитерация, калькирование или описание? Нужно ли дать описательный перевод словам, не имеющим эквивалентов в чувашском языке? Русизмы, проникшие в чувашский язык, помогают переводчику или же «засоряют» самобытный национальный язык? Для ответа на эти вопросы были проанализированы переводы слов, наиболее употребляемых в юридической речи, адекватность перевода которых достигается, согласно А. М. Ключиной, А. И. Здору, при соблюдении следующих требований:

- точность (все положения оригинала должны быть изложены в переводе);
- сжатость (все положения оригинала должны быть сжато и лаконично изложены в переводе);
- ясность (ясность и лаконичность не должны влиять на полноту передачи лексики оригинала);
- литературность (переведенный текст должен отвечать общепринятым нормам литературного языка) [8].

Анализ юридической лексики проведен на основе словаря под редакцией И. А. Андреева и Н. П. Петрова [15]. Из 40000 словарных слов нами выделено 807, наиболее употребляемых в юридической сфере, 370 из которых не имеют эквивалентов в чувашском языке. Соответственно, объем рассматриваемой безэквивалентной лексики составил 38 %.

Эти слова условно разделены на три большие группы, в зависимости от используемого метода перевода:

- 1) русизмы-заимствования, полученные путем транслитерации;
- 2) полукальки и кальки;
- 3) эквиваленты, полученные путем описательного перевода.

Все заимствования из русского языка, полученные путем транслитерации для номинации предметов и понятий, отнесены в первую группу и разделены на четыре подгруппы:

1) слова, обозначающие должность, профессию, род деятельности, и производные от них (55 слов): бандит – *бандит*, хурах; вор, воровка – *вӑрӑ*; делопроизводитель – *делопроизводитель*; защитник – *защитник*; консультант – *консультант*; контрабандист – *контрабандист*; нотариус – *нотариус*; нотариальный – *нотариус ӗ* [=u]; организатор – *организатор*; председатель – *председатель*, *пуслӑх* и др.;

2) слова, обозначающие орган, учреждение, организацию, и их производные (32 слова): арбитраж – *арбитраж*, арбитражный – *арбитраж ӗ* [=u]; ведомство – *ведомство*; госбюджет – *госбюджет (государство бюджетӗ)*; департамент – *департамент*; заседание – *заседани*; коллегия – *коллеги*; контора – *контора, кантур*; мировой суд – *мировой суд*; палата (учреждение) – *палата*; следственный – *следстви ӗ* [=u]; следствие – *следстви*; служба – *служба, ӗс*; служебный – *служба ӗ* [=u]; суд – *суд*, судебный – *суд ӗ* [=u]; третейский суд – *третейски суд*; угрозыск – *угрозыск*; учреждение – *учреждени* и др.;

3) слова, обозначающие название документов, название пунктов, статей, канцеляризмы, и их производные (103 слова): абзац – *абзац*; акт (документ) – *акт*; грамота – *грамота*; декларация – *деклараци*; договор – *договор, килӗшӗ хут*; документация – *документаци*; закон – *закон, саккун*; заявка – *заявка*; заявление – *заявлени*, данные – *сведенисем, данӗсем*; документ – *документ*; обязательство (документ) – *обязательство*; опись (список) – *опись, список*; пакт – *пакт, килӗшӗ* и др.;

4) слова, употребляемые в юридической сфере (70 слов): алименты – *алимент*; алкоголизм – *алкоголизм, ӗске ерни*; амнистия – *амнисти*; апелляция – *апелляци*; аргумент – *аргумент*, банкрот – *банкрот, панкрут*; версия – *верси*; взыскание – *взыскани*; взятка – *взятка, сӗрни*; дознание – *дознани*, доказательство – *доказательство*; допрос – *допрос, ыйтса пӗлни*; кодекс – *кодекс*; конституция – *конституци* и др.

Из приведенных слов видно, что слова, обозначающие профессию, для лиц мужского и женского пола переводятся словом, обозначающим мужской пол. Например, наркоман, наркоманка – *наркоман*; преступник, преступница – *преступник, айӑплӑ сын*; опекун, опекунша – *опекун*; поручитель, поручительница – *поручитель, ӗӗкӗшӗ*. Это связано с отсутствием в чувашском языке грамматического показателя рода и, соответственно, суффиксов женского рода. Поэтому для точной передачи русских слов, обозначающих лиц женского пола, можно пользоваться аналитически изафетным словосочетанием: «название лица мужского пола» плюс *арӑм* «жена», или *хӗрарӑм* «женщина», или *хӗр* «дочь», например: наводчица – *наводчик-хӗрарӑм*, преступница – *преступник-хӗрарӑм*, свидетельница – *свидетель-хӗрарӑм*. Единственная пара слов-заимствований, используемая в юридическом дискурсе для обращения к лицам мужского и женского пола во время судебной процедуры, – это слова «гражданин» – *гражданин* и «гражданка» – *гражданка*. Аффиксальная форма женского рода закрепились в чувашском языке, скорее всего, для идентификации лица женского пола и для официального обращения к лицу женского пола в советский период.

В словаре под редакцией И. А. Андреева и Н. П. Петрова приведены переводы слов, используемых как в официальном, так и разговорном стиле, например: адвокат – *адвокат, вакат*; арестант – *арестант, ристан, тӗрмене хунӑ сын*; опекун, опекунша – *опекун, пеккун*. Следует отметить, что усеченные формы русизмов *вакат, ристан, пеккун* употребляются лишь в разговорной речи и неприемлемы для официального стиля.

Особый интерес представляют слова, производные от прилагательных, где окончания *-ый/-ой* адаптировались в *-ӑй/-ей*, например: верховный суд – *аслӑ, верховнӑй суд*; присяжный – *присяжнӑй*; уголовный розыск – *уголовнӑй розыск*; участковый (милиционер) – *участковӑй (милиционер)*; уполномоченный – *уполномоченнӑй*; понятой – *пунеттей*.

Словосочетание «*участковӑй милиционер*» является архаизмом, вместо которого употребляется «*участковый уполномоченный полиции*», сокращенное «*участковый полиции*»,

которое по аналогии можно перевести как «участък полици уполномоченныййё» или «участковйй». Также в словарь можно добавить слово «спецприемник», т. е. «специализированный приемник», где содержатся лица, приговоренные к административному аресту. Было бы правильно передать его заимствованием «*спецприемник*» вместо дословного описательного перевода «*специализациленнй йыййналли сурт (пӱлӱм)*» по аналогии со словами госбюджет – *госбюджет*, угрозыск – *угрозыск*.

Следует отметить, что слова с окончанием *-ия, -ий, -ие* употребляются согласно нормам чувашского языка без различительного родового окончания, например, администрация – *администраци*, заседание – *заседани*, полномочие – *полномочи*, правление – *правлени*; служащий – *служащи*; управляющий – *управляющи*, юстиция – *юстици* и др.

Если при обозначении должностей, профессий, названий органов власти и учреждений (1-я и 2-я подгруппы) используется транслитерация, то в словах-канцеляризмах и в словах, наиболее употребляемых в юридической сфере (3-я и 4-я подгруппы), наряду с транслитерацией используется калькирование. В результате параллельного употребления национальных и интернациональных терминов появляются синонимические ряды [4, с. 144]. Нередко на выбор дается второй вариант чувашского термина, полученный путем калькирования. Насколько целесообразно калькирование в данном случае? Например, при переводе таких слов, как «определение», «постановление», «приговор», «решение», авторы переводят их синонимами: определение – *йыййну*, *постановлени*, постановление – *постановлени*, *йыййну*, *йыййни*; приговор – *приговор*, *йыййну*, *йыййни*; решение – *решени*, *постановлени*, *йыййну*. Эти слова очень часто встречаются при переводе судебных документов и представляют собой разные акты, выносимые судом. Для более точного перевода следует передать их транслитерацией русизмами: определение – *определени*, постановление – *постановлени*, приговор – *приговор*; решение – *решени*, *йыййну*. Дело в том, что судебное решение отличается от судебного определения тем, что решением осуществляется акт правосудия, т. е. защищается субъективное материальное право или охраняемый законом интерес. В любом случае, удовлетворяя иск или отказывая в его удовлетворении, судья (суд) защищает права и законные интересы истца либо ответчика. С вынесением судебного решения спорное право (интерес) становится бесспорным. Определение как судебный акт не затрагивает существа дела, а приговор выносится лишь при рассмотрении уголовного дела [14].

Аналогичный пример – перевод синонимов «адвокат» и «защитник», «извещение» и «уведомление», «заявление» и «ходатайство». Если перед переводчиком стоит выбор между русизмом и калькой или описанием, например, адвокат – *адвокат*, *хӱтӱлевсӗ*; защитник – *защитник*, *хӱтӱлевсӗ*; заявление – *заявлени*, *пӗлтерӱ*, *пӗлтерни*; ходатайство – *ый-та сьрни*, *ходатайство*; извещение – *пӗлтерӱ*, *хыпар*, *пӗлтерӱ хучӗ*, *извещени*; уведомление – *пӗлтерӱ*, *пӗлтерӱ хучӗ*, *уведомлени* и др., целесообразнее использовать русизмы во избежание возможности неправильного толкования терминов. В случае со словами «адвокат» и «защитник» они обозначают разные понятия, они не взаимозаменяемы: защитник не обладает статусом адвоката и у него меньше правомочий, чем у адвоката. Для юридической речи характерны прежде всего использование слов и фраз, не употребляющихся в повседневной речи, а также специальных терминов и формулировок, высокий уровень абстрактности изложения, использование стилистически нейтральной и книжной лексики [6, с. 458].

Различие между заимствованиями и кальками состоит в том, что, обогащая лексику языка, те и другие действуют разными способами: при заимствовании происходит перенесение материальной формы и значения, а при калькировании – перенесение значения. Таким образом, заимствование оказывает влияние на материальный состав языка, а калькирование – на систему лексико-семантических отношений [1].

В условиях билингвизма при сближении образов мышления и восприятия языковой картины двух народов кальки представляют собой источник обогащения словарного запаса чувашского народа без внедрения внешней оболочки русизма. «Источник калек – речевая практика билингвов (переводчиков, журналистов, челноков, мигрантов, туристов и др.). Кальки появляются как результат буквального перевода (поморфемного, пословного, часто с сохранением особенностей чужого управления и т. д.) иноязычной речи» [11, с. 109].

По степени охвата процессом перевода кальки подразделяются на полные и неполные (полукальки). Полукалькой (частичной калькой) считается гибрид – слово или фразеологизм, возникшие путем буквального перевода части иноязычной языковой единицы с сохранением оставшейся части непереуведенной. Полукалька проявляется как на морфемном, так и на фраземном уровнях [5].

Вторую группу составляют слова, переводимые на русский язык калькированием, в которых корневые морфемы транслитерируются, а суффиксы калькируются, заменяясь на чувашские субтитуты. Условно их можно разделить на три подгруппы в зависимости от того, какие чувашские субтитуты они адаптировали:

1) существительные (15 слов): адвокатура – *адвокат ёсё*; банкротство – *банкрота (панкрута) тухни*; взяточник – *взятка илекен*; взяточничество – *взятка илни*; воровство – *вёрлани*; гражданство – *гражданлăх*, детоубийство – *ача вёрлери*; кассация – *кассацилени*, *кассаци пани*; опекунство – *опекунлăх*; обжалование – *жалоба пани*; объективность (беспристрастность) – *объективлăх*, *тёрёс пăхни*; ответственность – *ответлăх*, *явалпăх*, *хуравлăх*; посредничество – *посредник ёсё*; судопроизводство – *суд ёсё* и др.;

2) прилагательные (23 слова): адекватный – *адекватлă*; анонимный – *анонимлă*, законный – *законлă*, *саккунлă*; документальный – *документлă*; кассационный – *кассациллё*, *кассаци* = *ё[=и]*; легальный – *легаллё*; объективный – *объективлă*; полномочный – *полномочиллё*; хулиганский – *хулиганлă*; федеральный – *федераллă*; фиктивный – *фиктивлă*, *чăн мар*, *суя*, *ултавлă* и др.;

3) глаголы (41 слово): амнистировать – *амнисти ту*; апеллировать – *апелляци*, *жалобă пар*; аргументировать – *аргументла*, *фактсемпе сирёплет*; арестовать – *арестле*, *тытса хур*; арест *ту*, арест *хур*, взыскать – *взыскани хур*; воровать – *вёрла*; документировать – *документсемпе сирёплет*; допросить – *допрос ту*, *ыйтса пёл*; контролировать – *контролле*, *тёрёсле*; конфисковать – *конфискациле*; легализовать – *легализациле*; наказать – *наказани пар*, *асап хур*, *айăпла*, *асап кăтарт*; обжаловать – *жалоба пар*; оформить – *формальноссене (формисене) ту*; охарактеризовать – *характеристика пар*, *хакла*, *сăнарла*; приговорить – *приговор йыйшăн*, = *малла [мелле ту]*; протестовать – *протестле*, *хирёсле*, *протест пар*; ратифицировать – *ратификациле*; регистрировать – *регистрациле*, *регистрации ту*, *паллă ту*, *сырса хур*; судить – *суд ту*; судиться – *судлаш*; штрафовать – *штрафла*, *штраф хур*; узаконить (придать законную силу) – *законла ту*, *закон вйне пар* и др.

В эту группу также входят слова с приставкой *а-*, *без-* и *не-* (21 слово), которые указывают на отсутствие какого-либо свойства, что передается аффиксом *-сăр/-сёр* или словами *сук/сукки*, *мар*, например: аморальность – *моральсёрлăх*; бездоказательность – *сирёплету сукки*, *ёнетерусёрлăх*, доказательство *сукки*, беззаконие – *законсёрлăх*, *закон пăсни*; безнаказанность – *наказанисёрлăх*, *ответ тыттармасăр*; незаконность – *законсёрлăх*, *незаконный* – *законсёр*, *закон хирёс*, *законпа туман*; некомпетентность – *компетенцисёрлăх*, *компетентлă марри*, *тёплё пёлменни*; неофициальный – *официаллă мар*; неправомочность – *правасёрлăх*, *неправоспособный* – *права илме тивёслё мар* и др.

Третья группа представлена безэквивалентными терминами (около 30 слов), полученными путем описательного перевода, например: аргументация – *фактсемпе сирёплетни*; антисоциальный элемент – *обществăйшăн сиенлё элемент*, заявитель – *заявка (заявлени) паракан*; вещественное доказательство – *айăплакан япаласем (преступлени*

тунине кӓтартакан япаласем); гражданский брак – венчетсёр мӓйӓрлани; детализация – детализаци, тӓнӓ-йӓрӓне кӓтартса пани, несудимость – судна айӓпланман; под председательством – ертсе пынипе; истец, истица – тавӓс пусаракан; попечитель – пӓхса усракан; административные меры – администраци енӓне йышӓннӓ мерӓсем, одиночная камера – пӓччен лармалли камера; очная ставка – куса-кусӓн тӓратса тӓпчени; состав преступления – айӓплӓ ёссем; фиктивный брак – ячӓйӓн мӓйӓрлани; судимость – судна айӓплани; узаконить – тӓрӓс тесе йышӓн; чистосердечное признание – таса чӓререн йышӓнни; шаткое доказательство – шанчӓксӓр ёнентерӓ; юридический владелец – закон тӓрӓх тытса тӓракан и др.

Для слов данной группы характерно наличие заимствования наряду с описательным переводом термина. Например, детализация – *детализаци, тӓнӓ-йӓрӓне кӓтартса пани*, подлинник – *подлинник, чӓн хут*; пособие – *пособи, уксан пулӓшни*; прецедент – *прецедент, тӓслӓх, халиччен те пулӓн япала*. Поскольку юридическому языку присуще использование специальных терминов и клише, то правильнее было бы использование заимствования из русского языка.

Таким образом, безэквивалентная лексика была разделена на три группы в зависимости от способа перевода.

Первая группа, где для перевода в основном используется транслитерация, является лидером. Слова этой группы составляют ядро юридических заимствований (270 слов) и используются для номинации новых понятий, таких как род занятий, профессии (55 слов), наименования разных учреждений (33 слова), канцеляризмы, названия документов (102 слова), наиболее часто употребляемая безэквивалентная юридическая лексика (80 слов).

Вторая группа слов (около 100 слов) – это слова-полукальки и кальки, в основном это сложные слова и слова, образованные от существительных первой группы.

Самая маленькая группа (порядка 30 слов) – это слова, которые переводятся на чувашский язык описательным методом. Зачастую в словаре наряду с описанием приводится слово-заимствование. Использование заимствования или описательного перевода в данном случае зависит от контекста. Если заимствование характерно для юридической речи и понятно только юристу, то описание, представляющее детальное объяснение термина, понятно человеку, несведущему юридическими знаниями.

Выводы. Анализ различных способов передачи слов, используемых в юридической речи, позволяет сделать следующие выводы:

- в связи с отсутствием исторической правовой системы в чувашском языке в большинстве случаев целесообразно использование русизмов во избежание неправильного толкования безэквивалентного термина, объем которых составил 38 % (370 слов из 807);

- основным способом передачи безэквивалентной лексики, куда входят слова, обозначающие лица и их деятельность, наименования организаций и учреждений, канцеляризмы и юридическая лексика, является транслитерация (73 %). Одновременно данный способ является наиболее качественным, поскольку при наличии единой судебной системы он помогает избежать двусмысленности, тем более большинство этих терминов и в русском языке представляют собой заимствования из западноевропейских языков. Описание (10 %), наиболее полно раскрывающее значение переводимого слова, и калькирование (27 %) могут комбинироваться и взаимозаменяться в зависимости от контекста переводимого слова для достижения адекватного перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багана Ж., Безрукая А. Н., Тарасова М. В. Калька и заимствование как результат иноязычного влияния [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2007. – № 1. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kalka-i-zaimstvovanie-kak-rezultat-inoazychnogo-vliyaniya> (дата обращения: 07.12.2022).

2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). – М. : ЛКИ, 2014. – 240 с.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. – М. : Индрик, 2005. – 1040 с.
4. Данилова М. Г. Русско-чувашский словарь юридических терминов и проблемы формирования правовой терминологии в чувашском языке // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 2. – С. 12–145.
5. Дьяков А. И. Кальки – англицизмы в русском языке [Электронный ресурс] // Образование и наука в современных реалиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Чебоксары : Интерактив Плюс, 2017. – Т. 2. – С. 26–35. – URL : https://interactive-plus.ru/ru/article/462201/discussion_platform (дата обращения: 07.12.2021).
6. Занковец О. В. Приемы достижения стилистической адекватности при переводе общественно-политических текстов // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. – Мн. : БГУ, 2019. – С. 457–461.
7. Иванов А. О. Безэквивалентная лексика. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – 192 с.
8. Ключина А. М., Здор А. И. Проблемы и способы перевода английских терминов в текстах юридического дискурса [Электронный ресурс] // Поволжский педагогический вестник. – 2016. – № 3 (12). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-sposoby-perevoda-angliyskih-terminov-v-tekstah-yuridicheskogo-diskursa> (дата обращения: 07.12.2021).
9. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – М. : ЭТС, 2002. – С. 116–135.
10. Конституция Чувашской Республики [Электронный ресурс] : принята Гос. Советом ЧР от 30 ноября 2000 г. (с изм. на 21 июня 2021 г.) (в ред. Законов Чувашской Республики от 27.03.2003 № 5, от 19.07.2004 № 16, от 18.04.2005 № 19, от 05.10.2006 № 47, от 28.05.2010 № 27, от 13.09.2011 № 46, от 24.05.2012 № 37, от 02.10.2012 № 53, от 06.03.2013 № 3, от 30.07.2013 № 47, от 26.06.2014 № 34, от 19.04.2016 № 25, от 30.03.2018 № 11, от 21.06.2021 № 42) // Правовой фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/804959957> (дата обращения: 04.12.2021).
11. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков : учеб. пособие. – М. : ФЛИНТА, 2020. – 312 с.
12. О судебной системе Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. конституц. закон от 31.12.1996, № 1-ФКЗ (ред. jt 08.12.2020.) // КонсультантПлюс : офиц. сайт. – 2021. – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обращения: 04.12.2021).
13. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. – Изд. 4-е, стереотип. – М. : Р. Валент, 2010. – 244 с.
14. Решение, постановление, определение суда : (чем определение отличается от постановления) [Электронный ресурс] // Юридическая справка : сайт. – 2021. – URL : <https://registrmsk.com/reshenie-postanovlenie-opredelenie-suda-otlichiya/> (дата обращения: 04.12.2021).
15. Русско-чувашский словарь : 40 000 слов / под ред. И. А. Андреева, Н. П. Петрова. – М. : Сов. энцикл., 1971. – 893 с.
16. Скворцов М. И., Семенов Д. Ф. Русско-чувашский словарь юридических терминов. – Чебоксары : Чувашия, 2006. – 303 с.
17. Федоров А. В. Практические основы перевода. – СПб. : Союз, 2002. – 319 с.
18. Чернов Г. В. Вопросы перевода русской безэквивалентной лексики («советских реалий») на английский язык (на материале переводов советской публицистики) : дис. ... канд. филол. наук : 10.00.00. – М., 1958. – 281 с.
19. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М. : Наука, 1988. – 214 с.
20. Mikheeva N. F., Petrova M. G. On the role of Loanwords in Modern Russian [Electronic resource] // Cuadernos de Rusística Española. – 2020. – № 16. – P. 115–130.

Статья поступила в редакцию 26.01.2022

REFERENCES

1. Bagana Zh., Bezrukaya A. N., Tarasova M. V. Kal'ka i zaimstvovanie kak rezul'tat inoyazychnogo vliyaniya [Elektronnyy resurs] // Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika. – 2007. – № 1. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kalka-i-zaimstvovanie-kak-rezultat-inoyazychnogo-vliyaniya> (data obrashcheniya: 07.12.202).
2. Barhudarov L. S. Yazyk i perevod (voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda). – М. : LKI, 2014. – 240 s.
3. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Yazyk i kul'tura. – М. : Indrik, 2005. – 1040 s.
4. Danilova M. G. Russko-chuvashskij slovar' yuridicheskikh terminov i problemy formirovaniya pravovoj terminologii v chuvashskom yazyke // Vestnik Chuvashskogo universiteta. – 2015. – № 2. – S. 12–145.
5. D'yakov A. I. Kal'ki – anglicizmy v russkom yazyke [Elektronnyy resurs] // Obrazovanie i nauka v sovremennykh realiayah : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Cheboksary : Interaktiv Plyus, 2017. – T. 2. – S. 26–35. – URL : https://interactive-plus.ru/ru/article/462201/discussion_platform (data obrashcheniya: 07.12.2021).

6. Zankovets O. V. Priemy dostizheniya stilisticheskoy adekvatnosti pri perevode obshchestvenno-politicheskikh tekstov // Inostrannye yazyki: innovacii, perspektivy issledovaniya i prepodavaniya : materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Mn. : BGU, 2019. – S. 457–461.
7. Ivanov A. O. Bezekvivalentnaya leksika. – Spb. : Izd-vo SPbGU, 2006. – 192 s.
8. Klyushina A. M., Zdor A. I. Problemy i sposoby perevoda anglijskikh terminov v tekstah yuridicheskogo diskursa [Elektronnyj resurs] // Povolzhskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 3 (12). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-sposoby-perevoda-anglijskikh-terminov-v-tekstah-yuridicheskogo-diskursa> (data obrashcheniya: 07.12.2021).
9. Komissarov V. N. Sovremennoe perevodovedenie. – M. : ETS, 2002. – S. 116–135.
10. Konstituciya Chuvashskoj Respubliki [Elektronnyj resurs] : prinyata Gos. Sovetom ChR ot 30 noyabrya 2000 g. (s izm. na 21 iyunya 2021 g.) (v red. Zakonov Chuvashskoj Respubliki ot 27.03.2003 № 5, ot 19.07.2004 № 16, ot 18.04.2005 № 19, ot 05.10.2006 № 47, ot 28.05.2010 № 27, ot 13.09.2011 № 46, ot 24.05.2012 № 37, ot 02.10.2012 № 53, ot 06.03.2013 № 3, ot 30.07.2013 № 47, ot 26.06.2014 № 34, ot 19.04.2016 № 25, ot 30.03.2018 № 11, ot 21.06.2021 № 42) // Pravovoj fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov : sajт. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/804959957> (data obrashcheniya: 04.12.2021).
11. Mechkovskaya N. B. Obshchee yazykoznanie: Strukturnaya i social'naya tipologiya yazykov : ucheb. posobie. – M. : FLINTA, 2020. – 312 s.
12. O sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs] : feder. konstituc. zakon ot 31.12.1996, № 1-FKZ (red. jt 08.12.2020.) // Konsul'tantPlyus : ofic. sajт. – 2021. – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (data obrashcheniya: 04.12.2021).
13. Recker Ya. I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda. – Izd. 4-e, stereotip. – M. : R. Valent, 2010. – 244 s.
14. Reshenie, postanovlenie, opredelenie suda : (chem opredelenie otlichaetsya ot postanovleniya) [Elektronnyj resurs] // Yuridicheskaya spravka : sajт. – 2021. – URL : <https://registrmsk.com/reshenie-postanovlenie-opredelenie-suda-otlichiya/> (data obrashcheniya: 04.12.2021).
15. Russko-chuvashskij slovar' : 40 000 slov / pod red. I. A. Andreeva, N. P. Petrova. – M. : Sov. encikl., 1971. – 893 s.
16. Skvorcov M. I., Semenov D. F. Russko-chuvashskij slovar' yuridicheskikh terminov. – Cheboksary : Chuvashiya, 2006. – 303 s.
17. Fedorov A. V. Prakticheskie osnovy perevoda. – Spb. : Soyuz, 2002. – 319 s.
18. Chernov G. V. Voprosy perevoda russkoj bezekvivalentnoj leksiki («sovetskikh realij») na anglijskij yazyk (na materiale perevodov sovetskoj publicistiki) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.00.00. – M., 1958. – 281 s.
19. Shvejcer A. D. Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty. – M. : Nauka, 1988. – 214 s.
20. Mikheeva N. F., Petrova M. G. On the role of Loanwords in Modern Russian [Electronic resource] // Cuadernos de Rusística Española. – 2020. – № 16. – P. 115–130.

The article was contributed on January 26, 2022

Сведения об авторе

Николаева Наталия Николаевна – аспирант кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-0118-9100>, natann7@gmail.com

Author Information

Nikolaeva, Natalia Nikolaevna – Post-Graduate Student, Department of Russian Language and Literature, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-0118-9100>, natann7@gmail.com

УДК 821.161.1.09-132

DOI 10.26293/chgpu.2022.114.1.014

Н. Я. Сипкина

**СМЕХОВОЙ АСПЕКТ ПОТЕШНО-САТИРИЧЕСКИХ ПОЭМ
Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКОГО «РУГАЛКИ ДЛЯ АЛЕШКИ»,
«ОБИДНЫЕ РУГАЛКИ ДЛЯ КСЕНЬКИ-ЗАДРЫГАЛКИ»**

*ООО «Событие», Научно-исследовательский центр «Поэтика творчества
Р. И. Рождественского в дискурсе русской литературы XX века», г. Абакан, Россия*

Аннотация. В статье анализируются потешно-сатирические поэмы («Ругалки для Алешки», «Обидные ругалки для Ксеньки-задрыгалки») Р. И. Рождественского. Рассмотрение произведений в смеховом аспекте позволило выявить особенности жанра фамильярно-площадной речи – срамословия и обратить внимание на лексическую специфику поэм, в частности слов, «выпадающих» из литературных норм. Материал статьи убеждает в том, что указанные произведения Рождественского продолжили традиции потешно-сатирического фольклора и внесли в литературный процесс второй половины XX века определенный вклад, отразив художественное видение писателя на сложные общественно-политические события второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. Поэмы имеют автобиографические черты, отличаются шуточно-«обличительным» характером. Поэма «Ругалки для Алешки» строится на использовании «смешных» слов, комического, фигуры «иронии» и других приемов. Выявленные особенности стиля поэмы иносказательно выражают любовь и сочувствие озорному дошколенку, а «смешное эстетическое» позволяет по-доброму посмеяться над проказами Алешки. В свою очередь, «Обидные ругалки для Ксеньки-задрыгалки» содержат в себе элементы ритуала. Различные ругательства выполняют функцию заклинательного характера, что является отголосками древнего смехового культа. В тексте поэмы наблюдается фамильярно-речевое обращение автора к лирической героине, т. е. ослабление речевого этикета. Используя характерные черты иронии (метафоричность), Рождественскому удалось довести потешно-карнавальное содержание поэмы до абсурда. Данный эффект достигается с помощью совокупности различных стилистических и жанровых приемов: иронии, комизма, пародии, фамильярно-площадных выражений и др.

Ключевые слова: *потешно-сатирическая поэма, традиция, площадная речь, срамословие, серьезно-смеховое восприятие*

N. Ya. Sipkina

**LAUGHTER ASPECT OF COMIC AND SATIRICAL POEMS
OF R. I. ROZHDESTVENKY “SCOLDINGS FOR ALYOSHKA”,
“OFFENSIVE SCOLDINGS FOR KSENKA THE SCORNE”**

*LLC “Sobitie”, Research Center “Poetics of R.I. Rozhdestvensky’s Oeuvre in the Discourse
of Russian Literature of the 20th Century”, Abakan, Russia*

Abstract. The proposed article analyzes the comic and satirical poems of R. I. Rozhdestvensky: “Scoldings for Alyoshka”, “Offensive Scoldings for Ksenka the Scorned”. The consideration of comic and satirical poems in the aspect of laughter reveals the peculiarities of the verbal genre of slangy and vulgar speech – scoldings – and pays attention to the lexical features of the poems, in particular, the words “falling out” of the literary norms. The material of this article shows that these works of Rozhdestvensky continued the tradition of comic and satirical folklore, and made a certain contribution to the literary process of the second half of the 20th century, reflecting the writer’s artistic vision of the complex socio-political events of the second half of the 1980s – early 1990s. The poem “Scoldings for Alyoshka”

is based on the use of “funny” words, the comic, the figure of “irony” and other techniques. The identified features of the style of the poem allegorically express love and sympathy for the mischievous preschooler, and the “funny aesthetic” allows the author to kindly laugh at the mischiefs of Alyoshka. Regarding “Scoldings for Ksenka the Scorned”, it contains the elements of a ritual. The various scoldings perform the function of incantation, which is an echo of the ancient laughter cult. In the text of the poem there is a slangy-speech address of the author to the lyrical heroine, that is, a weakening of speech etiquette. Employing the characteristic features of irony (its metaphorical nature), Rozhdestvensky managed to bring the comic and carnivalesque content of the poem to the point of absurdity. This effect is achieved through a combination of various stylistic and genre techniques: irony, comedy, parody, slangy and vulgar expressions, etc.

Keywords: *comic and satirical poem, tradition, vulgar speech, scolding, serious and laughter perception*

Введение. Предметом наших изысканий стало исследование потешно-сатирических поэм «Ругалки для Алешки», «Обидные ругалки для Ксеньки-задрыгалки», написанных Р. И. Рождественским в заключительный период его творчества (вторая половина 1980-х – начало 1990-х гг.). Тяжелобольной писатель не сдавался, продолжал писать стихи. Он говорил: «Бесконечность дороги – в самом факте рождения, появления детей, внуков. Путь долгий...» [11, с. 644]. В это время любовь к жене, дочерям, внуку становится главным в жизни поэта, спасательным кругом в страшное время гибели советской страны.

Традиция потешных, сатирических произведений в отечественной литературе берет свое начало из опыта древнерусского народного скоморошничества. Шуточно-сатирические поэмы писали А. С. Пушкин, Н. А. Некрасов, В. В. Маяковский и др. Во второй половине XX века А. Т. Твардовским была написана поэма «Теркин на том свете» (1954) – карикатура на политическую систему СССР, произведение десять лет ходило в списках, опубликовано после смерти поэта в 1964 г.; потешно-сатирическая поэма «Сказка про царя Никиту» (1965) (автор неизвестен) также ходила в списках и др.

Исходя из значения слов «потеха» («забава, развлечение» [8, с. 464]) и «сатира» («литературное произведение, обличающее отрицательные явления действительности» [8, с. 562]), мы отнесли «Ругалки для Алешки», «Обидные ругалки для Ксеньки-задрыгалки» к потешно-сатирическим поэмам. По мнению фольклориста М. Н. Мельникова, потешные и сатирические формы фольклора – это «произведения разнообразного, часто меняющегося содержания, почерпнутого непосредственно из жизни» [7, с. 88]. В свою очередь С. М. Коновалов утверждает, что «мы находим сатирический пафос как в мелких фольклорных жанрах – в пословицах, поговорках, анекдотах, сказках, так и в крупных литературных жанрах – поэмах, комедиях, романах» [4, с. 25].

Цель исследования – рассмотреть потешно-сатирические поэмы «Ругалки для Алешки», «Обидные ругалки для Ксеньки-задрыгалки» в смеховом аспекте и выявить особенности жанра фамиллярно-площадной речи на примере лексического анализа поэм.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования обусловлена обращением к одной из проблем отечественной литературной науки – изучению наследия Рождественского. Современное литературоведение рассматривает творчество писателя многосторонне ([1], [5], [12], [13], [14], [15], [16] и др.). Тем не менее его потешно-сатирические поэмы «Ругалки для Алешки», «Обидные ругалки для Ксеньки-задрыгалки» остались вне литературоведческого анализа. Таким образом, изучение указанных произведений поможет расширить представление о творческих исканиях поэта «шестидесятника» Рождественского.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили тексты поэм «Ругалки для Алешки», «Обидные ругалки для Ксеньки-задрыгалки», а также

теоретические исследования в области литературы и литературно-критические публикации о творчестве Рождественского. В работе использованы описательный метод, методы литературоведческого анализа, сравнения и др.

Результаты исследования и их обсуждение. В потешно-сатирической поэме «Ругалки для Алешки» автор добродушно подшучивает над своим пятилетним внуком, протестующим против чрезмерной опеки со стороны своих родителей. Поэма была опубликована после смерти поэта [10, с. 491]. Содержание произведения мы условно разделили на три главы: 1 глава – «Парень-разгуляй», в ней Алешка пытается скрыться от «преследований» знаний, которые пытаются «поселиться» в голове дошколенка; 2 глава – «Причитание мыслей» в голове Алешки, которые опасаются за свою «жизнь»; 3 глава – «Аллергия на знания» – протест и примирение Алешки с родными.

В исследовании мы опираемся на теорию М. М. Бахтина о языке «смехового слова». По словам ученого, «в этом языке совершается непрерывное выпадение из литературных норм эпохи, соотнесение с иными реальностями, взрывающими официальную «приличную» поверхность слова» [2, с. 494]. В поэме «Ругалки для Алешки» встречаются «смеховые» слова-просторечия. Среди них: «дармоед», «ни фига», «пожрать», «какашка», «сопля», «тупо», «ноет», «обормот», «ваще уйду». Забавные просторечные сравнительные обороты также наделены «смеховым» значением: «Вместо мыслей – две картошки»; «Вместо счета – три котлеты»; «Вместо знаний – две конфеты»; «Ты – сухая промокашка»; «Ты – кривляка и зануда» [10, с. 491].

Необходимо отметить, что в поэме автором используются элементы фантастического сюжета: разговор Алешкиных мыслей между собой в его голове и с «хозяином» головы, который наделен комическим характером. Доказательством является звучащая «угроза» мыслей малышу. В данном эпизоде мы усматриваем продолжение традиции народных детских страшилок. По утверждению Э. Г. Матвеевой, повествование страшных историй «ведется с целью напугать слушателя, а самому рассказчику пережить ощущение безопасного страха, т. е. страха в заведомо безопасной ситуации» [6, с. 25]. Поэтому автором используются «смеховые» междометия, многозначность слова, «смеховое» прозвище: «Ох и ах, / Нам бы вырваться отсюда, / Нам бы что-нибудь поест, / Почитал бы ты, зануда, / А не то умрем мы здесь» [10, с. 491].

Надо заметить, что текст поэмы изобилует фигурой иронии. По утверждению А. А. Потебни: «В силу большого расстояния между представлением и значением ирония формальной противоположности (отрицание того, что утверждается, или замены представляемого ею вещественной противоположностью) есть иносказание» [9, с. 299]. Поэт, ругая Алешку, на самом деле любит его и сочувствует ему. С мудрости прожитых лет он знает, что все эти недоразумения со временем пройдут, лирический герой повзрослеет и поймет, что надоедливые занятия принесут ему только пользу. Поэтому вызывают добрый смех комичные «капризы» храброго мальчишки, основанные на детском отрицании, пытающегося спастись от этих непомерных требований к нему. В монологе Алеши с целью достижения комизма и смеха Рождественский использует мнимые неправильности и смеховые слова – просторечия: «Я не буду вам писать! / И читать я вам не буду! / У меня *ваще* простуда! / Аллергия на *читанье*! / На письмо и на *считанье*! / Начинается чиханье / и слеза *ползет* из глаз! / Если будет *приставанье*, / Я *ваще* уйду от вас!» [10, с. 491].

Финал поэмы отличается «смешным эстетическим». Потебня утверждает, что смешное эстетическое «есть то, в котором смех причиняется известным сочетанием мыслей, вызванным в том, который смеется, поступками, словами, действиями другого или самого автора, который в этом случае смотрит на себя как на постороннее лицо» [9, с. 299]. Протестные мытарства, отрицания, одиночные прогулки привели Алешку к разумному решению: уступить взрослым – сесте позаниматься, получить знания. Но в то же время

данное умозаключение вызывает комический эффект, потому что ожидаемое не совпадает с реальным действием: «Что-то как-то неприятно... / Я вам, ладно, *прочитаю / буквы три... И посчитаю / до пяти иль до шести...*» [10, с. 491].

Настоящая статья основывается и на учении Бахтина о свойствах так называемых «ругательных слов»: «...о ругательстве можно говорить как об особом жанре фамильярно-площадной речи» [3, с. 9–10]. Выделенными особенностями отличается потешно-сатирическая поэма «Обидные ругалки для Ксеньки-задрыгалки». Произведение имеет автобиографический характер. Оно посвящено младшей дочери поэта. Ксения участвовала в конкурсе молодых журналисток и получила титул «Мисс Пресса – 92». Состязание проходило во время круиза на теплоходе «Леонид Собинов». Связь была плохая, и родители долгое время ничего не знали о результатах выступления дочери. Победительница получила корону и новый автомобиль «Москвич». «К ее возвращению отец написал, “издал” и переплел “книгу”. Называлась она “Обидные ругалки для Ксеньки-задрыгалки”. Сборник создан и отпечатан в одном экземпляре, издательство “Переделкино”» [11, с. 615].

Следует подчеркнуть то обстоятельство, что Бахтин прослеживает генезис ругательств, которые в условиях первобытного общения имели магическую функцию заклинательного характера. «Ругательства-срамословия божества были необходимым составным элементом древних смеховых культов. Эти ругательства-срамословия были амбивалентными: снижая и умерщвляя, они одновременно возрождали и обновляли» [3, с. 9–10]. Отголоски древнего смехового культа мы просматриваем в «Обидных ругалках для Ксеньки-задрыгалки». Рождественскому пришлось написать для дочери целую поэму «ругательств-срамословий», чтобы конкурсантке сопутствовала удача.

Потешно-сатирическая поэма «Обидные ругалки для Ксеньки-задрыгалки» состоит из восьми глав, отражающих переживания родных. В главе «Одной знакомой участнице конкурса “Мисс Пресса”» можно заметить фамильярное речевое общение, причины возникновения которого – это приятельские или близкие (например, в кругу семьи) отношения. Как замечает исследователь, в формах речевого общения в выявленных условиях «появляется фамильярное «ты», меняется форма общения и имени... иногда оно заменяется прозвищем, появляются бранные выражения, употребляемые в ласковом смысле, становится возможным взаимное осмеяние...ослабляются речевой этикет и речевые запреты, появляются непристойные слова и выражения...» [3, с. 9–10]. Для данной главы характерно использование следующих «ослаблений речевого этикета» – прозвищ: «ты – не мисска, / ты – *кастрюля!*»; «Возвратись хоть *моською средиземноморскою*»; бранные выражения: «*Стерва и воображала! / Сучка!*»; смеховые слова: «*Трали-вали, / гули-гули*»; иронические высказывания: «У меня такая мысль: / *никакая / ты / не мисс!..*»; «(Из Москвы *сбежала / от страдающей родни...*) / Мама просит / *...Не тони!*»; «От зазнайства / *не дымись, / никакая ты / не мисс!..*» [11, с. 616–617]. Выделенные типы слов вызывают смех, т. е., по утверждению Потебни, «действие неоправданного ожидания, известного столкновения положительного и отрицательного, и наоборот» [9, с. 304], который разряжает обстановку томительного ожидания результатов выступления лирической героини.

Необходимо сделать еще одно замечание о характере иронии – ее метафоричности. Ученый констатирует: «В тесном смысле метафорична та ирония, в которой представление берется из круга мыслей, не имеющего видимой связи с обозначаемым» [9, с. 304]. В содержании поэмы в связи с этим в главе «Отплытие» поэт доводит образ дочери-конкурсантки до абсурда. Стихотворные строки главы изобилуют грубыми просторечиями и изобличающими народными пословицами в иносказательном смысле, используется риторический вопрос с осуждающим значением: «Ксенька – *стерва и уродина! / Плесневелая смородина! / Собеседница фиговая! / Кукла, / ватой наипигованная! / Нет ни кожи в ней, ни рожки. / Пары слов связать не может / От нее / не будет проку... / Кто пустил ее / в Европу?!*» [11, с. 617].

По ходу развития потешно-карнавального содержания поэмы используется совокупность различных стилистических и жанровых особенностей. Например, глава «Соискательнице чего-то непонятного, ныне путешествующей по Средиземному морю» – это шуточно-фантастический «рассказ» о последствиях плохого знания иностранного языка лирической героиней. Рождественский изначально относился с иронией к новомодным конкурсам на звание различных «мисс». Поэтому для текста главы уместно использование глагольных просторечий, отличающихся эмоционально-экспрессивной стилистической окраской, и глаголов, обозначающих катастрофические последствия. Данные лексемы помогают выразить отношение поэта к бутафорному действию конкурса: «Тебя ж *заплюет и освещет* / толпа! / Как только ты *крикнешь* свое: / «*Вуаля!!!*», / все сразу же *прыгнут* / за борт корабля! / От страха дрожа, *уплывут*, / кто куда. / И тут же / над ними / *сомкнется* вода...» [11, с. 618]. Глава пародирует мизерные события, которые в конце XX века приводят к международным скандалам. Цель их – публичное освещение события в качестве источника развлечения широкой публики. Кроме этого, мы узнаем хронику событий, произошедших от произнесенного слова «вуаля». Дополнительную комичность вызывает название города (Тверь), в котором изначально не может произойти никаких волнений: «Морской телеграф! / застучит по складам. / Поднимется / международный скандал! / И тотчас – еще до вечерней зари – / пройдут демонстрации / в Бонне, в Твери! / Потребуется Клинтон решительных мер! / «Позор и презрение / Ксении Р!...» / Когда же и солнце исчезнет во мгле, / останешься ты / на пустом корабле» [11, с. 618–619].

По традиции народной потешно-сатирической поэзии глава «Если разобраться» имеет нравоучительный характер. Поэт характеризует поступок дочери как неприемлемый: «Ну, подумай: / кто ты есть?! / Твой поступок / огорошил: / ты же комсомолка / в прошлом! / Лезешь в конкурс неприличный, / а у тебя диплом с отличием!» [11, с. 619–620].

Бахтин в своей работе проводит взаимосвязь между древними и современными вольными речевыми явлениями, которые «проникались карнавальным мироощущением, изменяли древние речевые функции, усваивали общий смеховой тон и становились как бы искрами карнавального огня, обновляющего мир» [3, с. 9–10]. Этим можно объяснить использование в главе «Разговор начистоту» фамильярно-площадных выражений: ругательных слов-просторечий, прозвищ, смеховых междометий, прямого смысла народной поговорки: «*Ох, как для Ксентеря-какашки / сочиню я обзывашки. / Проявила Ксенька прыть, / вышла в море / мелко плыть! / Ай, ляля! Ой, люлю!*» [11, с. 620–621].

Заметим, что данная глава – это еще и пародия-аллюзия на политику СССР по отношению к «буржуазным» государствам, капиталистическому лагерю «врагов», отражающаяся в высказываниях средств массовой информации, с ее грубой лексикой: «Но я ей вот что *заявлю*: / со всей своей / *оравой* / вдали от берегов / ты *потакаешь* / *нравам* / *буржуев и врагов!* / Танцуй до *икоты*, / ты / под не наши *мотив*, / *позоришь теплохода* / *здоровый коллектив!* / Вертя *блудливо задом* / на ихнем *сквозняке*, / *порочишь* ты, / тем самым, / культуру эСэНГэ!...» [11, с. 620–621].

В главе отражаются и современные события жизни страны начала 1990-х гг. («Страна, / где мощь ослабла, / где холод и нужда»). Графическое выделение отдельных слов, смешивание стилей, откровенное нравоучение также вносят в поэму «смешное-эстетическое»: «в КРУИЗ тебя *послала!* / А ты ее / *КУДА?!* Обидно мне особенно, / что ты, / *презрев отца, / бросаешь тень на СОБИНОВА* – / великого певца!... / *...Ты не права, участница!* / *Настолько не права, / что у меня / кончаются / приличные слова*» [11, с. 620–621].

В своих научных изысканиях Потебня называл условия появления смеха: «Быстро-та смены ожидаемого более или менее противоположным» [9, с. 304]. Данными условиями появления смеха отличается глава «Полезный совет», продолжающая «разоблачать» участницу конкурса. Смех вызывает каскад ругательств с использованием «оскорбительных» прозвищ, среди которых актуальное в 1990-х гг. слово «ваучер», приведший страну

к несправедливому разделению собственности, появлению «бедных» и «богатых»: «*Ксенька-Дренька, / потрох сучий, / стервь / и ваучер вонючий!*» [11, с. 622].

Кроме того, горькую насмешку мы усматриваем в пародии на участниц конкурсов, в которых умение думать не вызывает одобрение жюри. Поэт пародирует данную ситуацию, используя ругательное слово «дура» (в значении «глупый, ограниченный человек») и мнимые неправильности: «*Ни об чем ваще не думай, / мисс / должна быть круглой ду-рой! / Понапрасну не старайся, / будь собой, / не притворяйся. / И тебе окажут честь. / Ибо дура / ты и есть!*» [11, с. 622–623].

Основываясь на учении Потебни о «механизме» появления смеха: «В смешном говорящий (в метонимичном смысле слова) заблуждается относительно значения образа; ... что производит ... физиологическое явление смеха» [9, с. 304], мы рассматриваем главу «Когда никаких известий» как продолжение использования фигуры «смешное». В первой части главы налицо бранные выражения, а разрядка слова «умопомрачение» с интонационным выделением становится апогеем в использовании ругательных слов: «*Нескромная, по сути, / не мисска, а мучение. / Нахальная до жути, / до у-мо-пом-ра-че-ни-я!!!*» [11, с. 620–621].

В конце концов автор начинает оправдываться в использовании некорректных слов, доказывая тем самым, что все «ругательства-срамословия» выполняли определенный ритуал: «*Теперь ее положено / ругать. (Так полагается.) / Но что-то мне / не можется. / С чего-то не ругается. / Кончилось мое веселье. / Хватит. / Больше – ни гу-гу... / Я соскучился по Ксеньке. / Я без Ксеньки / не могу*» [11, с. 623].

Заключительная глава «После телефонного звонка» становится эмоциональным взрывом, кульминацией поэмы. Народная примета, как всегда, оказалась права, ругательства «принесли» свои плоды – дочь выиграла конкурс. С новой силой зазвучали «прозвища» победительницы – использование смеховых слов, рифмующихся между собой: «*Много рифм на слово «мисска»: / миска, / киска / одалиска, / чуточку авантюристка, / плиска, / низко, / близко, / склизко, / то ириска, / то сосиска*» [11, с. 625]. Заключительные фразы произведения имеют иронический оттенок, интонационно выделяются вопросы, восклицания, эмфатические паузы, используется неожиданное словосочетание: «*Как ты там? / Не укачало? / Тихо замер у причала / белый-белый теплоход... / ...Здравствуй, Миска – Новый год!*» [11, с. 625].

Выводы. Таким образом, при рассмотрении смехового аспекта потешно-сатирических поэм «Ругалки для Алешки» и «Обидные ругалки для Ксеньки-задрыгалки» нами выявлено, что содержание обоих произведений основывается на жизненных событиях, имеет автобиографические черты. Для «Ругалок для Алешки» характерно использование смеховых слов, комического, фигуры иронии и других жанрово-стилистических приемов, которые помогли автору по-доброму посмеяться над проказами неумного дошколенка и чрезмерной опекой родных Алешки. «Обидные ругалки для Ксеньки-задрыгалки» отличаются сатирическим характером: разоблачаются негативные явления в общественно-политической жизни страны начала 1990-х гг. Художник понимал, что на «развалинах» СССР возникает иное государство. «Фамильярно-площадная» речь новой власти зазвучала со страниц печатных изданий, с телевизионных экранов. Она и пародируется в исследованной поэме Рождественского. Насмешливая ирония звучит в обличении различных конкурсов красоты, в которых победительниц вовлекали в карнавал антиморальных событий. Многочисленные ругательства в тексте произведения выполняют функцию заклинательного характера и используются для раскрытия идеи поэмы: пожелание лирической героине победы в конкурсе.

Можно утверждать, что потешно-сатирические поэмы Рождественского внесли в отечественный литературный процесс уникальное художественное свидетельство непростых драматических событий начала 1990-х гг. и раскрыли очередную грань творчества талантливой писательницы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннинский Л. А. Не докричавшийся до XXX века. Приход и уход Роберта Рождественского // Рождественский Р. И. Стихотворения. – М. : Эксмо, 2008. – С. 5–21.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М. : Худож. лит., 1976. – 504 с.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М. : Эксмо, 2015. – 640 с.
4. Коновалов С. М. О сатире // ART LOGOS. – 2020. – № 2. – С. 24–35.
5. Мальгин А. В. Роберт Рождественский: Очерк творчества. – М. : Худож. лит., 1990. – 206 с.
6. Матвеева Э. Г. Детские «страшные истории» традиции и новации // Живая старина. – 2017. – № 1. – С. 24–26.
7. Мельников М. Н. Русский детский фольклор. – М. : Просвещение, 1987. – 239 с.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – М. : Оникс: Мир образования, 2008. – 972 с.
9. Потебня А. А. Теоретическая поэтика / сост., вступ. ст. и коммент. А. Б. Муратова. – 2-е изд., испр. – СПб. : Филол. фак-т СПбГУ; М. : Academia, 2003. – 373 с.
10. Рождественский Р. И. Удостоверение личности. – М. : Эстепоны, 2002. – 557 с.
11. Рождественский Р. И. Удостоверение личности. – М. : Эксмо, 2007. – 720 с.
12. Сидоров Е. Служба поэтического слова: вступительная статья // Рождественский Р. Стихотворения. – М. : Молодая гвардия, 1987. – С. 5–14.
13. Симонов К. Об избранных стихах Роберта Рождественского // Рождественский Р. За двадцать лет. – М. : Худож. лит., 1973. – С. 3–6.
14. Сипкина Н. Я. «Я – сын веры в завтра»: творчество Р. И. Рождественского второй половины 1960-х – первой половины 1980-х гг. Ч. I. – Абакан : Событие, 2017. – 286 с.
15. Сипкина Н. Я. «Я – сын веры в завтра»: творчество Р. И. Рождественского второй половины 1960-х – первой половины 1980-х гг. Ч. II. – Абакан : Событие, 2017. – 274 с.
16. Слуцкий Б. Заметки о поэзии Р. Рождественского // Архив литературы и искусства. Ф. 3101 (Слуцкий). Оп. л., ед. хр. 104.

Статья поступила в редакцию 01.03.2022

REFERENCES

1. Anninskij L. A. Ne dokrichavshijsya do XXX veka. Prihod i uhod Roberta Rozhdestvenskogo // Rozhdestvenskij R. I. Stihotvoreniya. – M. : Eksmo, 2008. – S. 5–21.
2. Bahtin M. M. Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznyh let. – M. : Hudozh. lit., 1976. – 504 s.
3. Bahtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa. – M. : Eksmo, 2015. – 640 s.
4. Kononov S. M. O satire // ART LOGOS. – 2020. – № 2. – S. 24–35.
5. Mal'gin A. V. Robert Rozhdestvenskij: Ocherk tvorchestva. – M. : Hudozh. lit., 1990. – 206 s.
6. Matveeva E. G. Detskie «strashnye istorii» tradicii i novacii // Zhivaya starina. – 2017. – № 1. – S. 24–26.
7. Mel'nikov M. N. Russkij detskij fol'klor. – M. : Prosveshchenie, 1987. – 239 s.
8. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. – M. : Oniks: Mir obrazovaniya, 2008. – 972 s.
9. Potebnya A. A. Teoreticheskaya poetika / sost., vstup. st. i komment. A. B. Muratova. – 2-e izd., ispr. – SPb. : Filol. fak-t SPbGU; M. : Academia, 2003. – 373 s.
10. Rozhdestvenskij R. I. Udostoverenie lichnosti. – M. : Estepona, 2002. – 557 s.
11. Rozhdestvenskij R. I. Udostoverenie lichnosti. – M. : Eksmo, 2007. – 720 s.
12. Sidorov E. Sluzhba poeticheskogo slova: vstupitel'naya stat'ya // Rozhdestvenskij R. Stihotvoreniya. – M. : Molodaya gvardiya, 1987. – S. 5–14.
13. Simonov K. Ob izbrannyh stihah Roberta Rozhdestvenskogo // Rozhdestvenskij R. Za dvadcat' let. – M. : Hudozh. lit., 1973. – S. 3–6.
14. Sipkina N. Ya. «Ya – syn very v zavtra»: tvorchestvo R. I. Rozhdestvenskogo vtoroj poloviny 1960-h – pervoj poloviny 1980-h gg. Ch. I. – Abakan : Sobytiye, 2017. – 286 s.
15. Sipkina N. Ya. «Ya – syn very v zavtra»: tvorchestvo R. I. Rozhdestvenskogo vtoroj poloviny 1960-h – pervoj poloviny 1980-h gg. Ch. II. – Abakan : Sobytiye, 2017. – 274 s.
16. Sluckij B. Zаметки о поэзии Р. Rozhdestvenskogo // Arhiv literatury i iskusstva. F. 3101 (Sluc-kij). Op. l., ed. hr. 104.

The article was contributed on March 01, 2022

Сведения об авторе

Сипкина Нина Яковлевна – кандидат филологических наук, заведующая НИЦ «Поэтика творчества Р. И. Рождественского в дискурсе русской литературы XX века» при ООО «Событие», г. Абакан, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-1144-8233>, sipkina.nina@yandex.ru

Author Information

Sipkina, Nina Yakovlevna – Candidate of Philology, Head of the Research Center “Poetics of R.I. Rozhdestvensky’s Oeuvre in the Discourse of Russian Literature of the 20th Century”, LLC “Sobitie”, Abakan, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-1144-8233>, sipkina.nina@yandex.ru

УДК 811.111'42:33

DOI 10.26293/chgpu.2022.114.1.015

¹ D. M. Khuchbarova, ² V. Yu. Sushko

PRAGMATIC ASPECTS OF USUAL USAGE OF ENGLISH PAROEMIAS IN ECONOMIC DISCOURSE

¹ *Moscow University for Industry and Finance "Synergy", Moscow, Russia*

² *Branch of the Military Educational and Scientific Centre of the Navy
"Naval Academy named after Admiral of the Fleet of the Soviet Union N.G. Kuznetsov",
Kaliningrad, Russia*

Abstract. Definition of criteria and mechanisms for the implementation of communicative and pragmatic potential of usual usage of English paroemias in economic discourse is the main aim of this research paper. Nowadays there is a wide range of research works devoted to the communicative and pragmatic potential of different linguistic units. So, we have focused on studying the usual usage of English paroemias in economic discourse, which is quite original in academic studies. Pragmatism of the linguistic units is the key question in issues under investigation. Features and functions of paroemias as precedent phenomena are revealed due to their pragmatic character.

Having studied a wide range of literary sources, we have concluded that the main form of functioning of usual forms of English paroemias in economic discourse is creative modification. Having analyzed immediate verbal constituents of paroemias in economic discourse, the authors have concluded that publicists use different language means such as opening clauses (due to the fact, that; people say, as a matter of fact; we all know), adjectives (time-worn; universal; long-standing; banal; hackneyed) and nouns, substituting terms "proverb" (sagacity; wisdom, commonness; platitude; cliched thought) as linguistic means for creation of modifications of paroemias.

There are still underexplored issues connected with the usage of usual forms of paroemias nowadays. So studying examples and conditions of usual usage of English paroemias is quite relevant from this perspective. It was in studies revealing that usual forms of English paroemias can be used in economic discourse without any comments of an author or as a reference to authoritative well-known opinion or as an example of an author's attitude to a judgement.

Research of functioning of English paroemias in economic discourse reveals the fact of their widespread usage in everyday life and their status of traditional and common units. A pragmatic potential of proverbs in professional discourse is illustrated in such printed publications as "The Economist", "The Guardian", "The New York Times", "The Observer", "The Times", in British National Corpus and Corpus of Contemporary American English.

Keywords: *economic discourse, communicative-pragmatic potential, paroemia, linguistic analysis, precedent phenomena, pragmatic function, communication, addressee, stylistic effect, context, usual use*

¹ Д. М. Хучбарова, ² В. Ю. Сушко

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА УЗУАЛЬНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

¹ *Московский финансово-промышленный университет «Синергия», г. Москва, Россия*

² *Филиал ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», г. Калининград, Россия*

Аннотация. Данная статья имеет целью определить особенности, способы и условия осуществления коммуникативно-прагматического потенциала английских паремий при их узуальном

использовании в экономическом дискурсе. На сегодняшний день существует немало работ, посвященных изучению коммуникативно-прагматического потенциала разных языковых единиц. Однако мы решили изучить эту тему на примере узуального использования английских паремий в экономическом дискурсе, что и составляет научную новизну работы. В исследуемой проблематике центральным становится вопрос прагматичности данных языковых единиц. Прагматичность паремий как прецедентных высказываний проявляется через реализацию их свойств и функций.

В результате изучения различных источников мы пришли к выводу, что основной формой функционирования английских паремий при их узуальном употреблении в экономическом дискурсе является их творческая модификация. Проанализировав непосредственное вербальное окружение паремий в экономическом дискурсе, авторы статьи пришли к выводу, что публицисты используют вводные формулы (due to the fact, that; people say, as a matter of fact; we all know), прилагательные (time-worn; universal; long-standing; banal; hackneyed) и слова-заменители термина «паремия» (sagacity; wisdom, commonness; platitude; clichéd thought) в качестве языковых средств при создании творческих модификаций паремий.

Вопрос изучения функционирования узуальных форм паремий в экономическом дискурсе остается малоработанным на сегодняшний день. В этом контексте представляется весьма актуальным изучение случаев и условий употребления английских паремий в узуальной форме. В ходе проведенного исследования было установлено, что узуальные формы английских паремий могут использоваться без комментария автора, в качестве указания на общепринятое мнение в обществе либо как пример авторской точки зрения по поводу данного утверждения.

Результаты исследования функций паремий в экономическом дискурсе свидетельствуют о широкой распространенности английских паремий в повседневной жизни и наличии статуса традиционных и общеупотребительных единиц. Прагматический потенциал пословиц в профессиональном дискурсе продемонстрирован на примере статей таких известных изданий, как "The Economist", "The Guardian", "The New York Times", "The Observer", "The Times", а также Британского национального корпуса и корпуса современного американского языка.

Ключевые слова: *экономический дискурс, коммуникативно-прагматический потенциал, паремия, лингвистический анализ, прецедентный феномен, прагматическая функция, коммуникация, адресат, стилистический эффект, контекст, узуальное использование*

Introduction. Having analysed academic observations and direct linguistic analyses of collected factual material, we would like to state our own view on the nature and essence of communicative-pragmatic approach to paroemias considering communicative-pragmatic potential of English paroemias in economic discourse.

Relevance. A wide range of underexplored issues connected with the research of pragmatic functions of English phraseological units predetermines the relevance of this work. The choice of economic texts as the source of the research material is relevant as well. The scientific originality of the study is that it attempts to examine usual use of English proverbs in the economic texts in a new perspective. In Russian linguistics, the language of economic texts is not sufficiently studied in terms of functioning of paroemias.

Materials and Methods. The following linguistic research materials and methods have been used: contextual analysis; method of communicative and pragmatic result analysis, involving a comprehensive interpretation of the meaning and pragmatic functions of paroemias and their transformations; a linguistic description, including collation, categorization of paroemias, interpretation; cognitive-communicative approach; compil and statistical data manipulation.

Results and Discussion. The work presents the results and discussion of a complex analysis of pragmatic and cognitive functional aspects of usual use of paroemias in economic discourse.

In recent decades, intensive studies of functions of a language are being conducted actively. Nowadays, scientific interest of linguists has shifted from an internal organisation of a language to problems of its functioning. This, in turn, spurred the development of the theory of communication, pragmalinguistics, the theory of discourse [1].

Proverbs function on the basis of communicative-pragmatic area in economic discourse. The following components are the most important, in our opinion:

- 1) a communicant-addressant (an author of a message, his intentions, professionalism, literacy, a task to influence a reader);
- 2) an addressee (mass audience, background knowledge, coincidence of cognitive bases and adequate understanding of a message);
- 3) a language code (not a language in this case, but distinct linguistic units – paroemias).

Communicative-pragmatic approach to speech activity involves both human factor in a language and a language factor in men's oral activity [2]. Cognitive linguistics adheres to an anthropocentric principle. Language activity focuses on homo sapiens that's why the research of any linguistic units, in particular English proverbs, is carried out in close cooperation with a man, his cognitive activity and field of communications. Much attention is paid to the leading role of a human factor in a language development and linguistic change [13, p. 45].

Analysing a communicative-pragmatic potential of English proverbs, we consider a man as a creative personality. According to E.V. Rizhkina, "most of linguistic changes are unintended spontaneous acts of a man aimed at adaptation of a language to learning process and communication" [13, p. 45]. According to our factual material, modifications of proverbs are targeted and studied in a pragmatic way. An author seeks to address certain pragmatic tasks studying one or another transformation. Researchers identified numerous pragmatic functions of phraseological units and phraseological transformations: an effect of frustrated expectations, attraction of attention, formation of evaluativity and informativeness, economy of expression, formation of an individual style, a text-forming function.

A pragmatic potential of paroemias as linguistic units provides specific features. Figurativeness, stylistic characteristics (alliteration, assonance, rhyme etc.), evaluativity, emotiveness and expressiveness as components of semantics are aimed not only to enrich speech and create a distinctive individual style, but better express oneself and identify one's attitude to the object of thought [3], [5]. Features of proverbs as precedent phenomena (traditional character, common usage and trustworthiness) are essential for implementing communicative-pragmatic potential. Analysis of the collected factual material proves the fact that pragmatic effect of usage of paroemias is achieved due to occasional transformations.

While studying a communicative-pragmatic potential of paroemias it is essential to take into consideration both sides of communication. An addressant, i.e. readership, is an ultimate purpose of an author-publicist [9], [10]. The main goal of an author is to create for his readers, not for himself, as his aim is to convey the results of his work to his readers; otherwise, his efforts are futile.

Thus, when using proverbs and their transformations in economic discourse, the author addresses the principal task to influence readers, actualising principal pragmatic functions in this way: attraction; expression of attitude; evaluation; creation of stylistic effects (enhancement of expressiveness, emotiveness, creation of a distinct individual style).

According to researchers, one of the urgent tasks of paramiology is "keeping a record of traditional and new paroemias, registration and functional stylistic interpretation of their transformations" [13, p. 4]. Traditional nature of proverbs is interpreted as their pragmatic feature. Thus, we will examine pragmatic aspects of traditional use of proverbs with usual meanings in economic discourse. Pragmatics is interpreted not only as a quotation, conventional judgements, but also as a creative work on the text. Proverbial paroemias are more often studied by authors. Analysing usage of precedent statements, D. V. Gudkov identifies two groups of these units: canonical (quotations, which cannot be subjected to modifications) and transformed [4, pp. 208–209]. Play upon the meaning of English idioms and linguistic deformations have been widely researched by L.A. Chinenova, A.A. Izotova and others. Scientists point out, that play upon the

meaning of phraseological units is an ontological feature of all collocations in the English language and should be considered as a universally applicable method in economic discourse [6], [7], [16]. A phenomenon of “creative deformation” of proverbs is researched in the article “Proverb Speaking as a Creative Process”, written by K. Yankah. In this context creativity is interpreted as a creation of new proverbs (author’s aphorisms, using patterns of traditional proverbs); an appeal to trustworthiness of proverbs in rhetorical context; modification of proverbs [15, pp. 196–197].

We would like to illustrate how communicative-pragmatic potential of English proverbs is actualised in economic discourse through standard use of paroemias in usual forms.

John Russell expressed his opinion on the origin of the given linguistic units in a more concise way: “*One man’s wit and all men’s wisdom*” (1850). As time went on the definition was altered and now you can find the following wording: “*A proverb is the wit of one and the wisdom of many*”. Though a proverb is considered to be a literary work, created for a certain situation by a particular author, it is nationwide and can be used in a number of situations. Folk character and traditional nature, frequency of usage are the main characteristics of proverbs. We would like to point out relevance of the main distinctive features of paroemias in the context, such as wisdom and genuineness. T.M. Nikolaeva specifies that “a task of a proverb isn’t to communicate truth, but to provide experience of people” [11, p. 311]. A judgement suggested can come into use in the community as it summarises people’s experience and observations and is used as a cliché for any situations.

Proverbs with opposite meanings can coexist in one context and all the variants claims the status. Any of the following English proverbs: “*Absence makes the heart grow fonder*” and “*Out of sight out of mind*”; “*He who hesitates is lost*” and “*Look before you leap*”; “*Too many cooks spoil the broth*” and “*Many hands make light work*” can be used effectively for commenting on developments. So usage of these proverbs would be relevant and correct in each case [18].

Until recently, studies were limited to structural, stylistic, functional, comparative and lexicographic aspects of learning and were separated from the context, according to K. Yankah [17, p. 195]. Under this approach, paroemias are studied as set expressions, excluding creative usage of proverbial units. It should be pointed out that researches of paramiological funds of different languages, including English, are based on texts, where analysed units are used directly. Estonian scientist A.A. Krickmann, one of the world’s leading paramiographer, noted that “proverbs in its purpose are not absolutely epistemological, but pragmatic means” [8, p. 165]. Actually, usage of paroemias in the communication serves different comprehensive practical goals. Using proverbs in our speech we make excuses, prove our point of view, persuade and give orders.

Talking about pragmatics, we mean mechanisms which connect a language with a context. According to the approach to paroemias as precedent statements (i.e. elements of a cognitive base, consisting of members of a certain linguo-culturological society), an appeal to proverbs is considered as a quotation or reference to traditional highly respected point of view. Having introduced the term “precedent statement” into scientific parlance for the first time, Y. N. Karaulov points out 4 methods of addressing to precedent texts, including a title, a name of an author, names of characters. He classifies these units as symbols of a precedent text and refers them to a precedent text, which actualises relevant connotations, connected with a certain text [20, p. 90]. According to the author, paroemias are autonomous units. They are not connected with precedent texts and have no authors. We can say that it is their specific feature. A man, using proverbs, is aware that they are common property of the people, that’s why an appeal to paroemias in the discourse is a quotation of folk speech. Having explored the subject, we should point out that scientists are also interested in studying a set of proverbial opening clauses i.e. set expressions. These expressions refer to a proverb as cultural assets. According to our factual material the usage of such opening clauses depends on an author’s intention and is not connected with cultural traditions [20, p. 91].

It should be pointed out that a small number of paroemias are used as indisputable judgements without any comments of an author.

Such usage of paroemias demonstrates consent with judgements and a user of proverbs is a means, appealing to the audience.

a) "...One full-page furniture ad in the San Jose Mercury yesterday, in banner head type, read NOW THRU MONDAY! 25% OFF The Entire Store! No Payments, No Interest for One Full Year! OR an Extra 5% Off for Cash! **A penny saved is a penny earned**, even if you earn it by spending. Just ask your wife. My contacts in CA report similar findings and my teenage daughter and friends say the malls in N.E Florida are also busy-BUT, that's just this weekend..." [21]. In this advertisement material, the author advocates for smart money, proving his point of view and providing justification. So the reader relies on the credibility of the statement and operates his work in accordance with his conclusions.

b) "... And in Spain, Catalonia already claims it will hold an independence referendum this year. The saying goes that **a picture is worth a thousand words**. Maps are worth many more. Our perspective on the world is rooted in an objective approach to examining geography and power. These four maps are essential tools for thinking about the geopolitical forces that will shape the world in 2017..." [21].

The proverb helps to provide a clearer view of the economic situation in Europe and ways to address the problem. Figuratively speaking, the author assesses the situation and comes to the conclusion.

c) "...As a solo mother running her own company, April says, " My philosophy is to put **business before pleasure**. I've got to get my business off the ground; then, when everything is going the way it should, I can chill. " April's company, Afri-Concepts, markets lunch boxes, backpacks, bookmarks, binders, little girl's purses and T-shirts that are decorated with pictures of African-American heroes such as Harriet Tubman and Malcolm X..." [21]. The proverb emphasizes life priorities and ideals of a woman, her achievements due to her patience and diligence.

There is a small number of proverbs, used in "simple" forms in economic texts. It reveals the fact that usage of proverbs is a creative process, "a practice in quotation", according to Yankah K. [17]. We should note that usage of proverbs, belonging to public domain, presupposes a certain attitude of a speaker to the content of the statement (agreement or disagreement).

Some authors, using paroemias with "conventional wisdom" as a resume of a certain real-life situation, do nothing more than refer to reputable argument. In this case, they do not take responsibility for genuineness of this judgement and remain impartial and unbiased. For example:

a) "...Charlie Bilello, director of research at Pension Partners, just dropped a treasure trove of fantastic charts this week that should have investors questioning every bit of advice they ever received and every market " truism " they've ever come across. " **They say a picture is worth a thousand words** but in investing it is worth so much more, " Bilello wrote in a post. " The market doesn't have to do anything, and certainly not what you think it should do. The market doesn't abide by any hard and fast rules; it does what it wants to do, when it wants to do it..." [21]. The author emphasizes the details of the work in the market, but he gives only facts and references without assessing the situation. So the proverb expresses common point of view, well-known fact. We can see the same thing in the following examples.

b) **Great minds, it is said, think alike**, but actually mediocre minds and bargain-basement minds generally think alike too. People just aren't all that original [21].

c) "*But from where I sit now – in a world where Kate Moss chooses Daisy Duke hot pants for her yearly Glastonbury photo call, and where many sane and gorgeous women of my acquaintance wear city shorts to work (and, I admit through gritted teeth, look good in them, too), it seems I was being a stick in the mud. And so, I ponder my next move. **If you can't beat 'em, join 'em, they say** – but I am not about to go out and buy a pair of summer city shorts. Even if my knees and my wounded professional pride would allow me, it is now too late in the season*" [22].

d) *"THE road to hell, as is well known, is paved with good intentions. And no doubt the Appellate Body (AB) of the World Trade Organisation (WTO) meant well when it decided to allow non-governmental organisations (NGOs) and academics to comment on a dispute between France and Canada over a particular brand of asbestos."* [21].

However, we should point out, that the ratio of usage of "impersonal" proverbs is very little. In some texts, authors agree with the judgement in a proverb, therewith representing common opinion as their own:

a) *"...What about the organisation he represents, the Church Commissioners who own the Metro Centre and a large chunk of Nestles, not forgetting 3,000m worth of stocks and shares. Very enterprising indeed. People **who live in glass houses should avoid throwing stones**. It seems to me yet another example of preaching socialism while thriving on the rewards of the capitalist system of government..."* [16]. Using this proverb, the author highlights the hypocrisy of some public officials, discrepancy between words and deeds. He emphasizes possible consequences of officials' illegal actions.

b) *"...A giant brokerage promises to treat its retail clients better. I guess **old habits die hard** though it cleaned up the mess after scandals had sent clients fleeing, and made its way back into profit after huge losses in America and Russia. It survived deregulation in its home markets, creating a stronger company by broadening its sources of profit, and it beat back new competition from online brokers. By March 2000, when Nomura Securities, Japan's biggest stockbrokerage, reported its best profits in a decade, the horrible years of the late 1990s seemed a mere memory* [21].

The author can also express an opinion, shared with other readers:

a) *"...The Central South favourite has to be this chap, Zeta's Lad. Who says so? This chap, his trainer, John Upson. John Upson says he thinks his horse will win. On form, everything is just right. You know the old saying about **never look a gift horse in the mouth**, well don't turn down a good tip. You see John Upson is no romancer. He gives it to you straight. He built a fortune in the construction industry and then moved to Highfields Stables in the village of Adstone just north of Banbury and took up training. John Upson says that it's like being Managing Director of a good team* [16]. The proverb helps the author to create the effect that the reader is perceived not just as the recipient of information, but as a colleague or a friend of the author, with whom he can share his personal opinion.

b) *"Theatre Edible's performers display a relentless need to make us laugh, as if they are embarrassed by their subject matter, and when they are not doing that the content is banal. We all know that **death is a great leveler** and that Princess Diana and Fred West are dead, but that is the only connection between them as far as I am aware"* [22]. Here we can see acceptance and respect for the conclusion, described in the proverb.

Using proverbs in texts, the authors address to the audience. A judgement, included in a proverbial paroemia, is a common knowledge, which is considered as a touch point of an addressant and an addressee. In such a case, we achieve the effect of confidence, belief, similarity, commonness with people:

a) *"... Atlantic richfield accused of misleading siemens. Did Siemens AG **buy a pig in a poke** – the German's, ever literal, call it a cat in a sack, which of course is what a pig in a poke usually turns out to be – when it bought Atlantic Richfield Co's Arco Solar Power subsidiary in Camarillo, California for \$35.9m in 1990?"* [16]

b) *Sorry, but it's true – **no pain, no gain**. An occasional crisis may be a price worth paying for faster growth. Does slow-and-steady win the race? When it comes to liberalising their financial markets and industries, many poor countries hope so.* [23]. So the author addresses readership and puts forward arguments; you can see a touch point between the author and readers here. This fact brings people together.

c) *Like it or not, you cannot step into the same river twice.* As a result, politicians control the process, which they continually limit or corrupt. More fundamentally, the structure of representative government keeps citizens in civic adolescence. We want the largesse of government, but are reluctant to pay for it. We give away our policymaking powers to elected politicians on Election Day, and then we blame them when things go wrong. That is the definition of civic adolescence [21].

d) *Forewarned is forearmed, you 'd think.* But when solving problems, people prefer adding things to getting rid of them. It appears to be an uncommon insight. A paper published in "Nature" suggests that humans struggle with subtractive thinking. When asked to improve something — a Lego-brick structure, an essay, a golf course or a university — they tend to suggest adding new things rather than stripping back what is already there, even when additions lead to sub-par results [21].

e) *Ukraine is a broke and beggars can't be choosers, as you know.* Economic stagnation, a short-term injection of cash will not solve Ukraine's problems... [21].

In most cases, an author draws a line in the sand concerning proposed judgements in proverbs. He backs up the view, offering comments:

f) *"Home is where the heart is, to be sure.* But home may also be where the money is these days, as Americans put away their dancing shoes and come back home again. At least, that is what publishers of the elite home-design magazines are betting on" [23];

or refutes it:

a) *"Our motto is – and we – we live this, too – 'We want to pay exactly what we owe, no more, no less.'* BRADLEY: Well, they say that for the insurance company, **a penny saved is a penny earned** in your bottom-line business. Mr-Haines: *But our – our philosophy* in what we do is to pay everything we owe." [21]. The author vehemently rejects verity and faithfulness of the statement. We can see the same thing in the following example. The author disapproves reliability of the information in the given example.

b) *"insist that the seller pay the sales commission, even if the home isn't sold. That's a reasonable claim if the broker found a ready, willing and able buyer, but the seller took the home off the market. " Most brokers or agents won't let them off the hook on that, Fanizza says. "In fairness, they did all this work: They marketed the house. They got a value you could live with, and now you want to do them out of their paycheck for it?" Money talks, buyer walks. It's wrong.* Some buyers will accept a seller's apology and move on to another house, but others won't be so understanding, even if the seller's excuse seems valid to the seller". [23]

When researching a direct verbal position of proverbial units in economic discourse, we have observed that authors use 1) opening clauses (proverbial parenthesis) in an introduction and reference to a paroemia. For example: *"They say he who pays the piper calls the tune – but not in corporate Europe, where privileged shareholders use a range of tricks to maintain control of companies, even though they often own only a small proportion of the shares. How widespread are such practices?"* [23].

2) Adjectives characterising a paroemia and showing an author's attitude to the judgement in it.

3) Nouns replacing a term "proverb" in certain contexts:

a) *"The similarities between medieval Christianity and the world of management theory may not be obvious, but seek and ye shall find. It's an extra-mossy cliché.* Management theorists sanctify capitalism in much the same way that clergymen of yore sanctified feudalism. Business schools are the cathedrals of capitalism." [23].

b) *...However, we need to reserve, against his conclusion, this other possibility at least: that the Pioneers' intention to establish the Manufacturing Society as a separate entity was strategically right, but structurally mishandled; while the Consumer Movement's perception of the*

place of production in the Co-operative scheme was a strategic mistake, most successfully carried out. **And nothing succeeds like success.** *It's a commonly held view.* Yet, for two main reasons, the demise of the Rochdale Co-operative Manufacturing Society did not finally close the question of how in principle co-operative production should be organised. ... [16]

The list below represents units used by different authors to characterise and describe paroemias in our factual material:

a) Nouns: *aphorism, fact, line, words, social statement, advice, formula, lesson, stock phrase, sagacity; wisdom, commonness; platitude; cliched thought.*

b) Adjectives: *time-worn; universal; long-standing; banal; hackneyed; moral; commonly held, ancient, well-worn, unlikely, almost universal, worthy, wise; general.*

c) Proverbial parenthesis: *it is said; we say; we all know; I guess; as everyone knows; you know; according to; so they (people); due to the fact, that; people say; as a matter of fact; we all know.*

Selected means indicate common usage of paroemias and the way of transferring author's attitude to proverbial "wisdom". An interesting fact is that the given units describe three main characteristics of proverbs: years of age (old, ancient, extra-mossy); wisdom / genuineness (unlikely, true to, fact); traditional character / national spirit (almost universal, commonly held, general) [21].

Our provision about usage of paroemias in economic discourse finds confirmation over the course of the study. We have researched 900 cases of usage of 222 paroemias in economic discourse. Our factual material includes articles from British National Corpus, Corpus of Contemporary American English and such print publications as "The Economist", "The Guardian", "The New York Times", "The Observer", "The Times".

In addition, studying the functioning of English proverbs in economic discourse has identified the popularity of paroemias in everyday life and has confirmed the status of traditional and common units. You can see how a pragmatic potential of proverbial units is actualised in everyday life.

Conclusion. Observational results of functions of paroemias in economic discourse have revealed the fact of usage not only usual forms of paroemias but their creative modifications too. So an author was considered as a creative person in our studies. Moreover, it was necessary to give consideration not only to an author, but also to readership as the second participant of a communication process.

Success of printed press and objective fulfilment depend on the right choice of linguistic means. Our research revealed the fact that usage of paroemias predetermines a specific task to implement the main pragmatic functions, they are: attraction of attention, formation of evaluativity and informativeness, economy of expression, formation of an individual style, a text-forming function.

It is undeniable that paroemias have pragmatic meaning. Characteristics of paroemias as precedent phenomena are the main features of their pragmatic character. In conclusion, we can say that percentage of usage of usual (traditional) forms of paroemias within our factual material is rather low (266 paroemias out of 900). So creative modifications of usual forms of paroemias are more widely used by publicists in economic discourse (634 paroemias out of 900).

Our research revealed the fact that traditional forms of English paroemias are used without author's commentaries, as a reference to general beliefs and prevailing opinions. We should point out the fact that attitude of an author to a judgement, included in a proverb is also indicated.

The research has shown that creation of author's expressions and aphorisms based on paroemias brings out the best in publicists. Interaction of linguistic and nonlinguistic factors in the process of using paroemias are evident in our factual material. In conclusion, we should point out that communicative and pragmatic potential is actualised in economic discourse if used in usual forms.

REFERENCES

1. Aleksandrova O.V. (1996). *Edinstvo pragmatiki i linguopoetiki v izuchenii teksta khudozhestvennoj literature*. Problems of semantics and pragmatics [Unity of pragmatics and linguopoetics in fiction research]. Kaliningrad: Kaliningrad university, pp. 1-5. (in Russian).
2. Aleksandrova O.V. (1999). *Problemi diskursa v sovremennoj lingvistik*. Cognitive and pragmatic aspects of linguistic researches [Problems of discourse in modern linguistics]. Kaliningrad: Kaliningrad university, pp. 9-13. (in Russian).
3. Alekseev A.Y. (1989). *O tipologicheskom izuchenii pragmatiki kommunikativnih edinic yazika*. Pragmatics and typology of communicative units of a language [Typological study of pragmatics of communicative units of a language]. Dnepropetrovsk: DTU, pp. 4-6. (in Russian).
4. Alekseeva A.A. (2001) *Argumentativnij potencial krilatih slov: Na materiale tekstov sovremennoj nemetskoyazichnoj pressi*. Diss. kand. phil. nauk [Argumentative potential of sayings in German mass media. D.Ph. thesis]. Tver: ALFA, p. 165. (in Russian).
5. Alefirenko I.F. (2004) *Etnoedemicheskij concept i vnutrennaya forma yazikovogo znaka*. Problems of cognitive linguistics [Endemic concept and form of a language unit]. Tambov: TSU, pp.70-81. (in Russian).
6. Alehina A.I. (1980). *Kratkij russko-anglijskij i anglo-russkij fraseologicheskij slovar* [Russian-English and English-Russian phrasebook]. Minsk: BGU, p. 400. (in Russian).
7. Anikin V.P. (2004). *Teoria folklora. Kurs lekcij* [Theory of folklore. Course of lectures]. Moscow: KDU, p. 409. (in Russian).
8. Arnold I.V. (1973). *Stilistika sovremennogo anglijskogo yazika. (Stilistika dekodirovaniya)* [Stylistics of modern English language (Stylistics of decoding)]. Leningrad: Prosveshchenie, p. 295. (in Russian).
9. Arutjunova P.D. (1981). Faktor adresata. *Literature and language* [Factor of an addressee]. Moscow: AI USSR, no.40, pp. 325-332. (in Russian).
10. Arutjunova P.D. (1990). Diskurs. *Linguistic encyclopedia* [Discourse]. Moscow: p. 170. (in Russian).
11. Arutjunova N.D. (1999). *Yazik i mir cheloveka* [A language and world]. Moscow: Yaziki russkoj kulturi, 1999, no. XV, p. 896. (in Russian).
12. Arutjunova N.D., Paducheva E.V. (1985). Stilistika, problemi i kategorii pragmatiki// *Novoe v zarubezhnoj lingvistik* [The origins, problems and categories of pragmatics.] *New aspects in foreign linguistics. Linguistic pragmatics*. Moscow: Progress, no 16, pp. 3-42. (in Russian).
13. Arhangel'skij V.L. (1964). *O ponyatii ustojchivoj frazi i tipah fraz*. Problems of phraseology. Research and materials. Moscow, Nauka Publ., pp.4-43. (in Russian).
14. Ahmanova O.S. (1966). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Russian encyclopedia, p. 608. (in Russian).
15. Babenko N.G. (1997). *Okkazionalnoe v khudozhestvennom tekste. Strukturnosemanticheskij analiz* [Occasional in fiction. Semantic and structural analysis]. Kaliningrad: The Kaliningrad State University, p. 84. (in Russian).
16. BNC, (2002). *BNC* [online], available at: <https://www.english-corpora.org/bnc> (Accessed on 14 April 2002).
17. Buneeva N.L. (2001). *Pragmaticheskie aspekty poslovic anglijskogo yazika*. PhD. [Pragmatic aspects of English proverbs]. Moscow State University. (in Russian).
18. COCA, (2001) *COCA* [online], available at: <https://www.english-corpora.org/coca> (Accessed on 4 May 2021)
19. Ionina A.A. (2020). *Transformaciya paremicheskikh edinic v sovremennom anglijskom yazike* [Transformation of paroemiological units in the modern English language]. *Gramota*, 13 (1), pp. 196-201. (in Russian).
20. Konstantinova A.A. (2007). *Kommunikativno-pragmaticheskij potencial poslovic i pogovorok v sovremennoj anglo-amerikanskoj presse*. PhD. [Communicative-pragmatic potential of proverbs in English-American press]. Tula State University. (in Russian).
21. The Economist, (2015). *The Economist*. [online], available at: <https://www.economist.com> (Accessed on 7 March 2021).
22. The Guardian (2016) *The Guardian* [online], available at: <https://www.theguardian.com/international> (Accessed on 7 February 2016)
23. The New York Times (2017) *The New York Times*. [online], available at: <https://www.nytimes.com> (Accessed on 7 February 2017)
24. The Observer, (2018). *The Observer*. Available at: <https://www.theguardian.com/observer> (Accessed on 5 February 2021).
25. The Times (2016). *The Times*. [online], available at: <https://www.nytimes.com/> (Accessed on 8 April 2021).

The article was contributed on December 5, 2021

Author Information

Khuchbarova, Dzhamilya Makhmuddibirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Faculty of Language Studies, Moscow University for Industry and Finance “Synergy”, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-1255-7626>, khuchbarova2710@mail.ru

Sushko, Victoria Yuryevna – Candidate of Philology, Head of the Department of Foreign Languages, Branch of the Military Educational and Scientific Centre of the Navy “Naval Academy named after Admiral of the Fleet of the Soviet Union N.G. Kuznetsov”, Kaliningrad, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-2697-9961>, victoria_sushko@mail.ru

Сведения об авторах

Хучбарова Джамия Махмуддировна – кандидат филологических наук, доцент факультета лингвистики Московского финансово-промышленного университета «Синергия», г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-1255-7626>, khuchbarova2710@mail.ru

Сушко Виктория Юрьевна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Филиала Военного учебно-научного центра Военно-морского флота «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова», г. Калининград, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-2697-9961>, victoria_sushko@mail.ru

УДК 821.161.1.09

DOI 10.26293/chgpu.2022.114.1.016

Чжан Исянь

ОБРАЗ КИТАЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ В. Г. СОРОКИНА

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Благодарность

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Государственного комитета КНР (CSC) № [2020] 71.

Аннотация. Среди современных русских писателей, проявляющих интерес к Китаю, особое место занимает В. Г. Сорокин. Настоящая статья посвящена изучению образа Китая в его произведениях «Голубое сало», «Мишень», «День опричника», «Сахарный Кремль», «Метель». В целях осмысления авторских трактовок и художественных средств в статье используются различные методы литературоведческого анализа, в том числе сравнительно-сопоставительный, культурно-исторический и структурно-семиотический. Сорокинский художественный образ Китая рассматривается в следующих аспектах: преобразование Китая в рамках скорого мирового господства страны – от моды на китайские предметы обихода XVIII в. до жестких требований к китайскому производству XXI в.; наркотическое воздействие будущего Китая на Россию как ироническое преломление истории о британской торговле опиумом в Китае XIX в.; Великая Русская стена как пародийное возрождение Великой Китайской стены; китайский язык как важная составляющая нового языка международного общения; образ китайцев как неоднозначных спасателей. Откликаясь на острые российские социальные проблемы (от последствий тоталитаризма до технологического прогресса), В. Г. Сорокин как футуролог создает гротескный мир будущего так называемым «Китайским циклом», где образ Китая приобретает существенно новые смыслы.

Ключевые слова: *В. Г. Сорокин, образ Китая, мир будущего России, Великая стена, китайский язык, китаец, тоталитарность*

Zhang Yixian

THE IMAGE OF CHINA IN THE ARTISTIC SPACE BY V. G. SOROKIN

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Acknowledgement

The research is funded by China Scholarship Council № [2020] 71.

Abstract. V. G. Sorokin occupies a special place among the contemporary Russian writers, who show the interest in China. This article is devoted to the study of the image of China in “Blue Fat”, “Target”, “Day of the Oprichnik”, “Sugar Kremlin”, “Snowstorm” by V. G. Sorokin. In order to comprehend the author’s poetics and philosophy, the article employs various methods of literary analysis, including comparative, cultural-historical and structural-semiotic. V. G. Sorokin’s artistic image of China is considered in these aspects: the transformation of China within the framework of its imminent world domination – from the fashion for Chinese household items of the 18th century to stringent requirements for Chinese production of the 21st century; the future China’s narcotic impact on Russia as an ironic refraction of the history about British opium trade in China of the 19th century; The Great Russian Wall as a parody revival of the Great Wall; Chinese as an important component of the new language of international communication; the image of the Chinese as controversial saviors. V. G. Sorokin, as a futurist, creates a grotesque future

world with the so-called "Chinese cycle" to respond to acute Russian social problems (from totalitarianism to technological progress). In his "Chinese cycle" the image of China acquires completely new meanings.

Keywords: *V. G. Sorokin, image of China, world of the future of Russia, Great Wall, Chinese language, Chinese, totalitarianism*

Введение. Образ Китая в произведениях русских литераторов различается в зависимости от исторической реальности, эпохи, в которой жили или живут писатели, а также их этико-эстетической ориентации, однако этот образ всегда служит своеобразным экзотическим зеркалом, отражающим российскую действительность. У В. Г. Сорокина интерес к Китаю возник вследствие увлечения восточной культурой и философией. В. Г. Сорокин не уделяет большого внимания древнекитайской мудрости, а создает некий новый образ Китая в гротескном мире будущего: «Я читал великие китайские романы, и не случайно затем в "Голубом сале" появилась идея русско-китайского симбиоза в Сибири» [13]. Роман «Голубое сало» (1999), отличающийся многосложной структурой текста и замысловатыми языковыми оборотами, является началом своеобразного «Китайского цикла», куда потом были добавлены такие произведения, как «Конкретные» (2000), «Ю» (2000), «Мишень» (2005), «День опричника» (2006), «Сахарный Кремль» (2008), «Метель» (2010).

Внимание исследователей к сорокинскому представлению о Китае прежде всего сосредоточено на авторском своеобразном языке, который впервые был использован в романе «Голубое сало». По словам А. А. Гениса, данный роман написан на «руинах семантики» [3, с. 10]. М. П. Марусенков отмечает, что в романе «Голубое сало» значительная часть неологизмов заимствована из китайского языка. Он также указывает, что в начале «Голубого сала» «китайская культура играет ту же роль, какую в России 1990-х гг. играла американская» [7, с. 224].

Исследователи И. В. Кукулин и М. Н. Хабибуллина сделали обзор о сорокинском «Китайском цикле». Первый полагает, что Сорокин изображает «синоцентрический» мир: «в русском языке полно заимствований из китайского, из Китая приходят моды на технологии, кулинарию, стиль отношений и т. п.» [4, с. 214]. Также он подчеркивает изменения образа Китая в сорокинских футурологических произведениях: из технократической утопии (хотя с ироническим изображением) превращается в экономического хозяина России, государство с тоталитарным политическим уклоном. Вторая дает наиболее подобный анализ сорокинским «китайским» образам на материале повести «День опричника» и книги рассказов «Сахарный Кремль», раскрывает метасюжет о «китайском» будущем России. Китай рассмотрен в произведениях В. Г. Сорокина «как гротескное, увеличивающее зеркало, призванное сатирически показать России в начале ее нового пути те опасности» [15, с. 73].

Кроме того, в работах некоторых исследователей также фрагментарно отмечены функции образа Китая в творчестве Сорокина. Например, делая акцент на сорокинские трансформации классики и новаторство, Б. А. Ланин указывает, что в повести «Метель» Россия названа «огромным пустым пространством между Китаем и цивилизованным миром» [5, с. 118]. Безусловно, все эти научные работы представляют значительную ценность для данного исследования.

Целью настоящей статьи является научное исследование образа Китая в сорокинском «Китайском цикле». В ходе исследования выявлены художественные особенности и актуальность сорокинского образа Китая, связь абриса будущей России с прошлым, настоящим и будущим Китая в сорокинском гротескном мире.

Актуальность исследуемой проблемы. Проблематика, составляющая основу данной статьи, представляется актуальной ввиду явно недостаточной изученности образа Китая в творчестве В. Г. Сорокина – одного из самых талантливых и оригинальных представителей русского постмодернизма.

Материал и методы исследования. Для научного исследования сорокинского образа Китая в произведениях «Голубое сало», «Мишень» (фильм), «День опричника», «Сахарный Кремль» и «Метель» в статье применены различные методы литературоведческого анализа и прежде всего широкий спектр инструментов анализа в рамках компаративистских исследований. Следует выделить некоторые ключевые «инструменты» – сравнительно-сопоставительный, культурно-исторический и структурно-семиотический методы, благодаря которым выявлены сорокинские поэтика и философия в его «Китайском цикле».

Результаты исследования и их обсуждение. В. Г. Сорокин строит своеобразный мир будущей России, где большинство культурных продуктов произведено в Китае. Известно, что китайские вазы, шелк, живопись и т. п. были популярны в среде русских дворян еще с конца XVIII в. Причем эта эстетика просматривается также в архитектуре, живописи и театральных постановках эпохи императрицы Екатерины II. Мода на китайское искусство приобщала русских к древнекитайской культуре, «китайской мудрости». До середины XIX в. увлеченность Китаем уже проявляется во многих слоях русской обывденной жизни [9, с. 49]. Украшения китайского происхождения также отражены в сорокинском мире будущей России, особенно это касается дома столбового дворянина Ивана Ивановича и дома ясновидающей в повести «День опричника». Но очевидно, что для властных и богатых людей эти вещи в большой степени утратили функции экзотического и эстетического характера, вульгаризированы и становятся стереотипным показателем благополучия хозяев. Главный герой романа опричник Андрей Комяга так и говорит: «Мода, ничего не подделаешь» [11, с. 28]. В разговоре опричников с Батей В. Г. Сорокин показывает, что от китайского производства зависит абсолютно все в России: «...Хлеб, и то китайский едим.

- На китайских «меринах» ездим! – ощеривается Правда.
- На китайских «Боингах» летаем, – вставляет Пороховщиков.
- Из китайских ружей уточек Государь стрелять изволит, – кивает егерь.
- На китайских кроватях детей делаем! – восклицает Потыка.
- На китайских унитазах оправляемся! – добавляю я» [11, с. 195].

В данной повести и ее продолжении «Сахарный Кремль» еще упоминается, что среди детей популярна китайская компьютерная игра «Гоцзе». Получается, что в сорокинском мире будущего Китай является лидером в области технологий, выступает как метрополия России. Описание суперсовременной трассы «Гуанчжоу – Париж» в «Дне опричника», а также подобного рода сцена в фильме «Мишень» показывают роль будущей России как экономического придатка, т. е. обеспечение функционирования транспортной артерии становится важным финансовым источником России. В «Дне опричника» красочно описываются прочные коррупционные связи между российскими и китайскими таможенниками, а также опричниками, что недвусмысленно говорит о кризисной экономической и политической ситуации в России. Итак, через образ Китая В. Г. Сорокин показывает возможные опасности, грозящие будущей России, к которым приведет сегодняшняя российская реальность.

Среди предметов китайского происхождения выделяется аквариум с золотыми стерлядками (особый вид наркотиков в «Дне опричника»), психоделическое зелье отличается высоким качеством: «явно китайского производства, не Америка убогая и уж точно не Голландия» [11, с. 90]. Действительно, китайские средства наркотического опьянения, описанные В. Г. Сорокиным, играют важную роль в сюжетно-смысловой структуре произведения. В этом же ряду необходимо упомянуть пирамидку в «Метели», волшебные гвозди из редкого материала теллура в «Теллурии». В «Дне опричника» Китай будущего выступает как разработчик и экспортер наркотиков. При «употреблении китайского аквариума» Комяга с членами братства погружаются в «прекрасную», потрясающую коллективную галлюцинацию, которая сопровождается насилием и распутством. На наш взгляд,

здесь наркотическое воздействие будущего Китая на Россию можно считать пародийно-иронической репрезентацией истории о британской торговле опиумом в Китае в первой половине XIX в.

Активное потребление опиума отмечалось в Китае в XVIII в., и это тесно связано с англичанами, а конкретно с британской Ост-Индской компанией. В целях урегулирования торгового баланса и освобождения народа от вредного воздействия опиума империя Цин запрещала импортировать опиум для курения. Однако «английские торговцы активно использовали подкуп чиновников» [8, с. 141]. В первой половине XIX в. империя Цин издала более суровый закон, «который приговаривал курильщиков к смерти через повешение, а торговцев к обезглавливанию» [18, р. 65]. Подобная ситуация фигурирует и в «Дне опричника»: «В Америке за серебряных рыбок дают десять лет, а за золотых – раза в три больше. В Китае – сразу вешают... Наш Тайный приказ уж четыре года отлавливает рыбок сих. Но плывут они к нам по-прежнему из Китая сопредельного» [11, с. 93]. Суровые меры по запрету опиума привели к столкновению великобританских и китайских интересов, поскольку Великобритания рассматривала торговлю опиумом в Китае как важную финансовую поддержку своей колонизации в то время. Следствием этих разногласий стали «опиумные войны». Таким образом, абрис мира будущего намечен через авторское возвращение к истории Китая как полуколонии западных держав второй половины XIX в. С точки зрения иного хронотопа событие прошлого в сорокинском художественном воплощении рассматривалось как прихотливая фантазия, где имплицитны повторность и предвидение. Через своеобразную репрезентацию истории писатель раскрывает извечную тайну. Характеризуясь фактором экономической колонизации, Китай будущего пойдет по пути Великобритании прошлого. А Россия будущего рисуется как повторение бывшей империи Цин. Подобного рода смысл выявляется в «Дне опричника»: «...басит Борух Гросс про Америку, ставшую подсознанием Китая, и про Китай, ставший бессознательным России...» [11, с. 153].

В «Китайском цикле» В. Г. Сорокина присутствует образ Великой Русской стены, который можно воспринимать как пародийное возрождение Великой Китайской стены.

В китайской культуре Великая Китайская стена обычно символизирует твердость воли, мудрость и солидарность китайцев. Однако под пером русских литераторов она частично рассматривается как атрибут тоталитарной культуры или гротескный символ застойного периода. По мнению востоковеда В. Васильева, бывавшего в Китайской империи XIX в., Великая Китайская стена не защищает от разбойников и бунтовщиков, она существует как результат закрытости древнекитайской культуры. Китайцы «живут не для настоящего и не для будущего; все их умственные силы направлены к прошедшему» [2, с. 128]. Необходимо отметить, что такие стереотипные представления о Китае, как «упадок», «застой», «замкнутость», влияли на восприятие Великой Китайской стены многими русскими литераторами. По сути, она является воплощением культуры китайских стен, которая отсылает к традиционной феодальной культуре. Создавая уединенное и секретное пространство, культура китайских стен основана на мелком крестьянском хозяйстве [19, с. 86]. В ней отражены самодостаточность материальной жизни, консервативность культуры, изолированность и амбиции империи. Благодаря стене человек чувствует себя в относительной безопасности, на самом же деле он лишь окружен «психологической стеной», укрепляемой консервативными традициями и национальной идеологией.

Образ Великой Китайской стены в западных коннотациях проявляется через единство вымысла и истории. Принимая стену как гротескное воплощение социальных проблем, В. Г. Сорокин возрождал ее через преувеличение и иронию в художественном мире новой России. Интертекстуальность, эксплицитная в названии сорокинского образа стены, способствует размышлению о подобного рода проблемах в российской реальности.

Так, в «Дне опричника» упомянута «Западная стена», функцией которой является жесткая изоляция России от Европы. «Приличных людей, как наши выездные рассказывают, не осталось за Западной стеной... одни киберпанки арабские по развалинам ползают» [11, с. 205]. Здесь высказывание о Великой стене может вызывать ассоциацию со строками «Письма династии Минь» (1977) И. А. Бродского:

Ветер несет нас на Запад, как желтые семена
из лопнувшего стручка, – туда, где стоит Стена.
На фоне ее человек уродлив и страшен, как иероглиф,
как любые другие неразборчивые письма [1, с. 412].

В обоих текстах человек, угнетаемый и изгоняемый Великой стеной, характеризуется как вынужденный изолироваться от родного сообщества. Но если в стихотворении Бродского изгнанник оказывается одиноким, маргинальным, а результаты развития человеческой культуры уподобляются уродливому иероглифу, то в сорокинском мире будущего изгнанник уже потерял возможность жить, на смену настоящему человеку приходит бездушный, кукольный киберпанк как следствие упадка человеческой культуры на фоне технологического прогресса.

В «Дне опричника» упомянута и «Южная стена». Подразумевается, что сорокинская Россия будущего, как древняя китайская империя, будет окружена Великой стеной, пойдет по тоталитарному, замкнутому пути. А ритуальное сожжение загранпаспортов на Красной площади является отражением изоляции России от остального мирового сообщества, выявляет глубокий отпечаток влияния великих стен на российскую национальную идеологию.

В «Сахарном Кремле» строительство Великой Русской стены становится государственной программой, как новая вера, которая запечатлена в русском коллективном сознании. «Что много еще кирпичиков надобно слепить, чтобы счастье всеобщее пришло. Растет, растет Стена Великая, отгораживает Россию от врагов внешних. А внутренних – опричники государевы на куски рвут» [14, с. 15]. В. Г. Сорокин не описывает Великую Русскую стену в контексте «строительного объекта», а обращается к «процессу ее строительства» [16, р. 191]. Внимание автора уделено формированию идеологического единства русских, которое способствует определению единых врагов, угрожающих абсолютной власти Государя. В таком случае Великая Русская стена выступает как абсурдный миф. Подвергаясь его воздействию, человек убежден, что обретает полную свободу и подлинное счастье. На самом деле свобода и счастье личности ограничились именно великой деятельностью, которая, по сути, является важным инструментом движения тоталитарной государственной машины.

Самым своеобразным художественным приемом В. Г. Сорокина для создания образа Китая можно считать его выдуманный язык, основанный на базе китайского языка. В сорокинском художественном пространстве китайский язык приобретает значительный смысл, играет роль, схожую с французским в прошлом, с английским в настоящем. В мире будущего «Голубого сала» «восточные сибиряки говорят на старом русском с примесью китайского» [10, с. 10]. В конце романа даже приведен авторский словарь китайских слов и выражений: «Ба – борона, Байчи – идиот...» [10, с. 499]. Очевидно, для писателя важной составляющей китайского письма является фонетическое звучание, а не идеографическая форма. С нашей точки зрения, авторскую авангардную игру с языком можно воспринять как неизбежный результат «эпохи слуха и тактильности» (“the age of the aural and tactile”), который возникает не только в сорокинском футурологическом воображении, но и как реальность современного мира [17, р. 89]. После написания романа В. Г. Сорокин

побывал в Китае, где ему рассказали любопытную вещь: «На северо-западе Китая живут этнические русские, которые, общаясь между собой, пишут китайские слова кириллицей. Так что в романе мало что придумано» [13].

Через классификацию транслитерированных слов и фраз (с китайского на русский) в романе «Голубое сало» можно заметить, что именно экзотические выражения «вторглись» в различные области русского языка, в частности обиходные приветствия (Нинь хао – здравствуй), общеизвестные, но неофициальные названия (Лао бай син – деревенщина), ругательства (Байчи – идиот, Нимада – мать твою), названия половых органов (Гаовань – яйца), выделений (Чжи-чан – прямая кишка, Няо – моча, Табень – срать). Таким образом, китаизмы в сорокинском мире будущего отсылают к обиходным выражениям. Они выступают как свидетельство большого влияния Китая на Россию. В то же время регулярное присутствие ругательств, образов материально-телесного низа, «творимых» автором на базе китайского языка, соответствует его своеобразной эстетике уродливого и отвратительного.

В «Дне опричника» владение китайским языком приобретает новое значение – показатель принадлежности к элитам: владение китайским языком является одним из великих талантов Государя; Государыня хвалит дочь на старомодном китайском – «Ха-оханьцзы», «Минмин»; китайский язык освоили опричники; он становится необходимым навыком «престижных» профессий. Другой важный момент – пародия на стихотворение Маяковского, вспоминаемая Комягой: «Да будь я / евреем / преклонных годов, / И то – nicht zweifelnd und bitter, / Немецкий / я б выучил / только за то, / Что им разговаривал / Гитлер» [11, с. 174]. Негр выучил русский только за то, что на нем разговаривал Ленин (согласно стихотворению Маяковского, которое было написано в 1927 г.); еврей выучил немецкий, потому что на нем разговаривал Гитлер; а русский выучил китайский, потому что на нем разговаривал Государь могучей соседней страны.

Итак, путем интерпретации владения китайским как жестокого требования реальности писатель сатирически отображает одну из главных характеристик тоталитарной эпохи – культ личности.

В «Сахарном Кремле» китайский язык принят как обязательный школьный предмет. Дело в том, что перечисление остальных учебных предметов, в том числе «закона Божия», «истории России», «математики», «труда» и «хора», передает ощущение, что цель обучения в школе состоит не в гуманитарном воспитании и развитии личности, а в ограничении интуиции, стремления к свободе и самостоятельному мышлению. Таким образом, изучение китайского языка как политическое требование тоталитарной эпохи имеет ироническое звучание в сорокинском художественном мире.

Поскольку фильм «Мишень» снят по мотивам «Дня опричника», он наиболее четко изображает всестороннее проникновение китайского языка в общество русского будущего. Один из главных героев Виктор – министр природных ресурсов России – прочитал «Лао-цзы» («Дао дэ цзин»), брат героини Зои слушает радио на китайском языке. В самолете герои разговаривают по-китайски. На проспектах установлена реклама на китайском, на трассе «Гуанчжоу – Париж» (на дорожном указателе есть китайский перевод) большегрузные фуры с китайским брэндом идут непрерывным потоком и т. д.

В повести «Метель» В. Г. Сорокин уже отказался вставлять китайский язык везде, он присутствует только в финале с появлением китайцев как спасателей: китайцы спросили доктора по-русски, а обмороженный доктор пытался отвечать им на ломаном китайском языке. Кажется, что интуитивная просьба о помощи, произнесенная на китайском языке, намекает на ключевую роль китайского языка в мире будущего, а владение русским языком китайцами означает тесную связь России и Китая в этом мире.

Персонаж-иностранец является самым характерным воплощением образа «чужого» в литературных произведениях. Он частично представляется носителем национальных стереотипов, которые не только передают иностранную культуру, но и отражают национальную идеологию. Кроме того, он может быть ключевым элементом организации авторского нарратива. В сорокинском мире будущего китайцы как воплощение образа Китая занимают важное место, иногда упоминаются лишь в одном предложении, иногда им посвящается концентрированное описание. Так, в «Дне опричника» Комяга потрясен большим числом китайцев, когда проезжает по Ордынке. Подразумевается, что многочисленность китайцев вместе с вездесущим китайским производством становится показателем скорого мирового господства Китая.

В фильме «Мишень» изображены китайцы с различными характерными чертами, их можно разделить на три типа. Учительница Тайцзи Зое и старший мастер, учивший Анну (радиоведущую) китайскому языку, представлены носителями древнекитайской культуры, т. е. относятся к «высокому» типу, а китайские гастарбайтеры-нелегалы, несомненно, – к «низкому». Сцена ловли нелегалов вызывает ощущение, что Николай и Зоя просто с восторгом охотятся на диких животных. Такое впечатление усиливается, когда Зоя с Николаем откровенно занимаются сексом перед связанными нелегалами в фургоне. По сравнению с ними обычные водители китайских грузовых трейлеров как жертвы коррупции в таможене относятся к «среднему» типу.

Здесь прослеживается возвращение к российским стереотипным представлениям о Китае: «китайскому уму» (которое было популярно еще в конце XVIII в.), «неграмотным и оборотливым китайцам» (которое было сформировано в конце XIX – начале XX в.). Стоит отметить, что именно возвращение к китайской традиционной культуре является не упрощенной копией бывшего стереотипа, а новым понятием русских о реальности Китая. Китайская традиционная культура, особенно конфуцианство и даосизм, не входит в противоречие с модернизацией Китая, наоборот, способствует его развитию. Именно поэтому изображенная в фильме элита так или иначе интересуется китайской культурой, но ее сознание «колониалистское и одновременно барское, презрительное по отношению к любым "плебейам"» [4, с. 114]. В таком случае можно согласиться с мнением А. М. Лобина, который отмечает, что культурная и экономическая экспансия Китая при всей ее масштабности все же не затрагивает фундаментальных основ российского бытия [6, с. 111].

Наиболее своеобразный и конкретный образ китайца появился в повести «Метель», в финале которой китайцы выступают как спасатели и наделены такими качествами, как высокомерие, безразличность. Перед мертвым Перхушой и доктором, у которого отморожены ноги, они беспардонно хватали малых лошадей и совали их в свой мешок. «– Ты же уже знаешь, Хьюн, мой конь не любит мертвецов, – усмехнулся старший и с гордой полуулыбкой кивнул назад» [12, с. 218]. Чванство и особое положение китайцев ярко показаны в авторском контрастном описании малых лошадей Перхуши и огромном коне старшего китайца: первые не больше куропатки, а второй высотой с трехэтажный дом. Более того, старший китаец приказал обыскать мертвого Перхушу, кинул ключ от конюшни, которая была драгоценностью Перхуши. У этих китайцев забота и любовь уступают место материальной выгоде. В сорокинском художественном мире они не только играют роль спасателей, но и выступают как опасные фигуры. В последнем сне Перхуша увидел прошлое: когда он был мальчиком, сжег добротный дом отца и куколку большой бабочки, поэтому рано ушел из отцовской семьи. А главной причиной этой катастрофы стали китайские петарды. Именно описание сна символизирует китайскую угрозу, опасность которой давно появилась в российских стереотипных представлениях и продолжает существовать в новой реальности.

Выводы. Образ Китая занимает значительное место в художественном пространстве В. Г. Сорокина, которое отличается гротескным изображением будущего. Этот образ не только включает в себя результат рецепции таких стереотипных представлений, как «китайская мудрость», «китайская угроза», но и приобретает совсем новые смыслы. В «Голубом сале», «Мишени», «Дне опричника», «Сахарном Кремле» и «Метели» Китай представляется технологическим лидером с вездесущим китайским производством, разработчиком и экспортером наркотика, особое внимание уделяется феномену изучения и модификации китайского языка, возрождению Великой стены и присутствию китайцев в каждом произведении. Образ Китая создается с помощью авторских художественных приемов, в частности, гротеска, пародии, иронии, интертекстуальности, репрезентации истории и мифа. Совмещая в себе реальный и футурологический взгляд, данный образ предстает в качестве постмодернистского зеркала. Через это зеркало писатель раскрывает острые российские социальные проблемы своего времени, показывает возможные опасности пути России, это особенно касается таких понятий, как «тоталитарность», «технологический прогресс» и «экономический прирост».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродский И. А. Малое собрание сочинений. – СПб. : Азбука, 2017. – 880 с.
2. Васильев В. П. Воспоминания о Пекине // Китай у русских писателей. – М. : Алгоритм, 2008. – С. 111–140.
3. Генис А. А. Страшный сон как подсознание русской литературы // Общая газета. – 1999. – № 27. – С. 9–12.
4. Кукулин И. В. Техногенная матка истории (Заметки о происхождении ключевого образа в фильме А. Зельдовича и В. Г. Сорокина «Мишень») // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 1. – С. 206–226.
5. Ланин Б. А. Новая старая литературократия: Сорокин и Пелевин в борьбе с традициями // Ценности и смыслы. – 2015. – № 6 (40). – С. 111–123.
6. Лобин А. М. Концепция истории В. Сорокина и ее художественная репрезентация в повести «День опричника» // Известие Саратовского университета Новая серия. Серия. Филология. Журналистика. – 2017. – № 1. – С. 109–113.
7. Марусенков М. П. Заумный язык в романе Владимира Сорокина «Голубое сало» как средство отражения социокультурной ситуации в России 1990-х годов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2012. – № 1. – С. 222–226.
8. Петров Г. Ю. Опиумные войны и легализация наркопотребления в Китае нового времени // Историко-экономические исследования. – 2008. – № 2. – С. 140–150.
9. Понкратова Е. М., Тараканова Д. А. Китай в восприятии Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 462. – С. 49–55.
10. Сорокин В. Г. Голубое сало. – М. : АСТ, 2017. – 512 с.
11. Сорокин В. Г. День опричника. – М. : АСТ, 2019. – 240 с.
12. Сорокин В. Г. Метель. – М. : АСТ, 2021. – 224 с.
13. Сорокин В. Г. Мы все отравлены литературой : интервью [Электронный ресурс]. – URL : <http://srkn.ru:8080/interview/arba.shtml> (дата обращения: 13.10.2021).
14. Сорокин В. Г. Сахарный Кремль. – М. : АСТ, 2019. – 256 с.
15. Хабибуллина М. Н. «Очарованность Китаем»: образ транскультурного будущего в творчестве В. Г. Сорокина // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. – 2014. – № 4. – С. 68–77.
16. Greiner B. Hinübergehen in das Bild und Errichten der Grenze: der Mythos vom chinesischen Maler bei Bloch und Benjamin und Kafkas Erzählung „Beim Bau der chinesischen Mauer“ // Zeichen Lesen, Lese-Zeichen: kultursemiotische Vergleiche von Leseweisen in Deutschland und China. – Tübingen, 1999. – P. 175–199.
17. McLuhan declared 1994 (1964) / David Howes, Constance Classen. Ways of Sensing: Understanding the Senses In Society. – N. Y : Routledge, 2013. – P. 208.
18. Rowntree J. The Imperial Drug Trade. – London : Methuen and Co, 1905. – 364 p.
19. 高丽然. 浅析中国“围墙文化”. 长江丛刊, 2016第18期: 86–87. (Гао Лижан. Анализ культуры китайских стен // Вестник Чанцзян. – 2016. – №18. – С. 86–87.).

Статья поступила в редакцию 08.11.2021

REFERENCES

1. Brodskij I. A. Maloe sobranie sochinenij. – SPb. : Azbuka, 2017. – 880 s.
2. Vasil'ev V. P. Vospominaniya o Pekine // Kitaj u russkikh pisatelej. – M. : Algoritm, 2008. – S. 111–140.
3. Genis A. A. Strashnyj son kak podsoznanie russkoj literatury // Obshchaya gazeta. – 1999. – № 27. – S. 9–12.
4. Kukulin I. V. Tekhnogennaya matka istorii (Zametki o proiskhozhdenii klyuchevogo obraza v fil'me A. Zel'dovicha i V. G. Sorokina «Mishen'») // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2013. – № 1. – S. 206–226.
5. Lanin B. A. Novaya staraya literaturokratiya: Sorokin i Pelevin v bor'be s tradiciyami // Cennosti i smysly. – 2015. – № 6 (40). – S. 111–123.
6. Lobin A. M. Konceptiya istorii V. Sorokina i ee hudozhestvennaya reprezentaciya v povesti «Den' oprichnika» // Izvestie Saratovskogo universiteta Novaya seriya. Seriya. Filologiya. Zhurnalistika. – 2017. – № 1. – S. 109–113.
7. Marusenko M. P. Zaumnyj yazyk v romane Vladimira Sorokina «Goluboe salo» kak sredstvo otrazheniya sociokul'turnoj situacii v Rossii 1990-h godov // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya. – 2012. – № 1. – S. 222–226.
8. Petrov G. Yu. Opiumnye vojny i legalizaciya narkopotrebleniya v Kitae novogo vremeni // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. – 2008. – № 2. – S. 140–150.
9. Ponkratova E. M., Tarakanova D. A. Kitaj v vospriyatii F.M. Dostoevskogo // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2021. – № 462. – S. 49–55.
10. Sorokin V. G. Goluboe salo. – M. : AST, 2017. – 512 s.
11. Sorokin V. G. Den' oprichnika. – M. : AST, 2019. – 240 s.
12. Sorokin V. G. Metel'. – M. : AST, 2021. – 224 s.
13. Sorokin V. G. My vse otravleny literaturoj : interv'yu [Elektronnyj resurs]. – URL : <http://srkn.ru:8080/interview/arba.shtml> (data obrashcheniya: 13.10.2021).
14. Sorokin V. G. Saharnyj Kreml'. – M. : AST, 2019. – 256 s.
15. Habibullina M. N. «Ocharovannost' Kitaem»: obraz transkul'turnogo budushchego v tvorchestve V. G. Sorokina // Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya. – 2014. – № 4. – S. 68–77.
16. Greiner B. Hinübergehen in das Bild und Errichten der Grenze: der Mythos vom chinesischen Maler bei Bloch und Benjamin und Kafkas Erzählung „Beim Bau der chinesischen Mauer“ // Zeichen Lesen, Lese-Zeichen: kultursemiotische Vergleiche von Leseweisen in Deutschland und China. – Tübingen, 1999. – P. 175–199.
17. McLuhan declared 1994 (1964) / David Howes, Constance Classen. Ways of Sensing: Understanding the Senses In Society. – N. Y. : Routledge, 2013. – P. 208.
18. Rowntree J. The Imperial Drug Trade. – London : Methuen and Co, 1905. – 364 p.
19. 高丽然. 浅析中国“围墙文化”. 长江丛刊, 2016第18期 : 86–87. (Gao Lizhan. Analiz kul'tury kitajskih sten // Vestnik Chanczyan. – 2016. – №18. – S. 86–87.).

The article was contributed on November 8, 2021

Сведения об авторе

Чжан Исянь – аспирант кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-2619-1485>, avaitor1@mail.ru.

Author Information

Zhang Yixian – Post-graduate Student, Department of History of Russian Literature, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-2619-1485>, avaitor1@mail.ru

А. С. Шарипова

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕМЫ СУДЬБЫ НАРОДА
В ПЬЕСЕ «БИЧУРА» («ДОМОВОЙ») МАНСУРА ГИЛЯЗОВА***Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей художественного воплощения темы судьбы народа в драме Мансура Гилязова «Бичура» («Домовой», 1988–1989). В исследовании анализируются использованные драматургом художественные приемы и средства, способствующие раскрытию темы судьбы народа в контексте национальной поэтической картины мира. В качестве методов исследования применялись культурно-исторический и герменевтический методы, метод целостного анализа художественного произведения. Исследование показало, что создание сложных характеров, рассмотрение национальных и общечеловеческих ценностей в общей связке, своеобразное авторское отношение к изображаемым событиям позволили драматургу сформировать новый философский взгляд на историю прошлого столетия. Основным мотивом пьесы становится мотив утраты – утраты исторической памяти, национального менталитета, связи между поколениями. Основная идея пьесы заключается в том, что только благодаря возрождению национального самосознания, возврату к корням и традиционным ценностям можно достичь гармонии в мире. Углубление и расширение содержания произведения происходит за счет мифологизации и символизации. Мифологические и символические (авторские символы и традиционные символы) образы становятся инструментами интертекстуальной связи пьесы с татарской литературой начала XX века и 1960–1980-х годов. Автор использует узнаваемые символы, которые активно применялись в татарской литературе начала XX века при изображении прошлого, а диалог с литературой 1960–1980-х годов нацелен на перспективу. Прием интертекстуальности позволяет мифологизировать прошлое и будущее народа.

Ключевые слова: татарская драматургия, Мансур Гилязов, драма, символ, мифология, мотив, интертекстуальность, тема

А. S. Sharipova

**ARTISTIC EMBODIMENT OF THE THEME OF THE PEOPLE' FATE
IN THE PLAY "BICHURA" ("BROWNIE") BY MANSUR GILYAZOV***G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia*

Abstract. The article is devoted to the study of the features of the artistic embodiment of the theme of the fate of the people in Mansur Gilyazov's drama "Bichura" ("Brownie", 1988–1989). The study analyzes the artistic techniques and means used by the playwright to help reveal the theme of the fate of the people in the context of the national poetic picture of the world. The research methods employed in the study were cultural-historical and hermeneutic methods, the method of holistic analysis of a literary work. The study showed that the creation of complex characters, consideration of national and universal values in a common bundle, a peculiar author's attitude to the depicted events allowed the playwright to form a new philosophical view of the history of the 20th century. The main motif of the play is the motive of loss – the loss of historical memory, national mentality, connection between generations. The main idea of the play is that only through the revival of national consciousness, a return to the roots and traditional values can harmony be achieved in the world. The deepening and expansion of the content

of the work is due to mythologization and symbolization. Mythological and symbolic (author's symbols and traditional symbols) images become instruments of the intertextual connection of the play with the Tatar literature of the early 20th century and the 1960s–1980s. The author uses recognizable symbols that were actively used in the Tatar literature of the early 20th century, when depicting the past, and the dialogue with the literature of the 1960s–1980s is aimed at the future. The technique of intertextuality contributes to mythologizing the past and future of the people.

Keywords: *Tatar drama, Mansur Gilyazov, drama, symbol, mythology, motif, intertextuality, theme*

Введение. Татарская драматургия конца XX века характеризуется существенным обогащением тематики за счет обращения к ранее табуированным темам и мотивам, расширения круга проблематики, а также экспериментов в отношении подачи сюжета и композиции, разнообразия характеров. Развитие национального самосознания, переоценка исторического прошлого, изменение ценностных ориентиров и общественных идеалов становятся предпосылкой для выдвижения на передний план тем о судьбе народа в истории страны, о ее нынешнем состоянии и будущем, о предназначении отдельного человека в обществе и жизни народа.

Как справедливо утверждает Л. Х. Давлетшина, осознание кризисного характера рубежа веков, утрата ценностных ориентиров, распад целостной картины мира становятся историко-культурными предпосылками тесного контакта мифологии и литературы, что приводит к активному экспериментированию в процессе творчества [5, с. 20]. По мнению В. Р. Аминовой, «исторические предания и легенды, позволяя раскрыть непреходящий смысл устойчивых, архаических форм поведения, становятся генератором раздумий о злободневных вопросах современности, о судьбах национальной традиции в их соотнесенности с прошлым, настоящим и будущим» [1, с. 13].

Эти характерные особенности татарской сценической литературы постперестроечного периода нашли наиболее полное отражение в творчестве татарского драматурга Мансура Гилязова (1961 г. р.). Как утверждает А. М. Закирзянов, «у него свой индивидуальный стиль, выражая через детали и удачно подобранные символы неожиданные стороны жизни, он вселяет в душу зрителя надежду, а порой может больно ущипнуть задремавшего» [11, с. 161]. Мы согласны с мнением Ф. Х. Миннуллиной, что многие пьесы автора «воспринимаются в татарской сценической литературе как новое слово, литературно-эстетическая находка» [13, б. 478], среди них особое место занимает драма «Бичура» («Домовой», 1988–1989).

Целью настоящего исследования является определение особенностей художественного воплощения темы судьбы народа в драме Мансура Гилязова «Бичура» («Домовой», 1988–1989). Теоретической базой статьи послужили исследования В. Р. Аминовой (Аминева, 2012), А. Г. Ахмадуллиной (2012), Д. Ф. Загидуллиной (Загидулина, 2016), А. М. Закирзянова (Закиржанов, 2010; 2021), Ф. Х. Миннуллиной (Миннуллина, 2021) и др., отражающие особенности развития татарской драматургии рубежа XX–XXI веков и затрагивающие отдельные аспекты творчества М. Гилязова, а также научные труды Л. Х. Давлетшиной (2005; 2018), М. И. Ибрагимова (2003), посвященные проблемам мифологизма в татарской литературе.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования заключается в подходе к изучению пьесы с точки зрения анализа использованных автором художественных приемов и средств, таких как мифологизация и символизация, способствующих проявлению темы судьбы народа в драме. Научная новизна обусловлена выбранным ракурсом исследования и состоит в раскрытии темы судьбы народа в контексте национальной поэтической картины мира.

Материал и методы исследования. Исследование выполнено на материале пьесы «Бичура» («Домовой») Мансура Гилязова [4]. В качестве методов исследования применялись культурно-исторический и герменевтический методы, метод целостного анализа художественного произведения.

Результаты исследования и их обсуждение. Пьеса «Бичура» («Домовой», 1988–1989) Мансура Гилязова является одним из первых успешных примеров обращения в татарской драматургии постперестроечного периода к модернистским приемам. Как справедливо отмечает А. Г. Ахмадуллин, «в произведении при помощи смещения реалистических и мифологических образов освещаются проблемы, имеющие место в современной жизни: исчезновение татарских деревень, забвение национальных традиций» [2, с. 491]. Глубоко национальный художественный материал передается литературными приемами через символические образы и метафоры, архитипы и мифологемы путем сплетения реального и ирреального пластов изображения. По мнению А. М. Закирзянова, «в пьесе, которую сам автор, не уточняя жанр, назвал как "поучительные истории", ставится цель изображения двух сторон человеческой души – надежды и отчаяния, света и тьмы, добра и зла, верности и коварства» [10, б. 35]. Продолжая эту мысль, хотим отметить, что размышления об этих метафизических категориях направлены на возрождение самосознания и мировоззрения народа, национальных канонов и демифологизации советского прошлого.

В пьесе «Бичура», относящейся к жанру драмы, изображаются события последних дней жизни семидесятилетнего старика Аксак (дословный перевод – Хромой), проживающего в некогда состоявшей из ста семидесяти домов, а сейчас полностью опустевшей деревне. Произведение начинается со встречи Аксак в собственном дворе с Кара жаннар (Шәүләләр) – Черными силами (Тенями), ломающими калитку и ворота, и с Бичурой (Домовым), вовремя пришедшим ему на помощь. Встреча главного героя с персонифицированными мифологическими персонажами, возникшими в его сознании, воспринимается читателем/зрителем как «противостояние хаотического и гармонизирующего начал, образным выражением которых становятся Бичура и Кара жаннар, в душе героя» [16, с. 125], вдруг осознавшего бессмысленность прожитых лет и серьезно задумавшегося о своем прошлом, настоящем и будущем.

В пьесе присутствуют два пласта изображения – это реальный и ирреальный миры. В результате условно-фантастической тяжбы с Кара жаннар, душевных диалогов с Бичурой Аксак осознает, что провел свою жизнь «с закрытыми глазами», поверив иллюзиям и побоявшись увидеть происходящее вокруг себя. У главного героя нет конкретного имени. Автор, называя только по прозвищу Аксак (Хромой), приобретенному в годы войны из-за проявления страха во время нападений на врага, представляет его в качестве собирательного образа жертв тоталитарного прошлого, напуганных существующей идеологией и не имеющих права на свое мнение:

«А к с а к. ... Менә без синең белән дөньялыкта яшәдек. Озак яшәдек. Җитмешәр ел!.. Без күчкәннән соң дөнья йөзәндә ни кала? Тормыш каламы? Иман каламы? Юкка яшагәнбез, күрше, гомерне бушка исраф иткәнбез. Кеше күңелләрендә калырлык изгелек кылмадык, тормышны чәнти бармак кадәр дә алга җибәрмәдек. Киресенчә, ул гел артка тәгәрәде, аска, адәм ашып чыга алмаслык укынга, өметсезлеккә. Югыйсә уйлап бак: син дә, мин дә таңнан төнгәчә бил бөгеп кырда тир түктөк! Бергәләп колхоз, колхоз дип җәенебезне өздөк. Чакыргач сугышка бардык! Сугыштык! Җиңдек! Алны-ялны белмәдек, эшләдек тә эшләдек... Кем безне тырышмаган дип әйтә ала?.. Ә бездән соң ни кала?! (...) Җитмеш ел тырышып, газәпләнгән, җәдбер-җәфалар чигеп олы юлга чыга алмадыкмы без?!» [4, б. 61] / «А к с а к. ... Вот мы с тобой жили в этом мире. Долго жили. По семьдесят лет!.. Что останется на этой земле, когда мы перейдем в мир иной? Жизнь? Вера? Мы с тобой, оказывается, жили впустую, сосед, и жизнь потратили зря. Мы не совершали добра,

которое осталось бы в душе людей, не продвинули мир вперед даже ни на мизинец. Напротив, он постоянно откатывался назад, вниз, в пустоту. Сам подумай: и ты, и я с рассвета до заката трудились на поле! Мы вместе старались ради колхоза. Когда позвали, ушли на войну! Воевали! Победили! Не думали об отдыхе, работали и работали... Кто сможет сказать, что мы не старались?.. А что остается после нас?! (...) Семьдесят лет упорно трудились, замучались, но смогли ли мы выйти на большой путь?!» (здесь и далее перевод автора статьи. – А. Ш.).

Ответы на вопросы Аксака заложены в словах Хатына (дословный перевод – Женщина), его жены, которые звучат как оценка советского общества и показывают трагедию не только отдельной личности, но и всего народа в целом:

«Х а т ы н. ... Син миңа шуны айт алайса: кем бездән рәхәтрәк, яхишырак яшәде? Ачлыктан кырылган авылдашлармы? Сугышта ятып калганнармы? Әнә исемнәре язылган багана чокырда аунап ята. Бәлки чит жирләргә китеп барганнар бездән бәхетлерәктер? Юк, юк, мең мәртәбә юк, киткәннәр дә бәхет татымады» [4, б. 69] / «Х а т ы н. ... Тогда ты скажи мне: кто жил лучше нас? Умершие от голода односельчане? Погибшие в бою? Вон, столб, на которых написаны их имена, валяется в овраге. Может быть, счастливее нас те, кто уехал в чужие края? Нет, нет, тысячи раз нет, и те, кто ушел, не смогли познать счастья».

Включение драматургом символического образа разрушенной ограды, ассоциирующегося с политическими рамками и ограничениями, направлено на деконструкцию мифа предшествующего строя общества о счастливой жизни:

«Х а т ы н. Хәзер койма безгә нәмәстәгә? Аусын, эҗимерелсен – кирәге бетте. Кем күзеннән койма артына качып калырга җыенасың? Күрше-тирәдә берәр киртә-корта, койма калганмы? Авылда бер торык киртә, бер колач койма күрәсеңме син? Череп аудылар, беттеләр коймалар. Кирәкләре дә шулкадәр генә иде! Жәбер-жәфалардан саклап, бала-казалардан ышыклап тора алдымы коймаларың?!» [4, б. 57] / «Х а т ы н. Теперь нам забор зачем нужен? Пусть ломается, рушится – уже нет надобности. Ты собираешься спрятаться за забором от чьих-то глаз? Остались ли по соседству какие-нибудь заборы? Видишь ли ты в деревне какую-нибудь ограду? Прогнили, упали они! Да и не нужны были они! Разве они смогли уберечь нас от гнета и бедствий?!».

Разочарования Хатына ярко проявляются и в сравнении жизни на земле и потустороннего мира («Чардугансыз ярамый. Дөнъялыкта тынычлык күрмәдем, анда тыт-тыныч ятасым килә. Баш өстемә баса-баса йөрмәсеннәр» [4, б. 57] / «В могиле без ограды нельзя. В этом мире я не видела покоя, а там хочу лежать спокойно. Пусть не ходят по моей голове»). Пожелавшая избавиться при жизни от имеющихся рамок героиня, наоборот, хочет оградить свою могилу от внешнего мира и надеется на покой только после смерти.

Структура конфликта в пьесе сложная, она включает внутренний и внешний конфликты. Внутренний конфликт заключается в противостоянии, борьбе мыслей самого Аксака, выражающихся через мифологические образы Бичуры и Кара жаннар. Как отмечают Н. М. Юсупова и М. И. Ибрагимов, «образ Бичуры становится символом стремления к красоте, духовности, веры; Кара жаннар – безобразного, бездуховности. Столкновение этих полярных сил и придает конфликту пьесы онтологический характер. В то же время в этом столкновении проявляется и социальный аспект. С этой точки зрения, Бичура – хранитель нации, Кара жаннар – силы, уничтожающие национальную основу, разрушающие национальное единство» [16, с. 125].

Встреча с Бичурой, символизирующей светлые мысли главного героя как надежда и вера в будущее, заставляет задуматься Аксака о необходимости продолжения рода, сохранении родного очага:

«Б и ч у р а. Үлсәгез дә нигез калырга тиеш, нигез! Яңа кешеләр, бүтән буыннар килер. Мин алар белән гомер итәрмен.

А к с а к. Сез, бичуралар, үлмисезме?

Б и ч у р а. Нигез бетсә, бичура да үлә» [4, б. 72] /

«Б и ч у р а. Если вы и умрете, фундамент дома должен оставаться, фундамент! Придут новые люди, новые поколения. Я с ними буду жить.

А к с а к. Вы, домовые, не умираете?

Б и ч у р а. Если фундамент дома разрушается, то и домовой умирает».

Явление интертекстуальности позволяет символ «фундамента дома» рассматривать не только по отношению к дому Аксака, но и относительно судьбы народа и будущего страны. По мнению А. Д. Батталовой, «внутренний конфликт, составляя связку дом – деревня – страна, служит наиболее насыщенной оценке жизни» [3, б. 142]. Фундамент дома ассоциируется с основой национальной идентичности. Таким образом, как замечает исследователь, «национальные традиции представляются силой, противостоящей тоталитарной идеологии» [3, б. 152]. Подобная картина наблюдается в татарской литературе начала XX века, затрагивающей национальную проблематику: если в произведениях авторов далекого прошлого образ жизни, исламские запреты, обряды и праздники, мировоззрение и ментальность татар, выражаемые через символ дома, выступают как возможность сохранения национальной идентичности и даже самого этноса от ассимиляции (Г. Исхаки и др.), то в конце века разрушение «дома» – этих же ценностей, в основном связывается с установками советской системы и служит демифологизации «красной» идеологии. Интертекстуальная связка, осуществляемая при помощи узнаваемого символа, в свою очередь мифологизирует национальный образ жизни татар досоветского времени.

В финальном действии пьесы навсегда уходит Бичура, разрушается крыша дома Аксака, что символизирует в узком смысле угасание надежды в душе старика, а в широком смысле – несовершенство мира. После исчезновения Бичуры начинают торжествовать Кара жаннар, и старик, в душе которого остается только злость и обида, сам превращается в одного из них. Его резкость и злость проявляются в диалоге с соседкой, которая, потеряв в годы войны мужа и семерых сыновей, лишилась рассудка и провела всю свою жизнь в поисках несуществующих гуся и семерых гусят, что приводит ее к отчаянию, а в результате и к смерти. После слов Аксака соседка бросает свою палку (символ ее последней надежды и опоры), которую она держала в руках в течение тридцати лет, и покидает этот мир, разочаровавшись во всем.

Слова Аксака, обращенные к Соседу, также звучат жестоко: *«Синең йортың юк шул, күрше. Бу хужалык, нигез синеке түгел, хатының да үзеңкеке түгел шул. (...) Ә синең ... утыз ел яшәп бер тапкыр да жырың яңгырамады... (...) Ят кеше син безнең өчен, ят кеше. Ә Гарифулла асыл күршемнең бичурасы аның вафаты көнне һалак булгандыр...» [4, б. 92] / «У тебя же нет своего дома, сосед. Это хозяйство, этот фундамент не твои, и жена не твоя. (...) А у тебя ... за тридцать лет существования ни разу не звучала собственная песня... (...) Чужой ты для нас, чужой. А домовой моего прекрасного соседа Гарифуллы, видимо, погиб в день его смерти...».* Включив этот мотив, автор поднимает серьезную проблему, связанную с сохранением своих «корней» и преданностью своему роду. Отсутствие в соседском доме собственного домового объясняется тем, что Курше – случайный житель этой деревни, не имеющий тут ни своего прошлого, ни своего будущего. Несмотря на то что в финале пьесы промелькает оптимистический мотив, связанный со встречей соседа со своим домовым, читателя/зрителя это уже не обнадеживает.

Таким образом, драма характеризуется глубоким психологизмом, направленным на раскрытие тайн человеческой души. Как пишет А. М. Закирзянов, «основная философская мысль драматурга, которую он хотел донести до читателя-зрителя, заключается в том,

что путь к переменам-обновлениям начинается в душе самого человека, поэтому прежде всего нужно стремиться к самопознанию и жить с надеждой, побеждая злого духа в душе» [10, б. 38]. Стирание границ между реальностью и ирреальностью в произведении дает ключ к пониманию понятия «смысл жизни», а принцип бинарности, являющийся структурообразующим, выводит читателя/зрителя к таким этическим и эстетическим антиномиям, как добро и зло.

Внешний конфликт – между Аксаком и окружающими его людьми – направлен на раскрытие серьезных проблем современности, таких как исчезновение деревень, непонимание между поколениями, алкоголизм, идентифицирующихся потерей исторической памяти, национальных ценностей, разрушением национального самосознания. Кардинальные изменения ценностных ориентиров («*Иске тормышны жимердек. Яңасына юл таба алмадык, жимерекләр арасында гомеребез үтте. (...) Балалар безне аңламады. Аңламас та, чөнки без алар кузе каршында жимерүчеләр булып кына исәпләнәбез*» [4, б. 88] / «*Старую жизнь разрушили. К новой уже не смогли найти дорогу, вся жизнь прошла среди развалин. (...) Дети нас не поняли. И не поймут, потому что мы в их глазах выглядим только как разрушители*»), расхождения во взглядах на жизнь стали предпосылкой разрыва связи между поколениями. В произведении эта проблема раскрывается через изображение отношений Аксака и Хатына со своими детьми. Несмотря на приглашение матери, сыновья Аксака даже не приезжают к родителям, а направляя в деревню лишь своих жен. Образы Гульнары и Руфии, как и их супругов, представляются собирательными образами представителей современного общества, для которых чужды понятия нравственности и уважения к старшему поколению. Оставляет место для надежды только образ младшей снохи Наили, отличающейся добротой и милосердием, несмотря на то что и она оторвалась от национальных традиций (сыграли свадьбу без приглашения родителей, ждет ребенка вне брака). Равнодушие ко всему окружающему, черствость души этих героев подтверждаются сценой их встречи с Бичурой, пришедшим в качестве Мосафира (дословный перевод – Путник). Этот момент воспринимается как индикатор человечности героев. Необходимо отметить стилизацию мифологического образа старца-путника, вплетенного в сюжет пьесы, под Хызыра Ильяса, «в многочисленных легендах, сказках, обрядах мусульманских тюркоязычных народов предстающего как вечный путник, старый скиталец, одаряющий и наказывающий, одними из основных функций которого являются готовность в крайней ситуации помочь нуждающимся в нем людям, наказание за отказ в помощи или наделение удачей и богатством тех, кто проявляет доброту к случайно забредшему нищему, прогнозирование будущего» [6, с. 453].

Много лет назад пришедший на помощь Аксаку Мосафир в критической для него ситуации, связанной с возможным разладом в их семье ввиду его безрассудства, вновь является к ним, надеясь на возрождение в душе жен их сыновей милосердия. Отказ героинь в помощи путнику и оскорбление старика символизируют отрыв представителей молодого поколения от народных традиций и религиозных устоев, что воспринимается как последствие атеистического периода жизни, в ходе которого были вычеркнуты все национальные и религиозные ценности.

Таким образом, в произведении «современный мир выступает как своего рода антимир, в котором царит безнравственность, обнаруживающая себя во всех сферах жизни» [16, с. 124] («*Г ө л н а р а. Ниһаять, аңыштык: без жүләрләр дөньясында икәнбез. (...) Әйттем бит – жүләрләр дөньясы. Кеше кешене аңламый. Кеше кешене яратмый! Бөтен халык акылдан язган! Тормыш дисәң дә тормыш! Туктагыз, нигә болай караңгы? Ут яндырырга кирәк, ут!*» [4, б. 88] / «*Наконец-то, поняли: мы, оказывается, находимся в сумасшедшем доме*» (...) *Говорю же – сумасшедший дом. Весь народ сошел с ума! Человек человека не понимает! Человек человека не любит! Весь народ сошел с ума! Ну и жизнь! Остановитесь, почему так темно? Свет нужно включить, свет!*»). Изображение образовавшегося внутри

человека, внутри общества хаоса, называемого персонажем «тьмой», дает возможность драматургу поднять проблему отчужденности людей, утративших нравственные ориентиры. Фраза «Свет нужно включить, свет!» указывает на интертекстуальную связь с повестью А. Еники «Әйтелмәгән васыять» (1965). Повесть затрагивает те же проблемы, которые вышли на первое место в драме М. Гилязова: разрыв между поколениями, потеря национальной идентичности, этнических традиций и т. д. В конце повести, в сильной позиции, один из представителей старшего поколения, старик Миннебай, проходя мимо дома главной героини покойной Акэби, просит поддерживать огонь в ее очаге [7, б. 44]. Исследователи творчества А. Еники уделяют особое внимание этому символу. В частности, Ф. М. Хатипов и Р. Х. Сверигин указывают, что «огонь», ставший лейтмотивом в произведении, – это народные традиции [14, б. 30]. М. И. Ибрагимов подчеркивает, что символ «связан с надеждами автора на возрождение нации» [12, с. 37]. В связке с произведением А. Еники слова Гульнары М. Гилязова обретают более глубокую семантику: национальная идентичность и этнические традиции понимаются как высшие ценности, в которых заключена смысл бытия. Потеряв их, человек теряет ориентиры, так как попадает в «темноту», в хаос одиночества. Передаваемый из поколения в поколение «огонь» (свет и тепло) становится связующим звеном между эпохами, укладами жизни, нравственными приоритетами.

Особого внимания требует образ Хатына, представляющий в пьесе собирательный образ татарской женщины, бережно хранящей свой родной очаг. Несмотря на то что на первый взгляд она кажется равнодушным и жестоким человеком, героиня отличается от других персонажей своей терпеливостью и разумностью. Условный символ телеги, стоящей во дворе, служит раскрытию характерных особенностей Хатына, таких как трудолюбие и усердие, и указывает на сложность и тяжесть ее судьбы («Бездән башка бу арбань кем өстерәсен?» [4, б. 80] / «Кто будет тащить эту телегу, кроме нас?»). Сохранив в своей душе светлые мысли, заложенные с детства, – Бичуру – Хатын обрела истинную мудрость, позволившую остаться верной своим взглядам и убеждениям. Использование перцептуальных хронотопов воспоминаний, размышлений становится средством раскрытия психологии героини.

Здесь обращает на себя внимание еще один символ – символ труппы (харабэләр), который стал одним из знаковых в татарской литературе начала XX века, неся в себе семантику безверия, потери всяких надежд в результате социокультурных изменений [8, с. 64–65]. В драме символ окрашен, скорее всего, в социально-политические тона, что указывает на хаотическое состояние в обществе как результат бесчинств советской идеологии.

Для раскрытия философской проблематики немаловажное значение приобретает использование автором сакрального для татарского народа символического образа коня. Как пишет Н. М. Юсупова, «в татарском фольклоре конь является самым важным атрибутом юноши, это образ-символ храбрости, семантическая схема, восходящая к эпохе древних гуннов. В сказках юноша, потерявший коня, обречен на несчастье, в народных песнях “крылья мужчины – конь”, в пословицах конь уподобляется мужскому сердцу» [15, с. 241]. В пьесе М. Гилязова этот символический образ наполнен значением стремления к новой жизни. Главный герой Аксак, решив построить новый дом, первым делом покупает коня, но при возвращении домой он падает с него. На слова Аксака, произнесенные с горестью: «Яңа, зур тормышны күрәсем килгән иде. Егылдым да төштем шул! Картаелган күрәсем...» [4, б. 81] / «Хотелось увидеть новую, большую жизнь. Взял и упал! Постарел, видимо...», звучит ответ его жены: «Кояшыбыз баеды. Дөнъябызның кырык чөе кырылды. Соңга калдык, әтисе» [4, б. 81] / «Наше солнце взошло. Наш мир рухнул. Опоздали, отец», акцентируя внимание на том, что слишком поздно был осознан смысл жизни и время уже

утрачено. В финале пьесы слова Бичуры об ожидаемой трагедии сбываются. Произведение заканчивается смертью главных героев и разрушением Темными силами их дома, а на земле продолжается хаос.

Таким образом, переплетение реального и мифологического, направленное на размышление о временных и вечных понятиях, стало главным художественным принципом в драме. Основным мотивом пьесы становится мотив утраты – утраты исторической памяти, национального менталитета, связи между поколениями. Как отмечает Д. Ф. Загидуллина, «в татарской литературе «Гасыр моңы» З. Хакима, «Бичура» М. Гилязова и ряд других драм стали первыми произведениями, полностью построенными на фундаменте народного эпоса и использующими его для одновременного воссоздания нескольких текстов-историй, и при их помощи – главного авторского мифа об истории татар XX века» [9, с. 13].

Выводы. В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Приемы мифологизации и символизации, становясь ведущими художественными приемами в драме «Бичура» («Домовой») Мансура Гилязова, раскрывающей тему судьбы народа, создают возможность для углубленного рассмотрения проблем прошлого, настоящего и будущего как отдельного человека, так и общества в целом. Создание сложных характеров, рассмотрение национальных и общечеловеческих ценностей в общей связке, своеобразное авторское отношение к изображаемым событиям позволили драматургу сформировать новый философский взгляд на историю прошлого столетия. Внимание драматурга заостряется на нравственных терзаниях персонажей, осознавших ложность идеалов целого народа, страны, и их поисках смысла жизни. Основным мотивом пьесы становится мотив утраты – утраты исторической памяти, национального менталитета, связи между поколениями.

Использование мифологических мотивов, выступающих в роли генетического кода в структуре реалистического произведения, обращение к мифологическим персонажам, сплетение реального и ирреального пластов изображения, стремление к архетипичности, показ пограничного состояния героев становятся предпосылкой для воссоздания образа антимира, возникающего в результате «диалога с хаосом». Основная идея пьесы заключается в том, что только благодаря возрождению национального самосознания, возврату к корням и традиционным ценностям можно достичь гармонии в мире. Обращение к мифологии выводит на первый план архаические образы, бережно хранящиеся в историческом сознании народа. Они становятся инструментами интертекстуальной связи произведения с татарской литературой начала XX века и 1960–1980-х годов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аминев В. Р. Национальные литературы республик Поволжья как «межлитературная общность» // Национальные литературы республик Поволжья (1980–2010 гг.) : колл. монография / науч. ред. В. Р. Аминев. – Барнаул : ИГ «Си-пресс», 2012. – С. 5–13.
2. Ахмадуллин А. Г. Татарская драматургия : история и проблемы. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2012. – 511 с.
3. Батталова А. Д. Татар драматургиясендә йорт образының үсеш-үзгәреше (1960–2000 еллар) : филол. фәннәр канд. ... дисс. : 10.01.02. – Казан, 2006. – 175 б.
4. Гыйләҗев М. Пьесалар. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2002. – 287 б. – Б. 88.
5. Давлетишина Л. Х. Мифологизм в татарской прозе конца XX – начала XXI веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02. – Казань, 2005. – 24 с.
6. Давлетишина Л. Х. Персонажи мусульманской мифологии в традиционной культуре татар // Тюркский мир и исламская цивилизация: проблемы языка, литературы, истории и религии. IX Международная тюркологическая конференция / отв. ред. Р. Б. Камаева. – Казань : Магариф – Вақыт, 2018. – С. 452–455.
7. Еники Ә. Әйтелмәгән васыять // Әмирхан Еники. Әсәрләр. Биш томда. Т. 3 : Повестьлар. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2002. – Б. 7–44.
8. Загидуллина Д. Ф. Модернизм в татарской литературе первой трети XX века. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2013. – 207 с.
9. Загидуллина Д. Ф. Татарская литература и национальный театр: одна дорога на двоих // Театр XXI века и вызовы нового времени : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 110-летию татарского театра. – Казань : ИЯЛИ, 2016. – С. 4–13.

10. Закиржанов Ә. М. Хәзерге татар драматургиясенә актуаль мәсьәләләр: Уку-укыту әсбабы. – Казан : Казан ун-ты нәшр., 2010. – 76 б. [Электронный ресурс]. – URL : https://kpfu.ru/docs/F174128656/Zakir_anov...M...H_zerge.tatar.dramaturgiyasene_.pdf (дата обращения : 20.01.2022).
11. Закиржанов А. М. Современная татарская драматургия (2016–2020 гг.): проблематика и поэтика // Национальные литературы в контексте культурной интеграции : материалы Междунар. круглого стола (9 июня 2021 г., г. Казань). – Вып. 3 / сост. : Л. Р. Надыршина, Ф. Х. Миннуллина. – Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2021. – С. 152–163.
12. Ибрагимов М. И. Миф в татарской литературе XX в.: проблемы поэтики. – Казань : Gumanitarya, 2003. – 63 с.
13. Миңнуллина Ф. Х. Мансур Гыйләжев // Татар әдәбияты тарихы : сигез томда = История татарской литературы : в восьми т. / Татарстан Республикасы Фәннәр акад., Галимжан Ибраһимов исем. Тел. әдәбият һәм сәнгат ин-ты; төз. Р. Ф. Рахмани. Т. 8 : 2001–2020 еллар. – Казан : Фолиант, 2021. – Б. 477–493.
14. Хатипов Ф. М., Сверигин Р. Х. Әмирхан Еники: әдипнең тормыш һәм иҗат юлы. – Казан : ТДГПУ, 2009. – 114 б.
15. Юсупова Н. М. Система образов-символов в татарской поэзии первой половины XX века. – Казань : Ихлас, 2018. – 312 с.
16. Юсупова Н. М., Ибрагимов М. И. Современная татарская драматургия // Национальные литературы республик Поволжья (1980–2010 гг.) : колл. монография / науч. ред. В. Р. Аминев. – Барнаул : ИГ «Си-пресс», 2012. – С. 124–132.

Статья поступила в редакцию 24.01.2022

REFERENCES

1. Amineva V. R. Nacional'nye literatury respublik Povolzh'ya kak «mezhliteraturnaya obshchnost'» // Nacional'nye literatury respublik Povolzh'ya (1980–2010 gg.) : koll. monografiya / nauch. red. V. R. Amineva. – Barnaul : IG «Si-press», 2012. – S. 5–13.
2. Ahmadullin A. G. Tatarskaya dramaturgiya : istoriya i problemy. – Kazan' : Tatar. kn. izd-vo, 2012. – 511 s.
3. Battalova A. D. Tatar dramaturgiyasendä jort obrazyn'shchä yäsh-äzghäsh (1960–2000 ellar) : filol. fännär kand. ... diss. : 10.01.02. – Kazan, 2006. – 175 b.
4. Gyläjev M. P'esalar. – Kazan : Tatar. kit. nashr., 2002. – 287 b. – B. 88.
5. Davletshina L. H. Mifologizm v tatarskoj proze konca XX – nachala XXI vekov : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.02. – Kazan', 2005. – 24 s.
6. Davletshina L. H. Personazhi musul'manskoj mifologii v tradicionnoj kult'ure tatar // Tyurkskij mir i islamskaya civilizaciya: problemy yazyka, literatury, istorii i religii. IX Mezhdunarodnaya tyurkologicheskaya konferenciya / otv. red. R. B. Kamaeva. – Kazan' : Magarif – Vakyt, 2018. – S. 452–455.
7. Eniki Ә. Әjtelmägän vasyat' // Әmirhan Eniki. Әsärlär. Bish tomda. T. 3 : Povest'lar. – Kazan : Tatar. kit. nashr., 2002. – B. 7–44.
8. Zagidullina D. F. Modernizm v tatarskoj literature pervoj treti HH veka. – Kazan' : Tatar. kn. izd-vo, 2013. – 207 s.
9. Zagidullina D. F. Tatarskaya literatura i nacional'nyj teatr: odna doroga na dvoih // Teatr XXI veka i vyzovy novogo vremeni : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posv. 110-letiyu tatarskogo teatra. – Kazan' : IYaLI, 2016. – S. 4–13.
10. Zakiržanov Ә. М. Хәзерге татар драматургиясенә актуаль мәсьәләләр: Уку-укыту әсбабы. – Казан : Казан ун-ты нәшр., 2010. – 76 б. [Elektronnyj resurs]. – URL : https://kpfu.ru/docs/F174128656/Zakir_anov...M...H_zerge.tatar.dramaturgiyasene_.pdf (data obrashcheniya : 20.01.2022).
11. Zakiržanov A. M. Sovremennaya tatarskaya dramaturgiya (2016–2020 gg.): problematika i poetika // Nacional'nye literatury v kontekste kul'turnoj integracii : materialy Mezhdunar. kruglogo stola (9 iyunya 2021 g., g. Kazan'). – Vyp. 3 / sost. : L. R. Nadyrshina, F. H. Minnullina. – Kazan' : IYaLI im. G. Ibragimova, 2021. – S. 152–163.
12. Ibragimov M. I. Mif v tatarskoj literature HH v.: problemy poetiki. – Kazan' : Gumanitarya, 2003. – 63 s.
13. Miñnullina F. H. Mansur Gyläjev // Татар әдәбияты тарихы : сигез томда = Istoriya tatarskoj literatury : v vos'mi t. / Татарстан Respublikasy Fännär akad., Galimžan Ibrahimov isem. Tel. әдәбият һәм сәнгат' in-ty; төз. R. F. Rahmani. T. 8 : 2001–2020 ellar. – Kazan : Foliant, 2021. – B. 477–493.
14. Hatipov F. M., Sverigin R. H. Әmirhan Eniki: әдипнең тормыш һәм иҗат юлы. – Казан : TDGPU, 2009. – 114 b.
15. Yusupova N. M. Sistema obrazov-simvolov v tatarskoj poezii pervoj poloviny XX veka. – Kazan' : Ihlas, 2018. – 312 s.
16. Yusupova N. M., Ibragimov M. I. Sovremennaya tatarskaya dramaturgiya // Nacional'nye literatury respublik Povolzh'ya (1980–2010 gg.) : koll. monografiya / nauch. red. V. R. Amineva. – Barnaul : IG «Si-press», 2012. – S. 124–132.

The article was contributed on January 24, 2022

Сведения об авторе

Шарипова Алсу Самигулловна – кандидат филологических наук, заместитель директора по инновационной деятельности и внешним связям Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-5560-4336>, alsu-samigullovna@yandex.ru

Author Information

Sharipova, Alsu Samigullovna – Candidate of Philology, Deputy Director for Innovation and External Relations, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-5560-4336>, alsu-samigul-lovna@yandex.ru

Ши Дандань

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СИНТАГМ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ СТИЛЕ РУССКОЙ РЕЧИ КИТАЙЦЕВ

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Изучение и освоение произношения и интонации – это первый шаг для китайских студентов на пути постижения русского языка как иностранного. Речь человека всегда содержит просодические нюансы, в системе фонетических знаний интонации отводится важное место. В статье освещаются просодические характеристики синтагм в публицистическом стиле русской речи китайских учащихся с помощью компьютерной программы Speech Analyzer. Формирование просодической системы языка осуществляется при помощи таких просодических средств, как мелодика, длительность, интенсивность, просодический тембр, пауза, темп, ударение и др. Интонация является одной из важнейших просодических составляющих в русской звучащей речи.

В ходе работы определены фонетические характеристики синтагматического членения речи через диапазон длительности синтагм; на основе слухового и акустического анализа выявлены характерные параметры интенсивности и динамической кривой; проанализированы полученные акустические данные в соотношении с движением тона голоса в синтагме; выявлены причины возникновения интерференции при передаче эмоциональной интонации в публицистической речи. В результате данного исследования доказано, что китайские учащиеся искажали просодические особенности речи в публицистическом стиле с точки зрения синтагматического членения, актуализации просодических/акустических коррелятов.

Ключевые слова: *просодия, просодические средства, русская интонация, публицистический стиль*

Shi Dandan

PROSODIC CHARACTERISTICS OF SYNTAGMAS IN THE PUBLICISTIC STYLE OF THE RUSSIAN SPEECH OF THE CHINESE

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Abstract. Learning and mastering pronunciation and intonation is the first step for Chinese students on the way to comprehending Russian as a foreign language. Human speech always contains prosodic nuances; intonation is given an important place in the system of phonetic knowledge. The article highlights prosodic characteristics of syntagms in the publicistic style of Russian speech of Chinese students using the computer program Speech Analyzer. The formation of the prosodic system of the language is carried out with the help of such prosodic means as melody, duration, intensity, prosodic timbre, pause, tempo, stress, etc. Intonation is one of the most important prosodic components in Russian sounding speech.

To achieve this research goal, it is necessary to solve the following tasks: to determine the phonetic characteristics of syntagmatic articulation of speech through the range of syntagm duration; on the basis of auditory and acoustic analysis, to identify the characteristic parameters of intensity and dynamic curve; to analyze and compare the acoustic data obtained in relation to the movement of the voice tone in syntagm; to identify the causes of interference in the transmission of emotional intonation in publicistic speech. As a result of this study, it is proved that Chinese students distorted prosodic features of speech in publicistic style from the point of view of syntagmatic division, actualization of prosodic/acoustic correlates.

Keywords: *prosody, prosodic means, Russian intonation, publicistic style*

Введение. Термин «просодия» имеет долгую историю. Сущность просодии рассматривалась в трудах древних ученых. Так, древнегреческие грамматики использовали данный термин для обозначения дополнительных оттенков речи, не зависящих от основного произношения [11, с. 12]. В «Словаре лингвистических терминов» Ж. Марузо просодия понимается как совокупность фонетических признаков, таких как частота основного тона (далее – ЧОТ), придыхание, долгота и т. д. [8, с. 239]. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой просодия трактуется как совокупность таких сверхсегментных свойств звучащей речи, как высота тона, длительность (количество) и громкость (сила, амплитуда), мелодия, темп и др. [1, с. 367]. В лингвистике просодия обычно трактуется как совокупность супraseгментных характеристик: динамики, высоты тона и времени и др. Интересное определение просодии можно найти и в работах Н. С. Трубецкого [10].

Просодия является разделом фонетики, важной составляющей супraseгментной фонетики, в которой рассматриваются такие особенности произношения, как длительность, интенсивность, ударение, паузация, темп речи и интонация. Ударение и интонация являются самыми важными средствами выражения просодии при описании специфики звучащей речи.

Исследования интонации в русском языке имеют давнюю историю, причем первые попытки относятся ко времени М. В. Ломоносова. Активно исследовалась интонация в работах Е. А. Брызгуновой, Н. Д. Светозаровой, Л. Р. Зиндера, Л. В. Златоустовой, И. Г. Торсуевой, Г. Н. Ивановой-Лукьяновой, Р. К. Потаповой, Т. Е. Янко, Л. Л. Касаткина, Р. Э. Кульшариповой и др. Русская интонация также привлекла внимание китайских ученых, что получило свое развитие в трудах Чэнь Цзюньхуа, Е Фэйшэн, Сюй Тунцян, Чжао Цзоин, Чжан Цзяхуа, Ван Цзунху, Син Шу и др.

Цель данного исследования – на основе неподготовленной и подготовленной речи-чтения выявить просодические характеристики синтагм в публицистическом фоностиле русской речи китайцев, используя компьютерную программу Speech Analyzer.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования обусловлена важностью изучения интонационных маркеров в русской звучащей речи китайских учащихся в публицистическом фоностиле в связи с разработкой общей теории речевой деятельности человека в иноязычном окружении. На материале русского языка работ подобного рода очень мало. Проблемы интонации не теряют своей актуальности в связи с изучением теоретических и практических аспектов звучащей речи. Акустическая формализация речи важна для решения вопросов сегментации речевого потока. Инофонная речь является значимым полигоном для освещения механизмов порождения и восприятия речи. В этом плане русская речь китайцев способна раскрыть как общие универсалии, так и частные, позволяющие проследить за динамикой членения структурных элементов высказывания, что позволит говорить не только о собственно лингвистических, но и психолингвистических, культурологических аспектах русского языка в современном мире.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при преподавании курсов русской теории интонологии, русской практической фонетики, сопоставительной фонетики, психолингвистики текста и лингвокультурологии.

Материал и методы исследования. Речевой материал представлял собой текст публицистического стиля, была сделана аудиозапись его прочтения пятью китайскими дикторами без подготовки и после подготовки, которые окончили магистратуру и изучают русский язык как иностранный не менее семи лет.

Процедура эксперимента проходила следующим образом: чтение текста без подготовки, без пунктуационной разметки; затем разметка границ синтагмы с уточнением мест фразового ударения. Вторичное чтение осуществлялось после первичного ознакомительного с пунктуационной разметкой, дикторов вкратце знакомили с задачами исследования.

Программа Speech Analyzer активно применяется в современных экспериментально-фонетических исследованиях, что позволяет решать вопросы сравнения полученных данных в разных вариантах речи. Публицистический фоностиль интересен своими функциональными возможностями в плане воздействия на говорящих. Первичное чтение и вторичное важны для освещения характера коммуникативной компетенции.

В Китае экспериментальные исследования речи не проводились. Акустический анализ был проведен с помощью компьютерной программы звуков для описания просодических характеристик синтагм в публицистическом стиле русской речи китайцев. Компьютерному анализу предшествовал слуховой, разбишка речи на синтагмы, что позволяло уточнить своеобразие синтагматического членения речи. В работе использованы описательный, слуховой, экспериментальный методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Акустические параметры просодии речи всегда привлекали внимание исследователей. Для иностранных студентов овладение произношением и интонацией языка является первым шагом в изучении любого иностранного языка. В «Словаре лингвистических терминов» интонация трактуется как явление, характеризующее фразу, поскольку интонация определяет ритмико-мелодический строй речи. Элементы интонации: 1) мелодика речи; 2) ударение; 3) пауза; 4) темп речи; 5) тембр голоса. Ведущие элементы интонации – мелодика и ударение. Интонация передает смысл высказывания и эмоции говорящего [4, с. 124].

По мнению Л. Л. Касаткина, интонация является ритмико-мелодической стороной речи, помогающей разделить речевой поток на отдельные отрезки – фонетические синтагмы и фразы, а также выражающей синтаксическое значение, модальность и эмоционально-экспрессивную окраску в предложениях [7, с. 83].

Для китайцев единой интонационной нормой является система интонационных конструкций (ИК), разработанная Е. А. Брызгуновой. Согласно теории Брызгуновой, в русском языке существует семь основных ИК: ИК-1, ИК-2, ИК-3, ИК-4, ИК-5, ИК-6, ИК-7 [2, с. 16].

По мнению Ван Цзунху и Син Шу, интонация как ритмическая часть речи способна членить речевой поток на синтагмы [13, с. 62]. В книге «Фонетика современного русского литературного языка» китайских лингвистов Ван Цзунху и Син Шу рассматриваются три основные функции интонации: функция членения, экспрессивная и эмоциональная функции [13, с. 67].

По мнению Чжао Цзоина, каждая интонация обладает экспрессивной и смысловозначительной функциями. Среди высказываний с одинаковой синтаксической структурой и словарным составом функция различения значений интонации является наиболее заметной [15, с. 243].

Просодические особенности интонации речи способны раскрыть интеллектуальный, когнитивный, психологический потенциал говорящего, многие современные исследования нацелены на решение этих проблем. Используя компьютерную программу Speech Analyzer, мы попытаемся проанализировать просодические характеристики русской интонации в публицистическом стиле.

Анализ синтагматического членения речи-чтения позволил нам получить следующие данные (см. табл. 1, 2).

Дикторы 1, 2, 3, 4, 5. Всего 20 синтагм согласно стандартам членения.

Татьяна Тэ³сс,/ известная советская журнали¹стка,/ пишет в одном из своих о¹черков:/ ...

Человек,/ равноду³шный к природе,/ стоя на холме⁶,/ видит перед собой ле⁶с,/ лу¹г,/ по¹ле./ ... Человек,/ интересу³ющийся природой,/ видит с того же холма бере¹зы,/ васильки¹,/ ро¹жь./ ... Человек,/ чутко лю⁶бящий природу,/ видит фарфоровую белизну березовой ро³щи,/ ... нежность напоенной светом зеленой ве³тви,/ ... торжественную знойную синеву⁶/ василькового лу¹га./

Принятые обозначения: / – признак членения на синтагмы, цифра – ИК при чтении.

Таблица 1

Распределение длительности синтагм без подготовки (МС)

Диктор-1	Диктор-2	Диктор-3	Диктор-4	Диктор-5
Общая длительность синтагм				
48.2116 мс	60.5124 мс	51.4223 мс	42.7887 мс	48.4421 мс
Количество синтагм				
26	30	28	21	28
Средняя длительность синтагм				
1.8543 мс	2.0171 мс	1.8365 мс	2.0376 мс	1.7301 мс

Таблица 2

Распределение длительности синтагм после подготовки (МС)

Диктор-1	Диктор-2	Диктор-3	Диктор-4	Диктор-5
Общая длительность синтагм				
39.8915 мс	44.0882 мс	33.9338 мс	33.7896 мс	43.3510 мс
Количество синтагм				
20	21	18	20	19
Средняя длительность синтагм				
1.9946 мс	2.0994 мс	1.8852 мс	1.6895 мс	2.2816 мс

В ходе неподготовленного чтения мы обнаружили, что при членении дикторы обычно сталкиваются со следующими трудностями:

1. Некоторые знаки препинания не сегментированы (мы используем полужирный шрифт и подчеркивание, чтобы указать эти случаи). Например, *Человек_ж*, (Д1, Д2, Д5) *равноду³шный к природе_е*, (Д2, Д5)... *Человек_ж*, (Д2, Д3, Д4, Д5) *интересу³ющийся природой...* *Человек_ж*, (Д1, Д2, Д3, Д4) *чутко люб⁶ящий природу...* кроме того, *известная советская журнали¹стка_а*, (Д2), *чутко люб⁶ящий природу_у*, (Д5)...

2. Параллельные синтагмы не разделены. Например, *видит перед собой ле⁶с_а*, (Д1) *лу¹г_а/ по¹ле_а/*; *видит с того же холма бере¹зы_а/ васильки_и*, (Д1) *ро¹жь_а/*. Хотя другие дикторы не допускали этой ошибки только потому, что они читали медленно. Но при подготовленном чтении другими дикторами подобная ошибка имела место.

3. Были отмечены ошибки ударения. Например, диктор 2: *холме, люб⁶ящий, торже- ственную, синеву*. Диктор 4: *с то³го же*.

4. Чрезмерно дробное членение на синтагмы. Например, синтагмы 1 и 2 «Татьяна Тэ³сс./ известная советская журнали¹стка./» совпали у дикторов 1, 3, 4, диктор 2 – *Татьяна Тэ³сс./ известная советская журнали¹стка*, диктор 5 – *Татьяна Тэ³сс, известная/ советская журнали¹стка./*. Синтагма 3 «пишет в одном из своих о¹черков./» совпала у диктора 4, дикторы 1, 2, 3 – *пишет в одном из своих/ о¹черков./*; диктор 5 – *пишет в одном/ из своих о¹черков./*. Синтагмы 4 и 5 «Человек./ равноду³шный к природе./» совпали у дикторов 3 и 4, диктор 1 – *Человек, равноду³шный к природе./*, диктор 2 – *Человек, равноду³шный к/ природе*, диктор 5 – *Человек, равноду³шный к природе, стоя./*. Синтагма 6 «стоя на холме⁶/» совпала у дикторов 1 и 4, дикторы 2 и 5 – *стоя/ на холме⁶/* диктор 3 – *стоя на/ холме⁶/*. Синтагмы 7, 8, 9 «видит перед собой ле⁶с_а/ лу¹г_а/ по¹ле_а/» совпали у дикторов 3, дикторы 2, 4, 5 – *видит/ перед собой ле⁶с_а/ лу¹г_а/ по¹ле_а/*, диктор 1 – *видит/ перед собой ле⁶с, лу¹г_а/ по¹ле_а/*. Синтагмы 10 и 11 «Человек./ интересу³ющийся природой./» совпали у дикторов 2 и 4 – *Человек, интересу³ющийся природой./*, диктор 1 – *Человек./ интересу³ющийся природой*, диктор 3 – *Человек, интересу³ющийся/ природой*, диктор 5 – *Человек, интересу³ющийся/ природой*. В синтагме 12 «видит с того же холма бере¹зы./» совпадение у дикторов 2,

другое выделение синтагм было у диктора 1 – *видит с того же/ холма/ бере¹зы./*, у диктора 3 – *видит с того же/ холма бере¹зы./*, у диктора 4 – *видит/ с того же холма бере¹зы./*, у диктора 5 – *видит с того же холма/ бере¹зы./*. Синтагмы 13 и 14 «*васильки¹/ ро¹жь./*» совпали у дикторов 2, 3, 4, 5, другое выделение синтагм было у диктора 1 – *васильки¹, ро¹жь./*. Синтагмы 15 и 16 «*Человек./ чутко лю⁶бящий природу./*» совпали у дикторов 1 и 4 – *Человек, чутко лю⁶бящий природу./*, диктор 2 – *Человек, чутко/ лю⁶бящий/ природу./*, диктор 3 – *Человек, чутко/ лю⁶бящий природу./*, диктор 5 – *Человек./ чутко/ лю⁶бящий природу./*. В синтагме 17 «*видит фарфоровую белизну березовой ро³щи./*» совпадение у дикторов 1, 2, 5 – *видит/ фарфоровую/ белизну/ березовой ро³щи./*, диктор 3 – *видит фарфоровую/ белизну/ березовой ро³щи./*, диктор 4 – *видит/ фарфоровую белизну березовой ро³щи./*. Синтагма 18 «*нежность напоенной светом зеленой ве³тви./*» совпала у диктора 4, диктор 1 – *нежность/ напоенной светом зеленой ве³тви./*, диктор 2 – *нежность/ напоенной/ светом/ зеленой/ ве³тви./*, диктор 3 – *нежность/ напоенной светом зеленой/ ве³тви./*, диктор 5 – *нежность напоенной/ светом/ зеленой ве³тви./*. Синтагмы 19 и 20 «*торжественную знойную синеву⁶/ василькового лу¹га./*» совпали у дикторов 2 и 3 – *торжественную/ знойную/ синеву⁶/ василькового лу¹га./*, диктор 1 – *торжественную/ знойную синеву⁶/ василькового/ лу¹га./*, диктор 4 – *торжественную знойную синеву⁶ василькового/ лу¹га./*, диктор 5 – *торжественную/ знойную синеву⁶ василькового/ лу¹га./*. Более дробное членение было свойственно диктору 2, можно сказать, что он читал пословно.

При подготовке к чтению мы обнаружили, что при синтагматическом членении дикторы обычно сталкивались со следующими особенностями:

1. Членение на синтагмы по знакам препинания, но все же некоторые синтагмы были не сегментированы. В основном на запятой после трех «человек».

2. Разделение параллельных синтагм не уменьшается, а увеличивается. Например, *видит перед собой ле⁶с, (Д2) лу¹г./ по¹ле./*; *видит с того же холма бере¹зы, (Д2) васильки¹, (Д1, Д2) ро¹жь./*

3. Реже встречались ошибки ударения. Например, диктор 2: *лю⁶бящий*. Диктор 4: *с то⁶го же*.

4. Количество синтагм уменьшено (см. табл. 1, 2). Несогласованные синтагмы в основном сосредоточены в сложноподчиненных предложениях.

В фонетических экспериментах речи-чтения без подготовки и после подготовки были выделены различные паузы. Различные типы пауз влияют на синтагматическое членение. В публицистическом стиле русской речи китайцев в основном наблюдались реальные грамматические, нереальные грамматические паузы и паузы колебания. В неподготовленном и подготовленном чтении дикторы в основном следили за реальными грамматическими паузами, кроме пропущенных пауз пунктуации (примеры приведены в разделении синтагм). Кроме того, каждый диктор делает различные нереальные паузы в соответствии со своими физическими, психологическими и эмоциональными представлениями (примеры приведены в разделении синтагм). К тому же паузы колебания в подготовленном чтении встречались чаще. Например, в неподготовленном чтении паузы колебания: *интересующийся приро-родой, торже-жественну-ную зно-нойную синеву*. А в подготовленном чтении паузы колебания: *чутко-ко лю⁶бящий природу; видит фарфо-форовую белизну бере-резовой ро³щи; нежность напоенной с-све-ветом зеленой ветви; василь-лькового лу-лу¹га*. Основная причина в том, что при подготовленном чтении более быстрый темп речи и неумение четко распределить свое речевое дыхание приводят к паузам колебания, которые обычно рассматриваются как составная часть темпа и ритма.

По мнению Г. Н. Ивановой-Лукияновой, термин «пауза» объединяет два разнородных понятия: перерыв в звучании и границу интонационного членения [6, с. 96]. Пауза как граница интонационного членения является грамматическим явлением, отражающим синтаксическую структуру текста [6, с. 97]. На позицию грамматической паузы влияют

три фактора: фонетика, синтаксис и семантика. Для иностранцев она важна как средство выражения смысловой структуры речи на продвинутом этапе обучения.

Публицистический стиль служит целям воздействия на людей через средства массовой информации. Он представлен в речевых жанрах эссе, статьи, очерка, репортажа, интервью и др. Для него характерно наличие социально-политической лексики, логичности и эмоциональности. По сравнению с художественными текстами пауз относительно мало. По мнению китайского исследователя Чжан Цзяхуа, при разделении предложения на синтагмы паузы возможны, но не обязательны [14, с. 268].

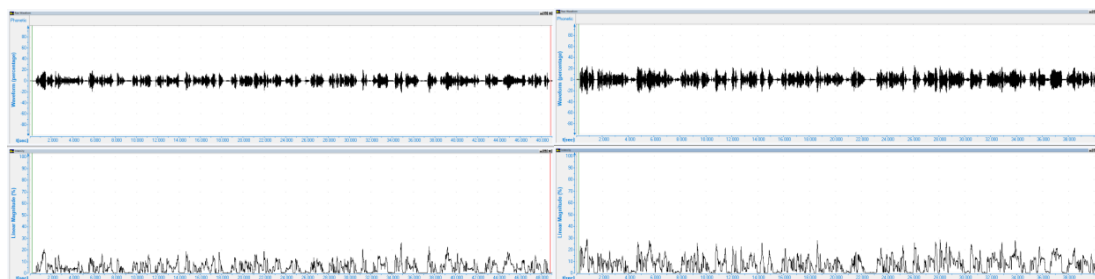
Длительность и темп тесно связаны, они структурируют временные характеристики речи, принимают участие в интонационном членении, передаче типа связи единиц членения [9, с. 91]. Темп влияет на длительность звука. Величина темпа зависит не только от характера паузы, но и от типа интонации [6, с. 144–145]. С помощью темпа речи выражаются чувства и настроения дикторов.

Семантика и индивидуальная эмоциональность считаются основными факторами, влияющими на интонационное членение [12].

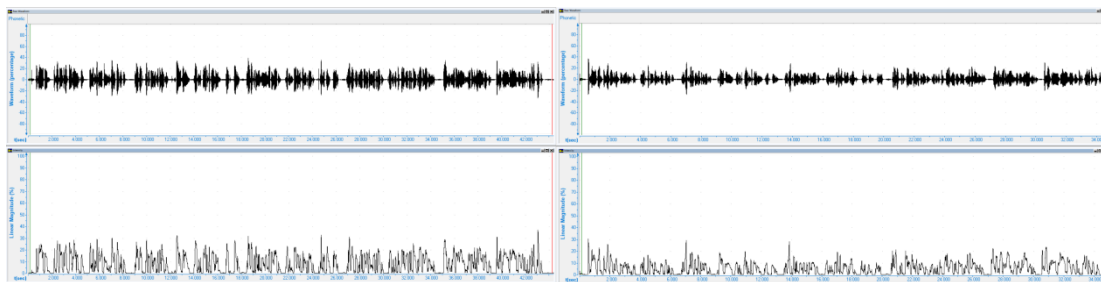
Таким образом, сравнивая подготовленное и неподготовленное чтение, мы обнаружили, что в подготовленном чтении частота ошибок уменьшается; общая длительность синтагм сокращается, скорость речи увеличивается, а количество синтагм уменьшается; также сокращается количество несогласованных синтагм.

Уровень интенсивности звука определяется звуковой энергией, проходящей за единицу времени через единицу площади.

В эксперименте по интенсивности мы обнаружили, что в речи-чтении данного текста интенсивность низкая как при неподготовленном, так и при подготовленном чтении, а максимальная интенсивность не превышает 80 %. Общим признаком дикторского чтения является то, что по сравнению с неподготовленным чтением большинство дикторов сознательно или бессознательно увеличивают интенсивность при подготовленном чтении (см. рис. 1), некоторые ее понижают (см. рис. 2), но в целом она имеет тенденцию быть низкой. Дикторы не понимали, что интенсивность – показатель степени эмоциональности в речи, а слепо увеличивали скорость и беглость, игнорируя эмоциональную интонацию русского языка.

Рис. 1. Интенсивность в неподготовленном и подготовленном чтении

Рис. 2. Интенсивность в неподготовленном и подготовленном чтении

Интенсивность также связана с эмоциональным выделением слова, так называемым эмфатическим ударением, при этом мелодия также играет существенную роль в этом аспекте [5, с. 276].

Таблица 3

ЧОТ чтения без подготовки и после подготовки всех дикторов (Гц)

Параметр	Диктор				
	1	2	3	4	5
Диапазон без подготовки	58–316	44–404	51–296	194–351	40–363
Средний диапазон без подготовки	218	103	211	238	142
Диапазон после подготовки	64–361	44–468	48–388	130–384	42–412
Средний диапазон после подготовки	217	113	221	236	151

Самым ярким параметром интонации является мелодия-частота основного тона (см. табл. 3), которая играет ведущую роль в комплексе просодических средств фонетики, являясь важнейшим средством интонационных выражений в разных языках [9, с. 90–91]. Разные акценты будут вызывать различные направления движения основного тона голоса, что может привести к неверному интонированию в речи. Например, в этих синтагмах «Человек, / равноду³шный к природе, / стоя на холме⁶, /» из-за неправильной постановки акцента центра ИК наблюдается соответствующее отклонение в динамике движения мелодики (рис. 3):

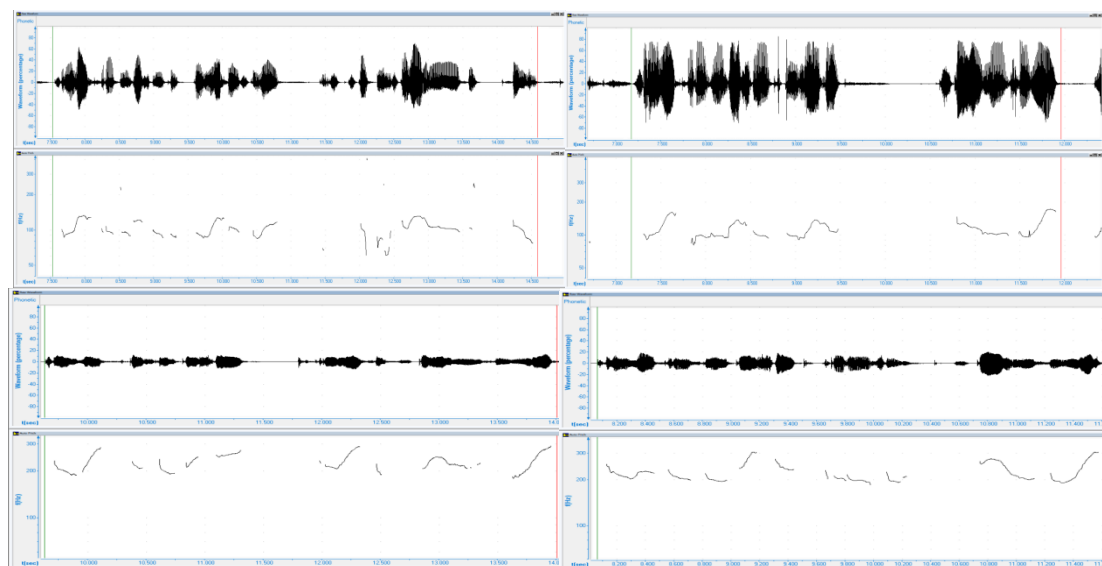

Рис. 3. Сравнение кривых ЧОТа в синтагме

Направление интонации в первом случае противопоставлено трем остальным. Из-за неправильной передачи акцентного выделения направление интонации изменилось от восходящего движения к нисходящему.

Интенсивность является эмоциональным показателем, ударение – показателем изменения направления движения основного тона голоса, мелодия – показателем направления движения интонации, она может передавать настроение и эмоциональность говорящего. Поэтому динамическая структура синтагмы может выявить степень выразительности

публицистической речи, а ее слабые контуры указывают на недостаточную степень эмоциональности в публицистическом фоностиле китайских дикторов.

В русском языке ударный слог слова отличается от безударного акустически большей силой (интенсивностью), длительностью, ЧОТ и тембром [7, с. 64]. Выделение в синтагме более сильным ударением некоторого слова, чтобы подчеркнуть его особое значение, называют акцентным выделением [7, с. 79].

В наших экспериментах было установлено, что длительность синтагм зависит от акцентного выделения и типа интонации. Например:

1. В предложении «Человек,¹/ интересу³ющийся природой,¹/ видит с того же холма бере¹зы,¹/ васильки¹/ ро¹жь.¹/». В неподготовленном чтении дикторы обычно ставят акцентное выделение на ударный слог каждого слова: *интересующийся, природой, видит, холма, березы, васильки, рожь*; а в подготовленном чтении акцентное выделение падает на такие ударные слоги, т. е. центр интонации смещается: *интересующийся, березы, васильки, рожь*.

2. В синтагмах «Человек,¹/ чутко лю⁶бящий природу,¹/ видит фарфоровую белизну березовой ро³щи,¹/ ... нежность напоенной светом зеленой ве³тви,¹/ ... торжественную знойную синеву⁶/ василькового лу¹га.¹/». В неподготовленном чтении дикторы обычно ставят акцентное выделение на ударный слог каждого слова: *любящий, видит, фарфоровую, белизну, березовой, рощи, напоенной, зеленой, ветви, торжественную, знойную, синеву, василькового, луга*; а в подготовленном чтении большинство примеров акцентного выделения отмечается в таких ударных слогах или центре интонации: *любящий, рощи, ветви, синеву, луга, (торжественную, знойную, василькового – это не центр интонации)*. По мнению Л. Л. Касаткина, начало ударного слога – повышенная интенсивность, а конец – повышенная длительность [7, с. 65–66]. Поэтому по мере уменьшения количества акцентного выделения сокращается и длительность синтагмы. Это одна из основных причин того, что неподготовленное чтение занимает у дикторов больше времени, чем подготовленное.

Однако в наших экспериментах также учитывалась и интонация сложноподчиненных предложений, в которых смысловая самостоятельность главной части может усиливаться или ослабляться, она синтаксически завершена и находится в препозиции. Семантическая самостоятельность усиливается за счет двух рем соотношения главной и придаточной частей средствами завершенной интонации ИК-1 [2, с. 188]. Семантическая самостоятельность ослабляется за счет темы и ремы соотношения главной и придаточной частей с помощью незавершенной интонации ИК-3, ИК-4, ИК-6 [2, с. 188]. Эта идея также упоминается в работах китайских лингвистов Чжао Цзоина [15, с. 274] и Чжан Цзяхуа [14, с. 280].

По мнению Чжао Цзоина, в сложноподчиненном предложении, когда придаточное предложение вставляется в середину главного предложения, если придаточное предложение не выделено, то первую половину главного предложения и придаточное можно рассматривать как единое целое, что обычно выражается незавершенной интонацией (ИК-3, ИК-4, ИК-6), например, «Человек,¹/ равноду³шный к природе,¹/; Человек,¹/ интересу³ющийся природой,¹/; Человек,¹/ чутко лю⁶бящий природу,¹/». Вторую половину главного предложения можно рассматривать как синтагму, использующую завершенную интонацию (ИК-1) для выражения [15, с. 274].

По мнению Е. А. Брызгуновой, интонация в повествовательных предложениях достигается перечислением. Перечисления могут быть переданы однородными членами предложения (состоящими из слова или словосочетания) или целым предложением [3, с. 223]. Такая точка зрения присутствует в ряде работ Н. С. Трубецкого [10, с. 237], Чжао Цзоина [15, с. 323].

Китайский лингвист Чжао Цзоин считает, что в повествовательных предложениях эквивалентные компоненты выражаются перечислительной интонацией [15, с. 323]. В эквивалентных компонентах неконечные синтагмы могут быть выражены в различных ИК,

среди которых наиболее распространены ИК-1, ИК-2, ИК-3 (используемые в повседневной жизни), ИК-4 и ИК-6 (выражающие лиризм), например, «*видит перед собой ле⁶с, / лу¹г, / ; видит с того же холма бере¹зы, / васильки¹ /*»; конечные синтагмы, означающие конец семантики, выражаются ИК-1, например, «*по¹ле, / ро¹жьс, /*» [15, с. 324].

В звучащем публицистическом фоноstile мелодика, темп, пауза, ударение и интенсивность органично взаимодействуют в общей структуре интонации, но речь китайцев даже на продвинутом уровне владения русским языком оказывается показательной для уточнения характера отклонений. Скорость речи в новостных передачах относительно высока, что говорит о том, что для китайцев важнее всего получить как можно больше основной информации с помощью быстрого чтения, чтобы реализовать коммуникативную и экспрессивную функции речи. В результате проведенного исследования доказано, что китайские учащиеся неправильно воспринимали и передавали эмоциональную составляющую русской интонации в публицистическом стиле, что можно было проследить на уровне синтагматического членения, параметров интенсивности и мелодики, соотношения смысла и просодических средств.

Следовательно, перспективы дальнейшего исследования видим в углубленном изучении русской интонации в ракурсе фонетического эксперимента с привлечением разных речевых жанров и использования современных компьютерных технологий.

Выводы. Проведенный акустический анализ позволил нам прийти к определенным выводам.

При аудиозаписи публицистических текстов для китайцев на первом месте стоит скорость чтения. Добиться правильного членения на синтагмы и эмоциональной стилистической выразительности, исходя из навыков быстрого чтения, очень сложно, поэтому они не могут правильно формализовать ритмо-мелодическую организацию текста, игнорируют смысловой параметр, в результате чего страдает эмотивный параметр интонации в просодии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
2. Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. – М. : Рус. язык, 1977. – 280 с.
3. Брызгунова Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1963. – 306 с.
4. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
5. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. – М. : Высш. шк., 1979. – 312 с.
6. Иванова-Лукиянова Г. Н. Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм : учеб. пособие. – 6-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 200 с.
7. Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика : учеб. пособие для студ. филол. фак-та высш. учеб. заведений. – М. : Издат. центр «Академия», 2006. – 256 с.
8. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 436 с.
9. Светозарова Н. Д. Функции и средства фразовой интонации: специализация или взаимодействие // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 5. – С. 86–93.
10. Трубецкой Н. С. Основы фонологии / пер. с нем. А. А. Холодовича; под ред. С. Д. Кацнельсона. – М. : Аспент пресс, 2000. – 352 с.
11. Чжуан Вэйвэй. Просодия русской речи у китайцев : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Казань, 2016. – 218 с.
12. Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 312 с.
13. 王宗琰, 邢淑. 俄语语音学教程. – 北京: 北京大学出版社. 2017. – 174页. (Ван Цзунху, Син Шу. Фонетика современного русского литературного языка. – Пекин : Изд-во Пекин. ун-та, 2017. – 174 с.)
14. 张家骅. 新时代俄语通论 (上册). – 北京: 商务印书馆. 2016. – 388页. (Чжан Цзяхуа. Современный русский язык обновленный теоретический курс. – Пекин : Коммерческое изд-во, 2016. – Т. 1. – 388 с.)

15. 赵作英. 俄语语音. – 北京: 外语教学与研究出版社. 2017. – 391页. (Чжао Цзоин. Фонетика русского языка. – Пекин: Общество учения и исследования иностранных языков, 2017. – 391 с.)

Статья поступила в редакцию 15.02.2022

REFERENCES

1. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – 2-e izd., ster. – M.: Editorial URSS, 2004. – 576 s.
2. Bryzgunova E. A. Zvuki i intonaciya russkoj rechi. – M.: Rus. yazyk, 1977. – 280 s.
3. Bryzgunova E. A. Prakticheskaya fonetika i intonaciya russkogo yazyka. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1963. – 306 s.
4. Zhrebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – Izd. 5-e, ispr. i dop. – Nazran': OOO «Pilgrim», 2010. – 486 s.
5. Zinder L. R. Obshchaya fonetika. – M.: Vyssh. shk., 1979. – 312 s.
6. Ivanova-Luk'yanova G. N. Kul'tura ustnoj rechi: intonaciya, pauzirovanie, logicheskoe udarenie, temp, ritm: ucheb. posobie. – 6-e izd. – M.: Flinta: Nauka, 2004. – 200 s.
7. Kasatkin, L. L. Sovremennyy russkij yazyk. Fonetika: ucheb. posobie dlya stud. filol. fak-ta vyssh. ucheb. zavedenij. – M.: Izdat. centr «Akademiya», 2006. – 256 s.
8. Maruzo Zh. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – M.: Izd-vo inostr. lit-ry, 1960. – 436 s.
9. Svetozarova N. D. Funkcii i sredstva frazovoj intonacii: specializaciya ili vzaimodejstvie // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. – 2014. – № 5. – S. 86–93.
10. Trubeckoj N. S. Osnovy fonologii / per. s nem. A. A. Holodovicha; pod red. S. D. Kacnel'sona. – M.: Aspent press, 2000. – 352 s.
11. Chzhuan Vejvej. Prosodiya russkoj rechi u kitajcev: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. – Kazan', 2016. – 218 s.
12. Yanko T. E. Intonacionnye strategii russkoj rechi v sopostavitel'nom aspekte. – M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. – 312 s.
13. 王宗琰, 邢淑. 俄语语音学教程. – 北京: 北京大学出版社. 2017. – 174页. (Van Czunhu, Sin Shu. Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. – Pekin: Izd-vo Pekin. un-ta, 2017. – 174 s.)
14. 张家骅. 新时代俄语通论 (上册). – 北京: 商务印书馆. 2016. – 388页. (Chzhan Czyahua. Sovremennyy russkij yazyk obnovlennyy teoreticheskij kurs. – Pekin: Kommercheskoe izd-vo, 2016. – T. 1. – 388 s.)
15. 赵作英. 俄语语音. – 北京: 外语教学与研究出版社. 2017. – 391页. (Chzhao Czoin. Fonetika russkogo yazyka. – Pekin: Obshchestvo ucheniya i issledovaniya inostrannyh yazykov, 2017. – 391 s.)

The article was contributed on February 15, 2022

Сведения об авторе

Ши Дандань – аспирант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-1800-3085>, 782937420@qq.com

Author Information

Shi Dandan – Post-graduate Student, Department of Applied and Experimental Linguistics, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-1800-3085>, 782937420@qq.com

УДК 373.2:004.9

DOI 10.26293/chgpu.2022.114.1.019

Т. А. Бороненко, В. С. Федотова

**УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА
«СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ»:
СОДЕРЖАНИЕ, ИНСТРУМЕНТЫ, АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ**

*Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Благодарность

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-14185 мк.

Аннотация. Современные ИКТ играют важную роль в практике дошкольного образования и находят широкое применение в профессиональной деятельности педагогов. Цель исследования состоит в отборе содержания учебной дисциплины «Современные информационно-коммуникационные технологии в дошкольном образовании» в рамках программы профессиональной переподготовки «Дошкольное образование».

Содержание педагогической деятельности в решении задачи развития, воспитания и обучения дошкольников предполагает реализацию игровых технологий, обращение к специальным образовательным платформам, самостоятельное создание педагогом интерактивных учебных материалов, которые подготовлены с использованием онлайн-сервисов. Необходима специальная подготовка педагогов к использованию современных ИКТ и цифровых технологий в дошкольном образовании для педагогического сопровождения обучения детей дошкольного возраста и обеспечения качества учебно-воспитательного процесса средствами преподаваемого предмета. В исследовании использованы метод анализа психолого-педагогической литературы по внедрению ИКТ и цифровых технологий в дошкольное образование, обобщение опыта авторов реализации дисциплины «Современные ИКТ в дошкольном образовании» в системе дополнительного образования, а также применения интерактивного подхода в обучении.

Предложено развернутое содержание дисциплины по внедрению ИКТ в дошкольном образовании, которое представлено следующими темами: 1) информатизация и цифровизация дошкольного образования; 2) организация и методика проведения занятий с использованием ИКТ и цифровых технологий; 3) ИКТ как средство интерактивного обучения; 4) ИКТ в организации самостоятельной работы дошкольников. Продемонстрированы возможные практические задания, которые позволяют педагогу самостоятельно создать успешные методические разработки для занятий с детьми, организовывать самостоятельную работу в группе и дома с родителями.

Материалы исследования повышают профессиональный уровень педагогов ДООУ, делают его наставником для детей в аспекте овладения ими ИКТ и знакомства с цифровыми устройствами, позволяют педагогу методически грамотно планировать использование ИКТ в учебно-воспитательном процессе дошкольного образования.

Ключевые слова: *информационно-коммуникационные технологии, дошкольное образование, цифровые технологии, образовательная среда, интерактивное обучение, цифровизация дошкольного образования*

T. A. Boronenko, V. S. Fedotova

ACADEMIC DISCIPLINE “MODERN INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN PRESCHOOL EDUCATION”: CONTENT, TOOLS, ANALYSIS OF OPPORTUNITIES

Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia

Acknowledgement

The research is funded by the Russian Foundation for Basic Research under Scientific Project No. 19-29-14185 mk.

Abstract. Modern ICT play an important role in preschool education and are widely employed in teaching. The purpose of the study is to select the content of the academic discipline “Modern ICT in Preschool Education” within the framework of the professional retraining program “Preschool Education”.

The content of pedagogical activity on solving the problems of development, education and training of preschoolers implies using game technologies, specific education platforms, creating interactive educational resources prepared with the help of online services. This requires teachers special to be able to use modern ICT and digital technologies in preschool education to maintain the quality of teaching and educational process by the means of the subject taught.

Materials and Methods: analysis of psychological and pedagogical literature on the introduction of ICT and digital technologies in preschool education, generalization of the experience of the authors of the implementation of the discipline “Modern ICT in Preschool Education” in the system of additional education, the use of an interactive approach to teaching.

The content of the discipline is represented by the topics: 1) informatization and digitalization of preschool education; 2) organization and methodology of conducting classes using ICT and digital technologies; 3) ICT as a means of interactive learning; 4) ICT in the organization of independent work of preschoolers. Practical tasks are given for creating guidance papers for children, their independent activities in a group and at home with their parents.

The research materials improve the professional level of teachers, allow methodically competent planning of the use of ICT in preschool education.

Keywords: *information and communication technologies, preschool education, digital technologies, educational environment, interactive learning, digitalization of preschool education*

Введение. В соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» (гл. 2, ст. 10, п. 4) дошкольное образование является одним из уровней общего образования. В связи с этим в условиях цифровой трансформации системы общего образования цифровые технологии находят активное применение и в деятельности дошкольных образовательных учреждений (ДООУ). Работа педагога предполагает использование специально созданных образовательных платформ для дошкольников, а также самостоятельное проектирование им цифровых образовательных ресурсов, учебных материалов, позволяющих обогатить, качественно обновить образовательный процесс в ДООУ и повысить его эффективность.

Особенностью восприятия информации детьми дошкольного возраста является наглядно-образное мышление. В этой связи главным принципом при организации деятельности детей этого возраста является принцип наглядности. Использование разнообразного иллюстративного материала позволяет педагогам ДОО быстрее достигать поставленных целей при организованной совместной деятельности с детьми. При этом ИКТ позволяют точно акцентировать внимание на отдельных педагогических задачах. Можно сказать, что современные ИКТ и цифровые технологии становятся неотъемлемой частью целостного образовательного процесса, позволяют в игровой и наглядной форме в цвете, движении, со звуком, с элементами мультипликации осуществлять знакомство детей с реальными предметами и явлениями окружающего мира, учитывая наглядно-образное мышление детей дошкольного возраста, способствовать развитию их внимания, памяти, раскрытию способностей, активизации умственной деятельности, реализации индивидуальных образовательных траекторий. Цифровые инструменты и сервисы предоставляют возможность создавать динамические изображения, а статичные картинки наполнять элементами интерактива (добавлять метки на видео, аудиофрагменты, вставлять всплывающие подсказки, ссылки на дополнительные изображения или внешние ресурсы – сайты), способствуют реализации интерактивного подхода в обучении, делают процесс обучения детей дошкольного возраста увлекательным, зрелищным, мотивированным.

В научной литературе отечественных и зарубежных авторов отражен некоторый опыт применения ИКТ и цифровых технологий: исследованы вопросы развития познавательного интереса у детей дошкольного возраста на основе использования ИКТ и различных методик [7], [4], а также с помощью игр-презентаций [1], рассмотрены приемы решения отдельных дидактических задач с дошкольниками средствами ИКТ [6], например, вопросы речевого развития детей [3], [5], проблемы взаимодействия с их родителями средствами ИКТ [2], изучены способы эффективной интеграции цифровых устройств (планшетов) в дошкольное образование педагогами ДОО путем «реализации с их помощью значимых, увлекательных, самостоятельных и насыщенных занятий» [10, р. 249]. Определено восприятие воспитателями дошкольных учреждений использования ИКТ в процессе онлайн-обучения во время пандемии Covid-19 [8]. Современные ИКТ создают благоприятную среду для обучения и самостоятельной работы дошкольников, позволяют детям приобретать способность логически мыслить, принимать правильные решения в сложившейся ситуации, анализировать причинно-следственные связи между событиями, просчитывать свои действия на несколько шагов вперед, строить планы и разрабатывать стратегии их достижения [9], отрабатывать в моделируемых учебных ситуациях мыслительные операции анализа и синтеза, обобщения и классификации, абстрагирования, конкретизации, сравнения. Цифровые учебные материалы повышают учебную мотивацию за счет представления информации в различных (графических, видео, аудио, текстовых, табличных) форматах. Качество обучения повышается за счет применения полученных знаний в новых ситуациях в игровой форме. В связи с этим возможности цифровых технологий организовать процесс обучения в игровой форме представляют особый интерес для педагогов дошкольных организаций [11].

В нашем исследовании мы не преследуем задачи непосредственного исследования влияния на приращение личностных образований у ребенка дошкольного возраста, а ориентируемся на рассмотрение основных возможных вариантов внедрения ИКТ в практическую деятельность педагога ДОО для создания предметно-развивающей среды, условий для развития личности ребенка дошкольного возраста в различных видах общения и деятельности с учетом его возрастных, индивидуальных психологических и физиологических особенностей.

Противоречие между существующим потенциалом современных информационно-коммуникационных и цифровых технологий в создании предметно-развивающей среды для обучения, развития и воспитания детей дошкольного возраста и возрастающей необходимостью специальной подготовки педагогов дошкольных образовательных учреждений к их использованию в педагогической деятельности обусловило постановку *проблемы*: каким должно быть содержание профессиональной подготовки педагогов ДОУ, как сделать выбор наиболее подходящих для их педагогической деятельности цифровых инструментов и сервисов, какие могут быть использованы форматы работы с детьми на этой основе?

Цель исследования – научное обоснование отбора содержания учебной дисциплины «Современные информационно-коммуникационные технологии в дошкольном образовании» в рамках программы профессиональной переподготовки «Дошкольное образование», демонстрация внедрения в преподавательскую практику педагога ДОУ современных ИКТ и цифровых технологий.

Актуальность исследуемой проблемы. Результаты данного исследования актуальны в аспекте конкретизации содержания профессиональной подготовки педагогов дошкольного образования по овладению приемами использования современных ИКТ и цифровых технологий, организации предметно-развивающей среды для реализации образовательной программы по учебному предмету в соответствии с требованиями образовательных стандартов, реализации современных методов и технологий обучения в дошкольном образовании на основе ИКТ и цифровых технологий для педагогической поддержки и сопровождения учащихся по достижению личностных, метапредметных и предметных результатов обучения и обеспечения качества учебно-воспитательного процесса средствами преподаваемого предмета.

Практическая значимость результатов исследования состоит в формировании у педагогов дошкольного образования представления о дидактическом функционале цифровой образовательной среды в художественно-эстетическом, социально-коммуникативном, познавательном развитии, проектной и исследовательской деятельности дошкольников, формировании готовности педагога создавать свои образовательные ресурсы, в том числе интерактивные учебные материалы, широко внедрять их в своей педагогической деятельности. За счет ИКТ и цифровых технологий перед педагогами дошкольного образования раскрываются безграничные возможности для эффективной творческой работы с детьми и собственной самореализации.

Материал и методы исследования. Основу исследования составили результаты анализа психолого-педагогической литературы по оценке существующего опыта использования ИКТ и цифровых технологий в дошкольном образовании, опыт реализации дисциплины «Современные ИКТ в дошкольном образовании» в составе программы профессиональной переподготовки «Дошкольное образование», а также обобщение опыта использования ИКТ и цифровых технологий в практической педагогической деятельности, реализации интерактивного подхода в образовании. Отбор используемых онлайн-сервисов выполнен с учетом особенностей познавательного развития детей дошкольного возраста, необходимости педагогической поддержки развития у них наглядно-образного мышления, уровня сформированности ИКТ-компетенций педагогов дошкольного образовательного учреждения. Осуществляется плавный переход от формирования знаний и общего представления о функционале ИКТ и цифровых технологий к их последовательному внедрению в организованную совместную деятельность педагога с детьми, а также к организации самостоятельной работы дошкольников с их родителями.

Результаты исследования и их обсуждение. Результаты проведенного нами исследования позволяют сформировать следующее примерное рекомендуемое содержание программы учебной дисциплины «Современные информационно-коммуникационные технологии в дошкольном образовании»:

Тема 1. Информатизация и цифровизация дошкольного образования.

ИКТ-компетенции и цифровая компетентность педагога ДОУ: понятие и состав компетенций. Современные информационно-коммуникационные и цифровые технологии в дошкольном образовании. Роль, функции, возможности использования для решения практических задач. Знакомство с опытом использования ИКТ в дошкольном образовании (в обучении, сотрудничестве с семьей, родителями по вопросам обучения и воспитания, использование ИКТ в домашних условиях, в планировании, диагностике и мониторинге деятельности группы детей дошкольного возраста, ведении документации, составлении отчетов). Требования к реализации образовательных программ с использованием дистанционных образовательных технологий, электронного обучения, интерактивной доски и других ЭСО, компьютера (ноутбука) или планшета (СП 2.4.3648-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи»). Поиск информации в сети Интернет. Тематические интернет-ресурсы. Обзор образовательных платформ для дошкольников (Дошкола Тилли (<https://tillionline.ru>), LogicLike (<https://logiclike.com>), Kids Smart (<https://kids-smart.ru>), Разумейкин (<https://www.razumeykin.ru>), eSchool.pro (<https://eschool.pro>), Пеликан (<https://pelican.study>)). Онлайн-школа Фоксфорд (<https://foxford.ru>). Сетевые образовательные сообщества: методическая работа и повышение квалификации педагога ДОУ (Издательский дом «Воспитание дошкольника» (www.dovosp.ru), Дошколенок.ру – сайт воспитателей ДОУ и родителей дошколят <http://dochkolenok.ru>), Дошкольник.рф (<http://doshkolnik.ru>), Газета «Дошкольное образование» (<https://dob.1sept.ru>).

Примеры практических заданий:

1. Ознакомиться с образовательными платформами для работы с дошкольниками и подготовить эссе о возможности их включения в свою педагогическую практику.

2. Используя тематические интернет-ресурсы (например, материалы детского портала «Солнышко» (<https://solnet.ee>), сделать подборку сценариев проведения праздников, найти готовый макет плаката или стенгазеты для распечатки к конкретному мероприятию (например, «Новый год», «День святого Валентина», «23 февраля – День защитника Отечества», «Весна, Масленица», «8 марта – Международный женский день», «Наши любимые бабушки» и другие).

3. Используя сайт «Игровая комната» (<https://playroom.com.ru>), сделать подборку раскрасок для детей, заданий на воображение, внимание, зрительную память, логику.

Тема 2. Организация и методика проведения занятий с использованием ИКТ и цифровых технологий.

Компьютер как средство творчества. Интерактивная доска. Разработка цифрового образовательного контента для совместной организованной деятельности педагогов дошкольного образования с детьми и их родителями (сервис Canva). Создание развивающих мультипликационных фильмов для детей (онлайн-сервис Renderforest). Создание информационного сайта о деятельности ДОУ, о проведении различных мероприятий в ДОУ (онлайн-сервис Tilda). Создание онлайн-опросов для педагогической диагностики (Google-формы).

Примеры практических заданий:

1. Используя онлайн-сервис Canva, подготовить плакат-памятку для родителей по теме «Адаптация ребенка к детскому саду», «Как научить ребенка одеваться самостоятельно?», «Формируем здоровый образ жизни», «Как привить любовь ребенка к чтению?», «Основы безопасного поведения ребенка на улице» и другие.

2. Используя онлайн-сервис Renderforest, создать развивающий мультипликационный фильм для дошкольников на тему «Азбука добра», «Крепкая дружба», «Дружбой надо дорожить», «Семья – это счастье», «Что такое хорошо и что такое плохо», «Мы природу бережем – наш красивый общий дом» и другие.

3. Используя конструктор сайтов Tilda, создать информационный сайт на тему «Детский сад – моя большая семья», «В детский сад с улыбкой», «Наши мероприятия в детском саду», «Основы безопасности и жизнедеятельности детей дома и на улице» и другие.

4. Создайте онлайн-форму для сбора информации о пожеланиях родителей в проведении мероприятий с детьми.

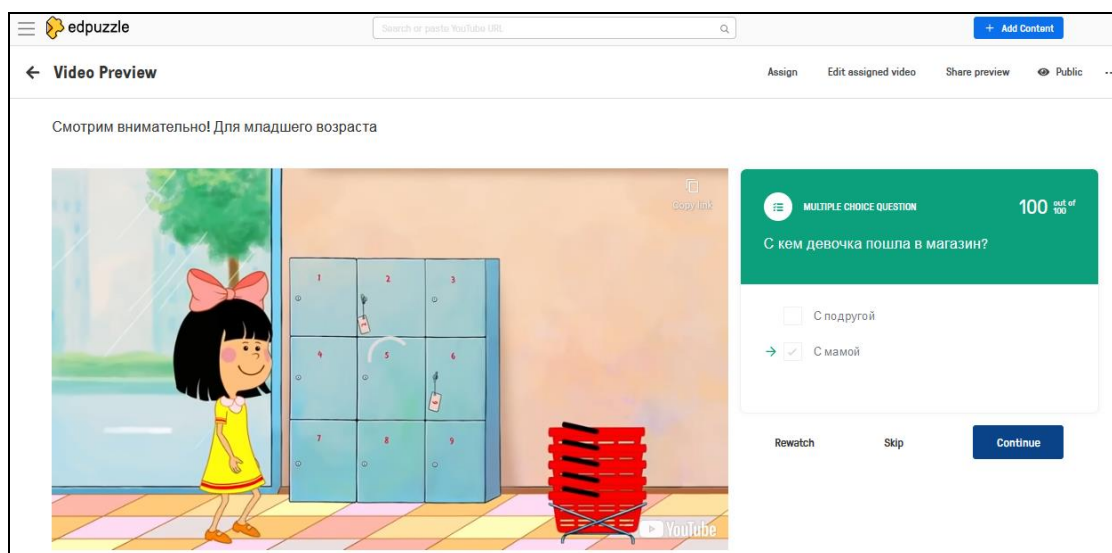
Тема 3. ИКТ как средство интерактивного обучения.

Подготовка интерактивных учебных материалов (интерактивные задания средствами LearningApps), интерактивное изображение (плаката) средствами ThingLink. Создание интерактивных видеоматериалов при изучении окружающего мира (EdPuzzle). Создание мультимедийных и интерактивных презентаций в PowerPoint. Использование триггеров. Игровые технологии в дошкольном образовании. Использование ИКТ для создания игр. Разработка интерактивных дидактических игр, игр на развитие воображения, мышления, памяти, игр для обучения детей математике, чтению.

Примеры практических заданий:

1. Используя онлайн-сервис ThingLink, подготовить интерактивную картинку (изображение с нанесенными метками интерактива: видео-, аудио- или текстовые заметки и др.), позволяющую осуществлять знакомство ребенка с объектами окружающего мира, например, сюжетные или предметные картинки с признаками времен года, знакомство с домашними животными, видами транспорта и другие.

2. Используя онлайн-сервис EdPuzzle, подобрать подходящее видео для развития речи дошкольников (используя доступ к видеохранилищу Youtube), которое содержит интерактивы, при необходимости дополнить его собственными интерактивами. Например, видео на развитие внимательности ребенка, которое доступно по ссылке: <https://edpuzzle.com/media/621b35a6e8a5ac42b52977fe>. Данное видео способствует развитию внимательности ребенка, его слуховой и зрительной памяти (рис. 1).

Рис. 1. Интерактивное видео для дошкольников

3. Используя MS PowerPoint, создать интерактивную презентацию, позволяющую собирать в виртуальную корзину изображенные на слайде ягоды, на которых, например, написана сумма двух чисел. Сумма чисел на ягодах, которые должны попасть в корзину, изображена в корзине. «Неправильные» ягоды при нажатии на них должны исчезать с помощью анимационного эффекта.

4. Используя MS PowerPoint, создать интерактивную презентацию, которая содержит в себе черно-белую картинку – раскраску, которая при правильном выборе ребенком запрашиваемых по названию объектов, например, названий фруктов из приведенного на слайде множества фруктов, будет последовательно закрашиваться.

5. Используя MS PowerPoint, создать интерактивную презентацию, которая содержит задания на выбор лишнего объекта из представленного множества (например, фрукт среди овощей, ягоды среди животных и др.), сосчитать количество представленных на слайде объектов и выбрать из представленного множества чисел нужное, найти среди представленных на слайде объектов реального мира (настенные часы, тарелка, стол, книга, мяч, окно и другие) объекты, которые имеют форму овала, прямоугольника; найти на слайде среди множества представленных объектов, например, канцелярские товары (ручка, карандаш, линейка, стирательная резинка, точилка и др.) и сложить их в виртуальный пенал.

6. Используя онлайн-сервис LearningApps, подобрать в коллекции или создать самостоятельно подходящее интерактивное задание на проверку правильности выбора ребенком последовательности действий, например, чистки зубов (рис. 2), использования носового платка, складывания одежды в определенном порядке. Например, такое задание доступно в коллекции готовых материалов по ссылке: <https://learningapps.org/view20859733>. Ребенку в произвольном порядке предлагаются изображения отдельных действий. Вместе со взрослыми в игровой форме эти картинки нужно выстроить в правильной последовательности и нажать кнопку проверки правильности выполнения задания.

Для детей дошкольного возраста главную роль играет изображение каждого конкретного действия. Таким образом, по картинкам он может сориентироваться в последовательности их выполнения.

Рис. 2. Пример интерактивного задания на установление последовательности действий при чистке зубов

Тема 4. ИКТ в организации самостоятельной работы дошкольников.

Самостоятельная художественная деятельность (использование графических редакторов для создания изображений (Paint, программа для рисования Tux Paint), интерактивных раскрасок для детей (<https://zakraski.ru>). Самостоятельная познавательно-исследовательская деятельность (сервисы для организации самостоятельной деятельности ребенка по сбору интерактивных пазлов, контрольно-проверочная работа с интерактивным рабочим листом (подготовленным средствами Liveworksheets). Подготовка электронного портфолио дошкольника (средствами онлайн-сервиса Canva).

Примеры практических заданий:

1. Используя графический редактор Paint, подготовить раскраску для детей.
2. Используя графический редактор Tux Paint, нарисовать сказочных персонажей (ежика, улитку, гусеницу, домик для них (лесную полянку, избушку на курьих ножках,

яблоко), нарисовать объекты реального мира (веточку с цветами сирени, дом своей мечты, поздравительную открытку к одному из праздников и др.).

3. С помощью онлайн-сервиса Canva подготовить иллюстрацию для обсуждения с ребенком выполнения действий (например: Кто что делает? Ответы: танцует, причесывается, спит, одевается, идет в детский сад, умывается и др.).

4. Подготовить интерактивный рабочий лист средствами Liveworksheets, который позволяет стрелочками соотнести пропущенные слова в детском стихотворении с изображенными картинками (рис. 3). Стихотворение (<https://rustih.ru>): *Что случилось у..., / Почему они не спят? / Почему ... открыли? / ... новую разбили? / Уронили ..., / Поцарапали ...? / Почему их лапки / Влезли в чьи-то ...? / Молока разлили плошку, / Разбудили маму ...? / Почему порвали ...? / Потому что ловят ....* Используемые изображения: котят, буфет, чашка, барабан, диван, тапки, кошка, книга, мышка.

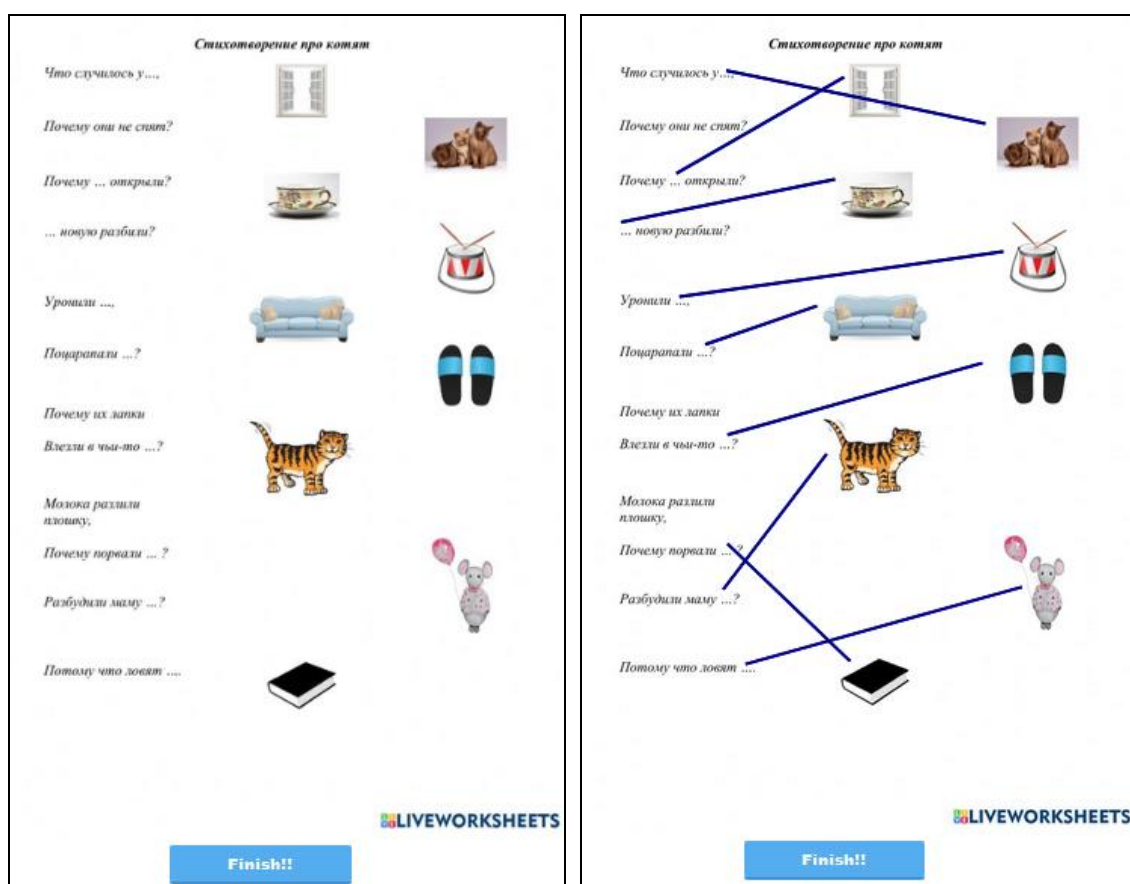

Рис. 3. Задание на интерактивном рабочем листе

Обратим внимание, что текст стихотворения на рабочем листе предназначается прежде всего для прочтения его родителями, а ребенок будет выбирать ответ (пропущенное слово) указывая на изображение соответствующего нужного объекта, который изображен картинкой.

5. Используя онлайн-сервис LearningApps, составить кроссворд для дошкольников, позволяющий детям отгадывать названия изображенных на рисунке объектов, например, по темам «Мебель», «Транспорт», «Посуда», «Животные», «Фрукты и овощи». Так, подготовленное в качестве примера задание (рис. 4), доступное на любом цифровом устройстве

(планшете, смартфоне, компьютере), можно посмотреть по ссылке: <https://learningapps.org/watch?v=pnejci2kn22>.

В данном задании роль ребенка состоит в угадывании названия изображенного на рисунке объекта. Вместе с родителем таким образом может быть организована игровая ситуация по узнаванию объектов действительности.

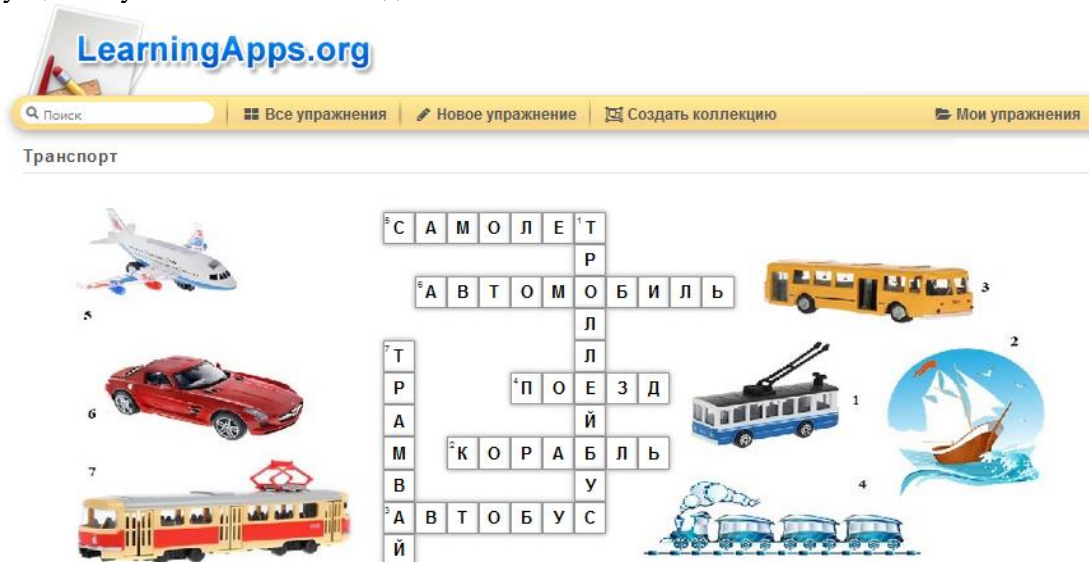

Рис. 4. Кроссворд для дошкольников по теме «Транспорт»

6. В работе с дошкольниками могут быть организованы занятия по сбору электронных пазлов с использованием онлайн-сервиса <https://www.jigsawplanet.com>. Можно загрузить свою картинку или использовать имеющиеся изображения в коллекции загруженных, настроить количество элементов пазла и поделиться по электронной почте ссылкой с родителями для совместной сборки с ребенком обучающего пазла, например, для формирования у него воображения (<https://www.jigsawplanet.com/?rc=play&pid=26928b35fbaa>) (рис. 5) или изучения правил дорожного движения (<https://www.jigsawplanet.com/?rc=play&pid=058804d89938>).

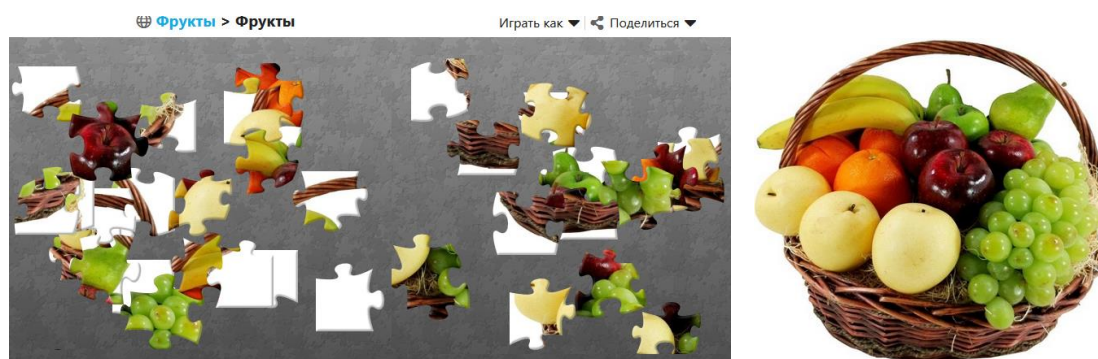

Рис. 5. Интерактивный пазл для формирования воображения детей

7. Используя онлайн-сервис Canva, подготовить электронное портфолио дошкольника. Наполнить его коллекциями рисунков, свидетельствами личных достижений ребенка, совместно созданными творческими продуктами и другими интересными материалами.

Предложенные задания практически значимы, позволяют педагогу ДОУ при знакомстве с новыми онлайн-сервисами увидеть и попробовать на практике успешные методические разработки других авторов, создавать подобные или еще более интересные для ребенка учебные материалы, на новом уровне качества организовывать работу родителей с детьми в ходе выполнения заданий для самостоятельной работы.

Основными *принципами* к отбору содержания «Современные информационно-коммуникационные технологии в дошкольном образовании» стали принципы наглядности (демонстрация конкретных приемов использования ИКТ), воспитывающего и развивающего обучения, научности (отражение современного достижения науки и техники), связи обучения с жизнью, доступности (соотнесение учебного материала с возрастными особенностями дошкольников), рефлексивного анализа положительного и отрицательного опыта использования ИКТ.

Логика изучения учебной дисциплины предполагает общее знакомство с перечнем ИКТ-компетенций и сущностью цифровой компетентности педагогов ДОУ в условиях цифровизации образования, дидактическим потенциалом современных ИКТ и цифровых инструментов и сервисов в решении педагогических задач, рекомендацией наиболее актуальных сервисов и ресурсов, рассмотрением игровых и интерактивных технологий в дошкольном образовании, демонстрацией практических примеров использования современных ИКТ и цифровых технологий в педагогической работе с дошкольниками.

Результаты освоения программы оцениваются предоставляемыми слушателями итоговыми проектами, которые они сдают в ходе и по окончании изучения учебной дисциплины в виде конкретных методических разработок (эссе о возможности включения образовательных платформ для дошкольников в свою педагогическую практику, интерактивная дидактическая игра для детей, информационный сайт или информационный буклет о ДОУ (визитная карточка группы дошкольников, педагога, публикация по актуальной теме развития дошкольников, праздники в группе, тематические занятия в группе и др.).

Выводы. Информатизация и цифровизация дошкольного образования открывают новые возможности для широкого применения ИКТ и цифровых технологий в педагогической работе, позволяют педагогу ДОУ с их помощью проявлять творчество, побуждают находить и создавать новые методы и технологии обучения на основе сформированных ИКТ-компетенций. Для детей дошкольного возраста создается безопасная предметно-развивающая среда, используются новые средства наглядности, которые обеспечивают успешное развитие их памяти, внимания, воображения, логики, речи, математических представлений и т. д., формирование первичных представлений о себе, других людях, объектах окружающего мира, самостоятельной творческой деятельности.

Предложенное содержание учебной дисциплины «Современные информационно-коммуникационные технологии в дошкольном образовании» для программы профессиональной переподготовки «Дошкольное образование» позволяет повысить профессиональный уровень педагогов ДОУ за счет развития ИКТ-компетенций, на этой основе диверсифицировать используемые методы обучения детей дошкольного возраста, стать наставником для детей в аспекте овладения ими ИКТ и знакомства с цифровыми устройствами, проводником в мир современных цифровых технологий, методически грамотно планировать использование ИКТ в учебно-воспитательном процессе дошкольного образования, регулярно участвовать в сетевых педагогических сообществах, непрерывно повышать свою квалификацию, обмениваться с коллегами положительным опытом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афонина Ю. В., Ханова Т. Г. Использование игр-презентаций как средства активизации познавательного интереса дошкольников // Перспективы науки и образования. – 2017. – № 6(30). – С. 66–69.

2. Вовк Е. В. Организация взаимодействия учреждения дошкольного образования с родителями воспитанников средствами информационно-коммуникационных технологий // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 66-1. – С. 47–49.
3. Зайцева К. П. Организация речевого развития детей в образовательной деятельности с использованием информационно-коммуникационных технологий // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2019. – Т. 1, № 1(57). – С. 28–35.
4. Комарова Т. С., Москвина А. С., Третьяков А. Л. Роль информационно-коммуникационных технологий в познавательном развитии детей дошкольного возраста // Проблемы современного образования. – 2019. – № 1. – С. 143–149.
5. Красильникова Л. В., Вялова Н. В. Использование компьютерных игр в развитии речи детей дошкольного возраста // Перспективы науки и образования. – 2018. – № 3(33). – С. 217–225.
6. Логинов В. А. Организация работ с понятиями и объектами для развития ИТ-грамотности в дошкольном возрасте // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 63-3. – С. 288–291.
7. Нуриева А. Р., Миннуллина Р. Ф., Газизова Ф. С. Формирование познавательного интереса у детей старшего дошкольного возраста посредством использования ИКТ в ДОО // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 70-4. – С. 263–267.
8. Digital disruption in early childhood education: A qualitative research from teachers' perspective / B. R. Aditya, A. N. Ismiatun, A. R. Atika, A. Permadi // Procedia Computer Science. – 2022. – № 197. – P. 521–528.
9. Majitovna A. G. Processes of formation of intellectual abilities of preschool children by means of innovative technologies // World Bulletin of Social Sciences. – 2022. – № 7. – P. 73–74.
10. Otterborn A., Schönborn K. Implementing Digital Tablet Activities in Swedish Preschool Education // Applications of Research in Technology Education. Springer, Singapore. – 2022. – P. 249–265.
11. Zourmpakis A. I., Papadakis S., Kalogiannakis M. Education of preschool and elementary teachers on the use of adaptive gamification in science education // International Journal of Technology Enhanced Learning. – 2022. – № 14(1). – P. 1–16.

Статья поступила в редакцию 28.02.2022

REFERENCES

1. Afonina Yu. V., Hanova T. G. Ispol'zovanie igr-prezentacij kak sredstva aktivizacii poznavatel'nogo interesa doshkol'nikov // Perspektivy nauki i obrazovaniya. – 2017. – № 6(30). – S. 66–69.
2. Vovk E. V. Organizaciya vzaimodejstviya uchrezhdeniya doshkol'nogo obrazovaniya s roditel'yami vospitannikov sredstvami informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2020. – № 66-1. – S. 47–49.
3. Zajceva K. P. Organizaciya rechevogo razvitiya detej v obrazovatel'noj deyatel'nosti s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. – 2019. – Т. 1, № 1(57). – S. 28–35.
4. Komarova T. S., Moskvina A. S., Tret'yakov A. L. Rol' informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij v poznavatel'nom razvitii detej doshkol'nogo vozrasta // Problemy sovremennogo obrazovaniya. – 2019. – № 1. – S. 143–149.
5. Krasil'nikova L. V., Vyalova N. V. Ispol'zovanie komp'yuternyh igr v razvitii rechi detej doshkol'nogo vozrasta // Perspektivy nauki i obrazovaniya. – 2018. – № 3(33). – S. 217–225.
6. Loginov V. A. Organizaciya rabot s ponyatiyami i ob'ektami dlya razvitiya IT-gramotnosti v doshkol'nom vozraste // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2019. – № 63-3. – S. 288–291.
7. Nurieva A. R., Minnullina R. F., Gazizova F. S. Formirovanie poznavatel'nogo interesa u detej starshego doshkol'nogo vozrasta posredstvom ispol'zovaniya IKT v DОО // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2021. – № 70-4. – S. 263–267.
8. Digital disruption in early childhood education: A qualitative research from teachers' perspective / B. R. Aditya, A. N. Ismiatun, A. R. Atika, A. Permadi // Procedia Computer Science. – 2022. – № 197. – P. 521–528.
9. Majitovna A. G. Processes of formation of intellectual abilities of preschool children by means of innovative technologies // World Bulletin of Social Sciences. – 2022. – № 7. – P. 73–74.
10. Otterborn A., Schönborn K. Implementing Digital Tablet Activities in Swedish Preschool Education // Applications of Research in Technology Education. Springer, Singapore. – 2022. – P. 249–265.
11. Zourmpakis A. I., Papadakis S., Kalogiannakis M. Education of preschool and elementary teachers on the use of adaptive gamification in science education // International Journal of Technology Enhanced Learning. – 2022. – № 14(1). – P. 1–16.

The article was contributed on February 28, 2022

Сведения об авторах

Бороненко Татьяна Алексеевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой информатики и информационных систем Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-2265-3531>, kafivm@lengu.ru

Федотова Вера Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры информатики и информационных систем Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-1974-5809>, vera1983@yandex.ru

Author Information

Boronenko, Tatyana Alekseevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Computer Science and Information Systems, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-2265-3531>, kafivm@lengu.ru

Fedotova, Vera Sergeevna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor of the Department of Computer Science and Information Systems, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-1974-5809>, vera1983@yandex.ru

Н. В. Васильева, Н. А. Матвеева

**ВЛИЯНИЕ ДВИГАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ НА ИЗМЕНЕНИЕ ПАМЯТИ
И ВНИМАНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА
НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ**

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. Вопросы изменения памяти и внимания у студентов при реализации предмета «Физическая культура и спорт» в вузе по-прежнему остаются недостаточно изученными. Неправильное соотношение учебы и оптимального распорядка дня, учитывающего факторы здорового питания, достаточных физических нагрузок и профилактики переутомлений, вызывает у студентов признаки психологического стресса. Соблюдение этих правил позволяет минимизировать неизбежно возникающие при высоких умственных нагрузках снижение памяти и рассеянность внимания.

В статье рассмотрены вопросы связи и взаимодействия физических и психических функций человека, когда оптимально подобранный режим двигательной активности приводит к некоторым изменениям способности студентов не только к усвоению большого объема информации, но и в целом к успешному обучению в вузе.

Разработка теоретических аспектов проблемы изменения памяти и внимания, развернувшаяся в теории и методике физического воспитания, психофизиологии, дала толчок к исследованию практических наработок российских и зарубежных ученых в этой области.

Наше исследование включает в себя эксперимент, проведенный со студентами педагогического вуза до начала занятия по физической культуре и спорту и после его завершения для определения степени изменения внимания и памяти. В результате тестирования было выявлено безусловное положительное влияние умеренной физической нагрузки на процессы внимания и запоминания.

Ключевые слова: *внимание, память, студенты, физическая культура, двигательная активность*

N. V. Vasilyeva, N. A. Matveeva

**MOTOR ACTIVITY INFLUENCE ON UNIVERSITY STUDENTS'
MEMORY AND ATTENTION
IN PHYSICAL CULTURE AND SPORTS CLASSES**

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Abstract. The issues of changing memory and attention in students, when implementing the subject "Physical Culture and Sports" at the university, have not yet been studied properly enough. Poor balance of study and daily routine, including a healthy diet, sufficient physical exertion and prevention of overwork, leads to the signs of psychological stress in students. Compliance with these rules makes it possible to minimize the memory loss and distraction that inevitably occur with high mental loads.

The article traces the issues of relations and interactions of physical and mental functions of a person, where the optimally selected mode of motor activity leads to some changes in students' abilities to assimilate a large amount of information and, in general, the ability to successfully study at a university.

The development of theoretical aspects of the problem of memory and attention changes, which unfolded in psychophysiology, theory and methodology of physical education, prompted the authors to study practical developments of Russian and foreign scientists related to this field.

The study includes an experiment conducted with the pedagogical university students before and after Physical Culture and Sports class to determine the degree of change in attention and memory. As a result of the experiment, there has been revealed a positive effect of moderate physical activity on the processes of attention and memory.

Keywords: *attention, memory, students, physical culture, motor activity*

Введение. Исследования последних лет показывают, что между физическими упражнениями и психическими функциями человеческого организма может быть более тесная и непосредственная связь, нежели считалось ранее. В работах разных авторов изложены научно обоснованные данные о влиянии физических упражнений на интеллектуальное развитие человека [2], [3], [5], [8].

В настоящее время объем научно-теоретических исследований способствует появлению достаточного количества предпосылок, рассматривающих высокую степень влияния физических нагрузок на развитие интеллектуальных способностей человека. Однако научно-методическая литература, освещающая особенности средств и методов занятий физической культурой в юношеском возрасте, представлена недостаточно. Это связано с тем, что до сих пор до конца не определен уровень такого взаимодействия, что неизбежно создает определенные проблемы в процессах планирования, организации и проведения практических занятий при реализации дисциплины по физической культуре и спорту в вузе.

Успешное обучение в вузе подразумевает эффективное усвоение огромного количества незнакомого материала. Студент вынужден так или иначе адаптироваться к новым для него условиям, что чаще всего приводит к умственным и эмоциональным перегрузкам на фоне некачественного питания и вынужденной малоподвижности. Нервно-психическое напряжение, в свою очередь, ведет к переутомлению, заболеваниям различных органов и систем и в итоге заканчивается серьезными проблемами со здоровьем [1], [6]. Именно двигательная активность выступает здесь как фактор формирования и совершенствования механизмов адаптации к умственным нагрузкам, воздействуя на успешную переработку информации, внимание, оперативное мышление, умственную работоспособность [7].

Исходя из вышесказанного, цель нашего исследования – проследить изменения внимания и памяти студентов до и после занятия по физической культуре и спорту в вузе.

Актуальность исследуемой проблемы. Предмет нашего исследования – изменение памяти и внимания студентов непосредственно в процессе проведения занятий по физической культуре и спорту в вузе.

Эффективному усвоению учебного материала могут помешать возникающие зачастую проблемы расстройства памяти и рассеянности внимания. Такие негативные изменения в различных органах и системах организма возникают в период поступления и обучения в высшей школе под воздействием эмоционального и нервно-психического напряжения.

Российские и зарубежные ученые-психофизиологи активно обращаются к разработке теоретических аспектов теории и методики физического воспитания, касающихся проблем развития памяти и внимания. Многие авторы сходятся в одном: между физическими упражнениями и психическими функциями человека существует более тесная и непосредственная связь, нежели это считалось ранее [4], [11]. Кроме того, есть ряд моментов, в которых ученые также приходят к единому мнению. Прежде всего это касается научно-обоснованного влияния физических упражнений на интеллектуальное развитие человека, т. е. множество психических процессов, таких как устойчивость памяти, внимания, восприятия, активность переработки информации, зависит от уровня функциональных возможностей и физической подготовленности. Таким образом, правильно подобранный режим двигательной активности способствует лучшему усвоению большого объема информации. Поддерживать же работоспособность нервной системы и головного мозга оптимальнее всего с помощью аэробной деятельности (бег, плавание, лыжи, ходьба и т. п.) [9].

Несмотря на то что на сегодняшний день накоплен немалый теоретический материал, касающийся связи физических упражнений и интеллектуальных способностей человека, в научных источниках прослеживается острая нехватка практических исследований, в которых затрагивались бы особенности методики занятий по физической культуре и спорту, позволяющих поднять на необходимую высоту память и внимание студентов вуза. Так как уровень взаимодействия физических упражнений и интеллектуального развития до сих пор четко не обозначен, это неизбежно создает определенные трудности по планированию, организации и проведению практических занятий по развитию внимания и памяти у студентов в процессе преподавания физической культуры и спорта. Таким образом, определение и обоснование организационно-методических особенностей развития внимания и памяти представляет собой как научно-методический, так и социально-практический интерес.

Материал и методы исследования. Основными методами исследования являются изучение и анализ научно-методической литературы, обобщение имеющегося передового педагогического и собственного практического опыта, тестирование (тест на внимание, проводимый с помощью таблицы В. Я. Анфимова, – нахождение ошибок за определенное время (10 секунд); тест Мюнстерберга – нахождение слова в наборе букв (30 секунд); тесты на оперативную память, содержащие 12 цифр (зрительная память) и 10 слов (слуховая память), результаты которых оценивали по количеству запоминаемых чисел и слов) и математическая статистика.

Результаты исследования и их обсуждение. Было проведено тестирование со студентами III курса педагогического вуза до и после занятия по физической культуре и спорту с целью определения уровня внимания и памяти (таблица), далее был проведен математический анализ. В исследовании приняли участие 107 студентов.

**Показатели изменения внимания и памяти у студентов
до и после занятия по физической культуре и спорту в вузе**

Показатель	Тесты							
	Внимание		Оперативная память					
			зрительная (12 цифр)			слуховая (10 слов)		
	Таблица В. А. Анфимова (10 с)	Тест Мюнстерберга (30 с)	«отл.»	«хор.»	«удовл.»	«отл.»	«хор.»	«удовл.»
До занятия, чел.	82 (76,6%)	23 (21,5%)	58 (54,2%)	29 (27,1%)	20 (18,7%)	59 (55,1%)	18 (16,8%)	30 (28,0%)
После занятия, чел.	85 (79,4%)	57 (53,3%)	72 (67,6%)	21 (19,6%)	14 (12,8%)	71 (66,7%)	20 (18,7%)	16 (14,6%)
Разница, чел.	3 (2,8%)	34 (31,8%)	17 (13,4%)	-8 (-7,5%)	-6 (-5,9%)	12 (11,6%)	2 (1,9%)	-14 (-13,4%)
χ^2			0,016			0,001		

В тестах на внимание динамика была явно положительной (с 76,6 до 79,4 % в задании найти лишний знак и с 21,5 до 53,3 % – найти ошибку в тексте). В тестах на зрительную и слуховую память использовали оценки «отлично», «хорошо», «удовлетворительно». Зрительное запоминание цифр дало повышение отличных (с 54,2 до 67,6 %) и незначительное понижение хороших и удовлетворительных оценок (с 27,1 до 19,6 % и с 18,7 до 12,8 % соответственно). Запоминание слов на слух по тому же принципу дало повышение отличных

и хороших оценок (с 55,1 до 66,7 % и с 16,8 до 18,7 %), но понижение удовлетворительных (с 28,0 до 14,6 %).

При оценке оперативной памяти было проведено исследование, где статистическая значимость по тесту хи-квадрат критерий Пирсона показала различие $p < 0,05$ (зрительная) и $p < 0,001$ (слуховая).

Ранее нами была выявлена прямая зависимость между интенсивностью физических упражнений и уровнем интеллектуальных способностей: «Следует иметь в виду, что на процессы внимания и запоминания наиболее благоприятный результат оказывают нагрузки со средним объемом двигательной активности и эмоциональности, промежуточное положение занимают задания низкой интенсивности, а самое неблагоприятное – интенсивные занятия. В ЭГ использовалась достаточно умеренная нагрузка, и мы можем сделать вывод о том, что в целом проведенные тесты подтвердили положительное влияние занятий физической культурой на концентрацию внимания, запоминание и воспроизведение информации. Некоторая же отрицательная динамика цифр может свидетельствовать лишь о том, что предложенная физическая нагрузка по-разному воспринимается студентами в зависимости от их физической подготовленности, настроения и тому подобных факторов» [10, с. 62–63].

Сравнительный анализ результатов эксперимента, проведенного нами в течение одного занятия, и данных из цитируемой статьи, где исследование велось на протяжении года, позволяет сделать вывод об их полной тождественности.

Выводы. Результаты исследования изменения памяти и внимания студентов на занятиях по физической культуре и спорту предполагают использование физических упражнений (подготовительных, подводящих и специальных), адекватных уровню физической подготовленности обучающихся.

Оптимальная физическая нагрузка улучшает логику и внимание, зрительную и слуховую память, способность решать незнакомые задачи и проблемы, воспринимать и запоминать новую информацию и в итоге способствует гармоничному развитию личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева Н. В., Матвеева Н. А., Тимофеев М. В. Влияние занятий физической культурой на психоэмоциональное состояние студентов // Актуальные проблемы физической культуры и спорта : материалы X междунар. науч.-практ. конф., посв. 90-летию ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – Чебоксары, 2020. – С. 294–296.
2. Влияние различных средств физической культуры на когнитивные и психомоторные показатели студентов медицинского вуза / Э. А. Буланова, В. Г. Осипов, Л. А. Коршунова, Э. А. Лебедева // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2019. – Т. 14(2). – С. 38–42.
3. Как спорт влияет на мозг? [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.page.maple4.ru/incoe/stati/interesnoe/871-kak-sport-vliyaet-na-mozg.html> (дата обращения: 20.10.2018).
4. Ланина Н. В. Психологические методы работы с тревожностью студентов в условиях педагогического образования // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – Вып. 73, ч. 1. – С. 353–355.
5. Любаев А. В. Влияние физических упражнений на умственную деятельность студентов и их взаимосвязь [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2015. – № 18(98). – С. 423–425. – URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24194738> (дата обращения: 20.01.2022).
6. Марченко Е. В., Курмаева Е. В., Коломкая В. А. Влияние физической культуры на успеваемость студентов [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38192810> (дата обращения: 15.01.2022).
7. Пеняева С. М. Влияние физических нагрузок на умственную деятельность // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2019. – № 2-1. – С. 12–16.
8. Пьянзин А. И. Теория функциональных систем в спортивной подготовке : учеб. пособие. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. – 82 с.
9. Роль физической активности на открытом воздухе в повышении умственной работоспособности студентов / Т. А. Андреев, Л. М. Лукьянова, А. П. Попов и др. // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2019. – № 11(177). – С. 15–17.
10. Симень В. П., Васильева Н. В., Матвеева Н. А. Развитие памяти и внимания у студентов при реализации элективных курсов по физической культуре и спорту в вузе // Теория и практика физической культуры. – 2021. – № 8(998). – С. 61–63.

11. Фазлеева С. А., Паначев В. Д. Физическая культура как метод повышения качества обучения // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2016. – Т. 11(4). – С. 144–151.

Статья поступила в редакцию 07.02.2022

REFERENCES

1. Vasil'eva N. V., Matveeva N. A., Timofeev M. V. Vliyanie zanyatij fizicheskoy kul'turoj na psihoemocional'noe sostoyanie studentov // Aktual'nye problemy fizicheskoy kul'tury i sporta : materialy X mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posv. 90-letiyu ChGPU im. I.Ya. Yakovleva. – Cheboksary, 2020. – S. 294–296.
2. Vliyanie razlichnyh sredstv fizicheskoy kul'tury na kognitivnye i psihomotornye pokazateli studentov medicinskogo vuza / E. A. Bulanov, V. G. Osipov, L. A. Korshunova, E. A. Lebedeva // Pedagogiko-psihologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoy kul'tury i sporta. – 2019. – Т. 14(2). – С. 38–42.
3. Kak sport vliyaet na mozg? [Elektronnyj resurs]. – URL : <http://www.page.maple4.ru/inoe/stati/interesnoe/871-kak-sport-vliyaet-na-mozg.html> (data obrashcheniya: 20.10.2018).
4. Lanina N. V. Psihologicheskie metody raboty s trevozhnost'yu studentov v usloviyah pedagogicheskogo obrazovaniya // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2021. – Vyp. 73, ch. 1. – S. 353–355.
5. Lyubaev A. V. Vliyanie fizicheskikh uprazhnenij na umstvennyuyu deyatel'nost' studentov i ih vzaimosvyaz' [Elektronnyj resurs] // Molodoy uchenyj. – 2015. – № 18(98). – С. 423–425. – URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24194738> (data obrashcheniya: 20.01.2022).
6. Marchenko E. V., Kurmaeva E. V., Komockaya V. A. Vliyanie fizicheskoy kul'tury na uspevaemost' studentov [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38192810> (data obrashcheniya: 15.01.2022).
7. Penyaeva S. M. Vliyanie fizicheskikh nagruzok na umstvennyuyu deyatel'nost' // Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki. – 2019. – № 2-1. – С. 12–16.
8. P'yanzin A. I. Teoriya funktsional'nykh sistem v sportivnoj podgotovke : ucheb. posobie. – Cheboksary : Chuvash. gos. ped. un-t, 2016. – 82 s.
9. Rol' fizicheskoy aktivnosti na otkrytom vozduhe v povyshenii umstvennoj rabotosposobnosti studentov / T. A. Andreenko, L. M. Luk'yanova, A. P. Popov i dr. // Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta. – 2019. – № 11(177). – С. 15–17.
10. Simen' V. P., Vasil'eva N. V., Matveeva N. A. Razvitie pamyati i vnimaniya u studentov pri realizacii elektivnykh kursov po fizicheskoy kul'ture i sportu v vuze // Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury. – 2021. – № 8(998). – С. 61–63.
11. Fazleeva S. A., Panachev V. D. Fizicheskaya kul'tura kak metod povysheniya kachestva obucheniya // Pedagogiko-psihologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoy kul'tury i sporta. – 2016. – Т. 11(4). – С. 144–151.

The article was contributed on February 07, 2022

Сведения об авторах

Васильева Наталья Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-8788-0973>, koolmama@mail.ru

Матвеева Надежда Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-1990-2210>, kluchnad@mail.ru

Author Information

Vasilyeva, Natalia Vladimirovna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor of the Department of Physical Education, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-8788-0973>, koolmama@mail.ru

Matveeva, Nadezhda Aleksandrovna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor of the Department of Physical Education, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-1990-2210>, kluchnad@mail.ru

УДК 373.2.036.5

DOI 10.26293/chgpu.2022.114.1.021

Л. Л. Ильина

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ТВОРЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТРУДЕ

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье представлены результаты экспериментальной работы по педагогическому сопровождению творческого развития детей старшего дошкольного возраста в художественном труде. Несмотря на большое количество работ, посвященных творческому развитию детей дошкольного возраста, изучение этой проблемы до сих пор сохраняет актуальность, что связано с осознанием педагогами важности и необходимости творческого развития детей дошкольного возраста и отсутствием отработанного инструментария реализации возможностей для педагогического сопровождения.

На основе количественных данных констатирующего этапа эксперимента автор выделяет особенности творческого развития детей пяти – шести лет. Качественные данные эксперимента позволили выявить, что дошкольники вносили новое, свое в предложенный материал, дополняли его знакомыми образами. Они предлагали варианты решения знакомых проблем, основываясь на собственном опыте. При создании поделок образы у детей чаще всего повторялись, замысел отличался неустойчивостью. У испытуемых был ярко выражен интерес к художественно-эстетической деятельности, наблюдалась эмоциональная включенность. На основании данных диагностики в статье представлена модель педагогического сопровождения творческого развития детей старшего дошкольного возраста в художественном труде.

Ключевые слова: педагогическое сопровождение, творческое развитие, дети дошкольного возраста, художественный труд, дошкольная образовательная организация

L. L. Ilyina

PEDAGOGICAL SUPPORT OF CREATIVE DEVELOPMENT OF PRESCHOOLERS IN ARTISTIC WORK

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Abstract. The article presents the results of experimental work on pedagogical support of creative development of senior preschoolers in artistic work. Despite the large number of works devoted to the creative development of preschool children, the study of this problem still remains relevant. This is due to teachers' awareness of the importance and necessity of creative development of preschool children and the lack of proven tools for implementing opportunities for pedagogical support.

Based on the quantitative data of the ascertaining stage of the experiment, the author highlights the features of the creative development of 5- and 6-year-old children. Qualitative data of the experiment revealed that preschoolers introduced something new into the proposed material, supplemented it with familiar images. They offered solutions to familiar problems based on their own experience. When creating crafts, the images, that the children had, were most often repeated, the idea was unstable. The children had a pronounced interest in artistic and aesthetic activities, emotional involvement was also observed. Based on the diagnostic data, the article presents a model of pedagogical support for the creative development of senior preschool children in artistic work.

Keywords: *pedagogical support, creative development, preschool children, artistic work, preschool educational organization*

Введение. Высокий темп социальных изменений обуславливает потребность общества в накоплении индивидуально-творческого потенциала, который позволит выйти на новые рубежи развития. Россия в современных условиях нуждается в личности, способной к самореализации, творчеству, умеющей адекватно оценивать себя и свои возможности в сложных социальных ситуациях.

Интерес к данной теме вызван целевыми ориентирами дошкольного образования, представленными в федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования (далее – ФГОС ДО). Так, в документе отмечено, что на этапе завершения дошкольного образования ребенок обладает развитым воображением, которое реализуется в разных видах детской деятельности, творческой инициативой, умением ставить цель, обдумывать ее достижение, осуществлять замысел и оценивать полученный результат [14].

Творческое развитие является важной составляющей в формировании личности. Мы согласны с мнением Г. Е. Жуковой и В. С. Головачевой, что творческая потребность самореализовываться в разных видах деятельности влияет на развитие познавательной активности ребенка, проявление созидательного и плодотворного поведения [8].

Опираясь на исследование О. Драгункиной, мы можем констатировать, что творческое развитие дошкольников заключается в реализации возможностей ребенка в рамках личностно-значимой, творческой деятельности [5].

Мы согласны с выводами Т. Ендовицкой, что в результате творческой деятельности происходит раскрытие потенциала личности и переход способностей из потенциальных в актуальные. Успешность реализации ребенка в будущем в разнообразных жизненных сферах связана с умением реализовывать свой потенциал в соответствии с личными интересами и потребностями [7].

Итак, мы можем отметить, что творческое развитие выступает как форма целенаправленной активности личности по реализации собственных возможностей и способностей в рамках личностно-значимой творческой деятельности.

Несмотря на богатство теоретических разработок, нами установлено противоречие между задачей формирования личности, способной к творческому решению разнообразных проблем, поставленной перед системой образования в соответствии с существующим социальным запросом общества, и недостаточно эффективным ее решением в практике творческого развития детей дошкольного возраста.

Проблема исследования состоит в определении модели педагогического сопровождения творческого развития детей старшего дошкольного возраста в художественном труде на основе результатов диагностического среза.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность нашего исследования обусловлена изменениями в обществе и современной педагогической практикой, которые первостепенную роль отводят проблеме творческого развития детей. В. Г. Березина, И. Л. Викентьев, С. Ю. Модестов ориентируют образовательный процесс новой социокультурной среды в направлении максимальной креативности [2]. В целевых ориентирах развития дошкольного образования отмечена важность развития у детей дошкольного возраста умения гибко и самостоятельно использовать приобретенные знания в жизненных ситуациях.

Опираясь на наше теоретическое исследование, мы пришли к выводу о необходимости создания условий для формирования творческой личности в соответствии с ее интересами и наклонностями [9].

Важнейшей задачей развития творчества является педагогическое сопровождение, определение путей, дидактических условий, педагогической системы стимулирования

творчества ребенка дошкольного возраста. Художественный ручной труд обладает широкими возможностями для развития творчества у старших дошкольников. Такой труд является декоративной, художественно-прикладной деятельностью ребенка. В процессе художественного ручного труда, создавая красивые предметы, ребенок учитывает эстетические качества материалов на основе имеющихся представлений, знаний, практического опыта.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили работы по проблеме развития творческих способностей детей дошкольного возраста. В исследовании использовались теоретические (анализ педагогической, психологической литературы по изучаемой проблеме) и эмпирические методы (методики «Дорисуй фигуру» (О. М. Дьяченко) [6], «Как спасти зайку» (В. Кудрявцев, В. Синельников) [10], диагностическое задание «Подарок для мамы». Экспериментальная работа проводилась на базе МБДОУ «Детский сад № 116», МБДОУ «Детский сад № 113», МБДОУ «Детский сад № 201» г. Чебоксары Чувашской Республики. Всего в эксперименте участвовало 128 детей пяти-шести лет.

Результаты исследования и их обсуждение. Творческая деятельность, по мнению Д. Б. Богоявленской, определяется как способ самоутверждения, самовыражения [3] и проявляется в самореализации личности при создании материальных и духовных ценностей.

Творчество выражается в различных видах деятельности. При этом А. Маслоу подчеркивает, что настоящее творчество проявляется у человека как в искусстве, науке, так и в повседневной жизни [11]. По его мнению, творчество приобретает свою значимость только для самого человека, носит субъективный характер и заложено внутри него [11].

В отечественной науке основополагающим является понимание творчества с позиции деятельностного подхода. Так, с точки зрения С. Л. Рубинштейна, творческой является любая деятельность, в которой создается новое и оригинальное [13].

В. И. Андреев раскрывает признаки творческой деятельности, которые проявляются целостно. К таким признакам ученый относит самостоятельность и критичность мышления, способность к анализу и синтезу, индивидуальность и др. [1].

Проблема творческого развития дошкольников нашла отражение в фундаментальных исследованиях. Так, теоретико-методологические основы развития творчества отражены в работах Б. Г. Ананьева, Л. С. Выготского, А. В. Запорожца, Н. С. Лейтеса, А. Н. Леонтьева, А. Маслоу, А. М. Матюшкина, Я. А. Пономарева, С. Rogers, С. Л. Рубинштейна, Б. М. Теплова и др.

В научной литературе освещены вопросы, связанные с развитием творчества детей, выделением их особенностей (О. М. Дьяченко, Р. Г. Казакова, Т. Г. Казакова, Е. Е. Кравцова, В. Т. Кудрявцев, Т. С. Комарова, Н. П. Сакулина и др.).

Педагогическое сопровождение необходимо в работе дошкольной образовательной организации для повышения уровня развития творческого развития детей и качества работы воспитателей.

О. С. Газман определяет педагогическое сопровождение как форму педагогической деятельности, направленную на создание условий для личностного развития и самореализации человека, развитие его самостоятельности и уверенности в различных ситуациях жизненного выбора [4].

Основными принципами педагогического сопровождения ребенка в условиях дошкольной образовательной организации, по мнению В. А. Сластенина и И. А. Колесниковой, являются рекомендательный характер советов сопровождающего, приоритет интересов сопровождаемого (на стороне ребенка), непрерывность сопровождения, комплексный подход, стремление к автономизации [12].

Таким образом, под педагогическим сопровождением творческого развития дошкольников мы понимаем специально организованное систематическое взаимодействие

педагога с ребенком, направленное на развитие творческих способностей детей, креативности, оригинальности, самостоятельности в творчестве.

Одним из этапов педагогического сопровождения является диагностика творческого развития детей дошкольного возраста.

На основании анализа теоретических источников мы выделили критерии сформированности творческого развития детей пяти-шести лет: высокий уровень развития творческого воображения, умение переносить знакомые свойства в новые условия, оригинальность в создании новых образов, эмоциональность.

С целью выявления уровня развития творческого воображения использовалась методика «Дорисуй фигуру». Ребенку было предложено дорисовать каждую из фигур так, чтобы получилось определенное изображение. Обработку данных проводили по таким критериям, как оригинальность изображения, коэффициент оригинальности, а также смотрели, превращается фигура в какое-либо изображение или нет.

Результаты диагностического обследования по методике «Дорисуй фигуру» позволили нам сделать вывод о преобладании среднего (35,9 % в ЭГ и 29,7 % в КГ) и низкого (42,2% в ЭГ и 46,9% в КГ) уровней развития творческого воображения детей пяти-шести лет.

На основании количественных данных можно выделить особенности развития творческого воображения у детей пяти-шести лет. Так, изображения большей части детей были схематичные, без деталей, контурные. Многие испытуемые не понимали задание и рисовали рядом свою картинку, не соотнося его с изображением. Воспитанники с высоким уровнем развития творческого воображения (21,9 % в ЭГ и 23,4 % в КГ) видели фигуру и использовали ее как часть своего рисунка. Дорисовывание и дополнение деталями фигуры обеспечивало оригинальность изображения.

С целью выявления способности преобразовывать определенную задачу и переносить знакомые свойства в новые условия использовалась методика «Как спасти зайку». Экспериментатор рассказывал историю про зайца и просил ребенка помочь ему, используя предметы, расположенные на столе.

По результатам обследования по методике «Как спасти зайку» большинство детей пяти-шести лет продемонстрировали средний уровень (43,8 % в ЭГ и 48,4 % в КГ) сформированности способности к надситуативно-преобразовательному характеру творческих решений. Воспитанники выбирали решение, которое лежало «на поверхности»: ведро, палочку и т. д. Испытуемые решали задание с элементами простейшего символизма, т. е. что видели, то и выбирали. Дошкольники с высоким уровнем (15,6 % детей в ЭГ и 18,8 % в КГ) переносили знакомые условия в новую ситуацию. Так, из бумаги они предлагали сделать кораблик, из палочки – плот и др. Испытуемые с низким уровнем (40,6 % в ЭГ и 32,8 % в КГ) не принимали задачу педагога и выбирали любой понравившийся предмет.

С целью выявления уровня сформированности творческих способностей в художественном ручном труде (диагностическое задание «Подарок для мамы») мы предложили испытуемым сделать поделку для мамы из разных материалов (цветная бумага, нитки, листья, ветки, крупа (гречка, пшено), фасоль, кусочки ткани, вата, пластилин, клей, ножницы, щетинная кисть).

Данные обследования по методике «Подарок для мамы» свидетельствуют о том, что высокий уровень сформированности творческих способностей в художественном ручном труде показали 10,9 % детей в ЭГ и 9 % в КГ; средний уровень составил 39,1 % в ЭГ и 42,2 % в КГ, низкий уровень – 50 % в ЭГ и 43,7 % в КГ. При изготовлении поделки воспитанники использовали два-три однообразных материала в соответствии с конструктивной задачей, не дополняя образ деталями. Можно отметить, что поделки не отличались оригинальностью. Свою деятельность ребята не планировали.

Для выделения особенностей творческого развития детей пяти-шести лет мы обобщили данные трех методик.

Для детей с высоким уровнем творческого развития (17,2 % в ЭГ и 18,8 % в КГ) характерна самостоятельность, необычность в решении проблемы. Испытуемые предлагали разные варианты выполнения задания, что говорит о богатстве разнообразных ассоциаций. Неожиданное использование предметов и придание им нового функционального назначения является особенностью их деятельности и проявлением познавательных мотивов. Для воспитанников характерен высокий уровень развития творческого воображения, что проявлялось в создании нового продукта, отличного от других. В процессе деятельности можно отметить эмоциональную включенность, стремление искать и много раз опробовать разные решения, получая от этого особое удовольствие.

Дети со средним уровнем творческого развития (39,1 % в ЭГ и 40,6 % в КГ) вносили что-то новое, свое в предложенный материал, дополняли его знакомыми образами. Они предлагали варианты решения знакомой проблемы, основываясь на собственном опыте. К проявлению познавательных мотивов можно отнести использование новых материалов в знакомых поделках (фасоль приклеивали к бумаге). Что касается развития творческого воображения, то образы у детей чаще всего повторялись, замысел отличался неустойчивостью. У испытуемых ярко выражен интерес к художественно-эстетической деятельности.

Для детей с низким уровнем творческого развития (43,7 % в ЭГ и 40,6 % в КГ) не характерно проявление творчества в решении проблемы. Образы не отличались оригинальностью, были знакомые, простые. У испытуемых не наблюдалось проявления познавательных мотивов, они не искали разные способы выполнения задания. Для детей характерно контурное, схематичное, лишённое деталей изображение. У испытуемых отсутствовал интерес к художественно-эстетической деятельности.

Опираясь на результаты диагностики творческого развития детей пяти-шести лет, мы разработали модель педагогического сопровождения творческого развития дошкольников в художественном труде. Модель состоит из целевого компонента, процессуально-деятельностного и оценочно-результативного. Модель направлена на реализацию следующих задач: развитие умения находить оригинальные способы и приемы работы с различными материалами; формирование положительной эмоциональной направленности к созданию полезных и эстетически значимых предметов и изделий для украшения быта; развитие эмоционально-мотивационного отношения к художественно-творческой деятельности. Разработанная модель включает овладение детьми техническими навыками работы с инструментами и материалами для создания выразительной поделки. При реализации модели педагогического сопровождения творческого развития детей дошкольного возраста мы использовали следующие методы и приемы: информационно-рецептивные: показ способа действия, объяснение, образец, обследование, наблюдение; репродуктивные: упражнение детей в способах изготовления поделок, работе с инструментами и материалами; частично-поисковый: беседа, рассказ педагога, художественное слово, рассматривание иллюстраций; исследовательский: проблемная ситуация, вопросы.

Выводы. Экспериментальная работа по педагогическому сопровождению творческого развития детей старшего дошкольного возраста в художественном труде позволила определить условия взаимодействия участников образовательного процесса. Педагогическими условиями в данном процессе являются построение деятельности педагога на основе разработанной модели развития творчества у старших дошкольников в художественном труде, организация работы в определенной последовательности, включающей в себя формирование технических умений и навыков, умения творческого преобразования, активизация творческих способностей ребенка за счет обеспечения возможности самостоятельного поиска решения поставленной задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В. И. Диалектика воспитания и самовоспитания творческой личности. – М. : Академия, 2009. – 237 с.
2. Березина В. Г., Викентьев И. Л., Модестов С. Ю. Детство творческой личности. – СПб. : Издательство Буковского, 2011. – 60 с.
3. Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей : учеб. пособие для студентов. – М. : Издательский центр «Академия», 2002. – 320 с.
4. Газман О. С. Педагогическая поддержка детей в образовании как инновационная проблема // Новые ценности образования: десять концепций и эссе. – М., 1995. – № 3. – С. 58–64.
5. Драгункина О. Особенности развития творческих способностей у детей старшего дошкольного возраста [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.maam.ru/detskijasad/statja-osobenosti-razvitiya-tvorcheskih-sposobnostei-u-detei-starshego-doshkolnogo-vozrasta.html> (дата обращения : 31.01.2022).
6. Дьяченко О. М. Что же такое способности? // Вопросы психологии. – 1994. – № 1. – С. 98–102.
7. Ендовицкая Т. О развитии творческих способностей // Дошкольное воспитание. – 2007. – № 12. – С. 73–75.
8. Жукова Г. Е., Головачев В. С. Возможности культурно-досуговой деятельности в развитии творческих способностей дошкольников в условиях взаимодействия учреждений образования и культуры // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2019. – № 1(101). – С. 105–114.
9. Ильина Л. Л. К проблеме педагогического сопровождения творческого развития дошкольников // Актуальные проблемы психологии и педагогики дошкольного, школьного и профессионального образования / Чуваш. гос. пед. ун-т; отв. ред. Т. Н. Семенова. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2021. – С. 75–78.
10. Кудрявцев В., Синельников В. Ребёнок-дошкольник: новый подход к диагностике творческих способностей // Дошкольное воспитание. – 1995. – № 9. – С. 67–69.
11. Маслоу А. Г. Мотивация и личность. – СПб. : Питер, 2005. – 352 с.
12. Педагогическая поддержка ребенка в образовании : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / под ред. В. А. Сластенина, И. А. Колесниковой. – М. : Академия, 2006. – 189 с.
13. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб. : Питер, 2000. – 712 с.
14. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.rg.ru/2013/11/25/doshk-standart-dok.html> 114 (дата обращения: 10.08.2021).

Статья поступила в редакцию 31.01.2022

REFERENCES

1. Andreev V. I. Dialektika vospitaniya i samovospitaniya tvorcheskoy lichnosti. – M. : Akademiya, 2009. – 237 s.
2. Berezina V. G., Vikent'ev I. L., Modestov S. Yu. Detstvo tvorcheskoy lichnosti. – SPb. : Izdatel'stvo Bukovskogo, 2011. – 60 s.
3. Bogoyavlenskaya D. B. Psihologiya tvorcheskikh sposobnostey : ucheb. posobie dlya studentov. – M. : Izdatel'skiy centr «Akademiya», 2002. – 320 s.
4. Gazman O. S. Pedagogicheskaya podderzhka detey v obrazovanii kak innovacionnaya problema // Noveye cennosti obrazovaniya: desyat' koncepcij i esse. – M., 1995. – № 3. – S. 58–64.
5. Dragunkina O. Osobennosti razvitiya tvorcheskikh sposobnostey u detey starshego doshkol'nogo vozrasta [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://www.maam.ru/detskijasad/statja-osobenosti-razvitiya-tvorcheskih-sposobnostei-u-detei-starshego-doshkolnogo-vozrasta.html> (data obrashcheniya : 31.01.2022).
6. D'yachenko O. M. Chto zhe takoe sposobnosti? // Voprosy psihologii. – 1994. – № 1. – S. 98–102.
7. Endovickaya T. O razvitii tvorcheskikh sposobnostey // Doshkol'noe vospitanie. – 2007. – № 12. – S. 73–75.
8. Zhukova G. E., Golovachev V. S. Vozmozhnosti kul'turno-dosugovoj deyatel'nosti v razvitii tvorcheskikh sposobnostey doshkol'nikov v usloviyah vzaimodejstviya uchrezhdenij obrazovaniya i kul'tury // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2019. – № 1(101). – S. 105–114.
9. Il'ina L. L. K probleme pedagogicheskogo soprovozhdeniya tvorcheskogo razvitiya doshkol'nikov // Aktual'nye problemy psihologii i pedagogiki doshkol'nogo, shkol'nogo i professional'nogo obrazovaniya / Chuvash. gos. ped. un-t; отв. ред. Т. Н. Семенова. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2021. – С. 75–78.
10. Kudryavcev V., Sinel'nikov V. Rebyonok-doshkol'nik: novyy podhod k diagnostike tvorcheskikh sposobnostey // Doshkol'noe vospitanie. – 1995. – № 9. – S. 67–69.
11. Maslou A. G. Motivaciya i lichnost'. – SPb. : Piter, 2005. – 352 s.
12. Pedagogicheskaya podderzhka rebenka v obrazovanii : ucheb. posobie dlya studentov vyssh. ucheb. zavedenij / pod red. V. A. Slastenina, I. A. Kolesnikovoj. – M. : Akademiya, 2006. – 189 s.
13. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshchej psihologii. – SPb. : Piter, 2000. – 712 s.

14. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart doshkol'nogo obrazovaniya [Elektronnyj resurs]. – URL : <http://www.rg.ru/2013/11/25/doshk-standart-dok.html> 114 (data obrashcheniya: 10.08.2021).

The article was contributed on January 31, 2022

Сведения об авторе

Ильина Лариса Леонидовна – старший преподаватель кафедры дошкольного образования и сервиса Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-0826-4292>, larleon10@mail.ru

Author Information

Ilyina, Larisa Leonidovna – Senior Lecturer, Department of Preschool Education and Service, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-0826-4292>, arleon10@mail.ru

УДК 378.016:004.9

DOI 10.26293/chgpu.2022.114.1.022

Т. А. Лавина, Л. А. Ильина

КЕЙС-ТЕХНОЛОГИЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИКТ-КОМПЕТЕНЦИЙ БАКАЛАВРОВ ПО ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНФОРМАТИКЕ И ЯЗЫКАМ ПРОГРАММИРОВАНИЯ

*Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с использованием кейс-технологии при формировании компетенций в области информационно-коммуникационных технологий бакалавров по информационной безопасности в процессе обучения информатике и программированию. Анализ требований федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС ВО 3++) по направлению подготовки 10.03.01 Информационная безопасность, исследований в области компетентного подхода и статей по формированию ИКТ-компетентности позволил определить ИКТ-компетенции бакалавров по информационной безопасности, формирующиеся в процессе изучения информатики и языков программирования. Профессиональные стандарты в области информационной безопасности послужили основой для формирования индикаторов и дескрипторов их достижения. В статье рассмотрены общепрофессиональные компетенции, которые формируются при изучении информатики и языков программирования. Показано, что кейс по информатике и языкам программирования представляет собой специально разработанный учебный материал, основанный на профессиональной деятельности бакалавра по информационной безопасности. Приведены примеры практико-ориентированных кейсов, которые могут применяться при обучении информатике и языкам программирования.

Ключевые слова: *ИКТ-компетенции, кейс-технология, обучение информатике и языкам программирования*

T. A. Lavina, L. A. Ilyina

CASE TECHNOLOGY AS A MEANS OF FORMATION OF ICT COMPETENCES AT BACHELOR'S DEGREE STUDENTS IN INFORMATION SECURITY WHEN TEACHING COMPUTER SCIENCE AND PROGRAMMING LANGUAGES

I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article discusses the issues related to the use of case technology in the formation of competences in the field of information and communication technologies (ICT) at bachelor's degree students in information security (IS) in the process of teaching computer science and programming. The analysis of the requirements of federal state educational standards (FSES 3++) in the field of 10.03.01 Information Security training program, research works in the field of competence-based approach and articles on the formation of ICT competence, made it possible to determine the ICT competences of bachelor's degree students in information security formed in the process of studying computer science and programming languages. Professional standards in the field of information security served as the basis for the formation of indicators and descriptors of their achievement. The article discusses general professional competences that are formed when studying computer science and programming languages. It is shown that a case on computer science and programming languages is a specially developed educational material based on the professional activity of a bachelor's degree student in information security. The paper provides the examples of practice-oriented cases that can be used in teaching computer science and programming languages to bachelor's degree students.

Keywords: *ICT competences, case technology, teaching computer science and programming languages*

Введение. В настоящее время проблема формирования ИКТ-компетенций обучающихся вузов является весьма актуальной, об этом свидетельствуют многочисленные отечественные и зарубежные исследования. Кроме того, современную экономику можно охарактеризовать как цифровую экономику, в связи с чем необходимо решить проблему подготовки высококвалифицированных специалистов по информационной безопасности (ИБ). Компетентностная модель выпускника основана на понятиях «компетенция» и «компетентность», при помощи которых оцениваются результаты обучения. Существует большое количество исследований в области компетентностного подхода (В. И. Байденко, В. А. Болотов, А. Б. Звездова, В. Г. Орешкин и др.), методов и средств обучения, ориентированных на практику (В. И. Блинов, А. А. Вербицкий, Е. В. Зарукина, Н. А. Логинова, М. М. Новик, О. В. Чуракова и др.), однако остается актуальной проблема определения наиболее эффективных способов и методов формирования и измерения уровня компетентности выпускника, влияющей на качество образования в целом. Основой исследования послужили работы И. И. Асланова, С. Э. Гасановой [2], Г. М. Гаджикурбановой [3], Н. В. Зубовой [5], Т. А. Лавиной [1], [4], М. А. Никитиной [7], М. Е. Маньшина, Н. В. Лобановой, Т. К. Смыковской [6], В. Ш. Расумова [10], В. В. Сулимовой [11], И. А. Юрловской [13] и др.

Целью исследования является выявление наиболее эффективных методик формирования ИКТ-компетенций бакалавров по информационной безопасности при обучении информатике и языкам программирования.

Актуальность исследуемой проблемы. С внедрением в систему высшего профессионального образования ФГОС ВО 3++, ориентированного на компетентностную модель и профессиональные стандарты, а также повышение требований к качеству подготовки выпускников, особенную актуальность приобрела проблема включения активных и интерактивных методов обучения и контроля в практику профессионального образования.

Кейс-технология – образовательная технология, использующая конкретные случаи, требующие общего анализа, обсуждения или выработки решений по какому-то разделу учебной дисциплины. С методической точки зрения кейс представляет собой специально подготовленный учебный материал, содержащий структурированное описание ситуаций из реальной жизни или практики. В связи с этим найденное решение может отражать уровень компетентности и профессионализма обучающегося, а также являться реальным решением какой-то проблемы.

Проведенный анализ трудов Г. М. Гаджикурбановой [3], Н. В. Зубовой [5], И. А. Юрловской [13], В. Ш. Расумова [8], В. В. Сулимовой [11] в области описания и применения кейс-технологии в образовательном процессе позволяет констатировать, что кейс-метод относится к методам активного обучения, помогает продемонстрировать себя в жизненной ситуации. Актуальность кейс-метода в системе высшего профессионального образования обусловлена его ориентацией не столько на приобретение конкретных знаний, сколько на развитие профессиональной компетентности.

Цель исследования – определить сущность кейс-технологии и целесообразность ее применения при формировании ИКТ-компетенций у бакалавров по ИБ в процессе изучения информатики и языков программирования.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили ФГОС ВО 3++ по направлению подготовки 10.00.01 Информационная безопасность [12], профессиональные стандарты группы 06.000 Связь, информационные и коммуникационные технологии (06.032 «Специалист по безопасности компьютерных систем и сетей» [8], 06.033 «Специалист по защите информации в автоматизированных системах» [9]).

Для решения поставленных задач были применены следующие методы: анализ литературы по компетентностному подходу, практико-ориентированному обучению, применению кейс-технологии; обобщение педагогического опыта с целью отбора методов и приемов формирования компетенций.

Результаты исследования и их обсуждение. При составлении кейсов нами делается акцент на будущую профессиональную деятельность, чтобы повысить мотивацию и подготовить обучающихся к изучению дисциплин профессиональной направленности и освоению профессиональных компетенций. Для использования кейс-технологии при обучении информатике и языкам программирования бакалавров по ИБ на основе требований ФГОС ВО 3++ по направлению подготовки 10.03.01 ИБ определим компетенции, которые эти дисциплины формируют.

При изучении информатики формируются такие компетенции, как ОПК-1 (способность оценивать роль информации, информационных технологий и ИБ в современном обществе, их значение для обеспечения объективных потребностей личности, общества и государства) и ОПК-2 (способность применять информационно-коммуникационные технологии, программные средства системного и прикладного назначения, в том числе отечественного производства для решения задач профессиональной деятельности). Языки программирования направлены на формирование компетенции ОПК-7 (способность использовать языки программирования и технологии разработки программных средств для решения задач профессиональной деятельности).

Для оценки сформированности компетенций используются индикаторы – обобщенные характеристики, уточняющие и раскрывающие формулировку компетенции в виде конкретных действий. При изучении дисциплины индикаторы раскрываются через дескрипторы – определенные знания, умения и навыки, которые она формирует.

Индикаторы компетенций ОПК-1 и ОПК-2 для информатики:

1.1. Оценивает, понимает роль и значение информации, информационных технологий и ИБ для обеспечения объективных потребностей личности, общества и государства.

1.2. Прилагает знания о методах и процессах сбора, хранения, обработки, передачи, анализа и оценки информации с применением компьютерных технологий, обеспечивающих возможность ее использования для принятия решения.

2.1. Классифицирует информационно-коммуникационные технологии и программные средства, в том числе отечественного производства, по назначению и характеру использования.

2.2. Применяет информационно-коммуникационные технологии и программные средства прикладного назначения.

Индикаторы для ОПК-7 при изучении языков программирования:

7.1. Осуществляет формализацию и алгоритмизацию поставленных задач.

7.2. Выбирает и применяет технологии разработки программных средств для решения задач профессиональной деятельности.

7.3. Разрабатывает программный код с использованием инструментальных средств разработки и оформляет его в соответствии с установленными требованиями.

7.4. Осуществляет тестирование и отладку программного кода.

При изучении информатики бакалаврами по ИБ предлагаем использование кейсов, связанных с будущей профессиональной деятельностью (таблица). В кейсах могут формироваться сразу несколько компетенций. Например, для компетенций ОПК-1 и ОПК-2 в части, связанной с приложением знаний о методах и процессах сбора, хранения, обработки, передачи, анализа и оценки информации с применением компьютерных технологий и составления документов при помощи прикладных программ офисного назначения, можно использовать кейс 1. Кейс 2 можно применить при формировании ОПК-7, направленной

на развитие способности использования языков программирования и технологии разработки программных средств для решения задач профессиональной деятельности. В нем также затрагиваются умения и навыки, входящие в компетенцию ОПК-1. Кейс 3 направлен на формирование ОПК-7 и использование принципов объектно-ориентированного программирования.

Примеры кейсов по информатике и программированию

Номер кейса	Описание ситуации	Вопросы к кейсу
1.	Специалисту по защите информации для обучения персонала фирмы правилам информационной гигиены поручено подготовить демонстрационные материалы. Работа должна содержать требования законодательства в этой области, иллюстративный материал, примеры небезопасных действий сотрудников	Каковы действия специалиста по защите информации для выполнения полученного задания, учитывая предъявленные требования? Какие средства нужно использовать для поиска информации? Какие ключевые слова нужно ввести для поиска нормативно-правовых документов (законодательных актов)? Какие из найденных интернет-ресурсов могут быть небезопасными? Как оценить достоверность найденной информации в сети Интернет? Какое прикладное программное обеспечение лучше всего подходит для выполнения поручения, обоснуйте выбор? А как бы вы выполнили поставленную задачу? Продемонстрируйте это, подготовив презентацию «Информационная гигиена в сети Интернет»
2.	Организация перешла на удаленный формат работы. Одному из сотрудников организации, Павлу Петровичу, нужно сообщить пароль администратору, чтобы он обеспечил ему доступ к служебной информации	Помогите Павлу Петровичу сгенерировать этот пароль, ответив на вопросы: сколько символов минимально должен содержать этот пароль, какие символы могут в нем присутствовать, как оценить надежность пароля? Каким образом лучше передать пароль администратору (лично, по электронной почте, курьером и т. д.)? Администратор предложил использовать шифрование для надежности. Какой из методов шифрования (перестановки или замены) лучше использовать Павлу Петровичу? Реализуйте выбранный метод шифрования. Каким образом администратор должен расшифровать полученный пароль?
3.	Описание ситуации. Программист разрабатывает автоматизированную информационную систему, в которой будут храниться данные о пользователях (фамилия, имя, отчество, адрес, телефон, данные о заказе товара: дата оформления, статус, дата получения). Для организации безопасного хранения и обработки данных ему необходимо выбрать подходящие средства языка программирования высокого уровня	Следует ли программисту создать собственный (классовый) тип данных или достаточно определить для хранения данных структурный тип? Обоснуйте свой выбор. Какие принципы объектно-ориентированного подхода в программировании обеспечивают защиту данных программными средствами? Реализуйте классовый тип для безопасного хранения данных пользователей такой информационной системы. Предусмотрите средства для поиска заказов со статусом «формируется» по определенному городу проживания заказчика (входящего в поле «Адрес»). Организуйте чтение данных из файла, предусмотрев его защиту от изменений напрямую, без ввода специального пароля на редактирование

Применение кейс-заданий, ориентированных на будущую профессиональную деятельность при изучении информатики и языков программирования, позволяет пробудить интерес у обучающихся, формулировать выводы, находить практическое применение полученным теоретическим знаниям, предлагать собственный взгляд на проблему, а также сформировать более высокий уровень ИКТ-компетенций и создать фундамент для успешного освоения профессиональных компетенций.

Выводы. Таким образом, нами разработаны практико-ориентированные кейсы, использование которых направлено на формирование ИКТ-компетентности. Применение кейсов в образовательном процессе при обучении информатике и языкам программирования бакалавров по ИБ повысит их мотивацию к изучению предметов, являющихся основой

для дальнейшего формирования профессиональных компетенций, а также осуществления трудовых функций в соответствии с требованиями профессиональных стандартов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Н. Р., Герасимова А. Г., Лавина Т. А. Подготовка будущего специалиста в области рекламы и дизайна к профессиональной деятельности в условиях использования информационных и коммуникационных технологий [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2017. – № 3. – URL : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26460> (дата обращения: 17.12.2021).
2. Асланов И. И., Гасанова С. Э. Применение кейс-метода при изучении предмета «Информационные технологии» // Современные инновации. – 2021. – № 1(39). – С. 33–34.
3. Гаджикурбанова Г. М. Кейс-технологии в формировании научно-исследовательских компетенций будущего педагога профессионального обучения : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08. – Махачкала, 2015. – 23 с.
4. Зверева Е. А., Лавина Т. А. Производственная практика как условие формирования ИКТ-компетентности бакалавров направления «Приборостроение» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2017. – № 4(96). – С. 125–132.
5. Zubova N. V. Комплексная кейс-технология как средство формирования профессиональных компетенций при обучении физике студентов технического вуза // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 4. – С. 137–144.
6. Маньшин М. Е., Лобанова Н. В., Смыковская Т. К. Использование кейс-технологии при подготовке будущих учителей информатики // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. – 2011. – № 3. – С. 28–33.
7. Никитина М. А. Кейс-метод как средство реализации федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования третьего поколения на занятиях по информатике // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 3(40). – С. 126–128.
8. Профессиональный стандарт «Специалист по безопасности компьютерных систем и сетей» [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/71550966/> (дата обращения: 01.12.2021).
9. Профессиональный стандарт «Специалист по защите информации в автоматизированных системах» [Электронный ресурс]. – URL : <http://base.garant.ru/71500328/> (дата обращения: 01.12.2021).
10. Расумов В. Ш. Возможности использования кейс-метода в обучении студентов // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 69-4. – С. 246–249.
11. Сулимова В. В. Кейс-метод как инновационный метод обучения специалистов высшей школы // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. – 2018. – № 3(45). – С. 136–145.
12. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 10.03.01 «Информационная безопасность» [Электронный ресурс]. – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/100301_B_3_19022021.pdf (дата обращения: 01.12.2021).
13. Юрловская И. А. Реализация компетентностного подхода в процессе обучения студентов педагогического вуза на основе применения кейс метода [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». – 2014. – Вып. 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-kompetentnostnogo-podhoda-v-protsesse> (дата обращения: 01.12.2021).

Статья поступила в редакцию 17.12.2021

REFERENCES

1. Alekseeva N. R., Gerasimova A. G., Lavina T. A. Podgotovka budushchego specialista v oblasti reklamy i dizajna k professional'noj deyatel'nosti v usloviyah ispol'zovaniya informacionnyh i kommunikacionnyh tekhnologij [Elektronnyj resurs] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2017. – № 3. – URL : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26460> (data obrashcheniya: 17.12.2021).
2. Aslanov I. I., Gasanova S. E. Primenenie kejs-metoda pri izuchenii predmeta «Informacionnye tekhnologii» // Sovremennye innovacii. – 2021. – № 1(39). – S. 33–34.
3. Gadzhikurbanova G. M. Kejs-tekhnologii v formirovanii nauchno-issledovatel'skih kompetencij budushchego pedagoga professional'nogo obucheniya : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk : 13.00.08. – Mahachkala, 2015. – 23 s.
4. Zvereva E. A., Lavina T. A. Proizvodstvennaya praktika kak uslovie formirovaniya IKT-kompetentnosti bakalavrov napravleniya «Priborostroenie» // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2017. – № 4(96). – S. 125–132.
5. Zubova N. V. Kompleksnaya kejs-tekhnologiya kak sredstvo formirovaniya professional'nyh kompetencij pri obuchenii fizike studentov tekhnicheskogo vuza // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. – 2014. – № 4. – S. 137–144.

6. Man'shin M. E., Lobanova N. V., Smykovskaya T. K. Ispol'zovanie kejs-tehnologii pri podgotovke budushchih uchitelej informatiki // *Izvestiya Baltijskoj gosudarstvennoj akademii rybopromyslovogo flota: psihologo-pedagogicheskie nauki*. – 2011. – № 3. – S. 28–33.
7. Nikitina M. A. Kejs-metod kak sredstvo realizacii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego professional'nogo obrazovaniya tret'ego pokoleniya na zanyatiyah po informatike // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. – 2013. – № 3(40). – S. 126–128.
8. Professional'nyj standart «Specialist po bezopasnosti komp'yuternyh sistem i setej» [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://base.garant.ru/71550966/> (data obrashcheniya: 01.12.2021).
9. Professional'nyj standart «Specialist po zashchite informacii v avtomatizirovannyh sistemah» [Elektronnyj resurs]. – URL : <http://base.garant.ru/71500328/> (data obrashcheniya: 01.12.2021).
10. Rasumov V. Sh. Vozmozhnosti ispol'zovaniya kejs-metoda v obuchenii studentov // *Problemy sovremen-nogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. – 2020. – № 69-4. – S. 246–249.
11. Sulimova V. V. Kejs-metod kak innovacionnyj metod obucheniya specialistov vysshej shkoly // *Izvestiya Baltijskoj gosudarstvennoj akademii rybopromyslovogo flota: psihologo-pedagogicheskie nauki*. – 2018. – № 3(45). – S. 136–145.
12. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 10.03.01 «Informacionnaya bezopasnost'» [Elektronnyj resurs]. – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/100301_B_3_19022021.pdf (data obrashcheniya: 01.12.2021).
13. Yurlovskaya I. A. Realizaciya kompetentnostnogo podhoda v processe obucheniya studentov pedagogi-cheskogo vuza na osnove primeneniya kejs metoda [Elektronnyj resurs] // *Internet-zhurnal «NAUKOVEDENIE»*. – 2014. – Вып. 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-kompetentnostnogo-podhoda-v-protsesse> (data obrashcheniya: 01.12.2021).

The article was contributed on December 17, 2021

Сведения об авторах

Лавина Татьяна Ароновна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой компьютерных технологий Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-7622-2246>, tlavina@mail.ru

Ильина Лариса Алексеевна – аспирант кафедры компьютерных технологий Чу-вашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-8550-2429>, larisai2009@gmail.com

Author Information

Lavina, Tatyana Aronovna – Doctor of Pedagogics, Professor of the Department of Computer Technologies, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-7622-2246>, tlavina@mail.ru

Ilyina, Larisa Alekseevna – Post-graduate Student, Department of Computer Technologies, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-8550-2429>, larisai2009@gmail.com

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕНСИВНОЙ МЕТОДИКИ
В ОБУЧЕНИИ РУССКОЙ УСТНОЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ
КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ**

¹Университет Фудань, г. Шанхай, Китай

²Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь между обучением китайских студентов монологической речи и использованием современных образовательных технологий в учебном процессе. Ведущими подходами к исследованию данной проблемы являются личностно-ориентированные методы и средства. В работе рассматривается такая методика обучения монологической речи, как использование графико-символического анализа художественного текста. Исследуется влияние современных образовательных интенсивных методов на преподавание монологической речи китайским студентам, отмечается развитие интереса к обучению в иноязычном образовании. В рамках исследования было проведено 16 уроков для китайских студентов, обучающихся на III курсе университета Фудань (Шанхай, КНР). В работе представлено описание выстроенного учебного процесса, приведены примеры диалогов между преподавателями и студентами, а также подробно рассмотрены этапы проведения графико-символического анализа на примере двух художественных текстов И. С. Тургенева («Бежин луг» и «Муму»).

Результатом исследования стало улучшенное владение монологической русской речью китайскими студентами и повышение их мотивации к дальнейшему изучению русского языка. Таким образом, использование интенсивного метода показало себя как эффективное средство для обобщения, закрепления и повторения учебного материала, отработки практических навыков и умений.

Ключевые слова: проектная технология, монологическая речь, китайские студенты, проектная деятельность обучающихся

¹Li Siyu, ²Wang Dengdeng

**USE OF INTENSIVE METHODS
IN TEACHING RUSSIAN ORAL MONOLOGICAL SPEECH
TO CHINESE STUDENTS**

¹Fudan University, Shanghai, China

²Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The paper analyzes the relationship between teaching monologue speech to Chinese students and the use of modern educational technologies in the learning process in order to promote students' development. The key approaches to the study of this problem are person-oriented and intensive. Based on this, the best and most effective methods and means to achieve educational goals are researched and determined. The article considers the technique for teaching monologue speech as the use of a graphic-symbolic analysis of a literary text; explores mutual influence of modern educational intensive methods in the teaching of monologue speech to Chinese students; pays attention to the development of interest in foreign language education. 16 lessons were held with Chinese students doing the 3rd year in Fudan University, Shanghai, China. The paper also presents a description of the structured educational process, examples of dialogues between teachers and students, and considers in details the stages of graphic-symbolic

analysis on the example of two artistic texts *Bezhin Meadow* and *Mumu* by I. S. Turgenev. The results demonstrate an improved command of monologue Russian speech by Chinese students and an increase in their motivation for further study of the Russian language. Thus, the use of the intensive method has proven to be an effective tool for generalizing, consolidating and revising educational materials, developing practical skills and abilities.

Keywords: *project technology, monologue speech, Chinese students, students' project activity*

Введение. В настоящее время интенсивные методы занимают прочное место в обучении иностранным языкам [19, с. 63]. Построенные на активной деятельности и инициативе интенсивные методы стали требованием времени [22, с. 18], они содействуют жизнеспособности интернационального общества и вхождению родительского сообщества в систему образования.

Согласно «Новому словарю методических терминов и понятий», использование интенсивных методов направлено на «овладение устной иноязычной речью в сжатые сроки при значительной ежедневной концентрации учебных часов» [1, с. 82].

В настоящей работе в качестве интенсивного метода применялась система преподавания монологической речи, в ходе которой китайские студенты приобретали знания и навыки самостоятельного планирования и работы, решая поставленные задачи под руководством преподавателя [24, с. 81].

Применение интенсивных методов в обучении китайских студентов монологической речи предполагает не только возможность освоения таких видов речевой деятельности, как аудирование, говорение, чтение, письмо и перевод, но и возможность улучшения их лингвистической компетентности [18, с. 160]. Впрочем, в классах гуманитарного или филологического профиля применение новых методик вполне допустимо [3, с. 8]. Интенсивные методы позволяют студентам свободно выражать свои мысли в устной и письменной формах [11, с. 240]. Особенность методов проявляется в приобретении обучающимися умения самостоятельно пользоваться справочной литературой, добывать знания по различным темам изучаемого языка [15, с. 312]. С помощью интенсивных методов студенты учатся выявлять, анализировать и объяснять проблемы и находить пути их решения, обрабатывать информацию, полученную из различных источников, и применять ее для решения проблем [23, с. 56]. Кроме того, интенсивные методы способствуют повышению уверенности студентов и развитию навыков работы в группе [4, с. 110]. Основное внимание уделяется самостоятельной деятельности обучающихся, которая развивает такие умения, как планирование, анализ, синтез, психологический эксперимент, прогнозирование [13, с. 22]. Планирование работы студентов должно быть осознанным и целенаправленным процессом для достижения сознательно поставленных целей и четко спланированных задач [2, с. 134].

Нельзя отрицать значимость роли преподавателя в интенсивной деятельности [20, с. 36]. Интенсивный метод обучения монологической речи в китайских вузах трудно применить без организационного и культурного статуса учителя, выступающего в качестве консультанта [16, с. 107]. Проектная деятельность допускает большее количество индивидуальных подходов к обучающимся, но во всех преподаватель объединяется со студентом в творческо-исследовательском процессе [10, с. 33].

В связи с тем что культура имеет большое влияние на развитие национальных языков [9, с. 180], в проектной деятельности используются различные методики, связанные с обработкой культурных и исторических материалов о стране изучаемого языка. Это может быть сопоставление произведений разных писателей, анализ развития той или иной темы в русской монологической речи, исследование новаторства и традиций художественных произведений, связи между историческими событиями и их отражением в монологической речи, эволюция художественных приемов писателей и т. д. [17, с. 58].

В России наиболее развитой методикой является анализ письменных текстов, в основном художественных и научных [8, с. 15–39]. Анализ художественного произведения в университете – это процесс углубленного вчитывания, осмысленного чтения текста [14, с. 256]. Преподаватель помогает студентам найти подходящие материалы, что является важным шагом в процессе исследования [5, с. 89], поддерживает их в продолжение работы над проектом. В процессе студенты знакомятся с разнообразными материалами, т. е. добровольно или принудительно занимаются изучением смежных наук, тем самым расширяя знания и кругозор.

В настоящей работе анализ художественного произведения проводился в том числе с помощью методики графико-символического анализа текста, согласно которой каждому герою произведения дается характеристика и назначается уникальный символ. Полученные символы размещаются на полях основного текста. Затем он разбивается на мелкие части, что позволяет составить описание каждой части в виде схемы. С помощью графики можно наглядно увидеть, сколько смысловых частей есть в рассказе, какие именно герои фигурируют в них и что с ними происходит в каждой части.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования обусловлена растущим интересом к обучению в иноязычном образовании.

Цель настоящего исследования – выявить и проанализировать взаимосвязь между обучением китайских студентов монологической речи и использованием современных образовательных технологий в учебном процессе.

В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

- определить критерии сформированности навыков монологической речи китайских студентов;
- обозначить качества русской речи, демонстрируемые студентами и свидетельствующие об успешности применяемого интенсивного метода;
- выяснить, как соотносятся интенсивный метод и графико-символический анализ текста, который используется в качестве методики.

Материал и методы исследования. Исследование было проведено на базе 1 филологического факультета университета Фудань с 1 сентября по 15 октября 2021 г. Участниками исследования стал 21 студент группы русского языка как иностранного (РКИ) – граждане Китайской Народной Республики.

Нами было организовано 16 уроков, из которых 12 были посвящены анализу литературных произведений, 4 – теме «Обучение литературным текстам с помощью графики». В конце каждого урока студенты получали домашнее задание.

В данном исследовании применялись две методики: художественный и графико-символический анализ текста.

При изучении русского языка рекомендуется знакомиться с разными литературными произведениями. Для этого студентам необходимо не только прочитать материал, но и понять авторский замысел, узнать русскую культуру. В связи с этим нами был разработан определенный алгоритм знакомства с художественным текстом. Работа проводилась в форме подготовки проекта.

Цель в процессе подготовки проекта. В первую очередь на занятиях необходимо ознакомиться с фигурой автора, его творческим наследием, определить место рассматриваемого произведения в творчестве писателя и изучить историю его написания. После каждого нового материала мы проводили опрос, вели беседу, чтобы оценить степень восприятия информации.

До анализа произведения нужно убедиться, что студенты поняли содержание художественного текста. Важным элементом обучения является пересказ, поскольку он наглядно демонстрирует, что было усвоено студентом, а что было упущено. Поэтому на уроках мы использовали в качестве домашнего задания именно пересказ текста.

Задачи в процессе подготовки проекта. Как показывает практика, иностранным студентам тяжело воспринимать сюжет, особенно если главных героев много. Это объясняется обилием информации для носителя иностранной культуры, поскольку, в отличие от носителя языка, ему приходится воспринимать одновременно не только сюжет, но и новый языковой материал (слова, конструкции, речевые выражения), новые знания о культуре, быте, жизни страны изучаемого языка. В процессе анализа текста уделялось внимание его типологической и стилистической характеристикам.

В целях совершенствования речевых навыков обучающихся в процессе подготовки проекта мы использовали графико-символический анализ текста. Действительно, после освоения учениками данной методики им было немного легче понять и запомнить сюжет произведения, что стало очевидно после их пересказов. Каждое занятие после графико-символического анализа текста было посвящено закреплению полученных знаний. Студенты легко пересказывали содержание произведения, используя схему, нарисованную на прошлом уроке.

На первом уроке студенты изучали жизненный и творческий путь И. С. Тургенева. После нашего знакомства со студентами следовал показ видео о биографии и произведениях писателя. Затем были заданы несложные вопросы.

Основной вопрос: «Кто хочет немного рассказать о Тургеневе?»

Ли Линь: «Я знаю, что И. С. Тургенев – известный писатель».

Линь Мэн: «Он публицист, драматург».

Следующий вопрос: «Какие произведения И. С. Тургенева вы знаете?»

Лю Ли: «Я знаю, что у него есть сборник рассказов “Записки охотника”, рассказ “Муму”».

У Гао: «Я знаю, что он написал романы “Дворянское гнездо” и “Отцы и дети”, повесть “Ася”».

После опроса студенты получили фрагменты рассказа Тургенева «Муму», по которым были поставлены две задачи: прочитать текст, а затем пересказать его своими словами. Затем мы еще раз обсудили жизненный путь Тургенева, обозначили основные вехи становления его творческого пути, назвали основные произведения в его творчестве. Студенты пересказали полученную информацию, опираясь на раздаточный материал.

Ван Сун задал вопрос: «Какой женщиной была мама Тургенева?»

Чжан Юй ответил: «Его мама была очень сильной женщиной, она повлияла на жизнь Тургенева».

Ван Ли: «Почему у Тургенева так много произведений, в которых описываются истории, произошедшие в других странах?»

Фан Юань: «Потому что он долгое время учился и жил за границей, например, в Германии и во Франции».

Домашнее задание: подготовить собственный текст о Тургеневе.

На уроке, посвященном анализу произведения И. С. Тургенева, сначала было проверено домашнее задание – собственные рассказы студентов об И. С. Тургеневе. Студенты показали хорошую подготовленность, все усвоили информацию об авторе. Каждый выступил с устной речью, опираясь на письменный материал.

В начале урока студентам был показан мультфильм «Бежин луг», благодаря которому они ознакомились с сюжетом и главными героями одноименного рассказа Тургенева. Затем обучающимся были даны фрагменты текста рассказа «Бежин луг». Вместе со студентами мы обсудили и проанализировали содержание рассказа и характеры главных героев.

Первый основной вопрос: «О чем говорится в данной истории?»

Ан Нинь: «В этом рассказе рассказывается история об охотниках и детях».

Фан Юань: «Я знаю, что главные герои истории – пять мальчиков».

Ли Юй: «В данном рассказе автор показывает нам жизнь разных классов общества в то время».

После обсуждения мы составили схематический план рассказа, разбив его на мелкие части.

Домашнее задание: подготовить пересказ рассказа «Бежин луг».

На уроке графико-символического анализа текста мы проанализировали творчество И. С. Тургенева с помощью графиков. В процессе анализа творчества писателя словарный запас обучающихся заметно расширился.

Основное оборудование: ноутбук, доска, мел, раздаточный материал.

В начале урока студентам были даны материалы с фрагментами текста рассказа и поставлены задачи: прочитать текст и пересказать его основное содержание.

После этого мы нарисовали графики для каждого фрагмента рассказа на экране, поскольку с помощью графиков студентам легче понять главную мысль автора, основное содержание произведения, запомнить сюжет и характеры главных героев.

По такому же принципу преподавателем были нарисованы графики для каждого ученика. Затем педагог объяснил студентам, как рассказать о главных героях, о содержании каждой части, опираясь на схему.

Все студенты научились рисовать графики самостоятельно. Подписав символы сбоку от основного текста, они могли ориентироваться в тексте и самостоятельно преобразовывать схемы в предложения и в связный текст, не тратя каждый раз время на чтение.

Домашнее задание: подготовить пересказ рассказа «Бежин луг».

Далее будет приведен пример графико-символического анализа заранее упрощенных частей рассказа И. С. Тургенева «Бежин луг».

Когда мы анализируем материалы, мы часто заранее даем учащимся немного слов, которые являются опорными и ключевыми. Опорные слова – это основные слова, как правило, существительные, которые могут помочь китайским учащимся понять содержание материала. Большинство студентов очень хорошо их усвоили. Ключевые слова – это слова с выдающимися характеристиками. Они могут обобщать основное содержание и основные события материала, а также могут показывать характеристики главного героя. Именно этим обусловлено их использование в нашем исследовании.

Часть 1. Описание природы.

Был прекрасный июльский день. Небо ясно. Солнце светлое. На небе много облаков. К вечеру облака исчезают. Я охотился. Настрелял много дичи и решил вернуться домой. Но по пути заблудился. Приближалась ночь. Стало темно. Где-то вдалеке я увидел огоньки. Я думал, что это взрослые люди, но это были дети, которые ночью пасли табун лошадей.

Эта линия обозначает пространство, широту полей, горизонт, который не виден. «Был прекрасный июльский день. Небо ясно. Солнце светлое».

Словарная работа: облака, исчезать, дичь, заблудиться, вдалеке, пасти, табун.

Опорные слова: день, небо, дичь.

Ключевые слова: ночь, огоньки, дети.

Часть 2. Встреча с мальчиками.

Согласно интенсивной методике после ознакомления с характеристиками персонажей каждому был назначен ассоциируемый с ним символ (табл. 1).

При описании Феди

Словарная работа: кудрявые волосы, армячок, каемка, пояс, гребешок, сапоги, нужда, забава.

Опорные слова: глаза, рубаха, армячок, пояс, гребешок, сапоги.

Ключевые слова: улыбка, семья, забава, стройный (поэтому графически изображается удлиненная линия) (см. табл. 1).

Таблица 1

Символы, выбранные для обозначения персонажей рассказа И. С. Тургенева «Бежин луг»

Персонаж	Графико-символический анализ
Федя	
Павлуша	
Илюша	=====
Костя	∨
Ваня	=====

При описании Павлуши

«У второго мальчика, Павлуши ... тело приземистое, неуклюжее».

Павлуша был невысокого роста, поэтому графически эта часть *изображается короткой линией* (см. табл. 1).

Словарная работа: волосы всклокоченные, скулы, тело приземистое, запашная рубаша, заплата на порты.

Опорные слова: волосы, скулы, голова, тело.

Ключевые слова: сила, тело приземистое, неуклюжее.

При описании Илюши

«...толстая веревка, три раза перевитая... стягивала его...».

Графически эта деталь изображается тремя параллельными линиями (см. табл. 1).

Словарная работа: желтые, почти белые волосы, волосы «торчали острыми косицами», веревка, свитка, лапти, онучи, заботливость, сжатые губы, сдвинутые брови, щуриться.

Опорные слова: лицо, губы, брови, волосы, шапочка.

Ключевые слова: огонь.

При описании Кости

«Все лицо его было невелико, худо, в веснушках, книзу заострено, как у белки».

Графически изображается своеобразным «треугольником» (см. табл. 1), что очень легко запоминается.

Словарная работа: любопытство, задумчивый и печальный взор, худое лицо, «жидким блеском блестящие глаза», веснушки, маленького роста, сложения тщедушного.

Опорные слова: лицо, веснушки, глаза.

Ключевые слова: любопытство, взор, впечатление, язык.

При описании Вани

«Он лежал на земле...»

Графически изображается горизонтальной линией (см. табл. 1).

Словарная работа: замечать, смиренхонько, прикорнуть, рогожа, изредка, выстав-
лять, русую кудрявую голову, «Он лежал на земле...».

Это один из «символических» образов рассказа. Самый младший из ребят. Лежал на земле. Его пока не видно, но придет время, и Ваня со своей «русой кудрявой головой» встанет с земли, и это будет другое время, светлое будущее, в которое верил писатель.

Опорные слова: рогожа, голова.

Ключевые слова: мальчик, земля.

Часть 3. Рассказы мальчиков.

Рассказы мальчиков о домовом и псаре Ермиле, покойниках, Тришке-антихристе, Гавриле и русалке, водяном. Рассказанные ребятами ночью истории и легенды, основанные на мифах, выдумках, пробуждали в их сознании фантазмагорические картины, что изображено в виде спирали.

Словарная работа: домовый, псарь, покойник, русалка.

Опорные слова: псарь, русалка, домовый, водяной.

Ключевые слова: антихрист.

На уроке-заключении по рассказу «Бежин луг» мы проанализировали содержание текста, а также характер главных героев. Сначала было проверено домашнее задание студентов. Они все вместе пересказывали сюжет произведения, дополняя друг друга и помогая. Затем студентам предлагалось ознакомиться с раздаточным материалом (текстом) и самостоятельно составить по нему схему. Преподаватель попросил студентов вспомнить рассказ, после чего было показано видео, снятое по данному произведению. Далее было предложено пересказать «Бежин луг», используя графики.

Студенты уверенно ориентировались в тексте рассказа, не путались в системе персонажей, последовательность событий была изложена в правильном порядке, что говорит об эффективности методики графико-символического анализа текста.

Домашнее задание: еще раз прочитать рассказ и подготовить пересказ.

Следующий урок был посвящен анализу рассказа И. С. Тургенева «Муму».

Основное оборудование: доска, ноутбук, раздаточный материал, мел.

Опорные слова: река, щенок, барыня.

Ключевые слова: барыня, дворник, Татьяна, платок.

Для того чтобы продемонстрировать гибкость и вариативность методики графико-символического анализа, она была применена к другому рассказу И. С. Тургенева – «Муму».

В начале урока обучающимся было показано видео, снятое по рассказу «Муму», из которого они узнали сюжет и главных героев произведения. После этого студентам был дан материал о главных героях рассказа «Муму» и поставлены задачи: прочитать текст и пересказать его.

Рассказ был разбит на следующие части:

1. Приход Герасима.
2. Герасим в Москве.
3. Любовь.
4. У реки.
5. Решение Герасима.

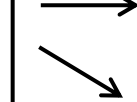
Преподаватель нарисовал графики для каждой части, чтобы закрепить полученные сведения (табл. 2).

Далее приведено упрощенное описание каждой части:

Гуляя по берегу реки, Герасим увидел в воде маленького щенка. Он вытащил его и принес домой. Герасим ухаживал за щенком и назвал его Муму. Однажды барыня увидела Муму и захотела поближе на нее посмотреть. Она подошла к собаке, но Муму на нее зарычала. Барыня рассердилась и приказала Герасиму утопить собаку. Герасиму было жалко Муму, но он побоялся послушаться барыню. Ему пришлось утопить собаку.

Таблица 2

Схематичное описание каждой части рассказа «Муму» И. С. Тургенева

Часть	Графико-символический анализ
Первая: Приход Герасима	
Вторая: Герасим в Москве	
Третья: Любовь	
Четвертая: У реки	
Пятая: Решение Герасима	

Преподавателем были разработаны графики, а также проведена работа по обучению студентов составлению характеристик главных персонажей с опорой на заготовленные схемы.

Результаты исследования и их обсуждение. Результатом исследования стало умение китайских студентов сокращать тексты и передавать их в письменной форме, расширять словарный запас, пользоваться двуязычными словарями, делать краткие заметки по вопросам, составлять сообщения и т. д.

Говоря о применении интенсивного метода обучения монологической речи на занятиях по русскому языку для китайских студентов, необходимо отметить, что проекты для III–IV курсов в основном краткосрочны. Следует выделить соответствующие темы, которые являются важными частями проектирования, и некоторые упрощения в конструкциях, что, однако, не снижает их значимости, а лишь иллюстрирует особенности китайских студентов в определенной возрастной группе.

Опыт использования интенсивного метода обучения монологической речи подтверждает выводы ученых. На наш взгляд, на третьем году обучения повышенный интерес к монологическим выступлениям становится огромным стимулом. Интенсивные методы довольно сложны по форме и содержанию, соответственно, увеличиваются и сроки подготовки речевых монологов — они становятся среднесрочными.

За свою работу студенты будут получать несколько характеристик-оценок одновременно: «оригинальный», «научный», «актуальный» и т. д. Это вызывает интерес и стимулирует самостоятельную поисковую работу студента.

В традиционных системах основной упор делается на усвоение существующих знаний за счет запоминания. В процессе интенсивного обучения акцент на самостоятельность, инициативу, мобильность и творчество заметно изменяется.

Интенсивные методы являются одними из наиболее эффективных методов обобщения, закрепления и повторения учебного материала, отработки практических навыков и умений [6, с. 67]. Затруднительной частью для преподавателя при использовании этих методов является определение актуальной и значимой темы проекта и способа заинтересовать ею студентов [21, с. 42]. Одним из методов современного обучения монологу является применение мультимедийных технологий в сочетании с углубленным анализом монологической речи.

Овладение русской монологической речью сопряжено с дополнительными сложностями, связанными с особенностями языка. Изменения в русской речи происходят очень медленно, и китайские студенты в процессе работы над историческими художественными текстами наблюдают явление лексического замораживания [12, с. 136–140]. Сложность данного исследования также можно объяснить тем, что материал, используемый для анализа, должен иметь очень большой охват.

В связи с этим во время анализа художественных текстов мы выделяли элементы, отображающие исторические изменения языка, со словарным слоем и языковым анализом текста. Следовательно, больше нет необходимости доказывать, что употребление языка является реальным объектом лингвистики [7, с. 172].

Современные образовательные траектории в китайских университетах направлены на увеличение доли исследовательской деятельности в учебной деятельности. Обучение монологической речи может проводиться и с помощью работы в проектах, в которых участвует вся академическая группа и каждый обучающийся проверяет отдельный аспект выбранной темы. По нашему мнению, наиболее эффективна работа в мини-проектах, в которых китайские студенты изучают материалы учебников и создают тесты для реальной работы: информация, собеседование с персонажами, конкретный анализ текста, выступление, сочинение и т. д.

Такие проекты наиболее эффективны, так как предполагают позитивное мышление и быстрый результат. Мы начинаем работу над проектом на занятиях, ученики продолжают его дома, а затем демонстрируют на занятии. При презентации проекта оцениваются не знания, а усилия обучающихся. Если слабые обучающиеся могут публично изложить результаты групповой работы, ответить на вопросы, в частности, могут сделать «небольшие открытия», тогда цель достигнута.

Примеры проектов монологической речи, используемых в форме внеклассных мероприятий, включают конкурсы, тесты, связанные с какой-либо деятельностью образовательных учреждений, творческие вечера, концерты, подготовку к выставкам и т. д. Студенты с удовольствием участвуют в творческой деятельности. Так, было проведено мероприятие в форме выступления «Я верю в чистую любовь» по произведениям русских поэтов XIX века. Студентам предлагалось сыграть одного из героев, поучаствовать в танцевальной вечеринке, ознакомиться с жизнью и творчеством поэтов.

Студенты-артисты могли не только читать стихотворения, но и танцевать на творческом вечере, изучить и применить этикет XIX века, подготовить исторический костюм и прически. После проведения мероприятия интерес к монологической речи проявился не только среди участников вечера. Мероприятие предоставило богатое поле для размышлений, и у зрителей появился интерес к творчеству и личной жизни поэтов. Цели были

достигнуты: благодаря личной заинтересованности китайские студенты получили представление о незнакомом историческом периоде и усвоили учебный материал.

Выводы. Использование интенсивных методов для обучения монологической речи эффективно для обобщения, закрепления и повторения учебного материала, отработки практических навыков и умений.

Наше исследование показало, что интенсивные методики художественного и графико-аналитического анализа текста позитивно зарекомендовали себя при обучении китайских студентов, которые были замотивированы на достижение реальных успехов за счет неформального характера изучения монологической речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М. : ИКАР, 2009. – 82 с.
2. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). – СПб. : Златоуст, 1999. – 134 с.
3. Барковская Н. В. Методические принципы анализа литературного произведения в школе. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2008. – 80 с.
4. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. – М. : Рус. яз., 1980. – 110 с.
5. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного : метод. рук-во. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1990. – 89 с.
6. Галагузова М. А. Диссертационные исследования по педагогике: вопросы и ответы. – Екатеринбург : СВ-96, 2011. – 67 с.
7. Даутова О. Б. Образовательная коммуникация: традиционные и инновационные технологии : учеб.-метод. пособие. – СПб. : КАРО, 2018. – 172 с.
8. Демьянков В. З. Термин парадигма в «родном» и «чужом» ареалах // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : сб. науч. тр. – М. : РАН ИНИОН, 2008. – С. 15–39.
9. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед., обучающихся по направлениям подготовки 03700.62 – «Лингвистика», 050100.68 – «Педагогическое образование». – 6-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2018. – 180 с.
10. Кононенко В. И., Брицын М. А., Ганич Д. И. Русский язык : учеб. для пед. ин-тов по спец. № 2102 «Укр. яз. и лит.». – 2-е изд., доп. – Киев : Вища шк., 1986. – С. 33.
11. Котурова М. П. Стилистика научной речи : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. обр. – М. : Академия, 2010. – 240 с.
12. Крюкова Г. А. К вопросу о формировании картины мира у иностранных студентов, изучающих русский язык (на материале общественно-политической лексики) // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 1. – С. 136–140.
13. Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 2 (16). – 22 с.
14. Солганик Г. Я. Стилистика текста : учеб. пособие. – 14-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2018. – 256 с.
15. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. – Изд. 6-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 312 с.
16. Стрельчук Е. Н. Русский язык и культура речи в иностранной аудитории: теория и практика : учеб. пособие для иностр. студентов-нефилологов. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 107 с.
17. Топор Г. Методология работы над художественным произведением (для учителей русского языка и литературы). – Кишинев : КГПУ, 2019. – 58 с.
18. Фоменко Ю. В. Очерки по лексикологии. – Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ун-т, 2004. – 160 с.
19. 顾嘉祖, 《语言与宗教》, 上海, 上海外国语学院, 2020 (63). (Гу Цзяцзу. Язык и религия. – Шанхай : Издательство Шанхайского университета международных исследований, 2020. – 63 с.)
20. 胡文仲, 《俄汉语言文化习俗探讨》, 上海, 外语教学与研究出版社, 2019 (36). (Ху Вэньчжун. Изучение русского и китайского языков и культурных обычаев. – Шанхай : Издательство по преподаванию и исследованию иностранных языков, 2019. – 36 с.)
21. 郑春苗, 《中西文化比较研究》, 北京, 北京语言学院出版社, 2019 (42). (Чжэн Чунмяо. Сопоставительное исследование китайской и западной культур. – Пекин : Издательство Пекинского института языков, 2019. – 42 с.)
22. 赵敏善, 《俄汉语言文化对比研究》, 北京, 军事谊文出版社, 2020 (18). (Чжао Миньшань. Культурно-сопоставительное исследование русского и китайского языков. – Пекин : Издательство Военная дружба, 2020. – 18 с.)

23. 《中国俗语大辞典》，上海，上海辞书出版社，2018 (56). (Словарь китайских поговорок. – Шанхай : Издательство Шанхайского словаря, 2018. – 56 с.)
24. 《辞海》，上海，上海辞书出版社，2020 (81) (Чихай. – Шанхай : Издательство Шанхайского словаря, 2020. – 81 с.)

Статья поступила в редакцию 01.11.2021

REFERENCES

1. Azimov E. G., Shchukin A. N. Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazykam). – M. : IKAR, 2009. – 82 s.
2. Azimov E. G., Shchukin A. N. Slovar' metodicheskikh terminov (teoriya i praktika prepodavaniya yazykov). – SPb. : Zlatoust, 1999. – 134 s.
3. Barkovskaya N. V. Metodicheskie principy analiza literaturnogo proizvedeniya v shkole. – Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2008. – 80 s.
4. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Lingvostranovedcheskaya teoriya slova. – M. : Rus. yaz., 1980. – 110 s.
5. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Yazyk i kul'tura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo : metod. ruk-vo. – 4-e izd., pererab. i dop. – M. : Rus. yaz., 1990. – 89 s.
6. Galaguzova M. A. Dissertacionnye issledovaniya po pedagogike: voprosy i otvety. – Ekaterinburg : SV-96, 2011. – 67 s.
7. Dautova O. B. Obrazovatel'naya kommunikaciya: tradicionnye i innovacionnye tekhnologii : ucheb.-metod. posobie. – SPb. : KARO, 2018. – 172 s.
8. Dem'yankov V. Z. Termin paradigma v «rodnom» i «chuzhom» arealah // Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoj lingvistike : sb. nauch. tr. – M. : RAN INION, 2008. – S. 15–39.
9. Komarova Z. I. Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike : ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zaved., obuchayushchihsya po napravleniyam podgotovki 03700.62 – «Lingvistika», 050100.68 – «Pedagogicheskoe obrazovanie». – 6-e izd., ster. – M. : FLINTA, 2018. – 180 s.
10. Kononenko V. I., Bricyn M. A., Ganich D. I. Russkij yazyk : ucheb. dlya ped. in-tov po spec. № 2102 «Ukr. yaz. i lit.». – 2-e izd., dop. – Kiev : Vishcha shk., 1986. – S. 33.
11. Kotyurova M. P. Stilistika nauchnoj rechi : ucheb. posobie dlya stud. uchrezhdenij vyssh. prof. obr. – M. : Akademiya, 2010. – 240 s.
12. Kryukova G. A. K voprosu o formirovanii kartiny mira u inostrannykh studentov, izuchayushchih russkij yazyk (na materiale obshchestvenno-politicheskoy leksiki) // Vestnik MGU. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. – 2005. – № 1. – S. 136–140.
13. Plungyan V. A. Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokah sovremennoj korpusnoj lingvistiki // Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii. – 2008. – № 2 (16). – 22 s.
14. Solganik G. Ya. Stilistika teksta : ucheb. posobie. – 14-e izd., ster. – M. : FLINTA, 2018. – 256 s.
15. Stepanov Yu. S. Metody i principy sovremennoj lingvistiki. – Izd. 6-e. – M. : Izd-vo LKI, 2007. – 312 s.
16. Strel'chuk E. N. Russkij yazyk i kul'tura rechi v inostrannoj auditorii: teoriya i praktika : ucheb. posobie dlya inostr. studentov-nefilologov. – 2-e izd. – M. : Flinta : Nauka, 2013. – 107 s.
17. Topor G. Metodologiya raboty nad hudozhestvennym proizvedeniem (dlya uchitelej russkogo yazyka i literatury). – Kishinev : KGPU, 2019. – 58 s.
18. Fomenko Yu. V. Ocherki po leksikologii. – Novosibirsk : Novosib. gos. ped. un-t, 2004. – 160 s.
19. 顾嘉祖, 《语言与宗教》，上海，上海外国语学院，2020 (63). (Gu Ciyaczu. Yazyk i religiya. – Shanhaj : Izdatel'stvo Shanhajskogo universiteta mezhdunarodnykh issledovaniy, 2020. – 63 s.)
20. 胡文仲, 《俄汉语言文化习俗探讨》，上海，外语教学与研究出版社，2019 (36). (Hu Ven'chzhun. Izuchenie russkogo i kitajskogo yazykov i kul'turnykh obycheev. – Shanhaj : Izdatel'stvo po prepodavaniiyu i issledovaniyu inostrannykh yazykov, 2019. – 36 s.)
21. 郑春苗, 《中西文化比较研究》，北京，北京语言学院出版社，2019 (42). (Zhchen Chunmyao. Copostavitel'noe issledovanie kitajskoj i zapadnoj kul'tur. – Pekin : Izdatel'stvo Pekinskogo instituta yazykov, 2019. – 42 s.)
22. 赵敏善, 《俄汉语言文化对比研究》，北京，军事谊文出版社，2020 (18). (Chzhao Min'shan'. Kul'turno-sopostavitel'noe issledovanie russkogo i kitajskogo yazykov. – Pekin: Izdatel'stvo Voennaya druzhba, 2020. – 18 s.)
23. 《中国俗语大辞典》，上海，上海辞书出版社，2018 (56). (Slovar' kitajskih pogovorok. – Shanhaj : Izdatel'stvo Shanhajskogo slovary, 2018. – 56 s.)
24. 《辞海》，上海，上海辞书出版社，2020 (81) (Chihaj. – Shanhaj : Izdatel'stvo Shanhajskogo slovary, 2020. – 81 s.)

The article was contributed on November 01, 2021

Сведения об авторах

Ли Сьюй – кандидат филологических наук Университета Фудань, г. Шанхай, Китай, редактор газеты «Я Ян» (Шанхай, Китай), <https://orcid.org/0000-0002-1778-8186>, wuliyanalisiyu@mail.ru

Ван Дэндэн – аспирант факультета филологии Уральского федерального университета, г. Екатеринбург, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-1331-6496>, 79177297081wdd@gmail.com

Author Information

Li Siyu – Candidate of Philology, Fudan University, Shanghai, China, Editor of “Ya Yang” Newspaper (Shanghai, China), <https://orcid.org/0000-0002-1778-8186>, wuliyanalisiyu@mail.ru

Wang Dengdeng – Post-graduate Student, Faculty of Philology, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-1331-6496>, 79177297081wdd@gmail.com

УДК 378.016:811.133.1'271.1

DOI 10.26293/chgpu.2022.114.1.024

¹Л. А. Метелькова, ²Н. Г. Гордеева

МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

¹ *Национальный исследовательский*

Московский государственный строительный университет, г. Москва, Россия

² *Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу письменных работ на французском языке, которые являются собой отдельный национально-специфический жанр. В статье рассмотрены основные особенности разных видов письменных работ, активно использующихся методистами и профессорами в школах и университетах для проверки знаний студентов. Письменные виды работ представляют собой особую сложность для обучающихся, так как требуют не только хорошего владения лексикой и грамматическими структурами изучаемого языка, но и знания структурных и стилистических особенностей самих работ, которые часто отличаются от аналогов на родном языке.

В статье отмечается, что эффективность обучения письменной речи на французском языке в равной мере зависит от лингвистического опыта обучающихся, а также от количества заданий и упражнений, необходимых для формирования, тренировки и контроля письменных навыков. Важным фактором устойчивого интереса к дальнейшему изучению французского языка является адекватная аргументированная оценка заданий. В работе приводятся критерии оценивания разных видов письменных работ, обучение которым осуществляется в современном вузе. Статья предназначена для преподавателей французского языка.

Ключевые слова: *современный французский язык, письменные работы, методика обучения письму, критерии оценивания письменных работ*

¹L. A. Metelkova, ²N. G. Gordeeva

METHODOLOGICAL ISSUES FOR TEACHING WRITING IN FRENCH

¹ *National Research Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russia*

² *I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia*

Abstract. This article is devoted to the analysis of written papers in French which are a distinct nationally specific genre. The article describes the main features of the different types of written papers which are actively used by methodologists and professors in schools and universities to test students' knowledge. Written types of papers are especially challenging for learners because they imply not only good knowledge of vocabulary and grammatical structures of the studied language but also the knowledge of structural and stylistic features of the papers themselves which usually differ from their analogues in native language.

The article points out that the effectiveness of teaching writing in French depends as much on the linguistic background of the learners as on the number of tasks and exercises needed to build, practice, and monitor learners' writing skills. Speaking about written work done in French, an important factor for sustained interest in further learning of French is adequate reasoned assessment of assignments. The article provides the assessment criteria for different types of written papers that are taught in contemporary universities. The article is aimed at teachers of French.

Keywords: *modern French, written papers, writing methods, assessment criteria for written papers*

Введение. Письмо – это одно из наиболее сложных видов речевой деятельности в процессе изучения и преподавания иностранных языков. Как правило, оно применяется в качестве средства обучения (выполнение заданий и упражнений в письменной форме при обучении языковым аспектам) и является при этом одной из целей обучения иностранным языкам (формирование у обучающихся умения излагать свои мысли в письменной форме).

Вопросы отечественных методик преподавания и обучению письму на иностранном языке были отражены в трудах Л. П. Бурмистрова, Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез, Н. А. Дельвиго, М. В. Варлагина, Ю. В. Петрунина, Н. Л. Журбенко, А. А. Леонтьева, Г. В. Рогова, Ф. М. Рабинович, Т. Е. Сахарова, Е. Н. Соловова и др. В зарубежной литературе в трудах таких авторов, как Х. Бесс, К. Жермен, С. Кауфман, С. Кушинг-Вейгл, П. Мартинез, Ж.-П. Робер и др., содержится глубокое и всестороннее рассмотрение различных аспектов теории и практики обучения письменной речи и контроля письменных навыков.

Работы вышеназванных исследователей, несмотря на различие подходов, представляют интерес, прежде всего в плане используемых методов.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что при кажущейся многоаспектностью и обширности исследований многие механизмы осуществления оценивания письменных работ все еще находятся в процессе познания. Возникает противоречие между необходимостью разработки подходов к контролю письменных навыков и оцениванию письменных работ обучающихся на иностранном языке и отсутствием единых критериев оценивания в методике преподавания французского языка как иностранного. Разработанные подходы к контролю письменных навыков и критерии оценивания письменных работ обучающихся на французском языке представляют собой практическую значимость настоящего исследования. Целью исследования является анализ письменных работ на французском языке как особого национально-специфического жанра.

Материал и методы исследования. Методы исследования, использованные при работе (анализ методической литературы, наблюдение, сравнение и моделирование), позволили детально рассмотреть и определить особенности разных видов письменных работ на французском языке, активно использующихся методистами и преподавателями в университетах, а также разработать критерии оценивания творческих видов письменных работ.

Результаты исследования и их обсуждение. В лингвистике и методической литературе по-разному трактуются понятия письменной речи и письма.

Так, Б. В. Беляев не разграничивает термины «письмо» и «письменная речь». Исследователь пишет: «Письменная речь есть не вид, а форма речи, так как без устной речи она существовать не может. Письменная речь связывается с мышлением не обособленно, а через устную речь. Форма эта более сложная, так как к динамическому стереотипу устной речи присоединяются и зрительный анализатор, и двигательный анализатор руки» [1].

Следовательно, письменная речь рассматривается как фиксированная устная речь, поскольку психологические характеристики, присущие письменной и устной речи, являются идентичными. Б. В. Беляев подчеркивает также, что «продуктивное письмо представляет собой самостоятельное речевое творчество» [1], [5].

Методисты отмечают, что прививать интерес к языку и новым словам нужно планомерно, поэтапно, а обучение письму должно проходить последовательно, градуированно [4].

Что касается письма во французской методической литературе, существуют такие понятия, как “production écrite”, “expression écrite” и “écriture créative” [6], [7].

В словаре методических терминов приводится следующее определение понятия “*écrit*”: «Область преподавания языка, которая включает в себя обучение чтению, письму, правописанию, производству текстов разного уровня и выполнения разных языковых функций» [12].

Ж. Хендрикс, преподаватель Льежского университета, определяет понятие “*production écrite*” следующим образом: «Это письменный текст со смысловой нагрузкой, методологически выходящий за рамки традиционного воспроизведения и передачи информации в письменном виде». По ее мнению, продуцирование письменной речи представляет собой сложную умственную деятельность, включающую в себя реализацию набора языковых навыков и различных психических процессов [10].

Одним из популярных методов обучения письму в зарубежной методике обучения иностранным языкам считается творческое, или креативное, письмо. Скотт Бэрри Кауфман так определяет творческое письмо: «Это разносторонняя деятельность, включающая в себя личность самого автора, его взгляды, убеждения и привычки» [11].

Относительно французского понятия “*écriture créative*” Ролан Барт подчеркивает следующее: «Это материя из слов, включенных в произведение и расположенных таким образом, чтобы заложить в него устойчивый и, насколько это возможно, уникальный смысл» [12].

Существуют такие виды письменных работ на французском языке, как *compte rendu*, *résumé* и *synthèse*, которые пользуются популярностью в образовательной системе России и за рубежом.

Все три вида письменных работ имеют определенные схожие моменты, которые их объединяют:

- они представляют собой «сокращение, сжатие» содержания в ограниченном количестве слов, обозначенном в самом начале;
- в регламенте отмечена объективность и беспристрастность суждений, которые исключают личную оценку;
- они требуют «переформулировки» ключевых идей автора собственными словами [8].

При работе над письменной стороной речи, как показывает наш опыт, эффективным приемом обучения являются ментальные карты, которые позволяют студентам запомнить отдельные повторяющиеся аспекты письменных заданий, например, слова-коннекторы, выделительные обороты, формулы вежливости в письме и др. [3].

Об умении составления письменного высказывания можно судить по сформированности у обучающихся таких навыков, как трансформация текста, замена, комбинирование и объединение его элементов. При сжатии текста обучающимся необходимо овладеть действиями по расчленению, дифференциации и сличению разных частей текста, а также действиями трансформации текста.

Выбор способов формирования и совершенствования вышеперечисленных письменных навыков зависит от трудностей, с которыми обучающиеся сталкиваются на определенном этапе обучения иностранному языку, а также от имеющегося лингвистического опыта.

На основе анализа упражнений, направленных на развитие письменных навыков обучающихся, приведенных в зарубежных и отечественных учебно-методических комплексах по французскому языку, нами была разработана система упражнений для поэтапного формирования умений обучающихся в области письма.

Для наиболее продуктивного оценивания выполненных заданий после изучения основных критериев оценивания письменных работ согласно требованиям образовательного стандарта по иностранному языку нами был разработан инструментарий оценивания письменных работ обучающихся.

Для оценивания эссе нами используется десятибалльная шкала, в которой: 10–9 баллов – оценка «5», 8–7 баллов – оценка «4», 6–5 баллов – оценка «3», менее 5 баллов – оценка «2».

Критерии оценивания эссе с кратким описанием, а также требуемых от обучающихся умений могут быть сведены к следующему:

1. Решение коммуникативной задачи: обучающийся может выполнить работу в соответствии с заданной ситуацией, обучающийся может уложиться в заданные рамки текста (0–0,5).

2. Способность предоставлять факты: обучающийся может описывать события, факты или собственный опыт (0–0,5–1–1,5–2).

3. Способность выражать свои мысли: обучающийся может описывать свои идеи, чувства или реакции и высказывать свое мнение (0–0,5–1–1,5–2).

4. Согласованность и связанность: обучающийся может связать серию отдельных коротких, простых элементов в связанный письменный текст (0–0,5–1–1,5).

5. Лексическая компетентность / лексическое правописание / объем словарного запаса: обучающийся владеет достаточным количеством слов, чтобы выразиться по текущей теме, при необходимости используя лексические трансформации (0–0,5).

6. Владение словарным запасом: обучающийся показывает хорошее владение элементарным словарным запасом, но серьезные ошибки все еще возникают, когда дело доходит до выражения более сложной мысли (0–0,5–1).

7. Владение орфографией: правописание, пунктуация и структура текста не мешают пониманию (0–0,5).

8. Грамматическая компетенция / степень развернутости предложения: обучающийся знает и использует структуры простого предложения и наиболее распространенных сложных предложений (0–0,5).

9. Выбор времени и наклонения: обучающийся хорошо владеет изученными временами глаголов, несмотря на влияние родного или первого иностранного языка (0–0,5).

10. Морфология/синтаксис: обучающийся владеет навыками согласования по роду и числу, умеет применять местоимения (0–0,5–1) [2].

Исходя из сути креативного письма, заключающейся в привитии обучающимся желания писать на иностранном языке, мы пришли к выводу, что разработанные ранее критерии весьма требовательны и не допускают никаких отклонений, поэтому для оценивания креативных работ, в которых основное внимание направлено на уникальность и творческое оформление составляемого текста, нами были разработаны критерии оценивания творческих работ (таблица 1).

Таблица 1

Критерии оценивания для креативного письма

Критерий	Уровень продуктивности, наблюдаемый по каждому критерию	Балл
1. Использование языка и языковых средств	Демонстрирует активное использование языка и языковых средств в соответствии с задачей	5
	Демонстрирует высокий уровень использования языка и языковых средств в соответствии с задачей	4
	Демонстрирует адекватное владение языком и языковыми средствами	3
	Демонстрирует ограниченное владение языком и языковыми средствами	2
	Не владеет языком и языковыми средствами	1
2. Согласованность	Элементы текста логически согласованы и связаны между собой, обеспечивают понимание текста	3
	Элементы текста логически связаны между собой, наблюдаются несвязанные идеи	2
	Логическая организация текста отсутствует, мешает пониманию текста	1
3. Контекстуальное понимание	Демонстрирует глубокую осведомленность в культурном, социальном и историческом контексте, в котором создается текст	5
	Демонстрирует достаточную осведомленность в культурном, социальном и историческом контексте, в котором создается текст	4

Продолжение таблицы 1

	Демонстрирует некоторую осведомленность в культурном, социальном и историческом контексте, в котором создается текст	3
	Демонстрирует ограниченную осведомленность в культурном, социальном и историческом контексте, в котором создается текст	2
	Пренебрегает культурным, социальным и историческим контекстом, в котором создается текст	1
4. Объективное мнение	Пишет очень креативно	3
	Пишет творчески	2
	Нуждается в улучшении качества письма	1

Необходимо отметить, что каждая творческая письменная работа, выполненная обучающимся, требует оценки и пояснения преподавателя. Однако для того чтобы обратная связь была эффективной, комментарии преподавателя должны быть максимально быстрыми по времени.

Обратная связь также должна быть конкретной. Чем точнее она описывает соответствующие факты, тем лучше их будет понимать обучающийся [9]. Сообщение обратной связи должно избегать какой-либо субъективности и, следовательно, придерживаться критериев, используемых для оценки.

Наконец, необходимо проверить, получил ли обучающийся пояснения к своей работе, и, в случае необходимости, более детально прокомментировать ему их. Таким образом, оценка не дублирует отметку. Комментарии к работе рассматриваются как индивидуализированная коррекция и нацелены на поддержание, своего рода диалога с обучающимся. Однако, если преподаватель выделяет в основном недостатки в письменной работе, комментарии, напротив, должны подчеркивать положительные элементы и содержать советы, адресованные обучающемуся (рисунок 1).

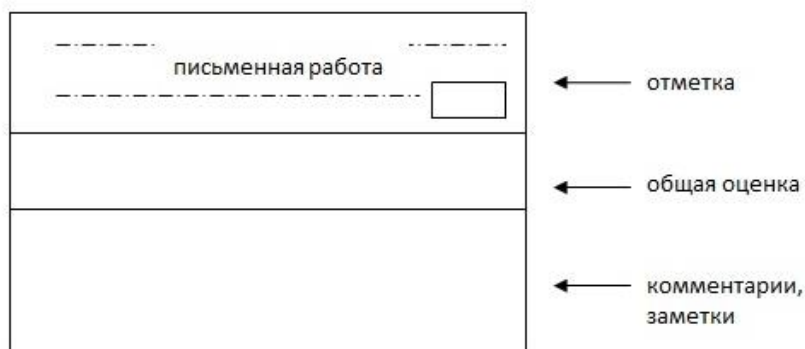

Рис. 1. Оценка письменной работы

Помимо этого, при оценивании письменных работ следует уделять внимание технологии исправления ошибок. Так, например, рекомендуется давать обучающимся время на самопроверку. Преподавателю необходимо осуществлять текущий контроль во время занятия, просматривая работы студента и отмечая предложение, в котором допущена ошибка, специальным знаком. Такой контроль позволяет обучающемуся самому выявить и исправить ошибку в работе.

Возможен также вариант обмена работами после выполнения задания. В таком случае обучающиеся обмениваются своими работами и осуществляют контроль работы одноклассника, отмечая обнаруженные ошибки. Однако такая форма коррекции ошибок

требует непосредственного внимания преподавателя, так как у студентов должна быть опора для объективного исправления ошибок.

Все вышеперечисленные рекомендации к исправлению ошибок касаются лишь упражнений, контролирующих навыки графики, орфографии и грамматики, поскольку оценивание письменных работ творческого характера должно осуществляться непосредственно преподавателем.

Выводы. Совершенствование навыков понимания письменного текста, отбор основного и существенного, умение грамотно структурировать полученные данные, логичное изложение главной мысли текста, с помощью использования различных языковых средств обобщенной передачи содержания – ключ к успеху при работе с подобного рода заданиями.

Таким образом, можно сделать вывод, что овладение национально-специфическими жанрами учебной письменной речи на французском языке необходимо для всех студентов, изучающих данный язык, и в особенности для тех, кто собирается получать образование во франкоязычных странах.

Технологии исправления ошибок и оценивания письменных работ могут варьироваться, при этом использование различных форм коррекции вырабатывает у обучающихся навыки самоконтроля и автоматизма в обнаружении и исправлении ошибок в данных видах работ и формирует устойчивую положительную мотивацию к изучению французского языка.

Перспективным для дальнейшего исследования является разработка критериев оценивания письменных переводов обучающихся технических вузов с русского языка на французский и с французского языка на русский, так как с данным видом письменной работы они могут столкнуться в будущей профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Б. В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. – М. : Просвещение, 1965. – С. 99–104.
2. Метелькова Л. А., Ананьева В. А. Письменные работы на французском языке как методическая проблема // Вестник Белгородского института развития образования. – 2021. – Т. 8, № 2(20). – С. 133–141.
3. Метелькова Л. А., Оганесян Е. А. Использование ментальных карт на французском языке в формировании прагматической компетенции студентов // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10, № 1(34). – С. 163–166.
4. Нестерова В. Е. Развитие навыков письменной речи при реализации профессионально ориентированного обучения иностранному языку // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2020. – № 1(38). – С. 76–78.
5. Петришина Я. В., Старкова Л. В. К вопросу о письме и письменной речи в обучении иностранному языку // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – Т. 1. – С. 100–103.
6. Alamargot D. Les modèles de rédaction de textes. Production du langage. – 2002. – Vol. X. – P. 45–65. – URL : https://www.researchgate.net/publication/280050286_Les_modeles_de_redaction_de_textes (дата обращения: 25.01.2022).
7. Barthes R. Le Plaisir du texte / R. Barthes. – Paris : Éditions du Seuil, 1973. – 89 p.
8. Clerc G. 50 modèles de résumés de textes. – Paris : Marabout, 1992. – P. 5–35.
9. Dionne B. Pour réussir. Guide méthodologique pour les études et la recherche. – Montréal : Éditions Études vivantes, 1990. – P. 86–92.
10. Hindryckx G. La production écrite en questions : pistes de réflexion et d'action pour le cycle 5–8 ans. – Bruxelles : De Boeck, 2011. – 57 p.
11. Kaufman S. B. The Psychology of Creative Writing. – New York : Cambridge University Press, 2009. – 410 p. – URL : <https://litmy.ru/knigi/psihologiya/287288-the-psychology-of-creative-writing.html> (дата обращения: 25.01.2022).
12. Robert J.-P. Dictionnaire pratique de didactique du FLE. – Paris : OPHRYS, 2008. – 224 p.

Статья поступила в редакцию 31.01.2022

REFERENCES

1. Belyaev B. V. Ocherki po psilogii obucheniya inostrannym yazykam. – M. : Prosveshchenie, 1965. – S. 99–104.
2. Metel'kova L. A., Anan'eva V. A. Pis'mennye raboty na francuzskom yazyke kak metodicheskaya problema // Vestnik Belgorodskogo instituta razvitiya obrazovaniya. – 2021. – T. 8, № 2(20). – S. 133–141.
3. Metel'kova L. A., Oganessian E. A. Ispol'zovaniya mental'nyh kart na francuzskom yazyke v formirovanii pragmaticheskoy kompetencii studentov // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. – 2021. – T. 10, № 1(34). – S. 163–166.
4. Nesterova V. E. Razvitie navykov pis'mennoj rechi pri realizacii professional'no orientirovannogo obucheniya inostrannomu yazyku // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 1(38). – S. 76–78.
5. Petrishina Ya. V., Starkova L. V. K voprosu o pis'me i pis'mennoj rechi v obuchenii inostrannomu yazyku // Trudy Bratskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. – 2021. – T. 1. – S. 100–103.
6. Alamargot D. Les modèles de rédaction de textes. Production du langage. – 2002. – Vol. X. – P. 45–65. – URL : https://www.researchgate.net/publication/280050286_Les_modeles_de_redaction_de_textes (data obrashcheniya: 25.01.2022).
7. Barthes R. Le Plaisir du texte / R. Barthes. – Paris : Éditions du Seuil, 1973. – 89 p.
8. Clerc G. 50 modèles de résumés de textes. – Paris : Marabout, 1992. – P. 5–35.
9. Dionne B. Pour réussir. Guide méthodologique pour les études et la recherche. – Montréal : Éditions Études vivantes, 1990. – R. 86–92.
10. Hindryckx G. La production écrite en questions : pistes de réflexion et d'action pour le cycle 5–8 ans. – Bruxelles : De Boeck, 2011. – 57 p.
11. Kaufman S. B. The Psychology of Creative Writing. – New York : Cambridge University Press, 2009. – 410 p. – URL : <https://litmy.ru/knigi/psihologiya/287288-the-psychology-of-creative-writing.html> (data obrashcheniya: 25.01.2022).
12. Robert J.-P. Dictionnaire pratique de didactique du FLE. – Paris : OPHRYS, 2008. – 224 p.

The article was contributed on January 31, 2022

Сведения об авторах

Метелькова Лилия Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, и. о. заведующей кафедрой иностранных языков и профессиональной коммуникации Национального исследовательского Московского государственного строительного университета, г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-9947-1344>, lilia.metelkova@gmail.com

Гордеева Наталья Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой романо-германской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-6786-9291>, gord1307@list.ru

Author Information

Metelkova, Lilia Aleksandrovna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Acting Head of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, National Research Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-9947-1344>, lilia.metelkova@gmail.com

Gordeeva, Natalia Gennadyevna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Romano-Germanic Philology, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-6786-9291>, gord1307@list.ru

УДК 796.015.132-057.36

DOI 10.26293/chgpu.2022.114.1.025

¹С. Ю. Проскурин, ¹Г. Л. Драндров, ²Е. П. Врублевский

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

¹*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

²*Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины,
г. Гомель, Беларусь*

Аннотация. Цель работы заключалась в уточнении сущностно-содержательной характеристики профессионально-прикладной физической подготовки (ППФП) современных военнослужащих. В статье на основе анализа и обобщения программно-нормативных документов, научно-методической литературы и собственного педагогического опыта сформулировано авторское понимание целевой направленности ППФП современных военнослужащих на формирование физической и психической готовности к военной службе. Достижение этой цели обеспечивается через решение четырех взаимосвязанных задач: развитие профессионально-значимых физических и психических качеств; формирование и совершенствование прикладных двигательных умений и навыков; совершенствование функциональной устойчивости организма к содержанию и условиям профессиональной деятельности; вооружение знаниями и умениями успешного освоения практического раздела ППФП. Основными средствами ППФП выступают прикладные физические упражнения и элементы отдельных видов спорта; прикладные виды спорта, вспомогательные средства; естественные оздоровительные силы природы и гигиенические факторы. Критерии и показатели измерения и оценивания результатов ППФП регламентируются «Наставлением по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации».

Ключевые слова: *военнослужащие, профессионально-прикладная физическая подготовка, цель, задачи, принципы, содержание, методы, формы, критерии и показатели*

S. Yu. Proskurin, G. L. Drandrov, E. P. Vrublevskiy

ON THE CHARACTERISTICS OF MODERN PROFESSIONAL AND APPLIED PHYSICAL TRAINING OF MILITARY PERSONNEL

¹*I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia*

²*Gomel State University named after F. Skorina, Gomel, Belarus*

Abstract. The purpose of the work was to clarify the essential and substantive characteristics of professional and applied physical training (PAPT) of modern military personnel. Based on the analysis and generalization of program and regulatory documents, scientific and methodological literature and authors' pedagogical experience, the article presents the authors' understanding of the target orientation of the PAPT of modern military personnel on the formation of physical and mental readiness for military service activities is formulated. The achievement of this goal is ensured through the solution of four interrelated tasks: development of professionally significant physical and mental qualities; formation and improvement of applied motor skills and abilities; improvement of the functional stability of the body to the content and conditions of professional activity; knowledge and skills of successful mastering of the practical

section of the PAPT. The main means of PAPT are applied physical exercises and elements of individual sports; applied sports, auxiliary means; natural healing forces of nature and hygienic factors. The criteria and indicators for measuring and evaluating the results of the PAPT are regulated by the "Manual on Physical Training in the Armed Forces of the Russian Federation".

Keywords: *military personnel, professional and applied physical training, purpose, tasks, principles, content, methods, forms, criteria and indicators*

Введение. Анализ современной практики профессионально-прикладной физической подготовки (ППФП) показал, что люди, приходящие на военную службу по контракту, имеют разный уровень развития физических качеств и обладают различным уровнем сформированности опыта решения двигательных задач. Наблюдается тенденция поступления на контрактную службу людей разного возраста. В то же время изменяются содержание и условия профессиональной деятельности военнослужащих, проходит модернизация тактических приемов ведения военных действий, совершенствуется вооружение. Эти субъективные и объективные факторы существенно изменили требования к содержанию и процессу ППФП военнослужащих и поставили тем самым проблему ее дальнейшего совершенствования.

Существенный теоретический вклад в решение этой задачи внес Л. П. Матвеев [12], разработавший понятийный аппарат ППФП и раскрывший ее место в физической культуре. В докторской диссертации В. П. Полянского раскрыты теоретико-методические основы совершенствования прикладной физической культуры (ее содержание и формы) в современном обществе [19]. И. А. Кузнецовым [9] были рассмотрены вопросы подготовки военнослужащих к боевым действиям. А. Б. Куделиным, В. В. Титовым [8] была разработана методика профессионально прикладной физической подготовки курсантов военного вуза.

Необходимым шагом успешного решения проблемы совершенствования ППФП военнослужащих выступает уточнение ее сущности, содержания и технологии ее осуществления в современных условиях служебной деятельности. В связи с этим цель нашей работы заключалась в сущностно-содержательной характеристике ППФП военнослужащих в современных условиях.

Актуальность исследуемой проблемы. На сегодняшний день наблюдается усиление присутствия войск блока НАТО у границ Российской Федерации. Такое положение дел заставляет Россию удерживать и повышать уровень обороноспособности. Наряду с этим в нашей стране наблюдается высокий интерес к военной службе. Молодые люди охотно идут служить по призыву в Вооруженные Силы, подписывают контракты о прохождении военной службы, поступают в военные учебные заведения. Во время прохождения службы военнослужащие сталкиваются с необходимостью осуществления различных видов подготовки: теоретической, тактической, огневой и физической. Основным элементом в содержании физической подготовки является ППФП.

Решение стратегической задачи повышения обороноспособности нашей страны невозможно без высокого уровня ППФП военнослужащих как предпосылки эффективной профессиональной деятельности в любое время и в любых условиях. Поэтому потребность современных военнослужащих в повышении физической подготовленности и в совершенствовании умений и навыков военной деятельности не только сохранилась, но и стала более выраженной.

Материал и методы исследования. Материалом для решения проблемы исследования по служили современные знания в рассматриваемой предметной области, представленные в диссертационных работах, монографиях, научных статьях, программно-нормативные

документы, регламентирующие содержание и процесс ППФП военнослужащих, а также собственный опыт ее организации и проведения. Основными способами работы с этим материалом стали методы теоретического анализа, обобщения и систематизации накопленного в настоящее время опыта ППФП военнослужащих.

Результаты исследования и их обсуждение. В Энциклопедическом словаре отмечается, что ППФП – «это специализированный вид физического воспитания, осуществляемый в соответствии с требованиями и особенностями данной профессии» [6]. Ее специфичность обусловлена качественным своеобразием решаемых задач, к которым, по единодушному мнению большинства ученых и специалистов, принимавших участие во Всероссийской научно-практической конференции «Научные исследования в сфере физической подготовки и спорта в Вооруженных Силах: опыт и перспективы», относятся: формирование профессионально значимых двигательных умений и навыков, повышение специальной работоспособности на основе совершенствования функциональных возможностей организма, адаптация к неблагоприятным факторам военной службы [15].

По мнению Д. А. Осокина, «основное назначение ППФП – направленное развитие и поддержание на оптимальном уровне тех психических и физических качеств человека, к которым предъявляет повышенные требования конкретная профессиональная деятельность, а также выработка функциональной устойчивости организма к условиям этой деятельности и формирование прикладных двигательных умений и навыков, преимущественно необходимых в связи с особыми внешними условиями труда» [17, с. 347].

Д. А. Сурков и Л. В. Капилевич дают следующую формулировку: «ППФП – это одно из основных направлений системы физического воспитания, призванное развить физические и специальные качества, умения и навыки, способствующие формированию готовности специалиста к успешной профессиональной деятельности» [22, с. 144].

Л. П. Матвеев [13] считает, что ППФП – это физическая подготовка, прикладно-профилированная по отношению к трудовой деятельности, избранной индивидом в качестве профессии. Он подчеркивает, что множество современных профессий уже не требуют высокого уровня мышечного воздействия, как труд прошлого времени. Но данное обстоятельство не устранило значимости высокого внимания к определённым видам труда. К ним можно отнести такие сферы деятельности, как освоение новых природных и географических открытий человеком, а также современная военная служба.

Е. В. Матухно подчеркивает: «Цель ППФП – психофизическая готовность к успешной профессиональной деятельности. Чтобы эта цель была достигнута, необходимо создать у будущих специалистов психофизические предпосылки и готовность: к ускорению профессионального обучения; достижению высокопроизводительного труда в избранной профессии; предупреждению профессиональных заболеваний и травматизма, обеспечению профессионального долголетия; использованию средств физической культуры и спорта для активного отдыха и восстановления общей и профессиональной работоспособности в рабочее и свободное время; выполнению служебных и общественных функций по внедрению физической культуры и спорта в профессиональном коллективе» [14].

Ж. К. Холодов и В. С. Кузнецов в качестве цели ППФП определяют формирование психофизической готовности к эффективной и безопасной профессиональной деятельности. Достижение этой цели обеспечивается через решение ряда взаимосвязанных «задач:

- 1) развитие профессионально значимых физических и психических качеств;
- 2) формирование и совершенствование профессионально-прикладных двигательных умений и навыков;
- 3) повышение функциональной устойчивости организма к воздействию негативных условий и факторов профессиональной деятельности;
- 4) вооружение знаниями и умениями успешного освоения практического раздела ППФП» [24].

Каждая профессиональная деятельность, в том числе и деятельность военнослужащих, характеризуется качественным своеобразием требований к развитию определенных физических и психических способностей, уровню владения определенными профессионально значимыми двигательными умениями и навыками [16], [20].

Очевидно, что военнослужащему необходима ППФП, связанная с постоянным передвижением и применением силовых качеств. Военнослужащему, выполняющему служебные задачи стационарно, свойственно применение выносливости и силы.

К основным задачам ППФП, решение которых обеспечивает успешность профессиональной деятельности военнослужащих, относятся:

- 1) формирование основных прикладных компетенций;
- 2) овладение необходимыми прикладными знаниями, умениями и навыками;
- 3) развитие прикладных психофизических качеств и психофизиологических функций;
- 4) развитие профессионально значимых физических и психических качеств;
- 5) развитие других специальных прикладных качеств;
- 5) 6) укрепление здоровья и профилактика профессиональных заболеваний и травматизма [1], [2], [3], [4], [5], [23], [10].

В процессе ППФП (сотрудников) военнослужащих помимо решения этих задач осуществляется формирование организационно-методических умений и навыков, воспитание морально-волевых и духовно-нравственных качеств [21].

Л. П. Матвеев [12] в связи с этим обращает внимание на необходимость осуществления ППФП с учетом принципа *всестороннего* или *всемерного содействия всестороннему гармоничному развитию индивида*. Еще П. Ф. Лесгафт писал: «Только при гармоничном развитии всех органов организма человек в состоянии совершенствоваться и производить наибольшую работу при наименьшей трате материала и силы» [11, с. 261].

В процессе реализации этого принципа с использованием ценностей физической культуры создаются условия для формирования как общей культуры военнослужащих, так и умений и навыков, необходимых для профессиональной деятельности, повышения уровня развития необходимых физических качеств, а также резервов адаптации к меняющимся условиям профессиональной деятельности. Данный принцип говорит о том, что военнослужащий (сотрудник), получая специальную подготовку за время прохождения службы, должен развиваться и в духовном, и в нравственном отношении, понимать, какую ответственность он несет по защите государства и общества.

Эффективность ППФП предполагает ориентацию на принцип *прикладности*, отражающий связь занятий физическими упражнениями с содержанием военной службы. Например, цель ППФП сотрудников, несущих службу стационарного характера (на посту), предполагает организацию тренировочного процесса с применением длительных статических упражнений и моделированием внезапного нападения и защиты [19].

Принцип *оздоровительной направленности* содействует оптимизации развивающего эффекта физкультурной деятельности [12]. Важными моментами реализации данного принципа выступают рационально нормированные нагрузки и интервалы отдыха, гигиенические условия здорового образа жизни, нормированное использование благоприятных условий внешней среды и закаливания.

Принцип *взаимосвязи средств ОФП и ППФП* предполагает использование тренировочных и соревновательных упражнений из различных видов спорта и прежде всего занятий профессионально-прикладными видами спорта (армейским рукопашным боем, боевым самбо, автоспортом, стрелковым спортом и т. п.).

Принцип *доступности и индивидуализации нагрузки* подразумевает соответствие средств и методов организации физической подготовки индивидуальному своеобразие ППФП военнослужащих.

Большое значение в практике ППФП приобретает реализация принципа **сознательности и активности**. Это достигается за счет введения в программу ППФП мотивационного компонента, представляющего собой раскрытие перед занимающимися значения ППФП, ее целей и задач, оглашение результатов тестирования профессионально важных способностей, динамики их развития. А. А. Глазырин считает, что «основным механизмом организации ППФП курсантов должно стать создание условий, направленных на активизацию мотивов профессиональных достижений, развития потребности в самоопределении, необходимых для физического совершенствования личности будущего специалиста, способного к саморазвитию в процессе образования» [7, с. 133].

К основным средствам ППФП военнослужащих относятся прикладные физические упражнения и элементы отдельных видов спорта; прикладные виды спорта, вспомогательные средства; естественные оздоровительные силы природы и гигиенические факторы [18].

Для решения задач ППФП принято применять общепедагогические (словесные методы и методы обеспечения наглядности) и специфические (игровой метод; соревновательный метод; методы строго регламентированного упражнения) методы.

Методы строго регламентированного упражнения представлены методами развития физических качеств (методы избирательного, комплексного и сопряженного воздействия); методами формирования двигательных умений и навыков.

ППФП военнослужащих осуществляется в следующих организационных формах: учебные занятия, утренняя физическая зарядка, физическая тренировка в процессе служебной деятельности, самостоятельная физическая тренировка.

Учебные занятия и утренняя физическая зарядка являются обязательными формами проведения физической подготовки.

Физическая тренировка в процессе служебной деятельности организуется в целях поддержания профессиональной работоспособности военнослужащих. Она организуется и проводится при передвижениях подразделений к местам занятий, а также в ходе практических занятий по другим предметам обучения.

Самостоятельная физическая тренировка осуществляется самостоятельно или под присмотром инструктора. Данная работа направлена на самосовершенствование и улучшение общей и специальной физической подготовленности военнослужащего [16].

Критерии и показатели измерения и оценивания результатов ППФП регламентируются «Наставлением по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации», введенным в действие приказом Министра обороны Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 200 с изменениями в соответствии с приказом Министра обороны Российской Федерации от 31 июля 2013 г. № 560 «О внесении изменений в Наставление по физической подготовке в Вооруженных Силах» [16]. При этом учитываются общие положения, создаваемые специалистами по направлению деятельности военнослужащих.

На основе данных положений создается годовой план занятий по физическому воспитанию. В течение года организуется ряд проверочных мероприятий по физической подготовке. В их содержание входят проверка по ОФП (по всем физическим качествам), а также по специальной физической подготовке (ППФП), в состав которой входит демонстрация приемов защитно-атакующих действий и рукопашный бой.

Оценка результатов осуществляется соответствующими подразделениями, в чью компетенцию входит проверка и оценивание качества физической подготовленности (сотрудников) военнослужащих.

Выводы. Завершая реферативный обзор литературных данных, можно заключить, что целью ППФП современных военнослужащих выступает формирование физической и психической готовности к военной службе. Достижение этой цели обеспечивается через решение четырех задач: развитие профессионально-значимых физических и психических

качеств; формирование и совершенствование прикладных двигательных умений и навыков; совершенствование функциональной устойчивости организма к содержанию и условиям профессиональной деятельности; вооружение знаниями и умениями успешного освоения практического раздела ППФП.

Решение поставленных задач осуществляется с учетом качественного своеобразия реализации принципов: содействия всестороннему гармоничному развитию личности; прикладности; оздоровительной направленности; взаимосвязи средств общей и профессионально-прикладной физической подготовки; доступности и индивидуализации; сознательности и активности.

В содержание ППФП военнослужащих включаются прикладные физические упражнения и элементы отдельных видов спорта, прикладные виды спорта, вспомогательные средства, естественные оздоровительные силы природы и гигиенические факторы.

Для решения задач ППФП используются общепедагогические (словесные методы и методы обеспечения наглядности) и специфические методы (игровой; соревновательный; методы строго регламентированного упражнения).

Основными формами организации ППФП военнослужащих являются учебные занятия, утренняя физическая зарядка, физическая тренировка в процессе служебной деятельности, самостоятельная физическая тренировка.

Критерии и показатели измерения и оценивания результатов ППФП регламентируются «Наставлением по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации». В их содержание наряду с показателями развития основных физических качеств входят и показатели по специальной физической подготовке, в том числе демонстрация приемов защитно-атакующих действий и рукопашный бой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов К. В. Понятие военно-профессиональной подготовки, ее сущность и содержание / К. В. Аксенов // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – Т. 2, № 4. – С. 169–174.
2. Аксенов К. В. Пути повышения качества профессиональной подготовки выпускника военного вуза // Актуальные проблемы совершенствования подготовки специалистов в вузе : материалы област. науч.-практ. конф. – Ярославль, 2001. – С. 112–114.
3. Аксенов К. В. Формирование содержания военно-профессиональной подготовки в вузе // Молодежь и экономика : тез. докл. VI межрегион. науч. конф. – Ярославль, 2002. – С. 93–94.
4. Астафьев К. А., Радченко О. В., Гниломедов Р. А. Зависимости развития основных физических качеств у курсантов с различным уровнем физической подготовленности // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. – Воронеж, 2015. – С. 746–749.
5. Ахметгареев Р. А., Вараксин В. Е., Иванов В. Г. Основные направления повышения качества военно-профессиональной подготовки будущих офицеров в системе военного вуза [Электронный ресурс]. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-povysheniya-kachestva-voenno-professionalnoy-podgotovki-budushchih-ofitserov-v-sisteme-voennogo-vuza> 251-256, свободный (дата обращения : 20.12.2017).
6. Вайнер Э. Н. Адаптивная физическая культура. Краткий энциклопедический словарь. – М. : Флинта, 2012. – 74 с.
7. Глазырин А. А. Методологические подходы к организации профессионально-прикладной физической подготовки курсантов академии МВД Республики Беларусь // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия «Педагогические науки. Физическая культура и спорт». – 2010. – № 11. – С. 130–133.
8. Куделин А. Б., Титов В. В. Профессионально-прикладная физическая культура в системе физического воспитания курсантов военных вузов // Физическая культура и спорт в современном обществе : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Смоленск, 2010. – С. 297–301.
9. Кузнецов И. А. Подготовка военнослужащих к боевым действиям в условиях горно-пустынной местности / И. А. Кузнецов. – СПб. : Военный институт физической культуры, 2005. – 287 с.
10. Курамин Ю. Ф. Теория и методика физической культуры : учебник. – М. : Советский спорт, 2010. – 464 с.
11. Лесгафт П. Ф. Руководство по физическому образованию детей школьного возраста. – СПб., 1905. – 291 с.
12. Матвеев Л. П. Прикладность физической культуры: понятийные основы и их конкретизация в современных условиях // Теория и практика физической культуры. – 1996. – № 7. – С. 42–47.

13. Матвеев Л. П. Теория и методика физической культуры. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Физкультура и спорт : СпортАкадемПроект, 2008. – 544 с.
14. Матухно Е. В. Профессионально-прикладная физическая подготовка : учеб. пособие. – Комсомольск-на-Амуре : КнАГТУ, 2013. – 97 с.
15. Научные исследования в сфере физической подготовки и спорта в Вооруженных Силах: опыт и перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 95-летию Тиграна Тиграновича Джамгарова (1921–1980) / под ред. А. Г. Щурова, О. Г. Румба, А. А. Горелова (Санкт-Петербург, 30 ноября 2016 г.). – СПб., 2017.
16. Об утверждении Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации: приказ Министра обороны Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 200 с изм., внесенными приказом Министра обороны Российской Федерации от 31 июля 2013 г. № 560 / Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
17. Осокин Д. А. Профессионально-прикладная физическая подготовка как один из основных предметов, обеспечивающих формирование необходимых навыков и умений курсантов СПСА – филиала СПбУ ГПС МЧС России // Science Time. – 2015. – № 1. – С. 347–355.
18. Пархаева О. В., Судакова Ю. Е. Необходимость профессиональной прикладной физической подготовки студентов технологического института // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. – 2014. – № 1(3). – С. 196–202.
19. Полянский В. П. Теоретико-методические основы совершенствования прикладной физической культуры (ее содержание и формы) в современном обществе : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.04. – М. : РГАФК, 1999. – 368 с.
20. Построение и основы методики профессионально-прикладной физической подготовки. Теория и методика физического воспитания. – 2016 [Электронный ресурс]. – URL : <http://xn--80aqqdgdhbb4i.xn--p1ai/postroenie-i-osnovy-metodiki-professionalno-prikladnoj-fizicheskoy-podgotovki/> (дата обращения : 10.02.2022).
21. Рубан А. В. Психолого-педагогические условия формирования аксиологической компетентности курсантов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2016. – № 3(183). – С. 74–80.
22. Сурков Д. А., Капилович Л. В. Специфика организации физического воспитания в вузах силовых ведомств // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 346. – С. 144–148.
23. Физическая подготовка : учебник / В. А. Кудин, В. А. Торопов, А. И. Ушенин, М. Л. Куликов. – СПб. : Изд-во СПб ун-та МВД России, 2010. – 312 с.
24. Холодов Ж. К., Кузнецов В. С. Теория и методика физического воспитания и спорта : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М. : Академия, 2000. – 457 с.

Статья поступила в редакцию 22.02.2022

REFERENCES

1. Aksenov K. V. Ponyatie voenno-professional'noj podgotovki, ee sushchnost' i sodержanie / K. V. Aksenov // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2010. – Т. 2, № 4. – С. 169–174.
2. Aksenov K. V. Puti povysheniya kachestva professional'noj podgotovki vypusknika voennogo vuza // Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya podgotovki specialistov v vuze : materialy oblast. nauch.-prakt. konf. – Yaroslavl', 2001. – С. 112–114.
3. Aksenov K. V. Formirovanie sodержaniya voenno-professional'noj podgotovki v vuze // Molodezh' i ekonomika : tez. dokl. VI mezhdregion. nauch. konf. – Yaroslavl', 2002. – С. 93–94.
4. Astaf'ev K. A., Radchenko O. V., Gnilomedov R. A. Zavisimosti razvitiya osnovnykh fizicheskikh kachestv u kursantov s razlichnym urovnem fizicheskoy podgotovlennosti // Aktual'nye problemy deyatel'nosti podrazdelenij UIS : sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. – Voronezh, 2015. – С. 746–749.
5. Ahmetgareev R. A., Varaksin V. E., Ivanov V. G. Osnovnye napravleniya povysheniya kachestva voenno-professional'noj podgotovki budushchih oficerov v sisteme voennogo vuza [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-povysheniya-kachestva-voenno-professionalnoy-podgotovki-budushchih-ofitserov-v-sisteme-voennogo-vuza> 251-256, svobodnyj (data obrashcheniya : 20.12.2017).
6. Vajner E. N. Adaptivnaya fizicheskaya kul'tura. Kratkij enciklopedicheskij slovar'. – М. : Flinta, 2012. – 74 с.
7. Glazyrin A. A. Metodologicheskie podhody k organizacii professional'no-prikladnoj fizicheskoy podgotovki kursantov akademii MVD Respubliki Belarus' // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pedagogicheskie nauki. Fizicheskaya kul'tura i sport». – 2010. – № 11. – С. 130–133.
8. Kudelin A. B., Titov V. V. Professional'no-prikladnaya fizicheskaya kul'tura v sisteme fizicheskogo vospitaniya kursantov voennykh vuzov // Fizicheskaya kul'tura i sport v sovremennom obshchestve : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Smolensk, 2010. – С. 297–301.
9. Kuznecov I. A. Podgotovka voennoslužhashchih k boevym dejstviyam v usloviyah gorno-pustynnoj mestnosti / I. A. Kuznecov. – Spb. : Voennyj institut fizicheskoy kul'tury, 2005. – 287 с.
10. Kuramshin Yu. F. Teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury : uchebник. – М. : Sovetskij sport, 2010. – 464 с.
11. Lesgaft P. F. Rukovodstvo po fizicheskomu obrazovaniyu detej shkol'nogo vozrasta. – SPb., 1905. – 291 с.

12. Matveev L. P. Prikladnost' fizicheskoy kul'tury: ponyatiynye osnovy i ih konkretizatsiya v sovremennykh usloviyakh // Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury. – 1996. – № 7. – S. 42–47.
13. Matveev L. P. Teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury. – 3-e izd., pererab. i dop. – M. : Fizkul'tura i sport : SportAkademProcess, 2008. – 544 s.
14. Matuhno E. V. Professional'no-prikladnaya fizicheskaya podgotovka : ucheb. posobie. – Komsomol'sk-na-Amure : KnAGTU, 2013. – 97 s.
15. Nauchnye issledovaniya v sfere fizicheskoy podgotovki i sporta v Vooruzhennykh Silah: opyt i perspektivy : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posv. 95-letiyu Tigrana Tigranovicha Dzhamgarova (1921–1980) / pod red. A. G. Shchurova, O. G. Rumba, A. A. Gorelova (Sankt-Peterburg, 30 noyabrya 2016 g.). – SPb., 2017.
16. Ob utverzhdenii Nastavleniya po fizicheskoy podgotovke v Vooruzhennykh Silah Rossijskoj Federacii: prikaz Ministra oborony Rossijskoj Federacii ot 21 aprelya 2009 g. № 200 s izm., vnesennymi prikazom Ministra oborony Rossijskoj Federacii ot 31 iyulya 2013 g. № 560 / Dostup iz sprav.-pravovoj si-stemy «Garant».
17. Osokin D. A. Professional'no-prikladnaya fizicheskaya podgotovka kak odin iz osnovnykh predmetov, obespechivayushchih formirovanie neobhodimyykh navykov i umeniy kursantov SPSA – filiala SPBU GPS MChS Ros-sii // Science Time. – 2015. – № 1. – S. 347–355.
18. Parhaeva O. V., Sudakova Yu. E. Neobhodimost' professional'noj prikladnoj fizicheskoy podgotovki studentov tekhnologicheskogo instituta // Vestnik Dimitrovgradskogo inzhenerno-tekhnologicheskogo instituta. – 2014. – № 1(3). – S. 196–202.
19. Polyanskij V. P. Teoretiko-metodicheskie osnovy sovershenstvovaniya prikladnoj fizicheskoy kul'tury (ee sodержание i formy) v sovremennom obshchestve : dis. ... d-ra ped. nauk : 13.00.04. – M. : RGAFK, 1999. – 368 s.
20. Postroenie i osnovy metodiki professional'no-prikladnoj fizicheskoy podgotovki. Teoriya i metodika fizicheskogo vospitaniya. – 2016 [Elektronnyj resurs]. – URL : <http://xn--80aqqdgdhbb4i.xn--p1ai/postroenie-i-osnovy-metodiki-professionalno-prikladnoj-fizicheskoy-podgotovki/> (data obrashcheniya : 10.02.2022).
21. Ruban A. V. Psihologo-pedagogicheskie usloviya formirovaniya aksiologicheskoy kompetentnosti kursantov // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psihologiya. – 2016. – № 3(183). – S. 74–80.
22. Surkov D. A., Kapilevich L. V. Specifika organizatsii fizicheskogo vospitaniya v vuzakh silovykh vedomstv // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 346. – S. 144–148.
23. Fizicheskaya podgotovka : uchebnik / V. A. Kudin, V. A. Toropov, A. I. Ushenin, M. L. Kulikov. – SPb. : Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2010. – 312 s.
24. Holodov Zh. K., Kuznecov V. S. Teoriya i metodika fizicheskogo vospitaniya i sporta : ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij. – M. : Akademiya, 2000. – 457 s.

The article was contributed on February 22, 2022

Сведения об авторах

Проскурин Сергей Юрьевич – аспирант кафедры спортивных дисциплин Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-1252-5766>, se-prosk@yandex.ru

Драндров Герольд Леонидович – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой спортивных дисциплин Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-2214-270X>, gerold49@mail.ru

Врублевский Евгений Павлович – доктор педагогических наук, профессор кафедры спортивных дисциплин Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, г. Гомель, Беларусь, <https://orcid.org/0000-0001-5053-7090>, vru-evg@yandex.ru

Author Information

Proskurin, Sergey Yuryevich – Post-graduate Student, Department of Sports Disciplines, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-1252-5766>, se-prosk@yandex.ru

Drandrov, Gerold Leonidovich – Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Sports Disciplines, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-2214-270X>, gerold49@mail.ru

Vrublevskiy, Evgeniy Pavlovich – Doctor of Pedagogics, Professor of the Department of Sports Disciplines, Gomel State University named after F. Skorina, Gomel, Belarus, <https://orcid.org/0000-0001-5053-7090>, vru-evg@yandex.ru

УДК 373.5.016:811.111'271.1

DOI 10.26293/chgpu.2022.114.1.026

Е. С. Семенова, Е. Н. Григорьева

ТРАВЕЛОГ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ И УМЕНИЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. Вследствие возрастающей популярности профессионального и личного интернет-общения в социальных сетях, посредством электронной почты формирование навыков и умений иноязычной письменной речи является одной из задач современного образования.

Авторы, проанализировав различные современные технологии обучения английскому языку, предлагают применение травелогов на уроках английского языка как способ повышения заинтересованности учащихся в овладении умениями и навыками письменной речи. В статье рассматриваются основные особенности понятия травелога и его использование как аутентичного текста для закрепления лексико-грамматических навыков в ходе выполнения письменных заданий.

Авторами статьи освещены основные теоретические и практические аспекты обучения письменной речи учеников посредством травелога на уроках английского языка: содержание понятия «травелог», характеристика письменной речи как вида речевой деятельности, классификация упражнений для обучения англоязычной письменной речи.

В статье описаны практические результаты экспериментальной работы, проведенной с учащимися среднего этапа школы, в рамках которой был апробирован составленный авторами комплекс упражнений для обучения письменной речи на английском языке посредством использования травелога в текстовом и видеоформате.

Ключевые слова: *обучение английскому языку, обучение письму и письменной речи, травелог, речевая деятельность*

E. S. Semenova, E. N. Grigoryeva

TRAVELOGUE AS A MEANS OF DEVELOPING SKILLS AND ABILITIES OF WRITING AT ENGLISH LESSONS

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Abstract. Due to the growing popularity of professional and personal Internet communication realized in social networks, through e-mail, formation of skills and abilities of foreign-language writing is one of the tasks of modern education.

The authors, having analyzed various modern technologies of teaching English, suggest the use of travelogues at English lessons as a way of increasing the interest of pupils in mastering the skills of writing. The article considers the main features of travelogue and its use as an authentic text for establishing lexical and grammatical skills during the performance of written tasks.

The authors of the article reveal the basic theoretical and practical issues of teaching writing by means of travelogue: the contents of the notion «travelogue», description of writing as a type of speech activity, the classification of exercises for teaching writing in English.

The article also describes the practical results of the experimental work with pupils of the middle stage, during which a set of exercises formed by the authors for teaching writing by means of travelogue in text and video format was tested.

Keywords: *teaching English, teaching English-language writing, travelogue, speech activity*

Введение. В современном мире, особенно в эпоху стремительного продвижения дистанционных технологий, очень важным и востребованным практически в любой сфере жизни становится владение английским языком. Ключевым элементом в обучении английскому языку является овладение навыками и умениями письменной речи, ведь именно письмо, как подчеркивают Н. Д. Гальскова и Н. И. Гез, представляет собой «зеркало культуры и традиций каждой страны».

Одним из способов повысить мотивацию учащихся к изучению иностранных языков, развить навыки и умения письменной речи, на наш взгляд, могло бы стать применение травелога на уроках английского языка. Травелог привлекателен тем, что он предлагает, по мнению А. Е. Козлова, «чужой взгляд на происходящее, и тем самым помогает сравнить чужие и собственные впечатления» [5, с. 143]. Такое сравнение способствует лучшему пониманию культуры родной страны и осознанию ее сходства и различия с культурой изучаемой страны. Это позволяет обучающемуся быстрее и правильно реагировать в сложившихся социокультурных реалиях и более полно реализовывать коммуникативную функцию, в том числе посредством письменной речи.

Цель исследования – обосновать теоретическим и опытным путем эффективность применения травелога в процессе формирования умений и навыков письменной речи учащихся.

Нами была выдвинута следующая гипотеза: использование травелога на уроках английского языка способствует развитию навыков и умений письменной речи учащихся и повышает их мотивацию к его изучению. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач:

- изучить содержание и сущность понятия «письменная речь»;
- изучить особенности обучения письменной речи на уроках английского языка в школе;
- проанализировать особенности травелога и его использование на занятиях иностранного языка;
- рассмотреть УМК по английскому языку на предмет заданий на развитие навыков и умений письменной речи;
- провести и описать ход и результаты экспериментальной работы по внедрению в учебный процесс комплекса упражнений на основе травелога для развития умений и навыков англоязычной письменной речи учащихся среднего этапа школы.

Актуальность исследуемой проблемы. Развитие навыков и умений письменной речи в школе не раз становилось предметом исследования отечественных и зарубежных ученых. Так, среди тех, кто изучал этот вопрос, можно назвать Н. Д. Гальскову, Н. И. Гез, Е. Н. Соловову, Р. П. Мильруда, Ж. Пиаже и др. Вышеперечисленные ученые неоднократно обращались к вопросам использования дополнительных средств (аутентичных текстов, аудиозаписей и видеоматериалов) в процессе обучения иностранному языку.

Кроме того, нельзя не отметить исследования И. А. Зимней, Л. С. Выготского, А. А. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и И. П. Лысаковой, посвященные речевой деятельности и характеристикам отдельных ее аспектов. В последнее время появляется все больше исследований, связанных с изучением понятия «травелог» и его особенностей как дискурсивного жанра. Данный вопрос, к примеру, освещен в статьях А. А. Плавиной, М. В. Аксеновой, К. Болдика, А. Бондаревой, В. М. Михайлова, О. Ф. Русаковой и др.

Материал и методы исследования. В настоящей работе нами был использован комплекс методов исследования: анализ нормативных документов (ФГОС, примерные программы по английскому языку), научно-методической литературы и наиболее используемых в учебном процессе УМК по английскому языку, обобщение проанализированной информации, опрос педагогов школ г. Чебоксары, экспериментальная работа по теме исследования,

количественная и качественная обработка данных, полученных в результате практического исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Формирование навыков и умений письменной речи является одной из целей обучения иностранным языкам в школе. В методике обучения иностранным языкам различают такие понятия, как «письмо» и «письменная речь».

Е. Н. Соловова, как и многие методисты, считает, что письмо представляет собой овладение графической и орфографической системами иностранного языка для эффективного запоминания языкового и речевого материала. Следовательно, письменная речь является «процессом выражения мыслей в графической форме» [12, с. 188]. Этой же точки зрения придерживается И. А. Зимняя [4]. По мнению Р. П. Мильруд, письменная речевая деятельность является творческим и целенаправленным процессом, нацеленным на «совершенствование мысли в письменном слове» [8, с. 5].

Н. И. Гез и Н. Д. Гальскова называют письмо «зеркалом культуры и традиций каждой страны» и полагают, что оно зародилось на базе устной речи для сохранения накопленных знаний и умений [2, с. 247].

Следует также отметить, что Н. Д. Гальскова и Н. И. Гез, как и Л. С. Выготский, подчеркивают отсутствие интонации и экспрессивности в письменной речи. Считая, что паралингвистические средства облегчают общение в устной речи, они предъявляют более жесткие требования к структуре и содержанию письменного текста: он «должен быть развернутым, логичным, точным и последовательным, с более тщательным отбором лексических и грамматических средств» [2, с. 248]. Как отмечает Г. В. Колшанский, языковые средства в этом случае замещают паралингвистическую ситуацию, характерную для устной речи [6, с. 22].

Мы придерживаемся мнения многих исследователей в том, что письмо является сложным речевым умением, которое способствует решению коммуникативных задач посредством использования графических символов, и представляет собой продуктивный вид деятельности, конечным результатом которого является текст или «речевое произведение» [11, с. 162].

Е. Н. Григорьева считает, что условно все упражнения, направленные на обучение письменной речи, можно определить как тренировочные и речевые [3, с. 150]. Тренировочные упражнения нацелены на формирование графических и орфографических навыков. К ним можно отнести: составление букв из заданных элементов, написание буквы по образцу, написание буквы под диктовку, контрольное списывание и самодиктант, задания на нахождение ошибок в словах и предложениях, вставку пропущенных букв, группировку на основе графемных или фонемных соответствий, рифмовку слов, различные орфографические загадки или кроссворды.

Г. В. Рогова, Ф. М. Рабинович и Т. Е. Сахарова связывают формирование орфографических и лексико-грамматических навыков. Списывание текста с дополнительным упражнением на раскрытие скобок, замену слов на антонимы/синонимы, на трансформацию слов из одной части речи в другую расширяют словарный запас и способствуют отработке того или иного грамматического материала [11].

Речевые упражнения нацелены на развитие умений письменного высказывания: правильное выражение мыслей в письменной форме, аргументация своей точки зрения и т. д.

Выделяют как минимум три этапа обучения письменной речи:

- подготовительный – обучающийся изучает структуру предлагаемой письменной работы и клише для ее написания;
- процессуальный – учащийся выполняет предложенное задание и выбирает необходимые средства для языкового оформления своей работы;
- оценочный – учитель оценивает выполненное учащимся задание.

Необходимо отметить, что эти три этапа являются примерными. Логично, что в зависимости от типа письменной работы и этапа обучения иностранному языку (начальная школа, средняя или старшая) они могут отличаться по своему содержанию и количеству. Например, К. А. Мерзляков выделяет 14 этапов при обучении письменной речи, основываясь на методе рецензирования [7, с. 157].

Для развития навыков и умений как письменной речи, так и социокультурных учащимся будет полезно познакомиться с различными видами аутентичных текстов. Р. П. Мильруд советует включать в учебные программы такие тексты, как телеграммы, личные и деловые письма, поздравительные открытки, рецензии, характеристики, тезисы, обзоры прессы и объявления [8, с. 5]. Одним из типов аутентичного текста является травелог.

В русском языке данный термин впервые встречается в 2001 г. в книге А. Эткінда «Россия и Америка в травелогах и интертекстах» [14]. С тех пор термин «травелог» употребляется для обозначения сочинений писателей о путешествиях вместо словосочетаний «путевые дневники», «путевые заметки», «путевые записки» или «очерки», как традиционно было принято называть произведения о путешествии.

Следует отметить, что исследователи часто не сходятся во мнениях о содержании данного термина.

К. Болдик трактует травелог как отчет о путешествии, представленный в виде книги, фильма или статьи [15, р. 215]. А. Бондарева подчеркивает, что травелог – это «повествование, подкрепленное историческими свидетельствами (зарисовками, картами), не чуждое сопоставительного анализа (что было на территории в прошлом, что теперь) и рефлексии пишущего (ожидания и увиденная реальность)» и что «главная задача пишущего путешественника – не развлечь аудиторию, а передать знания (в том числе – редчайшие сведения)» [1].

В. А. Михайлов считает, что травелогом можно назвать и просто описание событий в ходе путешествия [9]. А. А. Плавина рассматривает «травелог» как «повествование о путешествии в иную страну/локацию, излагаемое в качестве личного свидетельства и предполагающее регулярную фиксацию событий по ходу их переживания. Содержание травелога определяет тематика путешествия (маршрут, способ передвижения, описание посещаемых мест)» [10, с. 74].

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что путешествие, которое является основой травелога как в англоязычном, так и в русскоязычном понимании, может быть не только реальным. В. А. Михайлов указывает, что путешествие может быть мнимым в отношении действительно существующих мест или же действительно в несуществующих и вымышленных пространствах [9].

На сегодняшний день травелог не оформился до конца как литературный жанр. Однако можно заметить, что все определения сходятся в том, что травелог посвящен путешествию, вне зависимости от того, насколько оно реально. С учетом рассмотренных определений можно дать следующее определение травелога: это некий литературный формат, который посвящен путешествиям, когда герой рассказывает о событиях, которые произошли в путешествиях, и дает им собственную оценку.

Следует также заметить, что относительно обучения английскому языку ознакомление учащихся с разными форматами травелога будет полезным, особенно на базовом уровне владения языком. При этом необходимо учитывать специфику каждого из представленных форматов: карты могут помочь с углублением знаний в истории и географии, инструкции – для ознакомления с бытовой лексикой, аудиорассказы необходимы для развития навыков аудирования и т. д. Кроме того, травелог позволяет учителю реализовать принципы индивидуализации (на основе личностных качеств и интересов учащихся) и функциональности (поскольку дает представление о системе речевых средств).

Аутентичный текст травелога способствует формированию грамматических, лексических и орфографических навыков обучающихся. Новые лексические единицы, неформальная и сленговая лексика, грамматические конструкции, используемые носителями языка, обогатят и разнообразят письменную речь ученика.

Следует отметить, что травелог может также содействовать развитию социокультурных навыков учащихся. Отражая взгляд представителя чужой – англосаксонской – культуры на определенные события, травелог в основном содержит личное отношение героя, в связи с чем велика вероятность, что расхождение во взглядах послужит для учащихся дополнительной мотивацией к высказыванию в письменной форме. Вполне возможно, взгляды обучающегося и автора блога совпадут, что побудит ученика к дальнейшему изучению произведений этого писателя или блогера.

На констатирующем этапе экспериментальной работы нами был проведен опрос учителей школ г. Чебоксары с целью выявления современного состояния проблемы исследования. В результате опроса мы выяснили, что наблюдаются определенные проблемы с развитием умений письменной речи в средней школе: отсутствие мотивации у учащихся (40% респондентов), нехватка материала (45% респондентов) и времени для его отработки (30% респондентов), а также использование на занятиях в основном заданий из ОГЭ и ЕГЭ (50% респондентов). Из опрошенных никто не применяет видеоблоги по формату травелогов.

В экспериментальной работе участвовали ученики 6-го класса МБОУ «Гимназия № 1». Относительно требований к письменной речи учащихся среднего этапа следует отметить следующие: уметь писать короткие поздравления с днем рождения и другими праздниками, выражать пожелания; заполнять формуляры, бланки; писать личное письмо (100–110 слов); составлять план, тезисы устного или письменного сообщения, кратко излагать результаты проектной деятельности.

Проанализировав учебно-методические комплексы (УМК) «Звездный английский», «Английский в фокусе», «Английский с удовольствием» для 6-го класса, мы пришли к выводу, что они достаточно похожи по содержанию заданий, уровню наполненности упражнениями, направленными на развитие письменной речи, и структуре упражнений. Развитие навыков и умений письменной речи в данных УМК связано прежде всего с развитием навыков чтения и говорения. В качестве образцов представляются письменные тексты, что делает урок менее интерактивным и привлекательным для учащихся средней школы.

На констатирующем этапе эксперимента была проведена диагностика исходного уровня сформированности умений и навыков письменной речи в экспериментальной и контрольной группах (3,9 и 4,2 балла соответственно). При составлении заданий срезов были учтены требования ФГОС к результатам освоения программы для учащихся 5–7-х классов и содержание УМК «Английский в фокусе» для 6-го класса. В срезах учащимся предлагалось выполнить три задания:

- заполнить официальный документ или анкету;
- описать свою комнату или рассказать о любимом актере;
- написать ответ на неформальное письмо.

Проверка работ осуществлялась согласно критериям оценивания письменной части ОГЭ и ЕГЭ, выложенным на сайте ФГБНУ «Федеральный институт педагогических измерений».

Экспериментальную работу начали с ознакомления учеников с понятием жанра «травелог», с классификацией травелогов, авторы которых могут быть: 1) профессиональными писателями, 2) журналистами, 3) авторами-любителями.

Структура травелога, написанного профессиональными писателями и журналистами, включает в себя четыре компонента, в то время как травелог авторов-любителей – пять компонентов:

– заголовок, часто отражающий название местности, в которую была совершена поездка;

– предыстория, которая включает в себя описание того, как автор выбирал страну для поездки, роль турагентств и туроператоров в выборе маршрута;

– основная часть, которая состоит из нескольких пунктов, таких как достопримечательности, способ передвижения (транспорт), исторические сведения, магазины, природа, кухня, местное население, стоимость поездки;

– заключение, в котором авторы описывают свое общее впечатление от поездки;

– планы на будущее относительно предстоящих путешествий.

В результате беседы учащиеся узнали, что цель травелога заключается в просвещении читателя, сообщении ему достоверной информации о посещенной территории, что у данного жанра в интернет-среде есть еще одна особенность: обязательное наличие фото, видеороликов, зарисовок, карт маршрута и прочее.

Остановимся подробнее на работе с травелогом в ходе занятий. В соответствии с выдвинутой гипотезой нам было необходимо включить в учебный процесс экспериментальной группы травелог в формате текста или видео. Опираясь на учебную программу, мы выбрали три темы – “My country”, “On the move” и “Hot wheels” – по которым нашли соответствующие травелог.

Для поиска травелогов мы воспользовались данными из открытых источников, представленных в англоязычном сегменте глобальной сети «Интернет» – платформой «Ютуб» и англоязычными сайтами.

Отбор травелогов велся по пяти критериям :

– соответствие темам УМК «Английский в фокусе» для 6-го класса;

– аутентичные видеозапись или текст;

– отсутствие информации, которая пропагандировала бы ненависть и вражду по национальному, религиозному, расовому или социальному признаку;

– отсутствие лексических, грамматических и синтаксических ошибок, жаргонной или ненормативной лексики.

В урок “My country” мы включили травелог-видеоблог под названием “First thoughts on Russia. We spent 48 hours in St Petersburg” («Первое впечатление о России. Мы провели 48 часов в Санкт-Петербурге») Ютуб-канала “Flying The Nest”. Видеоблог был снят авторами канала – молодой семьей из Австралии, с 2015 г. путешествующими по миру (с 2020 г. – вместе с ребенком). Данный травелог полезен не только для расширения представлений учащихся о родной стране и знакомства с имеющимися стереотипами зарубежных граждан, но и для ознакомления с австралийским английским.

Для темы “On the move” мы выбрали травелог-текст в виде письма из блога американца с греческими корнями. Травелог называется “Prague: stories & musings” («Прага: истории и мечты»). При работе с этим травелогом учащийся сможет еще раз ознакомиться со структурой неформального письма и овладеет выразительными средствами языка, которые можно использовать для описания города/страны и своих эмоций от путешествий. Неформальные выражения, употребляемые автором травелога, помогут обучающимся познакомиться с американским вариантом английского языка.

В рамках темы “Hot wheels” мы предложили учащимся посмотреть травелог-видеоблог “Top Travel Vloggers on YouTube” («Топ травел-влоггеров на Ютубе») от канала “Kombi life”. Этот канал посвящен путешествиям. Рассматриваемый травелог полезен учащимся не только для развития навыков и умений аудирования и знакомства с британским и австралийским акцентами, но и для расширения словарного запаса, в частности для выделения достоинств или недостатков человека или предмета.

Работа с травелогом (в формате текста или видеоблога) велась в три этапа: дотекстовый, текстовый и послетекстовый. На дотекстовом этапе происходит определение речевой задачи для первого знакомства с травелогом, предотвращение возможных языковых и речевых трудностей, развитие языковой догадки и мотивации учащихся на работу с травелогом. На дотекстовом этапе учащимся предлагалось поработать в парах и выполнить следующие задания: ознакомиться с содержанием заголовка и предположить, о чем будет идти речь в тексте/видео; рассмотреть иллюстрации к тексту/видео и предположить, что на них изображено и зачем; ознакомиться с рядом слов из текста и высказать свои догадки, о чем будет текст/видео.

Цель текстового этапа – развивать языковые навыки и речевые умения. В рамках этого этапа учащиеся выполняли два задания. В первом из них они должны были определить, правильны или ложны предложения, или ответить на вопросы по содержанию травелога. Во втором задании учащимся предлагалось сопоставить приведенные иллюстрации и слова из текста/видео, дать дефиниции некоторым словам из травелога или найти слова в тексте/видео, соответствующие определениям.

Таким образом, работа с травелогом предполагает совмещение этих методик в зависимости от его формата.

Отдельно хотелось бы остановиться на оптимальном для занятий формате травелога. Е. Н. Соловова отмечает, что при всей информативности аудиозаписи или печатного текста видеозапись позволяет лучше понять содержание травелога и закрепить языковой материал [13, с. 94]. Кроме того, видеозапись может вызвать более мощный эмоциональный отклик со стороны учащихся и тем самым повысить мотивацию к изучению английского языка. Соответственно, эффективнее будет использование видеотравелога. При необходимости он может сопровождаться письменным текстом: субтитрами или расшифровкой.

Целью послетекстового этапа является развитие навыков письменной речи на основе содержания травелога. На этом этапе учащиеся выполняли два задания. Первое задание было направлено на развитие лексико-грамматических и орфографических навыков: вставить предлоги в предложениях, вставить пропущенные буквы в ряд слов из текста/видео или заменить предложенные слова из текста/видео в предложениях синонимами. Второе задание носило более творческий характер: ученикам предлагалось придумать, что будет дальше с героем травелога, и написать об этом 5–6 предложений, в группах сделать постер к травелогу и презентовать его перед классом, написать, что ученик сам делал бы, если бы оказался на месте автора.

Далее учащимся было предложено вспомнить о своей последней поездке и написать о ней в жанре «травелог».

На следующем уроке обучающиеся читали свои травелоги, учителем были отмечены положительные моменты и места, требующие коррекции.

В качестве рефлексии учащимся было предложено ответить на следующие вопросы: «Сложно ли писать травелог?», «С какими трудностями столкнулись при написании травелога?»

В целом апробация составленного нами комплекса упражнений проходила успешно, однако были и некоторые трудности. Учащимся часто не хватало лексического запаса, для того чтобы оформить свою мысль в письменное высказывание. Выяснилось, что некоторые учащиеся, не имея опыта поездок за пределы региона, не знали, о чем писать. Им было предложено выбрать страну, изучить ее особенности и описать свою будущую поездку. Несмотря на трудности, проводимая работа была эффективной.

Результаты диагностики подтверждают, что использование травелога в процессе обучения позволило повысить уровень сформированности навыков и умений письменной речи в экспериментальной группе с 3,9 до 4,4 баллов, в то время как в контрольной группе – с 4,2 до 4,3 баллов.

Следует отметить, что у участников экспериментальной группы наблюдается большее разнообразие в использовании грамматических структур и больший охват лексических средств по сравнению с результатами диагностики на констатирующем этапе и с контрольной группой на этом этапе.

Подводя итоги нашего исследования, следует отметить, что травелог знакомит школьника с аутентичной лексикой, различными акцентами английского языка (британским, американским, австралийским и т. д.), расширяя тем самым его кругозор и стимулируя к дальнейшему освоению предмета. Не следует забывать и о том, что травелог может использоваться для различных целей: при обучении письменной речи, развитии навыков устной речи, освоении метода проектов и т. д. Многофункциональность травелога позволяет совершенствовать практически все языковые навыки и умения учащихся (лексические, грамматические, орфографические и т. д.).

Выводы. Повышение среднего балла в экспериментальной группе к концу апробации и снижение общего количества ошибок (преимущественно коммуникативных) свидетельствуют о том, что травелог можно использовать в качестве дополнительного материала при развитии навыков и умений письменной речи учащихся средней школы. Следовательно, по итогам экспериментальной работы гипотезу исследования можно считать доказанной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарева А. Литература скитаний [Электронный ресурс]. – URL : <http://magazines.russ.ru/october/2012/7/bo18.htm> (дата обращения: 12.10.2020).
2. Гальскова Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. – М. : Academia, 2006. – 336 с.
3. Григорьева Е. Н., Семенова Е. С., Зайцева В. П. Веб-квест как средство развития навыков и умений англоязычной письменной речи студентов языковых факультетов вуза // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2021. – № 2(111). – С. 148–154.
4. Зимняя И. А. Лингвopsихология речевой деятельности. – М. : Моск. психол.-соц. ин-т, 2001. – 432 с.
5. Козлов А. Е. Травелоги «Русского вестника 50-х гг. XIX в.: динамика и прагматика // Имагология и компаративистика. – 2015. – № 1(3). – С. 143–159.
6. Колишанский Г. В. Паралингвистика. – М. : Наука, 1974. – 81 с.
7. Мерзляков К. А. Этапы обучения письменной речи студентов на основе метода рецензирования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 21, вып. 5–6. – С. 157–158.
8. Мильруд Р. П. Методика обучения иноязычной письменной речи // Иностранные языки в школе. – 1997. – № 2. – С. 5–11.
9. Михайлов В. Эволюция жанра путешествия в произведениях русских писателей XVIII–XIX вв. : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Волгоград, 1999. – 205 с.
10. Плавина А. А. Жанровые характеристики травелога в англоязычном дискурсе: динамический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, вып. 3. – С. 72–78.
11. Рогова Г. В. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. – М. : Просвещение, 1991. – 287 с.
12. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам. – М. : Просвещение, 2005. – 239 с.
13. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам. Продвинутый курс. – М. : Астрель, 2008. – 272 с.
14. Эткнд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 496 с.
15. Baldick C. The Oxford Dictionary of Literary Terms. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2008. – 340 p.

Статья поступила в редакцию 29.10.2021

REFERENCES

1. Bondareva A. Literatura skitanij [Elektronnyj resurs]. – URL : <http://magazines.russ.ru/october/2012/7/bo18.htm> (data obrashcheniya: 12.10.2020).
2. Gal'skova N. D. Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika. – M. : Academia, 2006. – 336 s.

3. Grigor'eva E. N., Semenova E. S., Zajceva V. P. Veb-kvest kak sredstvo razvitiya navykov i umenij angloyazychnoj pis'mennoj rechi studentov yazykovykh fakul'tetov vuza // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2021. – № 2(111). – S. 148–154.
4. Zimnyaya I. A. Lingvopsihologiya rechevoj deyatel'nosti. – M. : Mosk. psihol.-soc. in-t, 2001. – 432 s.
5. Kozlov A. E. Travelogi «Russkogo vestnika 50-h gg. XIX v.: dinamika i pragmatika // Imagologiya i komparativistika. – 2015. – № 1(3). – S. 143–159.
6. Kolshanskij G. V. Paralingvistika. – M. : Nauka, 1974. – 81 s.
7. Merzlyakov K. A. Etapy obucheniya pis'mennoj rechi studentov na osnove metoda recenzirovaniya // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2016. – T. 21, vyp. 5–6. – S. 157–158.
8. Mil'rud R. P. Metodika obucheniya inoyazychnoj pis'mennoj rechi // Inostrannye yazyki v shkole. – 1997. – № 2. – S. 5–11.
9. Mihajlov V. Evolyuciya zhanra puteshestviya v proizvedeniyah russkikh pisatelej XVIII–XIX vv. : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01. – Volgograd, 1999. – 205 s.
10. Plavina A. A. Zhanrovyje harakteristiki traveloga v angloyazychnom diskurse: dinamicheskij aspekt // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2019. – T. 12, vyp. 3. – S. 72–78.
11. Rogova G. V. Metodika obucheniya inostrannym yazykam v srednej shkole. – M. : Prosveshchenie, 1991. – 287 s.
12. Solovova E. N. Metodika obucheniya inostrannym yazykam. – M. : Prosveshchenie, 2005. – 239 s.
13. Solovova E. N. Metodika obucheniya inostrannym yazykam. Prodvinutyj kurs. – M. : Astrel', 2008. – 272 s.
14. Etkind A. Tolkovanie puteshestvij. Rossiya i Amerika v travelogah i intertekstah. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. – 496 s.
15. Baldick C. The Oxford Dictionary of Literary Terms. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2008. – 340 p.

The article was contributed on October 29, 2021

Сведения об авторах

Семенова Елена Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-0122-0008>, zolushka-j@list.ru

Григорьева Елена Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-5099-6243>, elnic82@rambler.ru

Author Information

Semenova, Elena Sergeevna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of English Language, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-0122-0008>, zolushka-j@list.ru

Grigoryeva, Elena Nikolaevna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor of the Department of English Language, I. Yakovlev CHSPU, <https://orcid.org/0000-0002-5099-6243>, elnic82@rambler.ru

В. П. Симень

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ ВОЛЕЙБОЛУ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ ВУЗА

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье, основанной на анализе и обобщении многолетнего опыта научной, педагогической и спортивной деятельности автора, описывается низкий уровень показателей физического развития и физической подготовленности поступивших в вуз молодых людей, у которых наблюдается довольно быстрая утомляемость и неспособность выполнять одни и те же изучаемые физические упражнения в течение достаточно длительного времени при их многократных повторениях, необходимых для овладения спортивной техникой. Раскрывается актуальность совершенствования методики обучения студентов-первокурсников волейболу на элективных курсах по физической культуре и спорту в вузе. Особенностью разработанной экспериментальной методики обучения является развитие на занятии всех необходимых в волейболе умений одновременно, с частым переключением обучающихся с одного изучаемого упражнения на другое и постепенным совершенствованием качества техники в игровых формах, которые во взаимодействии друг с другом обеспечивают значительное повышение эффективности волейбольной подготовки. Результаты формирующего педагогического эксперимента, представленные в работе, свидетельствуют о том, что применение авторского подхода к обучению волейболу на элективных курсах по физической культуре и спорту приводит к повышению качества проведения занятий, показателей физической и технико-тактической подготовленности студентов-первокурсников вуза.

Ключевые слова: волейбол, комплексное развитие умений, частое переключение, постепенное совершенствование, качество техники

V. P. Simen

METHODS OF TEACHING VOLLEYBALL TO FIRST-YEAR UNIVERSITY STUDENTS

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Abstract. Based on the analysis and generalization of the author's own long-term experience of scientific, pedagogical and sports activities, the article describes the low level of indicators of physical development and physical fitness of new students who entered the university, who have fairly rapid fatigue and inability to perform the same studied physical exercises for a long time with multiple repetitions necessary for mastering the technique of those exercises. The article also reveals the relevance of improving the methods of teaching volleyball to freshmen at elective courses in Physical Culture and Sports at the university. The peculiarity of the developed experimental methodology is the development of all the skills necessary in volleyball at the same time with frequent switching of students from one exercise to another, and the gradual improvement of the quality of the technique in game forms, which in interaction with each other provide a significant increase in the effectiveness of volleyball training. The results of the formative pedagogical experiment presented in the work indicate that the application of the author's approach to teaching volleyball at elective courses in Physical Culture and Sports leads to an increase in the quality of classes, indicators of both physical and technical and tactical readiness of university students.

Keywords: volleyball, complex development of skills, frequent switching, gradual improvement, quality of technique

Введение. Предметом наших исследований стала методика обучения волейболу впервые поступивших в вуз студентов.

Волейбол является популярным видом спорта среди студентов университета. Включение волейбола в учебную программу элективного курса по физической культуре и спорту (ФКиС) способствует приобщению студентов к систематическим тренировкам, помогает решать задачи укрепления здоровья, разносторонней физической подготовки, совершенствования двигательных умений и навыков.

Как показывает практика, у современных студентов, поступивших в университет, показатели физического развития и физической подготовленности оставляют желать лучшего. У них наблюдается довольно быстрая утомляемость во время монотонной физической работы. Они не способны выполнять одни и те же изучаемые физические упражнения в течение достаточно длительного времени, например, прием и передачу мяча сверху, прием и передачу мяча снизу и т. д. Вместе с тем, для того чтобы овладеть спортивной техникой, необходимо многократно повторять упражнения.

В научных и учебно-методических работах разных авторов приводится современная технология преподавания волейбола в учреждениях высшего образования [3], [4], [7], [8] на основе учета теоретической модели обучения данному курсу [10], особенностей интегральной подготовки [5], специфики развития специальных физических качеств [9], методов управления движениями [11], опираясь на показатели физической подготовленности [2], [6].

Вопросы обучения студентов-первокурсников волейболу на элективных курсах по ФКиС остаются малоизученными.

В связи с этим проблема нашего исследования – выяснить, какова методика обучения студентов первого курса волейболу на элективных курсах по ФКиС в вузе.

Решение этой проблемы составляет цель исследования – разработать и обосновать эффективность практической реализации методики обучения студентов-первокурсников волейболу на элективных курсах по ФКиС в вузе.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования обусловлена существованием противоречия между низким уровнем физического развития и физической подготовленности современной учащейся молодежи, утомлением и снижением работоспособности человека вследствие монотонной работы, важностью многократного повторения упражнений для овладения спортивной техникой, с одной стороны, и недостаточной разработанностью методики обучения волейболу студентов-первокурсников вуза, с другой стороны.

Необходимость разрешения этого противоречия представляет социально-практическую и научно-методическую актуальность выбранной нами темы исследования.

Материал и методы исследования. В работе использованы методы анализа и обобщения специальной научно-методической литературы, собственного опыта научно-педагогической и спортивной деятельности, математической статистики.

В обосновании эффективности практической реализации методики обучения волейболу приняли участие две группы поступивших в вуз студентов, которые подразделены на две однородные по показателям физической и технической подготовленности группы – экспериментальную (ЭГ) и контрольную (КГ). В течение учебного года занятия по волейболу с испытуемыми КГ проводились по традиционной методике организации учебного процесса, в ЭГ – по разработанной нами методике. Подготовленность испытуемых к волейболу определялась по методике М. Д. Ашибокова [1].

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ и обобщение собственного опыта спортивной деятельности, организации и осуществления процесса обучения элективному курсу по ФКиС в вузе позволили нам разработать методику обучения волейболу

студентов-первокурсников. Суть ее заключается в развитии на занятии всех необходимых в волейболе умений одновременно, с частым переключением обучающихся с одного изучаемого упражнения на другое, и постепенном совершенствовании качества техники игры. Например, на начальных этапах обучения технике приема и передачи мяча двумя руками сверху обучающиеся быстро утомляются принимать и передавать мяч, и тут преподаватель сразу переключается к обучению технике приема и передачи мяча двумя руками снизу. Затем идет чередование приема и передачи мяча двумя руками сверху и снизу. И в этом случае обучающиеся быстро утомляются, тогда преподаватель переходит к обучению технике подачи мяча через сетку способами «прямая нижняя», «боковая нижняя», «верхняя прямая», «верхняя боковая», «в прыжке». Выполнять подачи разными способами в течение длительного времени утомляет человека, поэтому преподаватель дает задание переходить на выполнение упражнений «прием и передача мяча сверху и снизу», «блокирование», «нападающий удар» и др.

Тематика практических занятий волейбола в вузе включала:

- 1) развитие скоростных качеств: бег на 30 м с низкого старта; переменный и интервальный бег;
- 2) развитие ловкости и координации движений: сложнокоординационные упражнения; подвижные игры на развитие ловкости;
- 3) приемы и передачи мяча: приемы и передачи мяча и их разновидности; подводящие упражнения для обучения приемам и передачам;
- 4) подачи мяча: подводящие упражнения для обучения подачам; подачи мяча по зонам (нижняя прямая и боковая, верхняя прямая и боковая, в прыжке);
- 5) технику игры в нападении: «поднос мяча»; нападающий удар; применение скидок; разновидности ходьбы и бега, остановки, повороты, прыжки, падения; сочетание способов перемещения;
- 6) технику игры в защите: блокирование; прием нападающего удара по линии; подбор скидок; упражнения для совершенствования технико-тактических действий во взаимодействии с партнером по команде и при противодействиях со стороны соперника;
- 7) нападающие удары: подводящие упражнения, упражнения для совершенствования техники ударов; типичные ошибки;
- 8) совершенствование техники приема и передачи мяча, перемещений, тактики игры в защите и в нападении в волейболе: упражнения для совершенствования техники приемов и передач мяча, сочетание способов перемещения, устранение ошибок при их выполнении; развитие ловкости, быстроты, скоростно-силовых качеств;
- 9) двустороннюю игру с применением элементов нападения и защиты.

На учебно-тренировочных занятиях с совершенствующей направленностью на базе освоения самых элементарных приемов развивались сложные умения и навыки в игровых формах.

Реализация разработанной методики обеспечивает существенное повышение эффективности планирования и организации процесса обучения волейболу на элективных курсах по ФКиС в вузе. Результаты формирующего педагогического эксперимента свидетельствуют о том, что внедрение разработанной методики приводит к улучшению качества проведения занятий, показателей физической и волейбольной подготовленности. Сравнительный анализ среднегрупповых значений изучаемых показателей испытуемых КГ и ЭГ, проведенный с применением параметрического критерия t-Стьюдента, свидетельствует о примерно одинаковом низком их уровне в начале педагогического эксперимента.

В течение педагогического эксперимента у испытуемых КГ и ЭГ наблюдается повышение уровня развития физических качеств. Это обусловлено как возрастным развитием функции движений, так и стимулирующим воздействием фактора элективного курса по ФКиС.

В конце эксперимента в ЭГ во всех общепринятых контрольных нормативах по физической подготовке произошли несущественные положительные изменения в показателях результатов в тестах: бег на 100 м – $13,81 \pm 0,11$ с КГ против $13,71 \pm 0,02$ с ЭГ; подтягивание на перекладине – $10,11 \pm 3,84$ раза КГ против $10,26 \pm 3,10$ раз ЭГ; общая выносливость или бег на 2000 м – $7,01 \pm 0,15$ мин КГ против $7,58 \pm 0,18$ мин ЭГ; гибкость в наклоне стоя $6,41 \pm 2,35$ см КГ против $6,59 \pm 2,84$ см ЭГ. Различия во всех четырех случаях статистически недостоверны ($P \geq 0,01$). Незначительные положительные изменения в показателях физической подготовки в общепринятых тестах поясняются нами спецификой волейбола как элективного курса по ФКиС, преимущественной обусловленностью сенситивными периодами развития физических качеств (в юношеском возрасте скоростные качества в меньшей степени поддаются развитию) и изначально низким уровнем физической подготовленности студентов-первокурсников. Малоподвижный образ жизни, помимо негативных последствий со стороны сердечно-сосудистой, дыхательной, мышечной систем, приводит и к снижению выработки синовиальной жидкости в организме, функцией которой является обеспечение суставов питанием и смазкой. Занятия по элективным курсам по ФКиС с обучающимися первого курса проводились с учетом адаптации организма к физическим нагрузкам, без форсирования процесса физической подготовки. Положительные изменения результатов в тестах по физической подготовке в ЭГ также можно объяснить эффективностью практической реализации разработанной нами методики обучения студентов-первокурсников волейболу с учетом выделенной тематики практических занятий на элективных курсах по ФКиС в вузе.

Степень подготовленности к волейболу в ЭГ значительно выше, чем в КГ. Различия в показателях статистически достоверны при $P \leq 0,01$ и $0,05$ (таблица).

**Количественные показатели подготовленности к волейболу
у испытуемых контрольной и экспериментальной групп, $X \pm \delta$**

Показатель подготовленности	Группа испытуемых		Р
	КГ	ЭГ	
Количественный объем подач	$16,8 \pm 5,6$	$21,5 \pm 6,3$	$\leq 0,01$
Количественная эффективность подачи	$15,2 \pm 4,8$	$19,5 \pm 4,4$	$\leq 0,01$
Количество очков, выигранных с подач	$2,6 \pm 1,8$	$4,4 \pm 2,7$	$\leq 0,05$
Количество допущенного брака при подаче	$5,3 \pm 1,4$	$2,6 \pm 9,9$	$\leq 0,05$
Количественный объем приема подачи	$16,4 \pm 5,2$	$19,7 \pm 6,3$	$\leq 0,05$
Количественная эффективность приема подачи	$10,4 \pm 4,1$	$14,2 \pm 5,0$	$\leq 0,01$
Количество допущенного брака на приеме	$6,3 \pm 4,2$	$3,3 \pm 2,1$	$\leq 0,05$
Количественный объем передачи	$27,7 \pm 6,6$	$24,6 \pm 4,8$	$\leq 0,05$
Количественная эффективность передачи	$21,7 \pm 4,9$	$25 \pm 6,6$	$\leq 0,01$
Количество допущенного брака на передаче	$7,8 \pm 5,1$	$2,6 \pm 4,3$	$\leq 0,01$
Количественный объем нападающего удара	$14,7 \pm 3,6$	$19,2 \pm 3,4$	$\leq 0,01$
Количественная эффективность нападающего удара	$7,5 \pm 2,9$	$14,8 \pm 3,3$	$\leq 0,01$
Количество очков, выигранных нападающим ударом	$6,0 \pm 2,1$	$11,2 \pm 3,1$	$\leq 0,01$
Количество допущенного брака при нападающем ударе	$5,2 \pm 2,8$	$3,4 \pm 2,6$	$\leq 0,05$
Количественный объем блокирования	$15,4 \pm 2,6$	$21,4 \pm 4,8$	$\leq 0,01$
Количественная эффективность блокирования	$5,1 \pm 2,1$	$9,2 \pm 2,8$	$\leq 0,05$
Количество очков, выигранных на блокировании	$2,1 \pm 1,2$	$4,8 \pm 2,2$	$\leq 0,05$
Количество допущенного брака при блокировании	$13 \pm 3,2$	$10 \pm 2,8$	$\leq 0,05$

Выводы. Таким образом, реализация на элективных курсах по физической культуре и спорту разработанной методики обучения обеспечивает существенное повышение эффективности волейбольной подготовки студентов-первокурсников вуза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашибоков М. Д. Критерии оценки технико-тактической подготовленности команд волейболистов // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – № 1 (20). – С. 290–293.
2. Бирагов В. С., Доев В. К. Структура специальной физической подготовленности юных волейболистов // Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник АГУ». – 2018. – Вып. 3 (223). – С. 124–127.
3. Волейбол: теория и практика : учебник для высших учебных заведений физической культуры и спорта / под ред. В. В. Рыцарева. – М. : Спорт, 2016. – 456 с.
4. Волейбол для студентов нефизкультурных специальностей : учеб. пособие / В. Л. Кондаков, Н. А. Груздева, Е. Н. Копейкина, Н. В. Балышева. – Белгород : БГУ, 2014. – 133 с.
5. Глуханюк В. В., Петрученя Н. В. Особенности интегральной подготовки волейболистов в группах совершенствования спортивного мастерства // Наука-2020 : Физическая культура и спорт: наука, практика, образование. – 2019. – № 7(32). – С. 57–62.
6. Кудряшов Е. В., Паначев В. Д. Модель физической подготовленности юных волейболисток // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2015. – № 2(35). – С. 59–63.
7. Матвеева А. Е., Череп З. П. Современный подход в подготовке волейболистов в вузе / Наука-2020 : Физическая культура, спорт, туризм: проблемы и перспективы. – 2019. – № 1(26). – С. 83–88.
8. Пескова Е. В., Багманова А. А. Специфика организации занятий волейболом для студентов высших учебных заведений // Научные исследования: ключевые проблемы III тысячелетия / Научные исследования 2019. № 4 (30) // Сб. ст. по мат. XXXV Междунар. науч.-практ. заоч. конф. (Россия, Москва, 2–3 июля, 2019). – М. : Изд. «Научные публикации», 2019. – С. 26–27.
9. Рязанов А. А., Богданов М. Ю. Развитие скоростно-силовых способностей волейболистов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов. – 2019. – Т. 24, № 178. – С. 53–59.
10. Симень В. П. Совершенствование системы формирования универсальной компетенции студентов при реализации элективных курсов по физической культуре и спорту в вузе // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2021. – № 2(111). – С. 204–214.
11. Тинюков А. Б., Назаренко Л. Д. Управление движениями волейболисток 17–20 лет // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2015. – № 3 (36). – С. 159–167.

Статья поступила в редакцию 11.11.2021

REFERENCES

1. Ashibokov M. D. Kriterii ocenki tekhniko-takticheskoy podgotovlennosti komand volejbolistov // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2006. – № 1 (20). – S. 290–293.
2. Biragov V. S., Doev V. K. Struktura special'noj fizicheskoy podgotovlennosti yunyh volejbolistov // Ezhekvartal'nyj recenziruemyj, referiruemyj nauchnyj zhurnal «Vestnik AGU». – 2018. – Vyp. 3 (223). – S. 124–127.
3. Volejbol: teoriya i praktika : uchebnik dlya vysshih uchebnyh zavedenij fizicheskoy kul'tury i sporta / pod red. V. V. Rycareva. – M. : Sport, 2016. – 456 s.
4. Volejbol dlya studentov nefizkul'turnyh special'nostej : ucheb. posobie / V. L. Kondakov, N. A. Gruzdeva, E. N. Kopejkina, N. V. Balysheva. – Belgorod : BGU, 2014. – 133 s.
5. Gluhanyuk V. V., Petrucheny N. V. Osobennosti integral'noj podgotovki volejbolistov v gruppah sovershenstvovaniya sportivnogo masterstva // Nauka-2020 : Fizicheskaya kul'tura i sport: nauka, praktika, obrazovanie. – 2019. – № 7(32). – S. 57–62.
6. Kudryashov E. V., Panachev V. D. Model' fizicheskoy podgotovlennosti yunyh volejbolistok // Pedagogiko-psihologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoy kul'tury i sporta. – 2015. – № 2(35). – S. 59–63.
7. Matveeva A. E., Cherep Z. P. Sovremennyy podhod v podgotovke volejbolistov v vuze / Nauka-2020 : Fizicheskaya kul'tura, sport, turizm: problemy i perspektivy. – 2019. – № 1(26). – S. 83–88.
8. Peskova E. V., Bagmanova A. A. Specifika organizacii zanyatij volejbolom dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij // Nauchnye issledovaniya: klyuchevye problemy III tysyacheletiya / Nauchnye issledovaniya 2019. № 4 (30) // Sb. st. po mat. XXXV Mezhdunar. nauch.-prakt. zaoch. konf. (Rossiya, Moskva, 2–3 iyulya, 2019). – M. : Izd. «Nauchnye publikacii», 2019. – S. 26–27.
9. Ryazanov A. A., Bogdanov M. Yu. Razvitie skorostno-silovyh sposobnostej volejbolistov // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. Tambov. – 2019. – T. 24, № 178. – S. 53–59.
10. Simen' V. P. Sovershenstvovanie sistemy formirovaniya universal'noj kompetencii studentov pri realizacii elektivnyh kursov po fizicheskoy kul'ture i sportu v vuze // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2021. – № 2(111). – S. 204–214.

11. Tinyukov A. B., Nazarenko L. D. Upravlenie dvizheniyami volejbolistok 17–20 let // Pedagogiko-psihologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoy kul'tury i sporta. – 2015. – № 3 (36). – S. 159–167.

The article was contributed on November 11, 2021

Сведения об авторе

Симень Владимир Петрович – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой физического воспитания Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-1137-3940>, simen.vladimir@yandex.ru

Author Information

Simen, Vladimir Petrovich – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Physical Education, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-1137-3940>, simen.vladimir@yandex.ru

А. М. Товт, С. В. Кончакова

**ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ ИНОФОНОВ
НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ: ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ**

*Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина,
г. Тамбов, Россия*

Аннотация. В данной статье рассмотрены методические основы обучения письменной речи на довузовском этапе подготовки иностранных учащихся. Предметом исследования является письменная компетенция инофонов. Обоснована первоочередная необходимость формирования данной компетенции, поскольку овладение навыками создания письменной речи обычно вызывает наибольшую трудность у изучающих русский язык как иностранный, ввиду того что создание речевого продукта в письменной форме характеризуется сложным психофизическим механизмом: одновременно задействованы слуховые, речедвигательные, зрительно-графические, моторные анализаторы. В статье сформированы и подробно представлены этапы формирования компетенций в области письма с целью оптимизации и усвоения нового лексико-грамматического материала, приведены примеры заданий с методическими рекомендациями. Сделан вывод, что успешному формированию навыков письменной речи способствует тщательно продуманный и отобранный в соответствии с уровнем развития речевых навыков инофонов материал с постепенным нарастанием сложности и повторяемости материала в разных видах упражнений. Статья ориентирована прежде всего на преподавателей русского языка как иностранного на этапе довузовской подготовки иностранных учащихся в российских вузах, на учителей русского языка как иностранного в средней школе, а также может быть использована на более поздних этапах обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, речевая деятельность, письмо, письменная речь, графическая компетенция, диктант*

А. М. Tovt, S. V. Konchakova

**FORMATION OF WRITING SKILLS OF FOREIGN SPEAKERS
AT THE INITIAL STAGE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE:
PRACTICAL RECOMMENDATIONS**

Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Abstract. This article discusses the methodological foundations of teaching writing at the pre-university stage of training foreign students. The research question is the written competence of foreign speakers. The primary need for the formation of this competence is justified, since mastering writing skills usually presents the greatest difficulty for those studying Russian as a Foreign Language, since producing a written text involves a complex psychophysical mechanism: auditory, speech-motor, visual-graphic, motor analyzers are simultaneously employed. The article presents the stages formation of this competence in order to optimize and assimilate new lexical and grammatical material, and numerous examples of tasks with methodological recommendations are given. It is concluded that the successful formation of writing skills is facilitated by carefully thought out and selected material in accordance with the level of development and speech skills of foreign speakers with a gradual increase in the complexity and repeatability of the material in different types of exercises. The article is primarily aimed at teachers of Russian as a Foreign Language at the stage of pre-university training of foreign students in Russian universities, teachers

of Russian as a foreign/second language in secondary school, and can also be used for teaching Russian as a Foreign Language at later stages.

Keywords: *Russian as a Foreign Language, speech, writing, written speech, graphic competence, spelling test*

Введение. В рамках элементарного курса преподавания русского языка как иностранного (РКИ) обучение письму имеет важнейшее значение, а умения и навыки письменной речи вызывают у инофонов наибольшую сложность по сравнению с другими видами речевой деятельности. Было бы неверным утверждать, что изучению методики обучения письменной речи иностранных учащихся уделялось меньше внимания в науке, чем, например, говорению. Исследования по актуальным вопросам теории и методики обучения РКИ и нормам письменной речи подробно описаны в работах А. А. Акишиной, Н. М. Аникиной, С. И. Бернштейна, Е. Г. Борисовой, Е. А. Брызгуновой, Е. И. Пассова, Е. Д. Поливанова, Н. И. Формановской, А. Н. Щукина, Н. Н. Варюшенковой, Л. Г. Вишняковой, Л. А. Клибановой и др. В последние десятилетия возросло количество диссертационных работ, рассматривающих обучение письменной речи инофонов на начальном этапе изучения РКИ с обоснованием выбора последовательности самих этапов, проблемы оценки навыков и умений письменной речи (Н. В. Иванова, Р. П. Неманова, Л. П. Шведова, Я. М. Колкер, Т. М. Еналиева, Э. Л. Носенко, Е. В. Озерская и др). В данных исследованиях авторы подчеркивают, что навыки владения письменной речью у иностранных учащихся развиты значительно слабее относительно остальных видов речевой деятельности и из года в год на выходе с подготовительного отделения в письменных речевых продуктах студентов возникают идентичные ошибки. Однако предмет исследования в данных работах часто ограничен рамками конкретных жанров, авторами даются разные подходы к обучению письменной речи инофонов, в результате систематизация результатов данных научных трудов на практике вызывает у преподавателей определенные трудности.

Согласно программе государственных требований к подготовке иностранных граждан для поступления на I курс в вузы Российской Федерации учащиеся подготовительных отделений должны уметь писать изложения, составлять конспекты по прочитанному и услышанному материалу, строить письменные монологические высказывания в соответствии с коммуникативными задачами [4]. Исходя из этого определяется важность систематического обучения письменной речи инофонов с учетом основных методик и их дальнейшее практическое применение [1].

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью детальной разработки и систематизации методических основ обучения письменной речи инофонов на начальном этапе изучения РКИ, а также переноса теоретических знаний на практику, поскольку проблема преподавания иностранным учащимся основ письменной речевой культуры и в настоящее время является одной из наиболее существенных в системе обучения РКИ [12]. Если навыки техники письма у инофона будут достаточно автоматизированы, то большинство трудностей, связанных с культурой речи и построением письменного текста коммуникативного характера [5], в дальнейшем минимизируются.

Материал и методы исследования. В ходе написания статьи авторы опирались на теоретические достижения лингвистики, психологии, педагогики, методики; использовали личный опыт преподавания РКИ и основ письменной речи на этапе довузовской подготовки в иностранной среде. В работе использованы аналитический, социально-педагогический и статистические методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Письмо – один из четырех видов речевой деятельности наравне с аудированием, чтением и говорением. Обучая письму, мы параллельно обучаем и другим видам речевой деятельности. При этом очень важно помнить, что письмо обеспечивается определенными психофизиологическими механизмами, зная которые мы можем управлять, формировать, корректировать эту работу. Кроме того, действие механизма обеспечивается более мелкими операциями, которые тоже могут стать предметом обучения [16].

Письмо является продуктивным видом речевой деятельности, а это значит, что тот продукт письменности, который производит иностранный студент, изучающий русский язык, является его собственным продуктом. Именно по этому признаку продуктивности письмо объединяется с говорением.

Письмо и говорение связаны общими механизмами, которые требуются для этих видов речевой деятельности: их можно проследить от замысла, т. е. говорящий или пишущий определяет, что и зачем ему нужно написать, до подбора необходимых средств [8]. Психофизической основой письменной речи служит взаимодействие двигательного, зрительного, слухового и речемоторного анализаторов. Рассмотрим, что объединяет продуктивные виды речевой деятельности.

Письмо имеет трехчастную структуру. Безусловно, чтобы произвести какой-то продукт в письменной или устной форме, нужен мотив. Мотивационно-побудительная часть является стартовой, для того чтобы началось воспроизведение продукта в устной или письменной форме. На этом этапе возникает замысел высказывания. Далее следует аналитико-синтетическая часть. Формируются высказывания, происходит отбор необходимых слов, а на начальном этапе обучения РКИ – отбор букв, учитывается их графическая форма. И последняя часть – исполнительная – реализуется в фиксации продукта с помощью графических знаков – письменного текста [15].

Еще в конце 20-х гг. XX в. Л. В. Щерба в работах «Об общеобразовательном значении иностранных языков» (1926) и «Как надо изучать иностранные языки» (1929) научно обосновал преподавание неродной письменной речи. Он полагал, что, чтобы овладеть умением письменной речи, необходимо чтение: «Главным источником собственных писаний должно быть чтение: и бессознательное, и сознательное, как подражание прочитанному» [14]. Письмо и чтение связывает наличие одного и того же кода. Для того чтобы декодирование и расшифровка сообщения были возможны, необходимо, чтобы графическая система была одинаковой. Кроме единства графической системы необходимо, чтобы графемные элементы букв были выполнены правильно, поэтому на начальном этапе обучения РКИ большая роль и время отводятся формированию графических навыков и графической компетенции у студентов. Письмо – это графический элемент аудирования, оно во многом опирается на моторику, однако не является чистым моторным актом, вызванным движением руки. Говорение, аудирование, чтение – все это включено в письмо, поскольку при письме действует механизм внутренней речи и мысли, проговариваемые внутренним голосом, мы передаем при помощи графических знаков [7].

Из всех психофизиологических механизмов письменной речи сложно выделить какой-то менее значимый. Перечислим некоторые из них:

- внутреннее программирование будущего высказывания. Тот самый замысел, который сопровождается или за ним следует;
- внутреннее проговаривание;
- выбор лексических единиц и грамматических структур, выбор графем на начальном этапе обучения письму;
- установление графемно-фонемных соответствий. Здесь письмо рассматривается как письменная речь, а не просто запись. Например, если идет запись со слуха, то мы записываем слово «молоко» не звуками [а], а пишем там, где надо, букву «о»;

- моторное программирование компонентов высказывания (синтагм). Например, вероятностное прогнозирование, т. е., когда мы дальше предвидим, что получится;
- осмысление, сличение того, что получилось, с замыслом.

На уроке при использовании разных видов речевой деятельности усвоение материала происходит не в одинаковом процентном соотношении. Материал, который слышат студенты, усваивается на 10 %; видят – на 20 %; записывают – на 50 % (поэтому при обучении РКИ стоит писать со студентами как можно больше, обязательно давать письменные домашние упражнения); при проговаривании – на 70 %, а при обучении другого – на 90 % (когда преподаватель объясняет студентам новый материал, он сам усваивает его на 90 %) [13]. Если использовать в процессе обучения иностранцев такой элемент игры, как объяснение материала одним студентом другому, то, обучая сидящего рядом, тот, кто обучает и объясняет, имеет шанс усвоить материал на 90 %.

Говоря об обучении письму, всегда имеем в виду два компонента письма:

- 1) обучение графическим и орфографическим средствам языка (правильное написание строчных и прописных букв, соотношение печатных букв и звуков);
- 2) обучение письменной речи [2].

Необходимо понимать, что вводно-фонетический курс – это период, когда закладываются все основы произношения (говорения), аудирования (слушания), письма и чтения. Задача преподавателя – научить студента соотносить звуки с печатным образом данных букв, чтобы он мог записать то, что слышит, и затем устно воспроизвести звуки по написанным буквам. Эти два разных механизма, два отдельных навыка нужно формировать у иностранных учащихся. Именно поэтому во вводно-фонетическом курсе рекомендуются упражнения на начертания букв и определение звуко-буквенных соотношений [9].

В качестве средства обучения письму можно использовать рабочую тетрадь по типу прописей. К сожалению, лексика, представленная в готовых прописях, не соответствует лексическому минимуму элементарного уровня, поэтому продуктивнее составлять прописи самим преподавателям.

Критерии выбора тетрадей для записей.

- 1) тетрадь в линейку (узкая – широкая – узкая). Студентам важно объяснить, как писать в таких тетрадях, – от строчки до строчки. Не стоит пренебрегать этим объяснением, иначе иностранцы будут писать буквы разной высоты;
- 2) тетрадь в косую клетку, где все строчки одинаковые, и если студент будет писать в каждой строке, то буквы станут напирать друг на друга, в результате чего у учащегося могут возникнуть пропуски. На одной строке пишем, а другую – пропускаем.

Когда дается диктант на доске, преподаватель должен обязательно писать строчку, проводить не одну линию, а две. Важно, чтобы с самого начала у студентов были заложены основы правильного письма, нужно указать, что большие буквы выходят за пределы строки, у определенных строчных букв есть надстрочные и подстрочные элементы и далеко не всегда прописная буква является увеличением строчной.

При работе в вузе преподаватель заинтересован в том, чтобы обучить инофона правильному письму, а именно слитному рукописному начертанию букв. Графика – это важный элемент обучения русскому языку, поскольку графическая запись более быстрая. Научившись писать, иностранный студент сможет читать рукописные записи носителей языка.

Далее учащимся важно объяснить, что печатные и рукописные буквы не совпадают. Часто, начиная учить студента писать, преподаватель забывает о том, что в книге инофон увидит совсем другие буквы, поэтому рекомендуем для студента сделать распечатку с печатным и рукописным вариантом букв, а также можно добавить наиболее часто используемый компьютерный шрифт. Если в группе обучаются англо- и франкоговорящие инофоны,

то на начальном этапе обучения письму крайне необходимо уделить внимание устроению интерференции (влияния латинского алфавита и сходных между собой по начертанию русских букв) [10]. Ввиду этого на уроках РКИ уже в самом начале вводно-фонетического курса важно, даже необходимо, использование разных видов диктантов. Их существует большое количество. Остановимся на тех, которые можно вводить уже после первых уроков фонетики.

Буквенные диктанты. В них отрабатывается очень разнообразный материал. Буквенный диктант может быть сосредоточен на правописании прописных и строчных букв; букв с надстрочными и подстрочными элементами; букв, обозначающих трудные для данного контингента звуки (например, для арабов нужно давать писать буквы *о-у*, *п-б*, потому что они их не различают); букв кириллицы, которые можно спутать с буквами латиницы (*т* (рус.) – *t* (eng.), *с* (рус.) – *c* (eng.), *р* (рус.) – *p* (eng.), *е* (рус.) – *e* (eng.)).

Слоговые диктанты. Рекомендуется писать их парами слогов, поскольку один слог менее информативен, и тогда работа будет более продуктивной, потому что нужно будет сличать, сопоставлять, различать слоги. В слоговой диктант должны быть включены буквы, которые были изучены на предыдущем занятии/занятиях. Не стоит включать в такие диктанты слоги, где на конце звонкий согласный.

Это могут быть следующие пары слогов:

- с разными согласными и одинаковой гласной: *да-та, по-бо, му-ну, ды-ты*;
- с разными согласными и разными гласными (более сложный материал): *то-ду, мэ-ну*;

- с одинаковой согласной и разными гласными: *да-ду, мы-му, но-ны*;
- типа согласный – гласный и гласный – согласный: *па-ап, ха-ах, ум-ом*;
- с «й», с «ь»: *ай, ой, мой, дай, пу-ню, пу-пью, пю-пью*;

На первом уроке вводно-фонетического курса даются гласные *Аа, Оо, Уу, Ээ, Ии, ы* и согласные *Бб, Пп, Дд, Тт, Мн, Нн*. Понятие об ударении еще не вводится, не даются твердость/мягкость и оглушение/озвончение согласных. Значит, в начале второго урока студентам можно предложить диктанты по типу *ма-мо, мо-му, ма-мэ, ма-мы, ам-ом, ом-ум* и т. д. Следующая часть диктанта может быть более сложной, состоящей из разных элементов, но только после того, как отработаны первые варианты по классификации: *мэ-ны, до-ту* ...

Словарные диктанты. Они могут писаться в строчку и столбик. Студентам нужно объяснить, если диктант в строчку, то первая буква большая, остальные – маленькие, а если в столбик, с большой буквы не начинаются слова, все буквы маленькие. Слова пишутся со знаком ударения, также диктанты могут быть дополнены заданиями. Если учащиеся пишут слова на доске и уже введено понятие рода, то одного студента можно попросить записать слова мужского рода, другого – женского рода, третьего – среднего рода или по тому же принципу записывать слова исходя из категории «часть речи». Непременным условием является обязательный устный перевод слов в диктанте после его написания. Даже не владея всеми языками, преподаватель понимает, когда студент знает/не знает слово.

Текстовые диктанты. Это может быть:

- правильная запись предложений (большая первая буква, знак в конце);
- предложения, не связанные по смыслу;
- предложения с заданием по типу «поставить знак в конце»;
- пары предложений с разными знаками (точка и вопросительный знак).

Помимо письма, инофоны обучаются письменной речи, где в ходе решения коммуникативных заданий учащийся на выходе должен составить ответное письмо, уметь описывать свой учебный день, значимых людей в его жизни, описывать предмет, который ему очень дорог, и др. [6].

Выводы. Таким образом, анализ основных проблем, с которыми сталкивается преподаватель в процессе формирования письменной компетенции у иностранных учащихся на начальном этапе обучения РКИ, позволил прийти к следующим выводам. Письмо – это полноценная методическая категория, которая в контексте коммуникации раскрывается «как синтез условий и возможностей реализации языковых и речевых средств в устной и письменной форме» [11]. Необходимость дальнейшего детального изучения данной проблемы обусловлена всеобщей цифровизацией и развитием информационных технологий, поскольку подобное направление предоставляет преподавателю неограниченные возможности для обучения, а у студента повышается мотивация к самостоятельному изучению русского языка. Преподаватель РКИ, обучая письму, всегда должен помнить, что этот процесс должен быть подчинен в итоге главной цели, которую ставит перед собой инофон, – выучить русский язык для получения будущей (избранной) специальности (профессии) [3]. Обучение иностранных студентов видам речевой деятельности, в частности письму, требует от преподавателя особых навыков владения методикой преподавания РКИ, поскольку русский язык выступает не просто средством общения и обучения, но и инструментом сотрудничества в межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абросимова О. Л., Воронина Л. В.* Основные принципы подготовки иностранных студентов к субтесту "Письмо" ТРКИ-1 // Русистика. – 2021. – Т. 19, № 3. – С. 346–360.
2. *Гардези А. М.* Обучение иностранных учащихся письму и письменной речи // Проблемы и перспективы подготовки иностранных студентов в вузах : материалы Междунар. науч.-метод. интернет-конф. – Х. : ХНАДУ, 2013. – С. 32–38.
3. *Голубева Г. Р.* Обучение письму с целью получения специальности // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. – 2019. – № 1 (4). – С. 137–140.
4. Государственные требования к минимуму содержания и уровню подготовки граждан зарубежных стран, необходимых для поступления на первый курс высших профессиональных учебных заведений Российской Федерации. – М. : Высш. шк., 1999. – 31 с.
5. *Жидкова Ю. Б., Мазунина О. Н.* Письменная речь в деловом и повседневном общении на русском языке // Русский язык за рубежом. – 2019. – № 2(273). – С. 102–107.
6. *Иванова Н. В.* Письмо в обучении РКИ на начальном этапе // Новината за напреднали наука : материали за VIII Междунар. науч. практ. конф. – София, 2012. – С. 26–28.
7. *Магомед-Касумов Г. М.* Обучение видам речевой деятельности в национальной школе // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. – 2014. – № 1. – С. 107–113.
8. *Мазунова Л. К.* К вопросу о системе обучения иноязычному письму в языковом вузе // Иностранные языки в школе. – 2005. – № 4. – С. 6–12.
9. *Михайлова И. В.* Обучение письму и письменной речи студентов-иностранцев на начальном этапе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 11-2. – С. 41–43.
10. *Мустафина Л. Р., Габдрахманова П. Л., Богатова Е. Н.* Использование нетрадиционных диктантов на занятиях по русскому языку как иностранному // Научный альманах. – 2017. – № 2-2 (28). – С. 183–188.
11. *Нужа И. В.* Письмо как методическая категория в истории лингводидактики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2009. – № 2-2. – С. 150–155.
12. *Стрельчук Е. Н.* Лингвометодические основы обучения иностранных учащихся культуре русской письменной речи на этапе довузовской подготовки : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. – М., 2008. – 253 с.
13. *Сычева Л. В.* Роль письма в методике преподавания русского языка как иностранного // Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 4(18). – С. 102–105.
14. *Щерба Л. В.* Как надо изучать иностранные языки. – М., 1929.
15. *Щукин А. Н.* Методика обучения речевому общению на иностранном языке. – М. : Икар, 2011. – 454 с.
16. *Щукин А. Н., Фролова Г. М.* Методика преподавания иностранных языков. – М. : Академия, 2015. – 288 с.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022

REFERENCES

1. Abrosimova O. L., Voronina L. V. Osnovnye principy podgotovki inostrannykh studentov k cubtestu \\'Pis'mo\' TRKI-1 // *Rusistika*. – 2021. – T. 19, № 3. – S. 346–360.
2. Gardezi A. M. Obuchenie inostrannykh uchashchih'sya pis'mu i pis'mennoj rechi // *Problemy i perspektivy podgotovki inostrannykh studentov v vuzah : materialy Mezhdunar. nauch.-metod. internet-konf.* – H. : HNADU, 2013. – S. 32–38.
3. Golubeva G. R. Obuchenie pis'mu s cel'yu polucheniya special'nosti // *Vestnik Yaroslavskogo vysshego voennogo uchilishcha protivovozdushnoj oborony*. – 2019. – № 1 (4). – S. 137–140.
4. Gosudarstvennye trebovaniya k minimumu sodержaniya i urovnyu podgotovki grazhdan zarubezhnykh stran, neobhodimyyh dlya postupleniya na pervyy kurs vysshikh professional'nykh uchebnykh zavedenij Rossijskoj Federacii. – M. : Vyssh. shk., 1999. – 31 s.
5. Zhidkova Yu. B., Mazunina O. N. Pis'mennaya rech' v delovom i povsednevnom obshchenii na russkom yazyke // *Russkij yazyk za rubezhom*. – 2019. – № 2(273). – S. 102–107.
6. Ivanova N. V. Pis'mo v obuchenii RKI na nachal'nom etape // *Novinata za naprednani nauka : materialy za VIII Mezhdunar. nauch. prakt. konf.* – Sofiya, 2012. – S. 26–28.
7. Magomed-Kasumov G. M. Obuchenie vidam rechevoj deyatel'nosti v nacional'noj shkole // *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psihologo-pedagogicheskie nauki*. – 2014. – № 1. – S. 107–113.
8. Mazunova L. K. K voprosu o sisteme obucheniya inoyazychnomu pis'mu v yazykovom vuze // *Inostrannyye yazyki v shkole*. – 2005. – № 4. – S. 6–12.
9. Mihajlova I. V. Obuchenie pis'mu i pis'mennoj rechi studentov-inostrancev na nachal'nom etape // *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. – 2016. – № 11-2. – S. 41–43.
10. Mustafina L. R., Gabdrahmanova P. L., Bogatova E. N. Ispol'zovanie netradicionnykh diktantov na zanyatiyah po russkomu yazyku kak inostrannomu // *Nauchnyy al'manah*. – 2017. – № 2-2 (28). – S. 183–188.
11. Nuzha I. V. Pis'mo kak metodicheskaya kategoriya v istorii lingvodidaktiki // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*. – 2009. – № 2-2. – S. 150–155.
12. Strel'chuk E. N. Lingvometodicheskie osnovy obucheniya inostrannykh uchashchih'sya kul'ture russkoj pis'mennoj rechi na etape dovuzovskoj podgotovki : dis. ... kand. ped. nauk : 13.00.02. – M., 2008. – 253 s.
13. Sycheva L. V. Rol' pis'ma v metodike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo // *Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*. – 2015. – № 4(18). – S. 102–105.
14. Shcherba L. V. Kak nado izuchat' inostrannyye yazyki. – M., 1929.
15. Shchukin A. N. Metodika obucheniya rechevomu obshcheniyu na inostrannom yazyke. – M. : Ikar, 2011. – 454 s.
16. Shchukin A. N., Frolova G. M. Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov. – M. : Akademiya, 2015. – 288 s.

The article was contributed on March 28, 2022

Сведения об авторах

Товт Анастасия Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-9942-1128>, tovt_tasya@mail.ru

Кончакова Светлана Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-4425-8719>, svetlana.konchakova@gmail.com

Author Information

Tovt, Anastasia Mikhailovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-9942-1128>, tovt_tasya@mail.ru

Konchakova, Svetlana Valentinovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-4425-8719>, svetlana.konchakova@gmail.com

УДК 373.5.016:[371.27:57]

DOI 10.26293/chgpu.2022.114.1.029

Е. Г. Шаронова, М. Ю. Курпriansova

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОДГОТОВКИ ШКОЛЬНИКОВ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИТОГОВОЙ АТТЕСТАЦИИ ПО БИОЛОГИИ

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Благодарность

Авторы выражают благодарность директору Центра непрерывного повышения профессионального мастерства «Ашмарин-Центр» БУ ЧР ДПО «Чувашский республиканский институт образования» Минобрнауки Чувашии Кондратьевой Оксане Викторовне за информационную поддержку исследования.

Аннотация. В статье проанализированы требования федерального государственного образовательного стандарта к уровню подготовки школьников к итоговой аттестации, рассмотрены сущность и содержание понятия «единый государственный экзамен». Выявлены причины низких результатов итоговой аттестации по биологии, проанализированы недостатки и затруднения, которые испытывают школьники при освоении учебного материала по данному предмету. Определены проблемы, которые стоят перед учителями, и обоснованы педагогические условия эффективности процесса подготовки школьников к государственной итоговой аттестации по биологии на примере Чувашской Республики.

Результаты исследования позволяют повысить уровень профессиональной компетентности молодых специалистов в сфере образования и будущих учителей в области организации системы подготовки школьников к ЕГЭ по биологии.

Ключевые слова: *итоговая государственная аттестация, единый государственный экзамен, педагогические условия*

E. G. Sharonova, M. Yu. Kupriyanova

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR PREPARING SCHOOLCHILDREN FOR STATE FINAL CERTIFICATION IN BIOLOGY

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Acknowledgement

The authors express their gratitude to Oksana Viktorovna Kondratyeva, Director of the Center for Continuous Professional Development “Ashmarin Center” of BI ChR FVE “Chuvash Republican Institute of Education” of the Ministry of Education of Chuvashia, for information support of the study.

Abstract. The article analyzes the requirements of the federal state educational standard to the level of preparation of schoolchildren for the state final certification; considers the essence and content of the concept “unified state examination”; reveals the reasons for the low results of the final certification in biology; analyzes the shortcomings and difficulties that schoolchildren experience when mastering educational material in biology; identifies the problems that teachers face in the process of training schoolchildren for the final certification; substantiates the pedagogical conditions for the effectiveness of the process of preparing schoolchildren for the final state certification in biology.

The results of the study will improve the quality of training young specialists in the field of education and teachers-to-be in organizing the system for preparing schoolchildren for the final certification in biology.

Keywords: *final state certification, unified state examinaion, pedagogical conditions*

Введение. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», федеральные государственные образовательные стандарты, федеральная целевая программа «Дети России», государственная программа Российской Федерации «Развитие образования», федеральный проект «Современная школа» ставят перед системой образования ряд приоритетных задач, одной из которых является повышение качества подготовки выпускников общеобразовательных организаций. Оценка качества образования определяется рядом показателей, одним из которых является Единый государственный экзамен (ЕГЭ).

«Единый государственный экзамен – это форма государственной итоговой аттестации (ГИА) по образовательным программам среднего общего образования. При проведении ЕГЭ используются контрольные измерительные материалы (КИМ), представляющие собой комплексы заданий стандартизированной формы» [10].

Контрольные измерительные материалы единого государственного экзамена по биологии соответствуют требованиям, предъявляемым к предметным результатам освоения учебного предмета, установленным ФГОС СОО. По мнению Г. С. Калиновой, «представленные в стандарте требования к результатам обучения обеспечивают выпускников системой знаний и умений, достаточной для продолжения обучения в средних и высших профессиональных учреждениях, а также позволяют приобретать ключевые компетенции, которые имеют универсальное применение в любом виде деятельности и обеспечивают возможности для самореализации личности, для создания критериальной системы оценки достижений обучающихся. Этот стратегический документ обеспечивает государству развитие конкурентоспособности в мировом образовательном пространстве, сохраняет развивающую, личностно-центрированную идеологию образования» [5, с. 28].

Г. С. Калинова также утверждает, что «основная цель государственной итоговой аттестации по биологии – объективно оценить достижение уровня овладения учащимися системой знаний о живой природе (теорий, законов, понятий, научных фактов), методах ее изучения, структурно-функциональных, генетических основах жизни, разных уровнях ее организации, об особенностях строения и функционирования организмов разных царств живой природы, экосистемах, биоразнообразии, эволюции» [4, с. 66].

Р. С. Наговицын с соавторами рассматривают проблему зависимости подготовки «качественного» выпускника для системы образования от высокого балла ЕГЭ [12].

Объектом исследования явилось качество подготовки к итоговой аттестации выпускников школ по биологии.

Цель работы – выявить педагогические условия и разработать методические рекомендации для учителей биологии, испытывающих трудности при подготовке обучающихся к ЕГЭ по биологии.

Для достижения цели исследования нами был решен ряд задач:

1. Проведен сравнительный анализ результатов ЕГЭ по биологии за 2020, 2021 гг. по Российской Федерации и Чувашской Республике на основе статистических отчетов предметных комиссий, обозначены причины низких результатов итоговой аттестации по данному предмету.

2. На основе результатов анализа статистических отчетов и анкетирования учителей биологии выявлены недостатки и затруднения, которые испытывают школьники при освоении учебного материала по биологии.

3. Определены проблемы, которые стоят перед учителями в процессе подготовки школьников к ЕГЭ.

4. Обоснованы педагогические условия эффективности процесса подготовки школьников к государственной итоговой аттестации (ГИА) по биологии.

Актуальность исследуемой проблемы. В настоящее время происходит становление и развитие Общероссийской системы оценки качества образования (ОСОКО). Результаты единого государственного экзамена (ЕГЭ) являются одним из индикаторов качества образования, дающих объективную оценку уровня подготовки выпускников образовательного учреждения.

Одним из самых трудных ЕГЭ является экзамен по биологии: доля выпускников, не прошедших пороговый уровень, составляет около 18 % ежегодно, доля 100-балльников также мала по сравнению с результатами ЕГЭ по другим предметам. По статистике, ЕГЭ по биологии пишут хуже других экзаменов. В 2021 г. средний балл выпускников снизился по сравнению с 2020 г. на 0,3 и составил 51,28 балла.

Эффективность подготовки школьников к ГИА во многом определяется уровнем готовности учителей биологии к использованию инновационных педагогических технологий для формирования предметных и метапредметных умений учащихся. С. В. Слинкиным обоснована идея, что «при обучении будущих учителей биологии в университете и в процессе повышения квалификации работающих учителей особое внимание следует уделять усилению предметно-методической подготовки, а также компетентностной составляющей содержания биологического образования» [9].

Анализ нормативно-правовых документов, педагогической и методической литературы позволил нам выявить проблему исследования и определить цель, которая заключается в обосновании педагогических условий эффективности подготовки школьников к итоговой аттестации по биологии.

Материал и методы исследования. Материалами исследования явились статистико-аналитические отчеты, психолого-педагогические и методические труды по обозначенной проблеме. В работе использовались следующие теоретические методы исследования: анализ, синтез, сравнение, сопоставление; эмпирические методы: анкетирование, анализ продуктов учебной деятельности учащихся, методы математической обработки полученных данных.

Методологической основой научного исследования является ряд концептуальных подходов к познанию и преобразованию педагогической действительности: *системный* – предполагает взаимодействие и единство всех компонентов педагогического процесса (Б. Г. Ананьев, П. П. Блонский, В. А. Караковский, Л. И. Новикова), *деятельностный* – способствует максимальному развитию личностных качеств через вовлечение ее в различные виды деятельности (Н. М. Борытко, Н. К. Сергеев, В. А. Сластенин), *компетентностный* – рассматривается как овладение компетенциями, необходимыми для формирования готовности человека субъектно воспринимать окружающую действительность (Э. Ф. Зеер, И. А. Зимняя, А. В. Хуторской, В. Д. Шадриков и др.).

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ статистических отчетов предметных комиссий ЕГЭ показал, что экзамен по биологии востребован и входит в число самых популярных экзаменов по выбору. В 2021 г. в Российской Федерации ЕГЭ по биологии сдавали 129 905 человек, что больше, чем число участников в 2020 г. (124 931 человек), но несколько меньше числа участников экзамена в 2019 г. (136 386 человек) [7], [8].

Выделяют следующие уровни освоения содержания учебного материала, проверяемого в ходе ЕГЭ: пороговый уровень, который составлял в 2021 г. 36 баллов, низкий уровень – от порогового до 60 баллов, средний уровень – 61–80 баллов, высокий уровень – 81 балл и выше. В рамках нашего исследования мы делаем акцент на учеников с низким

уровнем усвоения материала, а также тех, кто не прошел пороговый уровень. Актуальность исследования подтверждается государственной программой Российской Федерации «Развитие образования», которая в качестве одной из приоритетных задач выдвигает организацию методической поддержки общеобразовательным организациям, имеющим низкие образовательные результаты обучающихся; проведение оценки качества общего образования [3].

На основе статистических отчетов предметных комиссий выявлены разделы биологии, в которых учащиеся допускают ошибки, а также причины низких результатов итоговой аттестации.

Анализ данных, представленный в отчете результатов ЕГЭ по биологии в Чувашской Республике, позволил выявить наиболее сложные темы и типы заданий базового уровня, с которыми не справилась группа школьников, не получивших минимальный балл.

В группе школьников, не преодолевших минимальный порог, среди заданий базового уровня только задания линии 11 были выполнены половиной ребят (50,39 %). Так, задание базового уровня № 3 выполнили только 24,41 % ребят с неудовлетворительной подготовкой, 75,59 % ребят этой группы не смогли продемонстрировать умение решать биологические задачи по цитологии на базовом уровне. Решаемость остальных заданий базового уровня этой группой ребят составила от 26,77 (линия 6) до 46,85 % (линия 4).

Как отмечает В. С. Рохлов, чаще всего ошибочные ответы связаны с несформированностью понятий «гомологичные хромосомы», «сестринские хромосомы» и «строение молекулы ДНК». Автор доказывает это статистическими данными: 34 % участников считают, что перед началом деления каждая хромосома состоит из четырех молекул ДНК, очевидно, не различая понятий «молекула ДНК» и «цепи ДНК». Так, задачу базового уровня (линия 3) на определение числа молекул ДНК по числу хромосом в клетке выполнили только 49,6 % участников ЕГЭ по биологии в России.

В группе ребят Чувашской Республики с удовлетворительной подготовкой (от минимального количества до 60 баллов) это задание также вызвало затруднения почти у 40 %. Кроме того, такой же низкий результат решаемости в этой группе получило задание № 21. Самая низкая решаемость заданий базового уровня по группе школьников с хорошей и отличной подготовкой также оказалась у вопроса 21 (75,88 и 84, 76 % соответственно). Задания линии 21 направлены на анализ информации, представленной в графической или табличной форме. Результат решаемости данного задания по России достаточно высок (76 %), в то время как по Чувашии он составил 62,98 %. В задании необходимо было проанализировать диаграмму, на которой представлено содержание кадмия в различных органах проростков двух сортов гречихи. Таким образом, около 40 % ребят не смогли на должном уровне продемонстрировать умения анализировать результаты биологических экспериментов или наблюдений и делать правильные выводы.

Для ребят с удовлетворительной подготовкой немного сложными оказались также задания базового уровня линий 7 (решаемость составила 61,47 %) и 17 (61,8 %). Решаемость остальных заданий базового уровня этой группой составила от 64,07 до 88,64 %.

Решаемость заданий повышенного уровня школьниками Чувашской Республики составила от 51,58 до 58,93 %. В группе ребят, не преодолевших порог, решаемость заданий повышенного уровня составила от 7,09 % (линия 19), 7,48 % (линия 14) до 20,08 % (линия 10). Поскольку при анализе результатов выполнения заданий 1–21 части 1 с кратким ответом по каждой группе участников учитывалось, что элементы содержания считаются освоенными, а умения – сформированными, если процент выполнения задания, проверяющего данный элемент, равен или выше 50 %, то можно утверждать, что данная группа школьников не освоила ни одного элемента повышенного уровня.

Аналогичную картину мы наблюдаем при выполнении заданий повышенного уровня группой ребят с удовлетворительной подготовкой, за исключением заданий линии 18, где решаемость составила 50,11 %.

Как отмечают эксперты ЕГЭ по биологии в Чувашской Республике Л. В. Егоров, и М. В. Воронкова, низкие показатели группы с минимальным уровнем подготовки объясняются не только слабой теоретической подготовкой участников по биологии, но и несформированностью у них учебных умений и навыков [1], [2].

По оценкам авторов статистического отчета, «особую трудность вызывают задания высокого уровня сложности (часть 2). Все задания второй части были выполнены ниже 50 % (диапазон 18,5–48,1 %). В среднем доля выполнения этих заданий по региону составила 35,14 %» [2, с. 208].

Частой причиной учебной неуспешности обучающихся являются слабая сформированность метапредметных умений и/или существенные пробелы в базовой предметной подготовке.

В. С. Рохлов отмечает: «Диагностика обучающихся с трудностями в учебной деятельности позволит выявить причины затруднений, например:

- слабая сформированность читательских навыков и навыков работы с информацией;
- слабая сформированность элементарных математических представлений (чувства числа, пространственных представлений, навыков счета и т. п.);
- слабая сформированность навыков самоорганизации, самокоррекции;
- конкретные проблемы в предметной подготовке (неосвоенные системообразующие понятия, элементы содержания, без владения которыми невозможно понимание следующих тем; слабо сформированные предметные умения, навыки и способы деятельности)» [6, с. 2].

Приведем примеры выполнения заданий по разделам биологии.

Блок 1. «Биология как наука. Методы научного познания. Уровни организации живого».

В линии 2 предлагалось задание на работу с таблицей, в которую необходимо было вписать недостающую информацию. Задания линии 2 выполнили в среднем 52,9 % участников в Российской Федерации, 69,60 % – в Чувашской Республике. Причем, согласно статистико-аналитическому отчету о результатах государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования в Чувашской Республике в 2021 г., из группы школьников с низкими результатами более половины (64 %) справились с заданием и только одна треть (30,71 %) учащихся из группы с удовлетворительной подготовкой. Как отмечает В. С. Рохлов, у участников экзамена не сформированы знания о признаках живого, поэтому они не смогли соотнести конкретный пример с соответствующим признаком. Задания по методам биологических исследований также вызывают у них затруднения.

Блок 2. «Клетка как биологическая система».

Данный блок в каждом варианте был представлен 4–5 заданиями: 2–3 задания базового уровня (линии 1, 3, 4), 1–2 задания повышенного уровня (линии 5, 19 или 20), 1–2 задания высокого уровня сложности (линии 23 или 24, 27).

В части 1 задания базового уровня линий 1, 3, 4 выполнили от 60 до 80 % участников Российской Федерации.

В части 1 в задании линии 3 предлагалась задача на определение количества хромосом в гамете. Справились с этим заданием 64,46 % участников Чувашской Республики, 60,6–69,9 % – Российской Федерации (в 2020 г. этот показатель составил 59 %). Не справились с заданием ученики из группы с неудовлетворительным уровнем знаний (24,41 % выполнения).

Для выявления недостатков и затруднений, которые испытывают учителя, а также ученики при подготовке к ЕГЭ по биологии, нами был проведен опрос преподавателей. В опросе приняли участие 38 учителей из Москвы, Санкт-Петербурга, Белгорода, Екатеринбурга, Сыктывкара, Ульяновска, Кемеровской области, Омской области, Татарстана, Чувашской Республики. 50 % респондентов имеют опыт подготовки к ЕГЭ по биологии более 10 лет, 28,9 % – до трех лет, 15,8 % – от 5 до 10 лет, 5,3 % – от 3 до 5 лет.

Средний балл учеников за последние 2 года (2020, 2021): у 36,8 % учителей – до 70 баллов, 31,6 % – до 60 баллов, 21,1 % – до 80 баллов, 2,6 % – 50 баллов, 2,6 % ответили, что еще не было классов, 5,3 % – экзамен еще не сдавали. Результаты демонстрируют средний уровень показателей ЕГЭ по биологии, так как основное количество учащихся набирают до 70 и 80 баллов. Более 80 баллов нет ни у кого.

Вместе с тем анализ показал, что у 28 % учителей со стажем более 10 лет средний балл составил до 60, у 50 % – до 70, у 22 % – до 80. У 56 % учителей со стажем до 3 лет этот же показатель составил до 60 баллов, у 11% – до 70, у 33% – до 80.

До 60 баллов набирали ученики у учителей, стаж которых составлял более 10 лет (38,5 %) и до 3 лет (38,5 %), до 80 баллов набирали обучающиеся тех педагогов, которые имели стаж до 3 лет (37,5%) и более 10 лет (50%).

На вопрос: «В рамках каких часов ведется подготовка к ГИА по биологии?» – нами были получены следующие результаты: 55,3 % учителей ведут занятия в рамках отведенных по учебному плану часов; 55,3 % занимались с учениками в рамках собственного времени; 47,4 % – в рамках факультатива (электива); 21,1 % – в рамках дополнительных часов кружковой работы; 13,2 % – в рамках курсов вне школы; 5,2 % – на курсах по подготовке к ЕГЭ. Результаты показали, что в основном опрошенные нами учителя ведут подготовку к ЕГЭ по биологии как в рамках часов, отведенных по учебному плану, так и в рамках собственного времени.

Одним из важнейших компонентов эффективной подготовки школьников к ЕГЭ является программное обеспечение. Анкетирование учителей показало, что 42,1 % респондентов используют программу, основанную на универсальном кодификаторе; 31,6 % создали авторскую рабочую программу; 15,8 % – программу, основанную на базовой; 10,5 % – базовую школьную программу. Необходимо отметить, что, по мнению разработчиков ЕГЭ (В. С. Рохлов), эффективнее использовать программы, которые опираются на универсальный кодификатор, что в основном и делают наши учителя.

Подготовка школьников к ЕГЭ опирается на использование учебников разного уровня. Не секрет, что многие линии учебников биологии не отражают ряд вопросов, с которыми сталкивается школьник на экзамене. Существует ряд учебников, рекомендованных Министерством просвещения для использования в общеобразовательных организациях. Вместе с тем в заданиях ГИА есть вопросы углубленного, в том числе и олимпиадного уровня. Анализ анкетирования учителей показал, что 78,9 % используют учебники углубленного уровня, 15,8 % – базового уровня; по 2,6 % респондентов используют учебные материалы, составленные на основе нескольких учебников или различные электронные ресурсы, адаптированные для подготовки.

Учителя в большинстве случаев используют учебники углубленного уровня по общей биологии для 10–11-х классов: А. В. Теремов, Р. А. Петросова (50 %), В. В. Пасечник, А. А. Каменский, М. А. Рубцов (36,8 %), И. Б. Агафонова, В. И. Сивоглазов (44,7 %); по блоку «Система органического мира» (10-й класс) – А. В. Теремов, Р. А. Петросова (47,4%). И. Б. Агафонова, В. И. Сивоглазов (39,5 %).

Информационные ресурсы позволяют учителю вести подготовку школьников более эффективно. Респонденты используют базовые сайты для подготовки к ЕГЭ по биологии, в частности для контроля качества усвоения материала 76,3 % учителей применяют сайт

<https://fipi.ru>; 73,7 % – <https://bio-ege.sdam.gia>. Кроме того, учителя используют электронные ресурсы для повышения мотивации школьников к изучению предмета. Наиболее популярными среди наших респондентов являются такие электронные платформы, как LearningApps.org (28,9 %) Mozaik Edukation (18,4 %) Kahoot (15,8 %). Интересно, что 15,6 % респондентов не используют никакие электронные ресурсы для повышения мотивации школьников. Остальные 21,6 % используют электронные диски и электронные учебники. Считаем, что мотивация школьников позволяет повысить интерес к предмету, а значит, и уровень усвоения предметных знаний.

Добиться хороших результатов учителям позволяет блочно-модульное обучение (78,9 %), технология опорных конспектов (71,1 %), дифференцированное обучение (42,1 %), технология проблемного обучения (39,6 %). Основными организационными формами при подготовке к ЕГЭ являются лекционные занятия – 84,2 %; семинары – 71,1 %; практикумы – 60,8 %, лабораторные работы – 39,5 % респондентов. Отрадно, что учителя не ограничиваются теоретическими занятиями, а активно используют практические и лабораторные работы.

Для выявления вопросов, которые вызывают затруднения у школьников, мы попросили учителей назвать прототипы и разделы биологии. Самыми проблемными для учеников, по мнению преподавателей, оказались вопросы 2-й части: линии 22, 25, 26, 27, 28. Это вопросы открытого типа, которые требуют обоснования, а также задачи по генетике, молекулярной биологии. Как правило, в данных заданиях идет обобщение материала по всем разделам биологии. Кроме того, это блок задач разного типа. Учителя отмечают, что обучающиеся затрудняются в обосновании открытого вопроса, недостаточно владеют биологической терминологией и «биологическим языком», не обладают достаточным уровнем систематизации знаний по тому или иному разделу. Письменные ответы выпускников, как правило, неполные, фрагментарные.

Затруднения у школьников вызывают разделы «Эволюция живой природы» (51,4 %); «Экосистемы и присущие им закономерности» (43,2 %), «Система и многообразие органического мира» (40,5 %), «Биология как наука. Методы научного познания» (27 %), «Человек и его здоровье» (27 %), «Организм как биологическая система» (18,9 %), «Клетка как биологическая система» (13,5 %). Результаты позволяют сделать вывод о недостаточном усвоении знаний по разделам «Эволюция живой природы», «Экосистемы и присущие им закономерности», что необходимо учитывать при подготовке школьников.

По мнению учителей, снижает уровень подготовки обучающихся недостаточное количество отведенных на подготовку часов – 73,7 %, слабая сформированность навыков самоорганизации, самокоррекции – 68,4 %, слабая сформированность читательских навыков и навыков работы с информацией – 60,5 %, невыполнение домашних заданий школьниками – 42,1 %, низкий базовый уровень – 39,5 %, недостаточная психологическая готовность школьника к ГИА – 26,3 %.

На вопрос: «В чем, по вашему мнению, механизм эффективности подготовки школьников к ГИА по биологии?» – нами были получены следующие ответы: активизация самостоятельной деятельности школьников (76,3 %), раннее начало подготовки к ГИА (не менее чем за 2 года) (71,1 %); зачетная система устного контроля и использование современных педагогических технологий (по 47,4 %), активное использование интернет-ресурсов (36,8 %), изменение методики преподавания предмета и систематизация балльно-рейтинговой системы контроля (по 18,4 %).

Резюмируя отметим, что тот объем материала по биологии, который необходимо освоить ученику для успешной сдачи ЕГЭ, невозможен без системной и систематической самостоятельной работы, что и отмечают учителя-практики.

Теоретический анализ проблемы исследования, статистического материала, анализ анкет учителей позволил нам обосновать ряд педагогических условий, при реализации которых процесс подготовки школьников к ЕГЭ по биологии будет более эффективным:

1) повышение уровня предметной и методической готовности учителя к организации и проведению занятий по подготовке школьников к государственной итоговой аттестации по биологии [11];

2) разработка программы подготовки, основанной на универсальном кодификаторе, позволяющей вести целенаправленную работу на достижение всего спектра задач школьного курса биологии, обозначенных в федеральном государственном образовательном стандарте;

3) организация занятий на основе таких педагогических принципов, как: системность и систематичность, научность и доступность, связь теории и практики;

4) организация процесса усвоения материала как в рамках часов, отведенных по учебному плану, так и использование часов факультативов и элективных курсов, дополнительных часов кружковой работы;

5) использование наряду с учебниками углубленного уровня различных видов учебных пособий, электронных платформ, ресурсов для повышения мотивации школьников;

6) проведение систематического рубежного мониторинга усвоения школьниками учебных знаний, умений и навыков, их корректировка в соответствии с личностной траекторией развития;

7) активизация самостоятельной деятельности школьников через мотивацию учебной деятельности, основанной на использовании интерактивных электронных образовательных ресурсов, например, таких как LearningApps.org, Mozaik Edukation, Kahoot и др.;

8) систематизация балльно-рейтинговой системы контроля, организация зачетной системы устного и письменного контроля (по каждой теме), использование на каждом занятии заданий со свободным ответом и их оценка, использование электронных образовательных ресурсов для контроля качества освоения учебного материала;

9) использование современных педагогических технологий: блочно-модульное обучение, технология опорных конспектов, дифференцированное обучение, технология проблемного обучения, интерактивные педагогические технологии;

10) включение школьников в учебно- и научно-исследовательскую деятельность, усиление практико-ориентированного подхода;

11) методическое обеспечение организации процесса подготовки школьников к итоговой аттестации по биологии, изменение методики преподавания предмета через использование интернет-ресурсов, образовательных электронных платформ и программ.

Выводы. Эффективность процесса подготовки школьников к государственной итоговой аттестации по биологии зависит от ряда педагогических условий, которые включают профессиональную готовность самого учителя, выявление недостатков и затруднений, возникающих у школьников в процессе подготовки к итоговой аттестации, разработку системы целенаправленной работы с детьми по определенной программе, использование различных педагогических технологий организации процесса обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ результатов единого государственного экзамена в Чувашской Республике в 2020 году [Электронный ресурс]. – URL : [http://gov.cap.ru/Content2020/orgs/GovId_897/analiticheskij_sbornik_pk_-_2020\(1\).pdf](http://gov.cap.ru/Content2020/orgs/GovId_897/analiticheskij_sbornik_pk_-_2020(1).pdf) (дата обращения: 18.10.2021).

2. Анализ результатов единого государственного экзамена и основного государственного экзамена в Чувашской Республике в 2021 году [Электронный ресурс]. – URL : http://gov.cap.ru/Content2021/orgs/GovId_897/analiticheskij_sbornik_pk-2021_gotovo_3.pdf (дата обращения: 18.10.2021).

3. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 15 марта 2021 г. № 385) [Электронный ресурс]. – URL : edu.gov.ru (дата обращения: 18.10.2021).
4. Калинова Г. С. Совершенствование экзаменационной модели ЕГЭ по биологии с учетом требований ФГОС // Педагогические измерения. – 2016. – № 1. – С. 66–74.
5. Калинова Г. С. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования и содержание обучения биологии // Биология в школе. – 2012. – № 5. – С. 29–38.
6. Рохлов В. С. Методические рекомендации для учителей по преподаванию учебных предметов в образовательных организациях с высокой долей обучающихся с рисками учебной неуспешности. Биология [Электронный ресурс]. – URL: <https://doc.fipi.ru/metodicheskaya-kopilka/metod-rekomendatsii-dlya-slabyykh-shkol/biologia-mr-oo.pdf> (дата обращения: 18.10.2021).
7. Рохлов В. С., Петросова Р. А. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2020 года по биологии // Педагогические измерения. – 2020. – № 3. – С. 40–60.
8. Рохлов В. С., Петросова Р. А. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2021 года по биологии [Электронный ресурс]. – URL : https://doc.fipi.ru/egge/analiticheskie-i-metodicheskie-materialy/2021/bi_m-r_2021.pdf (дата обращения: 18.10.2021).
9. Слинкин С. В., Садыкова Э. Ф., Ключова В. В. О предметных затруднениях учителей биологии // Научный диалог. – 2018. – № 5. – С. 345–355.
10. Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный институт педагогических измерений» [Электронный ресурс]. – URL: // <https://fipi.ru/egge> (дата обращения: 18.10.2021).
11. Шаронова Е. Г. Педагогические условия эффективности подготовки школьников к экологическим олимпиадам // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2019. – № 5(105). – С. 235–241.
12. A high score for the unified state examination for an applicant – A “QUALITY” graduate for the educational system in the future? / R. S. Nagovitsyn, A. Yu. Osipov, M. D. Kudryavtsev, V. S. Bliznevskaya // European Journal of Contemporary Education. – 2020. – Т. 9, № 1. – С. 89–101.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021

REFERENCES

1. Analiz rezul'tatov edinogo gosudarstvennogo ekzamina v Chuvashskoy Respublike v 2020 godu [Elektronnyy resurs]. – URL : [http://gov.cap.ru/Content2020/orgs/GovId_897/analiticheskij_sbornik_pk_-2020\(1\).pdf](http://gov.cap.ru/Content2020/orgs/GovId_897/analiticheskij_sbornik_pk_-2020(1).pdf) (data obrashcheniya: 18.10.2021).
2. Analiz rezul'tatov edinogo gosudarstvennogo ekzamina i osnovnogo gosudarstvennogo ekzamina v Chuvashskoy Respublike v 2021 godu [Elektronnyy resurs]. – URL : http://gov.cap.ru/Content2021/orgs/GovId_897/analiticheskij_sbornik_pk-2021_gotovo_3.pdf (data obrashcheniya: 18.10.2021).
3. Gosudarstvennaya programma Rossijskoj Federacii «Razvitie obrazovaniya» (v redakcii postanovleniya Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 15 marta 2021 g. № 385) [Elektronnyy resurs]. – URL : edu.gov.ru (data obrashcheniya: 18.10.2021).
4. Kalinova G. S. Sovershenstvovanie ekzamenacionnoj modeli EGE po biologii s uchetom trebovanij FGOS // Pedagogicheskie izmereniya. – 2016. – № 1. – S. 66–74.
5. Kalinova G. S. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart osnovnogo obshchego obrazovaniya i sodержание obucheniya biologii // Biologiya v shkole. – 2012. – № 5. – S. 29–38.
6. Rohlov V. S. Metodicheskie rekomendacii dlya uchitelej po prepodavaniju uchebnyh predmetov v obrazovatel'nyh organizacijah s vysokoj dolej obuchayushchihsya s riskami uchebnoj neuspeshnosti. Biologiya [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://doc.fipi.ru/metodicheskaya-kopilka/metod-rekomendatsii-dlya-slabyykh-shkol/biologia-mr-oo.pdf> (data obrashcheniya: 18.10.2021).
7. Rohlov V. S., Petrosova R. A. Metodicheskie rekomendacii dlya uchitelej, podgotovlennye na osnove analiza tipichnyh oshibok uchastnikov EGE 2020 goda po biologii // Pedagogicheskie izmereniya. – 2020. – № 3. – S. 40–60.
8. Rohlov V. S., Petrosova R. A. Metodicheskie rekomendacii dlya uchitelej, podgotovlennye na osnove analiza tipichnyh oshibok uchastnikov EGE 2021 goda po biologii [Elektronnyy resurs]. – URL : https://doc.fipi.ru/egge/analiticheskie-i-metodicheskie-materialy/2021/bi_m-r_2021.pdf (data obrashcheniya: 18.10.2021).
9. Slinkin S. V., Sadykova E. F., Klyusova V. V. O predmetnyh zatrudneniyah uchitelej biologii // Nauchnyj dialog. – 2018. – № 5. – S. 345–355.
10. Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe nauchnoe uchrezhdenie «Federal'nyj institut pedagogicheskikh izmerenij» [Elektronnyy resurs]. – URL: // <https://fipi.ru/egge> (data obrashcheniya: 18.10.2021).
11. Sharonova E. G. Pedagogicheskie usloviya effektivnosti podgotovki shkol'nikov k ekologicheskim olimpiadam // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2019. – № 5(105). – S. 235–241.

12. A high score for the unified state examination for an applicant – A “QUALITY” graduate for the educational system in the future? / R. S. Nagovitsyn, A. Yu. Osipov, M. D. Kudryavtsev, V. S. Bliznevskaia // European Journal of Contemporary Education. – 2020. – Т. 9, № 1. – С. 89–101.

The article was contributed on November 15, 2021

Сведения об авторах

Шаронова Евгения Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой биологии и основ медицинских знаний Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-4155-7118>, evgenija-sharonova@rambler.ru

Куприянова Марина Юрьевна – кандидат биологических наук, доцент, заведующая кафедрой биоэкологии и химии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-3247-8052>, sofmar@bk.ru

Author Information

Sharonova, Evgenia Gennadyevna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Biology and Basis of Medical Knowledge, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-4155-7118>, evgenija-sharonova@rambler.ru

Kupriyanova, Marina Yuryevna – Candidate of Biology, Associate Professor, Head of the Department of Bioecology and Chemistry, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-3247-8052>, sofmar@bk.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В издании предусматривается размещение оригинальных научных статей по актуальным проблемам филологических и педагогических наук. Публикуются статьи по следующим специальностям:

10.00.00 ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
10.01.00 Литературоведение	
10.01.01	Русская литература
10.01.02	Литература народов Российской Федерации
10.01.03	Литература народов стран зарубежья
10.01.08	Теория литературы. Текстология
10.01.09	Фольклористика
10.01.10	Журналистика
10.02.00 Языкознание	
10.02.01	Русский язык
10.02.02	Языки народов Российской Федерации
10.02.03	Славянские языки
10.02.04	Германские языки
10.02.05	Романские языки
10.02.14	Классическая филология, византийская и новогреческая филология
10.02.19	Теория языка
10.02.20	Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание
10.02.21	Прикладная и математическая лингвистика
10.02.22	Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
13.00.00 ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
13.00.01	Общая педагогика, история педагогики и образования
13.00.02	Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
13.00.04	Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры
13.00.05	Теория, методика и организация социально-культурной деятельности
13.00.08	Теория и методика профессионального образования

Статья должна быть написана научным стилем, которому соответствуют точность передаваемой информации, убедительность аргументации, логическая последовательность изложения, лаконичность, авторитетность; представлять ценность для научного сообщества и отвечать нормам научной этики. Уникальность исследования (процент оригинальности) не может быть менее 85 %.

Не принимаются к рассмотрению крупные статьи, механически разделенные на ряд отдельных сообщений; статьи с описанием результатов незаконченных исследований без определенных выводов; работы описательного характера.

Статья должна иметь:

1) индекс универсальной десятичной классификации (УДК);

2) метаданные:

а) инициалы и фамилию(и) автора(ов) на русском и английском языках (строчными буквами курсивом) – количество соавторов в статье может быть не более 3;

б) заглавие на русском и английском языках (жирным шрифтом строчными буквами);
в) полное название учреждения, города и страны (курсивом), где выполнена работа, на русском и английском языках;

г) благодарность;

д) аннотацию на русском и английском языках;

е) ключевые слова на русском и английском языках;

3) основной текст, включающий следующие подразделы:

а) введение;

б) актуальность исследуемой проблемы;

в) материал и методы исследования;

г) результаты исследования и их обсуждение;

д) выводы;

4) список цитируемой литературы.

В конце статьи должны быть указаны сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность с указанием места работы; домашний адрес с почтовым индексом (для отправки экземпляра журнала), контактный телефон, e-mail; шифр специальности, по которой выполнена работа (согласно номенклатуре специальностей научных работников).

Метаданные статьи

Краткие сведения об авторе(ах). Должны быть указаны инициалы и фамилия автора(ов). При наличии двух и более авторов последовательность их упоминания зависит от вклада в выполненную работу. Состав авторов статьи гарантирует, что все лица, соответствующие критериям авторства, попали в список авторов и что заслуживающие авторства исследователи не исчезли из этого списка. В некоторых случаях необходимо указать в тексте тех, кто дополнительно принимал участие в работе над исследованием. Все авторы должны дать согласие на внесение в список авторов. Любые изменения в списке авторов должны быть одобрены всеми авторами, включая тех, кто исключен из списка.

Заглавие. Название статьи должно быть информативным, лаконичным, отвечать научному стилю текста, содержать основные ключевые слова.

Сведения об организации (аффилиация) включают название организации, где выполнена работа (в четком соответствии с лицензионными документами), указание на город и страну нахождения организации.

Благодарность (Acknowledgement). Выражаются признательность автора(ов) коллегам за помощь и благодарность спонсорам за финансовую поддержку исследования (также необходимо указать грантовые проекты). Уместно упомянуть все источники финансирования исследований, включая прямую и косвенную финансовую и техническую поддержку (например, предоставление оборудования/материалов). Согласие на упоминание в благодарности этих лиц является обязательным.

Аннотация (Abstract). Должна быть содержательной, информативной, четко структурированной, т. е. следовать логике изложения материала и результатов исследования в статье, и включать следующие аспекты ее содержания:

– введение (Introduction);

– актуальность исследуемой проблемы (Relevance);

– материал и методы исследования (Materials and Methods);

– результаты исследования и их обсуждение (Results and Discussion);

– выводы (Conclusions).

Оптимальный объем аннотации должен составлять 160 слов (не более 260 слов на русском языке или 210 на английском языке). Аннотация является источником основной

информации о статье в международных и российских БД (базах данных), а также других реферативных ресурсах. Она должна содержать необходимые термины, позволяющие обнаружить данную статью, используя поисковые элементы.

Ключевые слова (Keywords) включают 5–10 слов и/или устойчивых словосочетаний, по которым в дальнейшем будет выполняться поиск статьи. Ключевые слова должны отражать специфику темы, объект и результаты исследования.

Перевод метаданных. Все метаданные должны быть полностью переведены на английский язык. При переводе заглавия недопустимо использовать транслитерацию с русского языка на латиницу, кроме непереводаемых названий собственных имен, также нельзя использовать жаргон, известный только русскоговорящим специалистам.

При транслитерации Ф.И.О. авторов необходимо придерживаться единообразного написания фамилий во всех статьях. Ф.И.О. авторов на английском языке приводятся по международным (англоязычным) правилам с указанием инициала отчества. Перевод места работы дается полностью без использования сокращенного названия.

«Англоязычная» аннотация должна быть написана без использования онлайн-переводчиков. Она не является калькой русскоязычного варианта, а представляет собой стилистически грамотный перевод, следовательно, «русскоязычная» и «англоязычная» аннотации могут различаться по объему.

При переводе автору(ам) необходимо следовать одному из стилей английского языка – американскому или британскому и не допускать их смешивания. Необходимо дробить длинные предложения на несколько коротких, содержащих ясно выраженную мысль, следить за четкостью и понятностью формулирования мыслей при переводе на английский язык.

Оформление статьи

При оформлении статьи необходимо руководствоваться следующими правилами:

1. Статья должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.doc (*.docx) или *.rtf шрифтом Times New Roman с выравниванием по ширине и автоматическим переносом слов. При использовании дополнительных шрифтов они должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке. Размер шрифта – 14. Абзацный отступ – 1 см (5 знаков). Интервал – полуторный. Формат бумаги – А4. Поля: слева – 3 см, справа, сверху и снизу – 2 см.

2. Таблицы должны содержать экспериментальные данные и представлять собой обобщенные и статистически обработанные материалы исследований. Каждая таблица должна иметь заголовок, быть обязательно пронумерована и упомянута в тексте.

3. Количество иллюстраций не должно превышать 5, данные рисунков не должны повторять материалы таблиц. Рисунки должны быть четкими, легко воспроизводимыми, обязательно пронумерованы, упомянуты в тексте и иметь подрисуночные подписи и объяснение значений всех условных обозначений. Все надписи, загромождающие иллюстрации, выносятся в подрисуночные подписи. В электронном виде каждый из иллюстративных материалов (рисунки, графики и т. п.) следует представлять отдельным файлом, имя файла должно быть в следующем формате: фамилия автора латиницей и номер материала, например: Ivanov_image-1.jpg. Полноцветные иллюстрации не допускаются. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах tiff, eps, jpg. Для сканированных изображений разрешение должно быть: для тоновых – не менее 300 dpi, для штриховых – не менее 600 dpi.

4. Предполагается, что все таблицы и рисунки созданы автором, если не указано иное. За точность воспроизведения имен, цитат, формул, данных, а также ссылок на использованные в статье другие работы ответственность несет автор статьи.

5. Формулы и буквенные обозначения по тексту должны быть набраны в среде редактора формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman. В формулах следует избегать громоздких обозначений. Формулы располагаются по центру страницы, в случае необходимости нумеруются.

6. Сокращение слов, имен, названий, кроме общепринятых сокращений мер, физических и математических величин и терминов, допускается только с первоначальным указанием полного названия.

Разделы статьи

Объем публикации. В зависимости от типа статьи объем материала может существенно различаться:

- *оригинальная научная статья* (Full Article) – не менее 10 и не более 20 страниц;
- *обзорная статья* (Review paper/perspectives) – критическое обобщение какой-либо исследовательской темы – 10–15 страниц.

Структура. Статья должна содержать 5 основных блоков: 1) введение; 2) актуальность исследуемой проблемы; 3) материал и методы исследования; 4) результаты исследования и их обсуждение; 5) выводы.

Блок «Введение» должен содержать формулировку темы исследования; обзор литературы по обозначенной теме; постановку проблемы, указание на цель исследования.

Блок «Актуальность исследуемой проблемы» содержит информацию об актуальности и значимости предлагаемого исследования.

Блок «Материал и методы исследования» включает описание материала исследования, используемой методологии, указание на методы и условия проведения экспериментов и/или наблюдений и необходимое оборудование.

Блок «Результаты исследования и их обсуждение» содержит фактические и теоретические результаты исследования, интерпретацию полученных результатов, включая соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложения по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований.

Блок «Выводы» содержит краткие итоги разделов статьи *без повторения формулировок, приведенных в предыдущих разделах статьи.*

Списки литературы и цитирование

Авторы обязаны предоставить два списка литературы: один (Список литературы) – оформленный с учетом требований российских БД, второй (References) – с учетом требований иностранных БД на латинице.

Список литературы предполагает наличие не менее 10 позиций и приводится в виде алфавитного списка. При оформлении «русскоязычного» списка литературы следует руководствоваться требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008. Процент ссылок на статьи из отечественных источников должен соответствовать наличию/размеру исследований в российском научном сегменте по данной тематике. В список литературы не включаются источники, наличие и научную ценность которых невозможно проверить (учебные пособия, методические рекомендации, тезисы материалы локальных конференций и др., не представленные в сети интернет в свободном доступе).

Цифровой идентификатор объекта (DOI) (при наличии) цитируемой статьи указывается обязательно.

В журнале практикуется Ванкуверский стиль цитирования: ссылки в тексте даются в квадратных скобках с указанием номера из списка литературы и страницы (при необходимости), откуда приводится цитата, например: [1, с. 377]. В статье должны быть представлены

ссылки на все приводимые в списке литературы источники. Использование автоматических постраничных ссылок не допускается.

Самоцитирование демонстрирует вклад автора работы в исследуемую научную область. Процент самоцитирования не должен превышать 10 %, доля ссылок на другие статьи, ранее опубликованные в нашем журнале, не может быть выше 10–12 %.

Предпочтение при цитировании следует отдавать авторитетным российским журналам, индексируемым или имеющим перспективы индексирования в международных научных базах данных.

Доля ссылок на публикации из иностранных источников должна показывать международный интерес к тематике статьи. В обязательном порядке должны быть представлены зарубежные публикации, изданные в течение последних 5 лет, а также статьи, опубликованные в изданиях, индексируемых в Scopus и Web of Science.

Опубликование научной статьи

Публикация статьи в журнале осуществляется в соответствии с **договором публичной оферты, условиями публикации, прејскурантом на публикацию статей.**

Действие договора возникает с момента отправки:

- а) статьи;
- б) заявления;
- в) заполненной анкеты автора.

В отдельных случаях уместно направить в журнал краткий запрос с описанием темы и основных положений статьи, чтобы убедиться в возможности рассмотрения предлагаемой статьи.

Аспиранты и магистранты дополнительно отправляют отзыв научного руководителя и справку с места учебы, подтверждающую обучение в аспирантуре (магистратуре), с указанием сроков обучения, подписанную руководителем организации.

В редакцию Вестника статья направляется в электронных вариантах (в одном из форматов Word (*.doc, *.docx или *.rtf) и дублируется файлом в PDF), при наличии возможности печатный экземпляр работы и подписанные документы отправляются на почтовый адрес редакции.

Название файла должно быть представлено в следующем виде: фамилия и инициалы (имя и отчество) автора, написанные кириллицей, например: *Иванов И. И.docx*. Если авторов несколько, в названии файла указываются в порядке значимости все авторы: *Иванов И. И., Петров И. И., Сидоров И. И.docx*. Все страницы статьи, включая иллюстрации, должны быть пронумерованы. Материалы в архивированном виде не принимаются.

Поступление статьи в редакцию означает полное согласие автора(ов) с правилами Вестника. Автор(ы) гарантирует(ют), что конфликт интересов отсутствует и было получено согласие на публикацию статьи организации, в которой проводилось исследование. Редакция вправе отказаться от исполнения услуг в одностороннем порядке или приостановить выполнение обязательств по договору в случаях невыполнения обязательств со стороны автора(ов) статьи.

От даты принятия статьи в портфель журнала до ее публикации может пройти от 1 до 2 кварталов. Все материалы по присланным статьям (в том числе рецензии и переписка с авторами) хранятся в редакции в течение 5 лет. Рукописи авторам не возвращаются.

В журнале принято ограничение на возможное количество статей одного автора в одном выпуске Вестника – одна статья, выполненная индивидуально, или не более двух статей, выполненных в соавторстве.

Рецензирование

Принятые редакцией рукописи подлежат обязательному рецензированию. Порядок и формы рецензирования, требования к составу рецензентов, сроки и условия рецензирования определены «Положением о рецензировании научных статей, представленных для публикации в “Вестнике Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева”».

Рецензентами Вестника являются авторитетные ученые, проводящие исследования по проблемам в рамках тематических областей журнала. Рецензент оценивает научный уровень, достоверность результатов исследования, теоретическую и практическую значимость, соответствие статьи направлениям журнала, принятым этическим нормам и принципам научно-публикационного процесса и др.

Рецензирование в журнале осуществляется на основе принципа двойного слепого (анонимного) рецензирования (double-blind). По итогам рецензирования автору(ам) может быть предложено внести правки, доработать материал или продолжить исследования далее. Необходимые правки следует вносить строго в обозначенный редакцией срок; в случае возникновения вопросов редакция берет на себя разъяснительную функцию.

Критические замечания рецензентов и указания на недостатки помогают доработать представленный материал. На основании рекомендаций рецензентов редколлегия Вестника принимает решение о возможности публикации статьи.

Журнал может привлекать внешних рецензентов (т. е. экспертиза рукописи может проводиться независимыми от журнала учеными, не входящими в его редколлегию).

Не принимаются в работу рецензии, пришедшие от авторов вместе со статьей, так как это является нарушением политики и этики научного издания. Редакция не имеет обязательств по рецензированию всех поступающих материалов и не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Бадахова Р. Я., Чотчаева М. Х.</i>	Автобиографизм художественной прозы Муссы Батчаева	3
<i>Борисова Л. В., Иванова А. М., Чуева Э. В.</i>	Национально-культурная специфика инвективной лексики (на материале русского и чувашского языков)	10
<i>Валиева М. З.</i>	Специфика функционирования языковых антонимов в письменных памятниках татарского языка XVII–XVIII вв. (на примере лексических единиц со значением ‘сәламәтлек’ – ‘чир’ («здоровье» – «болезнь»))	17
<i>Волохова В. В.</i>	Лексические и синтаксические особенности современного профессионального немецкого языка в строительной сфере	23
<i>Дабыт Абдылбары уулу</i>	Имена собственные в эпосе «Манас» (на примере сказания Жусупа Мамай) в контексте исторических эпох	31
<i>Зайцева Е. Л., Емельянова М. В., Гурьянова Т. Ю.</i>	Роман Э. Золя «Западня»: некоторые аспекты анализа языковых средств»	38
<i>Зарубкина О. В., Зайцева Е. Л., Гурьянова Т. Ю.</i>	Особенности перевода учебных текстов о Великой Отечественной войне с английского языка на русский	45
<i>Козловский Д. В.</i>	Информативная эвиденциальность как инструмент реализации интенциональной доминанты новостного медиадискурса	52
<i>Кузнецова И. В.</i>	Ориентализмы, называющие головной убор и обувь, в боснийских фразеологизмах (на фоне других южнославянских языков)	62
<i>Ляпаева Л. В.</i>	Мотив «Вишневого сада» в произведениях русских писателей XX–XXI веков (А. Геласимов, В. Сорокин, В. Пелевин, В. Ропшин)	72

<i>Мальцева И. А.</i>	Об особенностях речевого взаимодействия в современном медиадискурсе	78
<i>Мальцева И. А., Лебединская В. Г.</i>	Развитие киберспортивной журналистики в контексте становления спортивного дискурса: опыт анализа медиатекста регионального сетевого издания «Юга.ру»	84
<i>Николаева Н. Н.</i>	Специфика перевода безэквивалентной юридической лексики с русского языка на чувашский	91
<i>Сипкина Н. Я.</i>	Смеховой аспект потешно-сатирических поэм Р. И. Рождественского «Ругалки для Алешки», «Обидные ругалки для Ксеньки-задрыгалки»	100
<i>Хучбарова Д. М., Сушко В. Ю.</i>	Прагматические свойства узуального употребления английских паремий в экономическом дискурсе	108
<i>Чжан Исянь</i>	Образ Китая в художественном пространстве В. Г. Сорокина	118
<i>Шарипова А. С.</i>	Художественное воплощение темы судьбы народа в пьесе «Бичура» («Домовой») Мансура Гилязова	127
<i>Ши Дандань</i>	Просодические характеристики синтагм в публицистическом стиле русской речи китайцев	137

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Бороненко Т. А., Федотова В. С.</i>	Учебная дисциплина «Современные информационно-коммуникационные технологии в дошкольном образовании»: содержание, инструменты, анализ возможностей	147
<i>Васильева Н. В., Матвеева Н. А.</i>	Влияние двигательной активности на изменение памяти и внимания студентов вуза на занятиях по физической культуре и спорту	159
<i>Ильина Л. Л.</i>	Педагогическое сопровождение творческого развития дошкольников в художественном труде	164
<i>Лавина Т. А., Ильина Л. А.</i>	Кейс-технология как средство формирования ИКТ-компетений бакалавров по информационной безопасности при обучении информатике и языкам программирования	171
<i>Ли Сьюй, Ван Дэндэн</i>	Использование интенсивной методики в обучении русской устной монологической речи китайских студентов	177
<i>Метелькова Л. А., Гордеева Н. Г.</i>	Методические вопросы обучения письменной речи на французском языке	189
<i>Проскурин С. Ю., Драндров Г. Л., Врублевский Е. П.</i>	К вопросу о характеристике современной профессионально-прикладной физической подготовки военнослужащих	196
<i>Семенова Е. С., Григорьева Е. Н.</i>	Травелог как средство развития навыков и умений письменной речи учащихся на уроках английского языка	204

<i>Симень В. П.</i>	К вопросу о методике обучения волейболу студентов-первокурсников вуза	213
<i>Товт А. М., Кончакова С. В.</i>	Формирование навыков письменной речи инофонов на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному: практические рекомендации	219
<i>Шаронова Е. Г., Куприянова М. Ю.</i>	Педагогические условия подготовки школьников к государственной итоговой аттестации по биологии	226
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ		236

CONTENT

PHILOLOGY

<i>Badakhova R. Ya., Chotchaeva M. Kh.</i>	Autobiographism of fiction prose by Mussa Batchaev	3
<i>Borisova L. V., Ivanova A. M., Chueva E. V.</i>	National and cultural specifics of invective vocabulary (based on the material of the Russian and Chuvash languages)	10
<i>Valieva M. Z.</i>	Specifics of functioning of linguistic antonyms in written monuments of the Tatar language of the 17 th – 18 th centuries (on the example of lexical units with the meaning “salamatlek” – “chir” (“health” – “disease”))	17
<i>Volokhova V. V.</i>	Lexical and syntactic features of the modern professional German language in the construction industry	23
<i>Dabyt Abdylbary uulu</i>	Proper names in the epic “Manas” (on the example of the legend of Zhusup Mamai) in the context of historical epochs	31
<i>Zaytseva E. L., Emelyanova M. V., Guryanova T. Yu.</i>	E. Zola’s “L’Assomoir”: aspects of language analysis	38
<i>Zarubkina O. V., Zaytseva E. L., Guryanova T. Yu.</i>	Features of translation of educational texts about the great patriotic war from English into Russian	45
<i>Kozlovskiy D. V.</i>	Informative evidentiality as a tool for implementing the intentional dominant of news media discourse	52
<i>Kuznetsova I. V.</i>	Orientalisms denoting headwear and shoes in Bosnian phraseologisms (against the background of other South Slavic languages)	62
<i>Lyapaeva L. V.</i>	Motif of “The Cherry Orchard” in the works of Russian writers in the 20 th – 21 st centuries (A. Gelasimov, V. Sorokin, V. Pelevin, V. Ropshin)	72
<i>Maltseva I. A.</i>	About the peculiarities of speech interaction in modern media discourse	78

<i>Maltseva I. A., Lebedinskaya V. G.</i>	Development of esports journalism in the context of formation of sports discourse: experience of analyzing the media text of the regional online publication "Yuga.ru"	84
<i>Nikolaeva N. N.</i>	Specificity of non-equivalent law vocabulary translation from Russian into Chuvash	91
<i>Sipkina N. Ya.</i>	Laughter aspect of comic and satirical poems of R. I. Rozhdestvenky "Scoldings for Alyoshka", "Offensive scoldings for Ksenka the Scorned"	100
<i>Khuchbarova D. M., Sushko V. Yu.</i>	Pragmatic aspects of usual usage of English paroemias in economic discourse	108
<i>Zhang Yixian</i>	The image of China in the artistic space by V. G. Sorokin	118
<i>Sharipova A. S.</i>	Artistic embodiment of the theme of the people' fate in the play "Bichura" ("Brownie") by Mansur Gilyazov	127
<i>Shi Dandan</i>	Prosodic characteristics of syntagmas in the publicistic style of the Russian speech of the Chinese	137

PEDAGOGICS

<i>Boronenko T. A., Fedotova V. S.</i>	Academic discipline "Modern Information and Communication Technologies in Preschool Education": content, tools, analysis of opportunities	147
<i>Vasilyeva N. V., Matveeva N. A.</i>	Motor activity influence on university students' memory and attention in Physical Culture and Sports classes	159
<i>Ilyina L. L.</i>	Pedagogical support of creative development of preschoolers in artistic work	164
<i>Lavina T. A., Ilyina L. A.</i>	Case technology as a means of formation of ICT competences at bachelor's degree students in information security when teaching computer science and programming languages	171
<i>Li Siyu, Wang Dengdeng</i>	Use of intensive methods in teaching Russian oral monological speech to Chinese students	177
<i>Metelkova L. A., Gordeeva N. G.</i>	Methodological issues for teaching writing in French	189
<i>Proskurin S. Yu., Drandrov G. L., Vrublevskiy E. P.</i>	On the characteristics of modern professional and applied physical training of military personnel	196
<i>Semenova E. S., Grigoryeva E. N.</i>	Travelogue as a means of developing skills and abilities of writing at English lessons	204
<i>Simen V. P.</i>	Methods of teaching volleyball to first-year university students	213

<i>Tovt A. M., Konchakova S. V.</i>	Formation of writing skills of foreign speakers at the initial stage of teaching Russian as a Foreign Language: practical recommendations	219
<i>Sharonova E. G., Kupriyanova M. Yu.</i>	Pedagogical conditions for preparing schoolchildren for state final certification in biology	226
INFORMATION FOR THE AUTHORS		236

**ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. И. Я. ЯКОВЛЕВА**

2022. № 1(114)

Редакторы   Е. Н. Засецкова
                      Г. В. Плотникова

Компьютерная верстка, макет Л. Н. Улюковой

Подписано в печать 25.03.2022. Выход в свет 28.04.2022.
Формат 70х100/8. Бумага писчая.
Печать оперативная. Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 31,0.
Тираж 500 экз. Заказ № 2070. Цена свободная.

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева
428000, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 38

Отпечатано в редакционно-издательском центре
Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева
428000, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 38